

Сергей
Миронов

Сергеа

*Простые истории
надёжного парня*

Сергей Миронов

СЕРПІТА

МОСКВА

БИНОМ · ЛАБОРАТОРИЯ ЗНАНИЙ

2020

УДК 821.161.1

ББК 84(2) 6

М64

М64 Миронов С. М. / Миронов Сергей. Серёга. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2020. — 384 с.: ил. — ISBN 978-5-9963-5942-4.

Книга основателя и бессменного председателя партии «Справедливая Россия» — это честный, откровенный и весьма занимательный рассказ о жизни нашего современника и соотечественника, о том, что ему довелось увидеть, испытать, совершить. Достаточно скудное детство первого послевоенного поколения, поиск своего пути в жизни, осознание того, что самое важное для человека, для мужчины — это его дело, любимая работа, наконец приход в политику и отстаивание глубоко продуманных и прочувствованных совместно с единомышленниками идей в рамках системной оппозиции — все эти «этапы большого пути» предстают перед читателем в живых, ярких, остроумных зарисовках.

УДК 821.161.1

ББК 84(2) 6

ISBN 978-5-9963-5942-4

© Миронов С. М., 2020

© ООО «БИНОМ. Лаборатория знаний», макет, оформление, 2020
Все права защищены

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ... СЕРГЕЙ... СЕРЁГА...

Я сейчас думаю о нашем положении, о положении России в мире, о моём ощущении времени.

Недавно просматривал у себя дома книги политиков: одного, другого... Я знаком с некоторыми на сегодняшний день. И подумал тогда: мне не очень хочется говорить с политиками. Нет среди них такого, с которым я бы посидел, через паузы, через взгляды, как это бывает в разговоре, — доверил самого себя. Хотя, может быть, я этому человеку и не нужен. Смотрю на обложки книг и не чувствую человека за ними. И вдруг мне захотелось просто вот так переговорить и получить совет, что-то своё высказать, чтобы меня обязательно услышали, потому что очень важно в наше время слушать и слышать. Давно я такого не помню, чтобы я мог доверить кому-то свой монолог и свою судьбу.

И тут вдруг получаю рукопись Сергея... Сергея Михайловича.

С Сергеем меня объединяет, может быть, небольшое по сроку время, но очень насыщенное, мы с ним дружим. На Байкале вместе были, помню наши беседы в Забайкалье, потом во время перелёта в Сибирь на мою родину, были в Улан-Удэ, много где были. Потом разошлись на какое-то время, политика — дело непростое. В политику очень много бессовестных людей лезет, умудряются пробиться. А вот Сергей Михайлович... В нём есть удивительная вещь. Я какое-то время его не видел, сейчас он стал быстрый и говорить стал быстро, скороговоркой. И всё же он очень трепетный человек и тонко чувствует

время. Из всех руководителей фракций в Государственной Думе и партий он единственный, кто может сказать то, что близко твоей душе, твоему сердцу. Чувствуешь, что он действительно переживает и за мою родину — Забайкалье, и за нашу родину — Россию. Он искренен. Вот это мне очень важно.

И в своей книге он честен. «Серёга» — это своеобразная исповедь, не похожая ни на одну книгу из тех, которые пишут политики, пополняя библиотеки мемуарной литературы. Эта книга создана в традиции русской классической исповедальной литературы. Здесь вспоминаются и Герцен, первый после Руссо беспощадно рассказавший свою жизнь в книге «Былое и думы», и Горький — «Мои университеты», и исповедальная проза Толстого, и наши советские писатели — Бондарев, Распутин.

Жить честно и писать честно не каждому дано, это огромный труд, прежде всего над собой, но это — единственное условие, при котором слово обретает небывалую силу.

Предположим, был юбилей великого русского писателя Василия Ивановича Белова, а Василий Иванович уже не очень здоров был тогда. Кто был на юбилее? Кто пришёл сам из политиков? Он был, Сергей Михайлович. Миронов пришёл. Я обратил на это внимание. Всё происходило в храме Христа Спасителя. Белов взял за руку Миронова и говорит... (А тогда ещё Крым не был наш, это был 2008 год.) Он говорит:

— Сергей Михайлович, Крым наш должен быть! Вернуть надо Крым, он ведь наш — Крым! Его нельзя отдавать!

Меня тогда поразило, что Миронов сказал:

— Всё будет. Всё будет обязательно, Василий Иванович. Мы сделаем, мы вернём Крым.

И в 2014-м именно он прибыл в Севастополь поддерживать черноморцев, когда ещё судьба Крыма была неизвестна, а потом — в Симферополь. Наверное, он помнил своё обещание, данное в храме Христа Спасителя.

И произошло! Какими там путями, как это было потом — мы все видели, но вот эти его слова я никогда не забуду, для меня его обещание было принципиально важно. Два человека стояли рядом — два русских человека, и один просто дал слово другому.

Я не знаю, как так получилось, что мы с ним на какое-то время расстались. В жизни много суеты, его окружает огромное количество людей, а я старался всегда не очень вылезать, стеснялся звонить, надоедать своими какими-то проблемами, но на всякий свой звонок, редкий звонок, я всегда получал ответ. Хотелось бы сейчас с ним посидеть в очередной раз, выпить по 50 грамм коньяку. Но, я думаю, посидим, ещё не вечер, пути Господни неисповедимы.

Что для меня принципиально важно в его книге? Сначала я думал: «Ну, почитаю через страницу, пропущу главу, другую». А потом читаю, читаю и вдруг понял, что мне не хочется пропускать рассказы и даже фрагменты. И я по новой начинал перечитывать и с увлечением от корки до корки прочитал всё. Я Сергею высказал своё мнение. Есть в некоторых его рассказах темпо-рифмовые «карманчики», ведь по писательским законам повествование должно идти по нарастающей, насколько я знаю, а он иногда увлекается, отступает от писательских законов.

И вдруг — такие рассказы, как «Боря-футболист», — это потрясающе. Сначала человек, прошедший многое в жизни, простой бомж, подрабатывающий у геологов, идёт с этой авоськой, в которой бутылки. А потом ловит подкатившийся к ногам мяч, и мы видим — талант высочайшего уровня, загубленный собственными руками и жизнью. И этот монолог о любви в конце рассказа. Написано кратко, сжато, сильно. А «Дед Силкин»! Совсем короткий рассказ о бывшем интеллигенте, который — ну, ненавидел Карла Маркса. «Героиня» — рассказ о подвиге женщины, просто мастерски написан. Не всё ровно с писательской точки зрения, но я с увлечением прочёл всю книгу, и многие рассказы врезались

в память. У него талант — художественно, образно переложить на лист бумаги и чувства, и мгновения жизни. Это дорогого стоит, это целые сценарные работы на самом деле. Я хочу пожелать ему быть писательски смелее и не бояться каких-то купюр, потому что время идёт, многое меняется и то, что пережито, становится историей.

Монгольский десятилетний период — очень интересный. И возраст автора интересный тоже. Я ему говорю: «Сергей, ты симпатичный мужик, нормальный, но почему-то о своей первой любви в детские годы написал блестящий рассказ, а вот монгольский период... в расцвете же мужик, но вот как-то особой любви, рассказа о любви, там нет». И он сказал: «Да, ты прав, прав».

Рассказ «Ирина» читаешь, и кажется, что сейчас будет продолжение, но продолжения нет. А женщина в рассказе удивительно тонко нарисована — больше было бы таких людей, предвидящих, чувствующих. Сейчас всё такое заасфальтированное, кажется, что ростков живого, природного в нас всё меньше и меньше.

Самое главное, что я люблю в человеке и в нём, в Сергее: ставит цель, задачу и достигает её. Сказал — сделал. Я сам из этой породы. Через жертвы, через испытания, но цели достигает.

Возьмите рассказ «Поездка в Сибирь» о том, как ещё совсем мальчиком сбежал в Сибирь — самоутвердить себя, мужское начало в нём выиграло мощно, — это потом скажется в десантуре, в армейской жизни. Скитался без копейки денег, голодал, а подачку не взял и не сдался. Он из этой породы — человек, за которым хочется идти.

Прекрасные рассказы о детстве: «Золотая лихорадка», «Любовь к живописи», сколько смеха в рассказе «English». Английский не выучил! Да это и не главное. У нас ведь как? В пушкинское время Россия, русская интеллигенция была очарована французами, французской культурой, французским языком — и пришёл Наполеон, началась Отечественная война 1812 года, француз сжёг

Москву. После революции все начали увлекаться немецким языком — грянул 1941 год, кончилось тем, что мы потеряли миллионы людей. А сейчас мы все повально увлекаемся английским языком, просто не можем без английского языка — и всё. Свой не помним, зато английским языком хорошо владеем. Ну, не знаю, может, придётся дойти до Лондона, а может, и до Нью-Йорка.

А у Сергея в книге русский язык хорош.

В рассказе «Как пилили снаряд» — дети добывают порох из снаряда, оставшегося после войны. Сколько там напряжения, динамики, на одном дыхании читаешь. Очень много общего у нас с Серёгой. Это моё детство, это наше время. Хотя я его постарше, но всё же это наше общее детство.

И, наконец, блистательная «Первая любовь» — потрясающая проза, близкая к поэзии. Ощущение любви в рассказе совершенно парадоксальное. Быть в таком ослеплённом ощущении любви, столько лет беспрекословно, верно любить и видеть в ней идеал — это осталось у него на всю жизнь. Вот чего сейчас не хватает нашему кино и в целом искусству — красоты мысли и чувств. И как сломалось всё, сломалось из-за одного момента, поступка этой девочки. Есть вещи и законы, которые неподвластны нашему сознанию, это значит — судьба. То, что произошло, должно было произойти.

Ведь в унижительном состоянии жить невозможно, любовь — она должна быть всё-таки взаимной. Есть очень хорошее выражение, Сергея оно больше всего касается: можно соблазнить мужчину, у которого есть жена, но нельзя соблазнить мужчину, у которого есть любимая. Он очень трепетный человек, хотя у него был не один и не два брака, и если он напишет об этой стороне своей жизни, то это будет только плюс, не надо ничего бояться, живём один раз, и надо открывать карты.

А с каким юмором он написал об армии. Тот же «Командирский голос» — раз и поднимается над бытовой армейской ситуацией.

Раздел политики мне трудно судить. Он тут действительно своей волей доказывал правоту, это и законотворчество, которое требует серьёзных знаний, и отстаивание правды, которое требует большого мужества, — это всё в его характере. И тут я только могу поклониться и сказать: «Дай Бог, Серёга, не изменяй своей совести, вот совесть — это главное... либо она есть, либо нет. Это великий Божий дар, и её очень мало сейчас в политике, у тебя — есть».

Это же надо взрослому человеку увидеть, как дети собирают свои копеечки, денег у них — на два мороженоных, а надо купить три — их же трое. И просто подойти, дать им без всякого ожидания слов благодарности немного денег, чтоб хватило на третью порцию, и — достаточно просто взгляда ребёнка. Это так здорово! Он сохранил детскость, а человек, если сохранил детство в сердце, значит, он живёт, не черствеет.

Как он потрясающе чувствует людей, и это всё есть в книге.

Вот описание встречи с Ким Чен Иром: он выходит на доверительную атмосферу, они разговаривают, а потом вдруг автор отстраняется и говорит: не приведи Господи вот этой беды — «обожествление власти и подобное самоуничтожение, которое демонстрировали верные солдаты „Великого Корейского Полководца“».

Сергей — человек надёжный, в нём есть осторожность, он огульно не бросается словами, чувствуя ответственность не только за себя. На экране, когда он в эфире, не всё видно, совсем мало показывают его как человека. Но я всегда вижу, что ему не стыдно смотреть людям в глаза.

С ним всегда интересно говорить. Эта книга, что я держу в руках, — спокойный диалог с другом. Спокойный, искренний разговор, в то время когда отовсюду льётся пошлость, попса... Есть стихотворение Валентина Гафта, посвящено оно Юрию Визбору, точнее, его песне «Солнышко лесное» — помните?

*Попса дробит шрапнелью наши души,
Её за это не привлечь к суду.
Часть поколений выросло на чуши,
И новое рождается в бреду.
О, Солнышко лесное, чудо песня...*

А ещё навеяло:

*Если я заболею, к врачам обращаться не стану,
Обращусь я к друзьям (не сочтите, что это в бреду):
Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте упавшую с неба звезду.*

Музыка Визбора, стихи Смелякова. Так вот, книга Миронова — в рифму музыке Визбора, в русле разговора со Смеляковым, потому что за каждым словом чувствуется голос друга, надёжного, настоящего.

Я хочу, чтобы больше говорили о наших корнях. Вот Серёга не видел мою землянку в Цугольском дацане, в монашеской келье: три с половиной на два с половиной метра. Келья в ту пору уже пустовала, вросшая в землю, там печурку поставили, в ней я и родился. Я каждый год туда приезжаю к себе.

Мне бы хотелось, чтоб он больше о своих корнях рассказывал, не о встречах в политике, потому что политики приходят и уходят, а о его деде, которого расстреляли, о семье. А его корни очень глубокие, интересные корни.

Это корни, которые позволяют нам не бояться открытого боя.

Если мы вернём нашу культуру, восстановим Россию, не будем рваться куда-то, а просто будем любить Родину, не делать в ней по крайней мере революций, станем каждый жить по правилам: на дорогах ездить по правилам, взятки не давать, работать на совесть, знать свою историю, уважать стариков, — и сам не заметишь, как окажешься в самой просвещённой и справедливой стране под названием Россия.

Об этом книга Миронова, Серёги. И о его счастье.

Мне кажется, он особенно был счастлив в Монголии, в этот период своей жизни. В армии он служил, выполнял свой долг, сделал многое. Вот рассказ «Первый прыжок» — и сразу характер его виден: «А хочешь ещё сегодня прыгнуть?» — «Конечно». — «Давай, бегом!» И побежал!

А то, что в монгольской многолетней экспедиции он был очень счастлив — это совершенно точно. Вспоминается фильм Никиты Михалкова «Урга — территория любви», потрясающий фильм, там пронзительная музыка, как звенящая степь. Это один из моих любимых фильмов. Если Сергей Михайлович не смотрел, пусть посмотрит, потому что это точно его тема.

Сергей Миронов:

— *Как здорово ты угадал. «Урга — территория любви» — это и мой любимый фильм, Саша...*

Почему он пошёл в политику... Он человек чуткий, много переживает, и тогда, в девяностые, он болел за родину, за Россию, потому и пошёл в политику. Других мотивов не знаю. Я тоже пробовал найти себя в политике, но мне не дали.

Говорю о Миронове, а в душе спрашиваю себя: «Где я сам был счастлив?» Он — в пустыне, в своей экспедиции, когда больше 15 лет добывал уран для страны, рискуя здоровьем. А я был счастлив в море. С четвёртого класса я два раза сбегал в Нахимовское училище. Потом уехал во Владивосток. В мореходку я не поступил, после ремеслухи сбегал на корабль и ушёл в моря, матросом-мотористом был. И был счастлив! Серёга это понимает, потому что знает сам, что такое счастье.

*Народный артист РСФСР
Александр Яковлевич Михайлов*

ДЕТСТВО

ДВА ВОСПОМИНАНИЯ О БАБУШКЕ

Бабушку мою звали Дарья Ильинична, фамилия у неё была Варламова. Это мама моей мамы. На лето нас с сестрой Маринкой увозили в Новгородскую область к бабушке в деревню Большая Любунь. Ездили мы туда, когда мне было три или четыре годика, потом ездить почему-то перестали. Впрочем, помню, что бабушка стала жить у нас в Пушкине.

Маринка никогда не пила молоко и не ела ничего молочного. Ну и я, как маленькая обезьянка, тоже заявлял, что молоко не пью. И тогда бабушка придумала вот что... Когда в саду поспевала малина, бабушка её насыпала в стакан, заливала молоком, давала мне ложечку и говорила: «Серёнька, давай, ешь». Ну, я и ел, стараясь вылавливать ягоды, а молоко не трогать. С каждым разом день ото дня в стакане малины становилось всё меньше, а молока — больше. И так потихонечку я привык пить молоко вприкуску с малиной. Кстати, этот вкус до сих пор вспоминаю с удовольствием.

Вот так бабушка приучила меня пить молоко.

* * *

Вторая история связана как раз с тем периодом, когда бабушка жила вместе с нами в Пушкине. Мы жили в коммунальной квартире, у нас была хорошая комната — больше 30 метров, за ширмой стояла бабушкина кровать. К ширме с бабушкиной стороны булавкой была приколата какая-то бумажная иконка.

В классе, наверное, уже в пятом, одним словом, когда в школе мы начали изучать химию, был ещё такой специальный урок, который назывался «Развенчание религиозных чудес».

На этих уроках учительница показывала нам какие-то опыты-фокусы с постоянной присказкой о том, что религия — это «опиум для народа», и мы как настоящие пионеры должны бороться с таким предрассудком, как вера в Бога. И ещё учительница сказала, что если кто-то из наших родственников молится Богу, то он неправ и с этим нужно бороться. Сказано — сделано.

Вернувшись из школы, я первым делом направился, естественно, к иконке. Бабушка в это время занималась где-то по хозяйству. Хорошо, что у меня ума хватило иконку не выбросить, а спрятать.

Каждый вечер, когда все ложились спать, бабушка за ширмой вставала на колени и тихонечко шёпотом молилась своему Богу. В этот вечер я старался не заснуть, мне было интересно, что же будет делать бабушка, когда увидит, что молиться ей не на что — иконки-то нет. Слушал я, слушал, пока не услышал бабушкин плач, плакала она очень-очень тихо, но мама всё равно услышала. Через две минуты я стоял в одних трусах посередине комнаты с иконкой в руках и выслушивал от мамы-коммунистки, а заодно от бати-коммуниста всё, что они думают обо мне. Иконка была водружена на место, а бабушка попросила родителей меня очень не ругать, потому как «ничего он не понимает».

Похоже, бабушка была права.

БЕЛИЧИЙ ГЛАЗОК

Когда я был маленький и мы жили в Пушкине в коммунальной квартире на первом этаже, отец служил старшиной-сверхсрочником в военном училище и каждый раз под Новый год он привозил ёлку. Отец ездил с солдатами в дальний лес рубить ёлки для всего гарнизона и, конечно, имел возможность срубить лесную красавицу и в наш дом.

Потолки в нашей квартире были 4,5 метра, комната большая — 30-метровая.

И вот помню, наверное, в один из первых на моей памяти Новых годов, как отец уже поздним вечером, когда меня укладывали спать, привёз ёлку. Сначала я услышал звонок, потом все забежали, потом стали открывать вторую половину двери в нашу комнату. И вот что-то огромное, зелёное, ещё в снегу стало вслед за большим-большим отцом продираться в нашу комнату — это оказалась ёлка.

Она была, наверное, метров пять в длину, потому что отец отпилил у неё верхушку, а потом ещё и часть комля. Ёлка была положена на пол по диагонали. Она была зелёная-зелёная, густая-густая, пушистая. От неё пахло лесом, снегом и Новым годом.

В комнате горел электрический свет — абажур под потолком. Батя снимал шинель, поглядывая на моё изумлённое лицо. А я как присел перед ёлкой, так и не мог шелохнуться.

И тут батя подсел ко мне, приобнял и, показывая куда-то в глубь веток, сказал:

— Смотри, Серёнька, беличий глазок!

— Где, где? — спросил я.

— А вон, вон.

И я увидел, как действительно в глубине ёлки что-то сверкает всеми цветами радуги. Мне было и радостно, и немножко страшно, что там беличий глазок, а значит, наверное, сама белка. Я прижался к бате. Но больше было радости, чем страха.

Потом я увидел ещё и ещё, стал показывать сестре, маме, папе огромное количество беличьих глазков. А Маринка ска-

зала: «Никакой это не беличий глазок, это снег тает и капельки отражают абажур».

Я с обидой посмотрел на неё — такой праздник испортила, столько беличьих глазков было у меня в гостях — оказалось, всего лишь капельки. Но первое впечатление от радости, что вместе с ёлкой отец занёс белочку и я вижу беличий глазок, осталось со мной на всю жизнь.

ПРО ЛИМОНАД

До школы я ходил в детский сад, вернее, не я ходил, а меня водили. Детский сад был километрах в трёх от дома.

Зимой меня возили на санках. Утром, как правило, — отец, а забирала обычно мама. Отец отвозить меня любил, а забирать нет, потому как очень часто после работы оставался с сослуживцами пропустить стаканчик-другой. Мама, естественно, это не приветствовала.

И вот однажды, а дело было зимой, то ли она сказала больно́й, то ли ещё что-то, одним словом, отцу пришлось пойти и забрать меня из детского сада. На удивление мамы отцу так понравилось это делать, что он с радостью каждый день после работы стал забирать меня из детского сада.

После недельных походов отца за мной мама насторожилась: что-то тут неспроста. Когда в очередной раз я на саночках был доставлен из детского сада домой, мама приступила ко мне с расспросами: «Серёнька, когда тебя папа из детского садика забирает, вы сразу домой идёте или куда-нибудь заезжаете?»

Я удивился наивности мамы. «Ну как же, мама, конечно, заезжаем. Мы заезжаем в ларёчек, и там папа покупает нам лимонадик. Мне даёт лимонадик из тёмной бутылки, а себе — из светлой».

Маме стало всё ясно. И так получилось, что нечаянно я «заложил» папу, но он на меня ни потом, ни вообще никогда не сердился. Царство им Небесное.

«ВОЙНА», КЕРОСИНКА И...

Кто из мальчишек не играл в детстве в войну? Уверен, что все играли.

Детская площадка напротив нашего дома была самым подходящим местом, чтобы устраивать баталии. Мы всегда долго спорили, кто будет фашистом, кто партизаном. У кого-то была найденная винтовка без приклада, у кого-то остов от ППШ — вооружение самое разное.

В то лето у нас гостил мой сводный брат Валерка. Мне было лет пять, а Валерка учился в школе, в классе шестом-седьмом. Ему поручалось нянчиться со мной. Валерка сидел в беседке, читал книжку, а я носился с мальчишками, играл в «двенадцать палочек», лапту, прятки, «ромбы» (уверен, что многие про такие игры и не знают) или войнушку.

В тот злосчастный день я был «радистом» с замечательной «рацией» — обыкновенной керосинкой. Я должен был вместе с отрядом бежать за командиром и по рации сообщать о наших очередных победах.

Когда бежал в атаку, керосинку держал двумя руками прямо перед собой. Во время одной из атак, когда нужно было бегом пробежать через канаву, прямо на дне канавы я споткнулся и что было силы лицом ударился прямо о те железяки керосинки, на которые ставится кастрюля. Заорал я благим матом. Кровищи было жуть! «Война» досрочно закончилась (наши победили).

Прибежал Валерка. Тогда мобильных телефонов ещё не изобрели и вызвать «скорую» не могли, да и вряд ли она была в нашем городе. Меня бегом потащили в военный городок, где была медсанчасть. Оказалось, что разбиты губа, щека и голова. Мне наложили повязку, перемотав всю голову, получилось так, будто я в платочке. Причём не как у Щорса, у которого была героическая повязка на лбу, а именно как девчонья косыночка, через подбородок. Это было ужасно!

Когда Валерка привёл меня домой, родители его отругали, а мне сказали, что могу идти гулять. Я радостно побежал, но тут понял, что в таком идиотском виде, как девчонка с косын-

кой марлевой, показаться перед воюющими армиями своих пацанов не могу.

Вдоль дома лежали огромные поленницы пополам распиленных брёвен. Помню, что два или три дня я один играл за этими брёвнами, чтобы не показывать свой позор — девчоночью косынку, пока её не сняли с головы. Сейчас смешно, а тогда переживал и каждые два часа требовал, чтобы сняли это позорище.

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

Наверное, это было в первом или во втором классе.

Стояла золотая осень — «бабье лето». После школы, быстро сделав уроки, мы носились на детской площадке, которая находилась через дорогу от нашего дома. В соседнем подъезде жила девочка, как сейчас помню, звали её Марина, а по фамилии, по-моему, Геворкова. Девочка, хотя и была наших лет, но выше нас ростом, и мы все считали её очень красивой. Наверное, весь мальчишеский двор был тайно в неё влюблён.

Но нравилась она всем не только потому, что была красивой, но и потому, что у папы-офицера Марины был мотоцикл с коляской. Очень часто по выходным отец садился за руль мотоцикла, Маринкина мама на заднее сиденье, а Маринку сажали в коляску, и они уезжали куда-то, наверное, на пикник. Мы, конечно, завидовали Маринке страшной завистью. И пока семья загружалась в мотоцикл, норовили потрогать, покрутить ручку газа или ещё что-нибудь.

И вот как-то вечером, часов в шесть, солнце заходило, было тепло, тихо, подъехал на мотоцикле Маринкин отец и крикнул: «Марина, давай прокатимся в парк!» Маринка побежала, мы, открыв рты от зависти, смотрели, как Маринка усаживалась в коляску. Так получилось, что я стоял ближе всех, уж не знаю почему, но мужчина посмотрел на меня и спросил: «Серёж, хочешь прокатиться с нами?» Ещё бы не хотеть! Второй раз повторять было не нужно, через секун-

ду я сидел на заднем сиденье, гордо поглядывая на мальчишек, руками вцепившись в ремень Маринкиного отца, и мы поехали.

Направились за Орловские ворота, по-моему, в Баболовский парк. А там поехали по аллее, где росли клёны, невысокие такие. Вся аллея была устлана жёлтой листвой. Маринкин отец остановил мотоцикл и предложил: «Давайте-ка соберём букет из листьев».

Мы ходили по парку, я помогал Маринке собирать букет. И было такое ощущение счастья, что оно осталось со мной на всю жизнь. И это тихое золото осени, пронизанное довольно тёплым, но уже не ярким солнцем, и радость оттого, что и обратно на мотоцикле поеду, и, конечно, с первой красавицей двора Маринкой собирать жёлтые листья, это, как сейчас бы сказали: «Ва-а-ще!»

Вот такой кусочек детского счастья вспомнился мне, когда однажды проезжал мимо своего дома.

ЖВАЧКА

Когда мне было лет двенадцать, с мамой и Маринкой поехали во время маминого отпуска летом в Латвию, в город Лиепая, там у мамы жили двоюродные сёстры. Ехали мы туда через Ригу. Помню, что после Ленинграда Рига мне показалась настоящей заграницей.

Лиепая — портовый город, и дочка маминой двоюродной сестры (очень симпатичная молодая девушка) работала в порту диспетчером. Почему об этом упоминаю, расскажу несколько позже.

Жили мы в каком-то городском доме. В доме был двор. И, естественно, в первый же день я перезнакомился со всеми дворовыми мальчишками. Они стали мне рассказывать, как можно после шторма выбираться на море. А в те года после восьми часов вечера с пляжа всех выгоняли и специальной бороздой прочёсывали пляж, потому что это была уже граница и до восьми утра на пляж выходить запрещалось. Но маль-

чишки всё равно пробирались раньше всех, потому что после шторма на берег выбрасывало янтарь.

Много-много мелких камушков янтаря я тогда набрал.

В разговорах с мальчишками несколько раз услышал слово «жвачка». Они всё время искали возможность «разжиться жвачкой», а для того, чтобы её достать, нужно было пойти в порт. Я очень удивился и спросил: «А что, у вас на стройке „жвачки“ нет?»

Тут удивились они:

— Почему на стройке?

— А у нас на стройке «жвачки» полным-полно!

Они не поверили:

— Как так: полным-полно?

— Да так, бери — не хочу.

— И что, ты можешь нам прислать?

Тут уж я совсем удивился: неужели в этой несчастной Лиепае битума нет?

Для меня и моих пацанов с улицы Красной Артиллерии «жвачкой» была смола, которую варили в больших чанах. Ею заливали крыши или мазали по верх специальной бумаги, которой оборачивали трубы, когда прокладывали газ. Эту смолу или битум привозили кусками, и она была такая твёрдая, что её можно было колоть. Но, если взять в рот, то она размягчалась и жевалась, иногда прилипая к зубам. Мы с удовольствием жевали эту «жвачку».

Но случилось, что портили ею штаны — засунутый в карман кусок такой «жвачки» быстро согревался от тепла тела, и потом приходилось эти брюки или шорты выбрасывать, так как отчистить смолу было невозможно.

Я был в полной уверенности, что ребята имеют в виду такую жвачку, и удивлялся: почему она у них в таком дефиците? Искренне пообещал, что как только вернусь в Ленинград, пришлю им хоть 5 кг этой «жвачки». Пацаны были в восторге!

И тут вечером родственница, работающая в порту диспетчером, пришла с работы, позвала меня и Маринку и сказала: «Вы когда-нибудь жевали жвачку?» — «Конечно!» — гордо сказал я. Девушка с удивлением посмотрела на меня, а потом

достала из сумочки две длинненькие пластинки, очень похожие на «Wrigley». Она объяснила, что это — жевательная резинка, её можно жевать — очень вкусно. Мы с Маринкой разломали одну пластинку пополам, начали жевать. Вот это был вкус!

И тогда я догадался, о какой жвачке говорили пацаны.

Я по-честному на следующий же день, выйдя во двор, признался, что, увы, подразумевал совершенно другое. Мальчишки посмеялись, но за нашими мальчишескими делами это тут же забылось.

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС

Когда я учился в начальной школе, а это было начало 60-х, по телевизору стали показывать новую передачу, которая называлась КВН — Клуб весёлых и находчивых. Кстати, у нас в коммунальной квартире был купленный отцом телевизор, который тоже назывался «КВН», с таким маленьким-маленьким зеленоватым экранчиком, а чтобы изображение на экранчике было побольше, на специальных полозьях вставлялась линза, заполнявшаяся дистиллированной водой.

А эту аббревиатуру телевизора «КВН» тогда остроумно расшифровывали: купил, включил, не работает — так как ломался он очень часто.

Мода на КВН широко зашагала по стране. В КВН стали играть студенты, рабочие на заводах, школьники. Наш четвёртый класс «А» 410-й школы вызвал на КВН параллельный класс «Б».

В один из выходных дней, по-моему, в воскресенье, в красном уголке одного из ЖЭКов микрорайона, в котором жили наши одноклассники, было решено провести КВН.

И вот мы, две команды, стоим на сцене красного уголка.

Учителя, родители и не участвующие в командах школьники разместились в зале. Нам дают какие-то задания, мы чего-то там придумываем, чего-то пляшем, поём. Правда, иногда приходилось стоять без дела, пока кто-нибудь выполнял за-

дание или, наоборот, слушал эти задания. Стоять просто так было довольно скучно.

На заднике небольшой сцены слева и справа висели два внушительного размера стенда, сколоченные из деревянных рам, на которые был натянут красный кумач, а на кумаче были приклеены покрашенные золотой краской ужасно красивые буквы из фанеры. Что там из этих букв было составлено, нам было совсем не интересно читать, но сами заманчиво поблескивающие буквочки нас сильно заинтересовали.

Я попробовал одну буквочку подковырнуть, и вдруг она упала в мою ладошку на удивление легко: «Какая классная буквочка!» Но одной-то мало!

Я начал подковыривать дальше. Моему примеру последовали товарищи, и пока мы стояли на сцене, докуда хватало нашего роста, поободрали все буквочки.

Мы тогда выиграли и довольные ушли домой.

И вот на следующий день приходим мы в школу, в карманах у нас эти замечательные золотые буквочки, из которых мы тут же начали на партах выкладывать всякие слова. Не подумайте чего плохого — слова самые приличные! Когда не хватало букв для составления слова, стали шумно обмениваться ими — начался настоящий ажиотаж.

Вдруг в класс вместе с директрисой и ещё какой-то женщиной заходит наша классная руководительница Ираида Сергеевна.

До этого, видимо, идя по коридору, она оживлённо убеждала директрису, потому что зашла в класс со словами: «Нет, я вам точно говорю, мои этого не могли сделать!»

И тут она осеклась, увидев, как почти на каждой парте горят золотые буквочки и мы радостно обмениваемся ими. Ираида Сергеевна схватилась руками за лицо, ставшее в один момент красным-красным. Директриса всё поняла и сказала:

— Так, учашися, и кто это сделал?

Мы поняли, что происходит что-то страшное, но никак не могли понять — а кто что сделал?

— Кто ободрал Моральный Кодекс строителя коммунизма в ЖЭКе номер пять?

«Никакого Морального Кодекса мы не обдирали, мы просто взяли несколько буковок», — подумал я.

Мы поняли, что дело плохо.

И действительно, дело оказалось очень плохо, потому что, как потом выяснилось, в понедельник пришла уборщица убирать красный уголок ЖЭКа, в котором проходил КВН, и увидела «испохабленный» (это слова уборщицы) стенд. Она побежала к начальнику ЖЭКа, тот стал выяснять, кто это мог сделать. Выяснил, что ободран стенд, у которого стоял наш класс. «Бэшники» либо не догадались, что буквы можно ободрать, либо побоялись, но их стенд остался цел.

Директриса метала гром и молнии, ещё больше орала начальница ЖЭКа. К концу их речи я понял, что мы злостные ироды, что мы совершили антисоветский поступок, что мы никакие не пионеры, а чуть ли не враги народа и непонятно, что это за родители, которые воспитали таких моральных уродов — чем дальше, тем страшнее в лес.

Нам было приказано вызвать родителей.

Как потом рассказывала наша Ираида Сергеевна (а эта история сейчас вспоминается со смехом), выглядело это таким образом. «Следствие» доверили вести одному из родителей — офицеру, так как в военном училище он был ещё и военным дознавателем.

Он вызывал нас по одному и строго спрашивал:

— Так, ты, Панфёров, сколько букв отодрал?

— Я — одну запятую, — оправдывался Сашка.

— А ты, Нерославский?

— Я — три буквочки.

— А ты, Миронов?

— А я — два кармана! — простодушно ответил я.

Нам долго-долго говорили, что мы совершили очень безобразный и очень нехороший поступок. Но уж совсем по-простому, а именно — ремнём по одному месту — мне популярно объяснили мои батя и мама, когда я пришёл после школы домой.

Если честно, на самом деле родители просто бегали за мной с ремнём вокруг стола, может раза два где-то и досталось, но

уж больно шустро я уворачивался. Это был чуть ли не единственный раз в жизни, когда родители попробовали меня выпороть. Позже из бурной дискуссии родителей я понял, что дело-то ведь на самом деле плохо.

Мама и отец были коммунистами, и им совершенно серьёзно «шили» только что не антисоветскую деятельность за такое антивоспитание детей, покусившихся на святое — Моральный Кодекс строителя коммунизма.

К счастью, всё завершилось хорошо, потому что в училище, где работали мои родители, нашёлся умелец, который выпилил недостающие буквы, так как часть из них мы сломали, а часть куда-то затерялась. Этот умелец за один день полностью восстановил Моральный Кодекс. Инцидент был исчерпан.

До сих пор, когда мы собираемся классом, Ираида Сергеевна или кто-то из наших очень любят вспоминать эту весёлую «антисоветскую» историю.

ЦВЕТЫ ДЛЯ СОЛДАТА

Напротив нашего дома был частный сектор, там жил наш товарищ, кстати, командир тимуровского отряда Олег Просветов, мы его звали Алькой. Его родители вечно работали, а бабушка занималась хозяйством. В хозяйство, кроме сада и огорода, ещё входили коза, поросёнок и куры. Для козы мы косили траву. Кстати, благодаря этому я и умею косить. Цыплят кормили непонятно чем. А вот чтоб накормить поросёнка, нужно было трижды в неделю с корытцем, установленным на колёса от детской коляски, ехать на КПП к пятому городку по улице Огородной в воинскую часть. Естественно, там в столовой были многочисленные отходы, которые находились в мусорных бачках на территории воинской части. Все солдаты на КПП нас знали и всегда пропускали через ворота, чтобы мы подъехали к этой помойке, как я её называл, лопатой набрали полное корыто пищевых отходов и везли нашу таратайку обратно к Алькиному дому.

И вот однажды летом мы в очередной раз подъехали к КПП, увидели знакомого сержанта, он нас пропустил, а когда мы выезжали, обратился с просьбой:

— Пацаны, у меня сегодня вечером свидание с девушкой, вы не могли бы где-нибудь нарвать букет садовых цветов?

— Да нет проблем, — сказали мы.

У Альки в саду никаких цветов не было, да и в соседних огородах и садах я цветов не видел. Но Алька успокоил: «Сейчас корыто отвезём, и я знаю, где цветы взять».

Мы отвезли корыто, пошли по улице Огородной, свернули на улицу Красной Звезды и дошли почти до бульвара Киквидзе, на углу которого вдоль улицы Красной Звезды размещалось одноэтажное жёлтое здание. Мы знали, что это какое-то общежитие. Алька мне говорит: «Я видел: там на подоконниках окна открыты и всегда стоят вазы с цветами. Мы сейчас один букет утащим».

Я сказал:

— Алька, ну мы же тимуровцы, это же стыдно — воровать!

— Это всего-навсего цветы, — возразил Алька, — мы просто подтянемся к подоконнику и прямо из вазы их вытащим.

— Ты как хочешь, но я не полезу.

— Тогда жди меня здесь.

Я видел, как он подошёл к одному из открытых окон, подтянулся, выхватил букет из вазы, и мы радостно побежали на КПП. Букет, нужно сказать, был шикарный. По-моему, что-то такое то ли из георгинов, то ли из пионов. Мы отдали цветы знакомому сержанту. Он нас похвалил, сказав: «Классные цветы!» И мы пошли по своим мальчишеским делам.

Через день мы опять с таратайкой едем на КПП, и встречает нас знакомый сержант чернее тучи. Он набросился на нас только что не с кулаками:

— Ах вы, чертенята эдакие, вы где цветы взяли?

Мы начали было говорить, что в саду нарвали.

— Какой сад?

И тут выясняется, что, оказывается, он встречался с той девушкой, у которой на подоконнике стояла ваза с цветами. Она рассказывает ему, что какие-то хулиганы у неё прямо с подо-

конника утащили букет цветов, а ничего не подозревающий сержант протягивает ей тот самый букет. Ну, тут ему и досталось, только что не этим букетом по физиономии.

Так мы подставили сержанта и сами оказались в глупейшей ситуации.

А ведь мне с самого начала Алькина затея была не по душе, и я ему сказал после нашей истории с цветами: «Ну, ты понял, ведь говорят же взрослые: „Никогда не бери чужого!“»

КРАСНАЯ ШАПОЧКА И СЕРЫЙ ВОЛК

В Интернете я переписываюсь со своей бывшей одноклассницей, и свои письма она подписывает: «Красная Шапочка», а я, отвечая ей, подписываюсь: «Серый Волк». Расскажу предысторию...

Когда мы с ней учились в классе третьем, кто-то решил, что на Новый год в школе нужно поставить фрагмент балета «Красная Шапочка». В отношении Красной Шапочки выбор пал на Марину, и это неудивительно — у неё были толстые-толстые косы цвета спелой пшеницы, огромные голубые глаза, а в красной шапочке она выглядела просто сказочной девочкой.

Почему из меня захотели сделать Серого Волка, я не знаю, но балет решили ставить по-серьёзному.

Для этого нас с Маринкой отвели в Дом пионеров, который находился во Дворце Кочубея в Пушкине, и мы три месяца посещали занятия хореографического кружка. До сих пор помню ужас от необходимости вставать в позицию номер три и ещё какие-то позиции, ходить идиотским шагом, выкручивать ноги у станка. Где-то час мы занимались вместе со всеми, а когда всех отпускали, педагог ещё минут пятнадцать репетировала с нами.

Как сейчас помню, самое тяжёлое и самое забавное в моей роли было устрашающе прыгать по сцене кругами, как бы догоняя Красную Шапочку. Я только никак не мог понять, чего же её догонять, когда она стоит тут же на сцене в двух метрах

от меня. А мне нужно было вокруг неё нарезать круги и прыгать под музыку по-балетному.

Репетировали мы, естественно, без костюмов, потому что с ними была проблема.

Маринке, понятно, сшили какое-то красивое платьишко, передничек, красную шапочку. А для меня мама с моей сестрёнкой Мариной смастерили из серого материала комбинезон, к нему пришили где-то найденный лисий хвост. Хвост был рыжий, и мы с сестрёнкой серыми акварельными красками перекрасили его. Но мы нигде не могли найти маски волка, а вот лисьих масок, как назло, было сколько угодно. Коль скоро хвост перекрасили, мы с сестрой сели и за покраску лисьей маски, поэтому волк получился хитренький-хитренький, с вытянутой лисьей мордой.

Как сейчас помню, триумф был бешеный.

Правда, мне было ужасно жарко в комбинезоне, который я надевал поверх школьной формы. Но прыгал и рычал я от души, Маринка пугалась по-настоящему, зал визжал от восторга. Причём никто, кроме моих одноклассников, не знал, что Серый Волк — это я, поэтому в конце представления, когда мы с Маринкой раскланивались, я гордо сорвал маску волка-лисицы с лица, чтобы все видели, что это я — Серёжка Миронов — чуть было не съел несчастную Красную Шапочку.

Вот такая история. Я рад, что мы помним об этом и в своих письмах так и подписываемся.

КАК ПИЛИЛИ СНАРЯД

Недалеко от нашего дома в Пушкине был военный аэродром, а также рембаза и склад артвооружения — как раз у небольшого леса, «пяточка»-осинничка, куда мы ходили за грибами-колосовиками буквально уже в середине июня. Часовые с вышек на нас ругались, когда мы подходили слишком близко к охраняемой территории.

Артсклад представлял собою навесы, огороженные колючей проволокой, перед колючей проволокой был глубокий

ров. Самое интересное — именно по склону этого рва росла и созревала самая вкусная земляника. Когда мы шли за грибами-колосовиками, конечно, норовили полакомиться земляникой, вот часовые нас и шугали.

Мы прекрасно знали, что на этом складе артвооружения в ящиках лежат снаряды от авиационных пушек, наверное, миллиметра 23, то есть так называемый калибр.

И вот однажды мы решили, ни много ни мало, стащить несколько таких снарядов. Мы отлично ориентировались на местности, засекали, как и когда меняются часовые, уяснили себе их привычки, заметили, что есть два-три места, которые плохо просматриваются, чтоб можно было незаметно пролезть под колючей проволокой и проползти до ближайшего навеса к ящикам. Очень много ящиков стояло незакрытыми, и мы видели, что они полупустые, в них после стрельб, по-видимому, складывали снаряды.

Очень уж нам захотелось иметь несколько таких снарядов. Сказано — сделано. Сползали — никто нас не заметил. Три снаряда мы стащили. А дальше что с ними делать? Просто так хранить неинтересно. Мы знали, что внутри снарядов — артиллерийский порох, из которого можно сделать ракеты и целую кучу всяких интересных вещей. Но как его достать?

Да очень просто — надо распилить гильзу, не трогая снаряд, и высыпать оттуда порох!

В сарае у Альки Просветова на верстачке висели тиски. Зажав снаряд в тисках, мы взяли ножовку по металлу и стали пилить.

И ведь, чертята, понимали, что дело может плохо кончиться, что может рвануть, поэтому соблюдали «технику безопасности»: пока один пилил, другие ждали на улице метрах в двадцати.

Помню, когда подходила моя очередь, я сначала ждал, чтобы металл остыл, потом аккуратненько начинал пилить, при этом всё время проверяя пальцем, чтобы гильза не очень нагревалась. Самое интересное — всё получилось, ничего не взорвалось и пороху мы достали очень много.

Порох был артиллерийский, колбасками, горел круто!

Ума хватило — не кидать снаряды в костёр, затопили их в пруду.

Когда сейчас слышу про глупости, которые совершают мальчишки, думаю: через это, наверное, все проходят. Но иногда просыпаюсь в холодном поту, потому что снится этот звук ножовки по латуни и чувствую, как нагревается металл гильзы.

РЕДИСОЧНО-ЧЕРЕШНЕВАЯ ИСТОРИЯ

В детстве, как и все пацаны, я любил лазить по чужим садам. Своего сада у нас не было, но даже потом, когда отдыхал в деревне у дяди или тётушки, у которых был шикарный сад, всё равно считал, что самые вкусные яблоки были из других садов. Туда нужно было залезать ночью с риском получить солью из берданки в одно место. Одним словом, главное — не фрукт или овощ, а экстрим, адреналин и, как бы сейчас сказали, драйв.

Однажды, когда только-только начались летние каникулы (после окончания пятого или шестого класса), мы шастали за дровяным складом в конце нашей улицы Красной Артиллерии. На этот склад по железной дороге привозили брёвна, полубрёвна, распиленные плашки, которые потом, видимо, вывозили на те или иные объекты, прежде всего в военные училища и в военные городки в качестве дров.

И вот мы шли по железной дороге за этим дровяным складом и заметили огородик. Подойдя поближе, увидели, что из земли торчат аппетитные красно-белые головки редиски. Естественно, мы начали выдёргивать редиску, вытирать её об штаны и тут же громко хрумкать. Вкусно было невероятно!

Вдруг видим — к нам бежит мужик с соседнего огорода. Мы бросились врассыпную по уже хорошо отработанной технологии — было не привыкать. Бежали что есть силы, но среди нас оказался один совсем маленький мальчишка, наверное, после первого или второго класса. Как потом оказалось, мужик его

всё-таки догнал и ничего умнее не придумал, как сдать бедного пацана в милицию.

Тот, размазывая слёзы по поводу своей дальнейшей судьбы и от страха, что совершает с точки зрения мальчишеского кодекса недопустимые вещи, конечно, всех «заложил» и никому из нас не сказал, что «раскололся».

И вот меня с мамой в один прекрасный день повесткой вызывают в детскую комнату милиции города Пушкина. Мама, получив повестку, очень расстроилась, у неё стало плохо с сердцем. Она выговорила мне всё, что про меня думает, долго допытываясь, за что её вызывают.

Сказать честно, шалостей было довольно много, но все они, по моему пониманию, совершались в рамках закона. Поэтому я искренне, при этом мысленно перебирая в памяти все школьные прегрешения, отвечал маме, что абсолютно не знаю причину вызова.

Детская комната милиции находилась в центре Пушкина, а наша улица Красной Артиллерии была окраинной. Когда кто-то по соседству говорил: «Я поехал в город» — это означало не в Ленинград, а именно в центр Пушкина.

Когда мы пришли в детскую комнату милиции, выяснилось, что имеется заявление от гражданина, обвиняющего нас, мальчишек, в том, что мы совершили хищение сельхозпродукции на огороде его соседа, что вообще мы негодяйские негодяи и нужно срочно применить к нам «меры реагирования».

«Мерой реагирования», по правильному разумению сотрудницы детской комнаты милиции, выбрали беседу с родителями «малолетних преступников». В присутствии мамы, попеняв и сказав мне, что так делать нельзя, дородная женщина в форме капитана милиции попросила меня выйти в коридор и посидеть там, оставшись один на один с мамой. Мне всё это очень не понравилось, просто повергло в шок — всего лишь за какие-то две-три редисины начался такой сырбор.

По осени мы делали набеги на сады куда круче, иногда набивая полную запазуху яблок, а тут какая-то несчастная редиска. Но то, что мама осталась в комнате наедине с сотрудни-

цей милиции и я не знал, о чём они там будут говорить, меня очень напрягло.

Вышла мама, очень грустно и печально посмотрела на меня, ничего не сказала, только тяжело вздохнула, отчего мне стало намного хуже — лучше бы ругала. Мама почему-то взяла меня за руку и повела не к автобусной остановке, которая была совсем рядом со зданием милиции, а к Гостиному двору.

Я спросил:

— Мама, а куда мы идём?

— Идём на рынок!

— Зачем? — удивился я.

— Да так, посмотрим что-нибудь.

Когда мы зашли на рынок, я увидел лотки с фруктами. Тогда уже продавалась клубника, черешня, которую, по-моему, я вообще до того времени не пробовал. У меня потекли слюнки, но попросить маму купить мне что-нибудь я не мог, во-первых, потому что знал — денег у мамы всегда мало, во-вторых, с чего это вдруг после такого скандала, после визита к сотруднице детской комнаты милиции мама будет мне что-то покупать.

Неожиданно для меня мама подошла как раз к тому прилавку, где продавалась черешня, купила килограмм ягод и протянула кулёк мне.

— Это нам? — спросил я, потому что никогда не забывал про свою сестру Маринку.

— Да, — сказала мама. — Это вам. Вон там кран с водой, иди помой и, пока несёшь кулёк домой, можешь начинать есть.

Меня не пришлось долго уговаривать. И я, засунув в кулёк свою руку, вытащил целую горсть черешни, быстренько сполоснул водой и одну за другой стал кидать в рот, обсасывая косточки и поглядывая, куда бы их выплюнуть. Я был доволен, хотя и очень удивлён таким поведением мамы.

Мы пошли на автобусную остановку. В автобусе я потихонечку начал есть черешню, по-честному прикидывая, как оставить в кулёке половину и донести эту половину Маринке.

Хоть я и был малолетним шалопаем и годиков мне было одиннадцать, но вдруг именно в автобусе я отчётливо всё понял, глядя на печальные, «жалистые» глаза мамы, которая

смотрела, как я украдкой, думая, что она не видит, ем немытую черешню из кулька.

А ведь та милиционерша просто-напросто, наверное, сказала ей:

— Вашему ребёнку не хватает овощей, фруктов. Вы уж, пожалуйста, покупайте ему, чтобы не было соблазна «таскать» чужую редиску.

Вот мама на последние деньги и купила мне, балбесу, этот кулёк черешни. Можно сказать, хорошо, что к тому времени, когда эта мысль, наконец, пришла мне в голову, я уже свою половину черешни съел, потому что иначе бы (сколько бы в кульке черешни не было) я бы к ней больше не притронулся.

СЕРЁГА И ЕГО КОМАНДА

Жили мы на самой окраине бывшего Царского Села, на улице Красной Артиллерии, дом 30. Дом наш был старинный, трёхэтажный, кирпичный, покрашенный жёлтой штукатуркой. Мы называли его — Дом с башнями. Он являл собой фрагмент своеобразной крепости с башнями, с крепостной стеной. В промежутках между башнями стояли трёхэтажные жилые дома. Крепость занимала целый квартал, внутри которого находилось военное училище. Существовала легенда (а может, и был), что «дом-крепость» был подарком английского короля царю Николаю II перед Первой мировой войной. На одном из флюгеров-флажков над башней были выбиты цифры: «1914 г.». Наша улица была крайняя. Мимо дома часто проходили похоронные процессии. Совсем недалеко, примерно в километре от дома, находилось старинное Казанское кладбище. Я помню время, когда ещё в доме не было газа и у всех имелись керосинки или керогазы, а в ванной стояли титаны — водогрейные колонки, их нужно было топить дровами. Поэтому под окнами первого этажа у подъездов располагались огромные поленницы дров. Улица представляла собой булыжную мостовую, по которой три-четыре раза в день

проезжали машины, а в остальное время тархтели конные телеги.

С одной стороны, мы были настоящие городские дети — рядом Ленинград. В то же время мы не были лишены и многих «загородных» радостей. За нашей детской площадкой пристроились частные домики. Это в одном из таких домиков жил Алька — Олег Просветов, а позже попросту Просвет. Он учился в той же школе, что и я, только в другом классе — с Толей Григорьевым, другим моим другом по кличке «Толян». Толян был Толяном, я — Серёгой, а иногда «Мироном». Ещё в нашей компании был Вовка Павлов. Сначала просто Вовка, а потом мы его стали звать «Боб».

Обычно Бобами зовут Борисов, но наш «Боб» получился просто: когда мы начали изучать английский, то узнали, что в английском алфавите буква «В» (би) пишется как русская «В» (вэ), естественно, мы прочитали Вовкино имя на английский манер. Получился «Боба». Отсюда и Боб.

И был ещё пятый — Андрей. Он был классом младше, но так как жил в нашем доме, в соседнем подъезде, тоже входил в нашу команду.

Кстати, о месте жительства. Как я уже сказал, Алька жил в частном доме. Я жил в «нашем доме» (будем так его называть) на первом этаже. Андрей жил в соседнем подъезде на последнем (третьем) этаже. Вовка — в крайнем, правее моего, подъезде, рядом с башней, — на втором этаже. А Толян жил в деревянном двухэтажном бараке на углу улицы Красной Артиллерии и бульвара Киквидзе.

Итак, мы росли практически в одном дворе. Толян ещё с начальных классов школы приходил к нам во двор и считался «своим». В детстве мы читали одни и те же замечательные книжки, и, конечно же, знаменитое произведение Гайдара «Тимур и его команда» (я бы сейчас уточнил — настоящего Гайдара) не прошло мимо нас.

Нам захотелось подражать героям этой книжки.

Если кто помнит, у Тимура и его команды местом сбора был штаб. С организации штаба мы и начали создание своего тимуровского отряда.

Нужно рассказать о той атмосфере, в которой росли советские школьники в те далёкие уже 60-е годы.

Во-первых, детством нашим взрослые занимались весьма серьёзно. Летом во дворе родители по очереди дежурили: водили детей в культпоходы на речку Поповку, где я впервые увидел окаменелости и на всю жизнь «заболел» геологией. Мы ставили спектакли, играли в игры. Я думаю, что даже сами названия этих игр сейчас ничего не скажут новому поколению детей. Мы играли в «ромбы», в «двенадцать палочек», в «казаки-разбойники», в «войну», в пионербол, в «картошку», в городки, в «чижика». В дождливые дни играли в подъезде на лестнице в фантики. У каждого была своя коллекция фантиков. До сих пор помню, как ценились фантики от конфет «Красная Шапочка» или «Мишка на Севере». Фантики были сделаны из плотной, хорошей бумаги, с красивым рисунком. Этими фантиками, так как они были большими, очень удобно было накрывать другие фантики, забирая накрытые себе как выигрыш.

Конечно, мы изучили все окрестности. Километрах в четырёх от нас около аэродрома был небольшой осинничек, он назывался «Ближний лес». А ещё ближе, в полутора километрах, был осинничек поменьше, который назывался «Пятачок». Мы первыми находили там ранние грибы — колосовики. Уже в двадцатых числах июня, удивляя встречных, несли домой корзинки с молодыми крепкими подосиновиками.

Дальний лес был в километрах семи. В него нужно было идти через Ближний лес. Дорога шла вдоль военного аэродрома. Этот аэродром и сейчас, по-моему, является военным.

У нас имелись свои ориентиры. Сначала нужно было пройти дровяной склад. Потом по бетонке — до ангаров, и дальше по грунтовой дороге мимо «локаторов» до первого Ближнего леса. Там у каждого были свои «заветные» грибные места. А потом мы углублялись в Дальний лес, который находился километрах в трёх от Ближнего. Это был уже настоящий лес. Он тянулся на юг — в Новгородскую, а потом в Псковскую область, то есть не было ему конца и края.

Кстати, собирать грибы и ориентироваться в лесу меня научил мой отец — Михаил Емельянович (Царство ему Небесное). Он начал брать меня с собой где-то лет с пяти, учил распознавать грибы, ориентироваться, запоминать дорогу. А самое главное — учил меня не бояться леса. Это мне помогало и в детстве, и потом, когда я работал в геологии. На всю жизнь этот опыт.

Вспоминаю, что в сентябре в первом классе я прибежал домой, бросал портфель, брал корзинку и бежал в Ближний лес. Успевал ещё засветло вернуться с полной корзинкой грибов. Считается (и на самом деле это правильно), что за грибами лучше ходить рано утром. Но я, зная все места, был уверен, что наберу свою корзинку, несмотря на других грибников, которых и в то время было немало.

Помню, что уже во втором классе, опять же после школы, я умудрялся сгонять в Дальний лес, хотя идти было далеко (в общей сложности получалось километров семь).

Собирал грибы час-полтора. Из леса выходил, когда уже смеркалось, а Ближний лес проходил уже в темноте. Дорогу знал прекрасно. Самое удивительное — ничего не боялся: ни леса, ни уж тем более людей. А как сейчас опасно оказаться одному в безлюдном месте, причём не только детям!

Ещё, конечно же, лазили мы по стройкам, которых в то время было множество.

Как мы стали одной командой, я даже сейчас не могу вспомнить. У нас во дворе было много мальчишек, но «завязалась» такая вот команда только из пятерых.

Мы назвали себя «тимуровцами». Командиром сразу стал Алька. Он был нашим лидером, настоящим командиром. Потом, во время каникул, мы даже пытались носить некое подобие формы. У всех были пилотки. И песня была отрядная:

*Стуча по сопкам каменистым,
Урча мотором, танк идёт.
Не дрогнет руль в руках танкиста,
Стреляет метко пулемёт.*

Когда мы отправлялись, к примеру, на Поповку за камнями, все четыре километра по просёлочной дороге проходили

строем: две пары по двое. А правее или левее нас шёл командир Алька. Он подавал команды на пение либо на смену шага. Нам это почему-то безумно нравилось. Мы — отряд и ходим строем!

Но чтобы стать настоящей командой, нужно быть уверенным, что друг всегда придёт на помощь и ничего не испугается. Для этого, конечно же, нужно было испытать собственную храбрость. И вот как мы это делали.

Я уже упоминал, что в полутора километрах от нас находилось самое старое кладбище в Пушкине — Казанское. Там росли высокие-высокие деревья. На ночь кладбище закрывалось воротами. На ворота вешалась цепь, но между железными створками оставалась щель, и мы, мальчишки, конечно, могли беспрепятственно туда проскочить. Прямо за воротами по центральной аллее справа и слева располагались склепы, могилы. Помню, что на многих из них были написаны всякие эпитафии с ятями, датированные ещё восемнадцатым веком, даже, по-моему, первой его половиной. Метрах примерно в ста от входа по левую руку стояла разрушенная церковь. Сейчас её восстанавливают. А во времена нашего детства она была полностью разрушена, вход забит, но — кто бы сомневался! — мы излазили её вдоль и поперёк.

Там были и подвалы. Прямо на уровне земли находились такие узкие длинные окна, уходящие под углом вглубь подвала. Толщина стен была метра полтора. И если ногами вперёд залезть в это окно, лечь на пузо, а потом, немножко помогая себе, скользя, спуститься вниз, то примерно в метре от окна ноги начинали чувствовать опору. Мы ходили по подвалам и с фонариками, и со свечками. Довольно хорошо представляли себе расположение всех помещений подземелья. Ничего там особенно интересного не было. Лазили мы днём, но и днём нужно было включить фонарик. Мы прекрасно ориентировались в каждом из помещений.

А храбрость мы испытывали таким образом. В осенний вечер, допустим, в октябре, когда темнеет рано, устраивали себе испытание. Часов в восемь или в половине девятого шли всей командой к главным воротам кладбища. С собой брали

какой-нибудь предмет. Почему-то чаще всего это была резиновая игрушка-пищалка. Останавливались у ворот. Вели себя тихо, потому что слева от ворот находился домик сторожа. Там, как правило, светилось окно, ведь было ещё не очень поздно. Мы понимали: если будем шуметь, сторож нас погонит с кладбища. Четверо оставались у ворот, а кто-то первый по жребию брал игрушку в руки и заходил на кладбище.

Нужно было в кромешной тьме пройти сто метров до церкви, обойти её вокруг и в то окно, которое находилось с другой стороны от входа, лечь, соскользнуть в чёрную, страшную неизвестность и уже в подвале, в правом углу от окна на ощупь оставить игрушку. Затем нужно было вылезти, упираясь ногами в стенки и потихонечку помогая себе руками, по наклонной плоскости вверх. Потом — вернуться к друзьям. Следующий (опять по жребию) должен был найти игрушку и принести для третьего. Третий шёл, чтобы оставить игрушку в том же месте для четвёртого.

Вот такой цикл. Честно скажу, было очень страшно, но ещё страшнее — показаться трусом перед своими товарищами...

...Когда мы решили организовать тимуровскую команду, то сразу озадачились строительством штаба. И нужно сказать, штаб мы сделали. Строили его и перестраивали очень долго. Когда мы подросли и учились в восьмом-девятом классах, наш штаб уже не был штабом тимуровской команды, мы давно перестали считать себя тимуровцами. Наш штаб превратился в каморку, где собирались подростки не только с нашего двора, но и со всей школы. В нашем микрорайоне София эта каморка стала очень популярным местом. Там по вечерам проводили свой досуг с гитарой, за интересными разговорами.

Но это будет потом.

А сначала мы действительно строили штаб. За детской площадкой было два ряда сараев и в одном ряду — пустое место, где когда-то был сарай, который то ли развалился, то ли сгорел. Сарай стояли таким образом, что стенка предыдущего была стенкой последующего. И так от стенки к стенке взрослые строили сараи, наращивая их в длину. Это-то пустое место мы и решили занять.

Я не буду рассказывать, где мы брали доски, толь, скажу только, что за первое лето саму «коробку» мы построили. Потом совершенствовали её и сделали в итоге такой штаб, что даже взрослые предлагали хорошие по тем временам деньги — хотели у нас его купить. Но мы, конечно, никому его не отдавали.

Я был городским мальчишкой, а Алька и Толян очень многое умели делать своими руками. Они меня научили, как нужно пилить, строгать, как гвозди забивать, как крышу толем покрывать, как стёкла вставлять, как печку делать и много-многому другому. Эти навыки остались на всю жизнь.

Из хороших, славных дел тимуровцев в первую очередь вспоминаются вскопанные огороды.

Естественно, как настоящие тимуровцы, мы должны были «творить добро» под покровом ночи. К немалому удивлению жителей дома, которые, придя в один из весенних дней на огород (как правило, это был выходной, а мы копали по будням), обнаруживали, что огород уже вскопан. Начинались очень интересные разборки, потому что первое, что приходило на ум всем взрослым: их огород кто-то захватил и вскопал. Они начинали нервничать, спрашивали друг у друга: кто вскопал? зачем? почему?

Кстати, вскапывали мы выборочно. Тем, кого мы не любили, кто гонял нас или был «виновен» перед нами в чём-нибудь, мы огороды не вскапывали. Это потом нас выручило. В том смысле, что за невскопанные, в отличие от вскопанных, огороды нам ничего не было.

А вот что положило конец нашему тимуровскому энтузиазму — после чего энтузиазм у нас улетучился и мы медленно, но верно пошли другой дорогой.

История же такова.

Жила в нашем доме в крайнем подъезде (первом, если идти от бульвара Киквидзе) одна старушка. Мы знали, что она вдова погибшего красноармейца. Как я уже говорил, у всех у нас были сараи: тогда дома отапливали дровами, керосинки и керогазы всё ещё были в ходу. Для того чтобы помыться в ванне или под душем, нужно было топить дровами титаны. Поэтому у всех были дрова.

Однажды мы увидели, что старушке привезли и свалили перед её сараем огромное количество напиленных чурбачков. Мы прекрасно понимали, что старушка сама дрова не расколет и будет вынуждена к кому-то обращаться. Но ведь для этого есть мы — тимуровцы! Поэтому был брошен клич: «Аврал!»

Помню, что мы, сговорившись, вышли поздно вечером на улицу (а уже начались белые ночи), причём многие из нас просто удрали, дождавшись, пока родители заснут. По крайней мере, я сделал именно так. Помню, что пришли Толян, Алька, я, ещё кто-то... Кто-то не пришёл, но не потому, что не захотел поработать с нами, видимо, просто не смог выбраться. А может быть, претворяясь спящим, дожидаясь, пока родители заснут, сам заснул. Но мы никого не ругали.

Одним словом, оказалось нас четверо.

Алька принёс топоры.

Мы понимали, что если наколем дрова и оставим их на улице, то их могут спереть. Рассудили, что наколотые дрова нужно положить в сарай. На двери сарая висел немудрёный замочек, который не представлял для нас никакой проблемы. Мы его гвоздиком открыли.

Всю ночь кололи дрова. Перекололи всё. Аккуратненько сложили внутри сарая поленицу. Когда навешивали замок, оказалось, что, видимо, мы как-то не так его открыли. Замок не защёлкивался. Но мы приладили его так, чтобы с виду казалось, будто он закрыт, и разошлись по домам.

Всё это происходило во время летних каникул, потому что спал я долго, а проснулся от того, что кто-то из родителей (наверное, был выходной, иначе почему родители были дома?) требовал, чтобы я немедленно встал и рассказал, что я делал ночью и почему лазил в сарай — далее шло имя-отчество нашей бабульки.

Я ничего спросонья не понимал, но меня повели на улицу, где уже стояла взволнованная группа жильцов нашего дома. Тут же была и причитающая бабулька, для которой мы трудились всю ночь. Кого-то из нашей команды уже крепко держали за красное ухо.

Выяснилось, что бабулька пошла с утра в сараюшку и обнаружила, что замок взломан. А в сарае у неё хранились какие-то соленья-варенья ещё с прошлого лета. Бабульке показалось, что одну банку то ли помидоров, то ли огурцов у неё стащили. Почему решили, что это мы, — для меня до сих пор тайна.

Сначала мы молчали, как партизаны. Больше всего нас «убивало» то, что бабулька пропажу мифической банки огурцов (до сих пор уверен, что на самом деле у неё ничего не пропало) обнаружила, а вот что мы ей все дрова перекололи и сложили в сарае, этого она в упор не заметила. В конце концов нам пришлось «расколоться», сознаться, что да, замок мы открыли, чтобы занести в сарай наколотые дрова. Этот наш трудовой тимуровский подвиг абсолютно никого не обрадовал, не вдохновил. Никто нами не восхитился. Все только ругали нас и призывали к ответу: зачем мы взяли банку огурцов?

Сто лет она нам не нужна!

Обида была жуткая.

Итог — два дня я просидел под «домашним арестом». Какое наказание понесли мои друзья, честно говоря, не помню, но когда через два дня на третий я вышел во двор и повстречался с ними, мы, не сговариваясь, поняли, что больше «тимуровцами» не будем.

Это, кстати, нас не огорчило. К тому времени мы «заболели» геологией, нам нужно было искать образцы минералов для Горного института.

Мы не стали никому мстить и вообще не озлобились, потому что были счастливы: впереди длинные летние каникулы, впереди — счастье общения друг с другом, впереди — вся наша жизнь!

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

История, которую хочу рассказать, произошла в 1964 году. Это было ещё при Хрущёве, тогда начались перебои с хлебом. Белые пшеничные батоны совсем исчезли, продавались толь-

ко кирпичики чёрного липкого хлеба, и те давали по одной буханке в одни руки. Какие это были руки — неважно (взрослые, детские), но чтобы хлеба хватило, очередь нужно было занимать в пять утра. Магазин же открывался в семь. Мама поднимала нас с сестрой Маринкой, вела сонных к булочной на бульваре Киквидзе (это где-то в километре от нас в сторону центра Пушкина). Мы стояли в очереди, потом получали буханку хлеба, бегом неслись домой, успевали попить чаю и шли в школу.

Через дорогу от дома — детская площадка. Раньше там были заросшие бурьяном руины трёхэтажного дома, разбомбленного фашистами во время Великой Отечественной войны. Потом всё разровняли бульдозером и сделали замечательную детскую площадку с качелями, каруселями, футбольным полем, павильонами. За детской площадкой было несколько частных домиков, дальше начиналось поле, за которым находилось кладбище, а за ним — примерно через два километра — глубокий овраг. За оврагом протекала река Поповка, где я в своё время впервые увидел окаменелые ракушки и моллюски-трилобиты. Это было ещё до школы.

Там начиналась моя любовь к камням, геологии.

...И вот на нашу тихую улицу Красной Артиллерии пришла цивилизация — в наш город провели газ. Протянули его откуда-то с полей. С улицы сняли булыжную мостовую, вырыли огромную траншею глубиной метров пять, не меньше, очень широкую. Копать начали летом. К сентябрю это была уже действительно могучая траншея. Внизу скапливалась вода. Экскаватор вскрыл огромный пласт (примерно метр шириной на глубине метра в три) кембрийской глины.

То, что это именно кембрийская глина, я узнал много лет спустя, когда учился в Горном институте. Дело в том, что под Ленинградом на определённой глубине залегает зеленовато-голубая кембрийская глина. Не знаю её качества с точки зрения пригодности для гончарного искусства или лепки, хотя лепили мы из неё лучше, чем из любого пластилина, всё, что угодно, но цвет у этой глины — уникальный.

Итак, это было в 1964 году в начале сентября. Я перешёл в пятый класс, и мы, пацаны с нашего двора, конечно, шастали, где только могли. Такая замечательная «развлекаловка», как котлован или траншея, естественно, не могла не стать местом нашего паломничества. Мы лазили по дну, что-то там искали. Обнаружив синюю глину, начали брать её для лепки. Когда стали разминать, то почувствовали внутри твёрдые камушки. Мы промыли их в ближайшей луже, и на солнце ярко заблестели крупыцы жёлтого металла...

То, что это металл, и то, что он жёлтый, мы прекрасно видели. Более того, эти крупыцы достигали иногда сантиметра в поперечнике. Они имели кристаллический вид и были очень тяжёленькие.

Что это могло быть?

В земле, металл жёлтого цвета, блестит, не ржавеет, тяжёленькое? Конечно же, золото! Компашка наша, которая в то время была ещё тимуровским отрядом, «приужахнулась»: «Ничего себе! Прямо у нас под ногами огромное количество золота!» Только успевай! Мни глину руками, нащупывай острые кусочки, вымывай их в колонке под струёй воды. Все эти манипуляции мы старались делать так, чтобы взрослые не видели. Узнают про золото — отнимут!

А были мы в то время абсолютно бескорыстными. Мы не собирались с этим золотом ничего делать, только строили планы, как сдадим его государству. Но при этом нам очень не хотелось, чтобы о нашем золоте узнали взрослые и всю славу первооткрывателей огромного золотого месторождения присвоили себе. Более того, днём рабочие работали, а когда они уходили, мы спускались в траншею, с ужасом думая: как же это рабочие до сих пор не поняли, что ходят по золоту? До позднего вечера с фонариком мы продолжали его намывать. И вот буквально за какую-то неделю мы набрали четверть мешка из-под картошки. По прикидкам весило это золото килограммов пятнадцать-двадцать.

Мы решили, что для того чтобы убедить правительство (а на меньшее мы и не рассчитывали) в том, что мы действительно нашли золото, такого количества вполне достаточно.

Теперь оставалось выяснить, где заседает это самое правительство и куда нужно золото сдавать. И тут я тонко, как мне казалось, «подъехал» к своей сестре с такими вопросами: «А что, Маринка, если, допустим, кто-то золото найдёт, куда он должен с ним идти?» Маринка ответила: «Как куда? Наверное, в Сберкассу. Кстати, если клад кто найдёт, то четверть от его стоимости дают тому, кто нашёл, а три четверти — государству». Вот какая сведущая в этих делах оказалась моя сестра!

Я тут же рассказал потрясающую новость своим друзьям. Начали прикидывать: что это будет за четверть? Но потом, причём, как сейчас помню, единогласно решили: не нужна нам никакая четверть, главное, чтобы Родина оценила подвиг юных золотодобытчиков, которые прямо на краю Пушкина нашли настоящее золото. До меня дошло, что самое главное — то я у Маринки не выспросил, вернулся обратно. Спрашиваю: «Слушай, а если не клад, а просто золото в земле?»

Она не поняла:

— Что значит просто «золото в земле»? Монеты что ли золотые?

— Да нет, ну вот, как руда золотая.

— А-а, как руда... Ты знаешь, в Ленинграде есть Горный институт, там учат на геологов, наверное, нужно туда отвезти, они скажут, что с этим делать.

— Ага, — говорю, — а где этот Горный институт?

Маринка, не чувствуя никакого подвоха, ответила: «Нужно на электричке доехать до Витебского вокзала, там сесть на одиннадцатый трамвай, доехать до Васильевского острова. Я знаю, он туда идёт и останавливается прямо напротив входа в институт».

Дело сделано, адрес известен, оставалось назначить день «икс». Долго не откладывали, решили, что день «икс» будет на следующий же день. А день был будний, и мы должны были идти в школу. Но какая школа, когда у нас двадцать килограммов чистого золота, а государство ничего не знает об этом? Ради такого святого дела мы решили уроки прогулять.

И вот утром, чинно выйдя из дома якобы в школу, забежали за сарай, побросали за поленницу портфели, взяли мешок

и пошли на автобусную остановку. Доехали до Пушкинского вокзала. Уже не помню, покупали мы билет на электричку или нет. Думаю, что нет. Не было, скорее всего, у нас на это денег. И вообще, так мы думали, глупо обвинять нас, что мы «зайцами» едем, если мы государству золото везём.

Полчаса езды на электричке прошли в оживлённых дискуссиях и мечтах о том, как нас наградят и как эта торжественная церемония будет выглядеть. В наших мечтах картина эта рисовалась примерно так. После того как мы сдаём золото, некий министр (какой, правда, непонятно) сажает нас к себе в машину «Чайка» и едет вместе с нами в нашу родную 410-ю школу города Пушкина. Подъезжаем к школе. Не выходя из машины, министр опускает стекло и грозно интересуется у бездельников-школьников, болтающихся в этот момент во дворе школы: «А кто тут у вас директор? Ну-ка, быстренько ко мне его!» Из школы должна была выбежать перепуганная директриса. Строго глядя на неё, министр должен был сказать: «Эти мальчишки больше у вас учиться не будут, они нашли золото, поэтому я забираю их учиться в институт. До свидания!» И, гордо просигналив, мы на «Чайке» должны были уехать в новую жизнь — в институт. Вот примерно такие мечты нас тогда обуревали...

Через какое-то время, поднявшись по знаменитой парадной лестнице Горного института, мы оказались в холле перед вахтёром. Дедок подозрительно нас оглядел и любопытствовал: «Куды собрались?» Мы замялись: «Да мы тут это...» И так значительно ногами начали постукивать по мешку. Допёрли мы его, честно говоря, с большим трудом. Дедок понимающе заулыбался: «Образцы, что ли?» Мы переглянулись, что такое «образцы», мы не знали, но выдавать военную тайну о том, что у нас золото, этому деду абсолютно не собирались.

— Да, да, — сказали мы.

— Ну, так я сейчас позову.

Он кому-то позвонил, и через какое-то время вышла немолодая женщина, очень похожая на добрую учительницу. Она была в очках. Я не помню, как её звали, зато, когда мы познакомились, я на всю жизнь запомнил её фамилию. Это было

не трудно, фамилия у неё была Пушкина. Мы из Пушкина, и она — Пушкина. Счастливое совпадение.

Она спросила:

— Ну что, ребята, с чем приехали, что привезли?

— Вот! — ответили мы, развязали мешок, открыв его таким образом, чтобы она могла видеть, что внутри, а хитрый дед не мог.

Она заглянула, думаю, всё поняла, но это была деликатная женщина и настоящий педагог, потому что она сказала:

— Давайте пока этот мешок оставим здесь, а я покажу вам наш музей.

— А не сопрут? — хором спросили мы и покосились на деда.

— Не сопрут, — успокоила нас Пушкина.

Не очень-то доверяя старику, мы завязали мешок, положили его у стола вахтёра и пошли за «нашей» Пушкиной.

Когда она завела нас в музей, мы забыли и про золото, и про то, что мы сегодня прогуливаем школу, потому что перед нами открылся потрясающий мир минералов. Женщина довольно долго водила нас по огромным залам, показала скелет мамонта, муляжи, как мы поняли, золотых самородков (тут мы переглядывались и начинали учащённо дышать), показала модели гранёного хрусталя, которые имитировали самые знаменитые в мире алмазы, показала огромное количество прекрасных минералов: и малахит, и лазурит, и родонит. Названия были замечательные, ничего нам не говорящие, но камни — потрясающе красивые! И вот, наконец, подводит она нас к одному из стеллажей: «Смотрите, знакомо вам это?» И тут мы увидели наше «золото», только почему-то под ним написано странное слово «пирит». Пушкина говорит: «Да, ребята, это не золото, это пирит, или — сернистый колчедан. Вы знаете, многие даже опытные минералоги очень часто путают золото с пиритом, но то, что вы принесли, нам очень пригодится для наших опытов».

Мы тут же наперебой стали говорить, что у нас этого добра навалом, мы принесём сколько угодно. Она вдруг спросила:

— А на Поповке бывали?

— Конечно, бывали.

— А ракушки окаменелые видели?
— Конечно, видели.
— Знаете, если найдёте хороший образец трилобита (она тут же подвела нас к стеллажу и показала хорошо знакомые нам штуковины, которые, оказывается, называются трилобитами), то мы их обязательно поместим у нас в музей.

Мы забыли про мешок с золотом, забыли про всё — были счастливы и довольны, тем более Пушкина сказала: «Передайте своей классной руководительнице, пускай она мне позвонит (она дала нам телефон), и приезжайте-ка сюда со всем классом. Я покажу всё, что вы ещё не успели посмотреть».

И мы действительно спустя какое-то время приехали туда всем классом, а потом стали привозить в институт разные образцы, которые находили на Поповке.

Когда много лет спустя, уже после армии, я поступил на первый курс геофизического факультета Горного института, то гордо подводил своих однокурсников к стеллажу с окаменелостями, где среди прочих лежали два трилобита, под которыми была надпись: «Река Поповка. Ленинградская область». Там, конечно же, не было написано, что эти трилобиты когда-то принесли десятилетние мальчишки. Но я-то знал, что это «наши» трилобиты, те самые, из далёкого, из прекрасного детства.

ЛЮБОВЬ К ЖИВОПИСИ

Моя покойная сестра — Царство Небесное моей Мариночке — от природы была талантливым педагогом. Братишка ей достался хлопотный, очень беспокойный, хулиганистый, и нужно было как-то этого неугомонного братика наставлять на путь истинный...

Маринка, по-моему, придумала гениальный ход.

Она увлекалась коллекционированием репродукций картин. У неё были многочисленные вырезки из журналов «Огонёк», «Юность», а также много открыток, которые любовно

раскладывались в специальные альбомы. Этих альбомов была тьма-тьмущая.

Однажды, когда я учился в классе пятом-шестом, Маринка мне и говорит: «Серый, хочешь заработать на мороженое?» (Ха! Ещё бы, кто же не хочет заработать на мороженое?) «А что для этого нужно?» — спрашиваю я.

— Всё очень просто: ты берёшь альбом, вынимаешь открытку, смотришь на неё, на обороте читаешь название картины и имя художника и запоминаешь. А когда ты выучишь весь альбом, я тебя проэкзаменую. Если я тебе покажу пять любимых карточек, а ты правильно назовёшь картину и художника, я тебе даю пятнадцать копеек на мороженое.

Конечно, сидеть и смотреть эти дурацкие карточки вместо того, чтобы с мальчишками играть в войну или футбол, радости мало, но, с другой стороны, 15 копеек на дороге не валяются. Уж на что их потрачу — моё дело, пускай Маринка думает, что на мороженое, но денежка мне точно не помешает. Кстати, и мороженое от меня никуда не уйдёт.

Сказано — сделано. Оказалось, картинки очень интересные. Правда, названия не всегда совпадали с тем, что я видел на картинках. Но память была цепкая. Быстренько освоил один альбом, подошёл к Маринке, сказал, что готов. Маринка проверила — угадал всё. Сестрёнка похвалила и дала обещанные 15 копеек.

Лиха беда начало, говорю: «Давай второй альбом!»

И так на протяжении многих-многих месяцев мы играли. Самое интересное, у меня появились любимые художники. Какие-то картины мне нравились, какие-то нет, какие-то я понимал, что на них изображено, какие-то абсолютно не понимал.

Тем не менее, дисциплинированно запоминал и названия картин, и имена художников.

Где-то примерно через год наша учительница по литературе повезла наш класс в Русский музей.

Для нас путешествие в Ленинград было целым событием — жили-то мы в пригороде, нужно было ехать на электричке. И вот поехали.

Заходим в Русский музей, быстренько прошли зал с иконами. Тогда на них, тем более среди школьников, никто внимания не обращал. Заходим в зал, где висят портреты Рокотова, Никитина, Боровиковского.

И тут ваш покорный слуга, как сейчас бы сказали, «мальчик из не очень благополучной семьи» (к тому времени мои родители разошлись и рос я, что называется, без отца), говорит: «Ба, так это такой-то портрет, а это картина Никитина». А дальше из зала в зал я заходил, как к себе домой, — практически все картины знал наизусть.

До сих пор помню шок у учительницы, шок у экскурсовода, огромное удивление и восхищение в глазах у девчонок-одноклассниц, непонимание у одноклассников: «Откуда это Серёга всё знает?» А я, почувствовав себя в центре внимания, был очень горд.

Но самое главное, когда увидел подлинники, а не репродукции, то «заболел» на всю жизнь.

Люблю живопись до сих пор. Если я что-то в ней понимаю и хоть немножко разбираюсь — это заслуга моей дорогой сестрёнки Мариночки.

Спасибо тебе, моя родная!

РОЗЫ ДЛЯ СЕСТРЫ

Маринка была на пять лет меня старше. Она оканчивала школу в тот год, когда одновременно были выпускники и 11-го, и 10-го классов. Маринка оканчивала 11-й, а в этот год все уже перешли на 10-летку.

Её выпуск (11-летний) был последним.

9, 10, 11-й классы Маринка училась в школе в центре Пушкина. Тогда ещё наша 410-я была 8-летней, это когда я уже оканчивал, она стала 10-летней.

И вот наступил выпускной вечер для сестрёнки. Я не помню, уж какое мама с Маринкой платье придумывали, мне это было неинтересно, но то, что это был праздник для сестры, — я видел. Когда Маринка рано вече-

ром ушла, я решил, что мне нужно как-то её поздравить. Как всегда, мы с мальчишками набегались почти до полуночи (а ночи в июне «белые»). Все разошлись по домам, а я полез в заранее присмотренный сад, где росли даже не розы, а, по-моему, это был всё-таки шиповник. Исколов все руки, я нарвал огромный букет душистых, красивых цветов. Полагая, что Маринка где-то через час уже подойдёт, сел на каменные ступеньки подъезда ждать.

Конечно, сидел я долго. Сон меня сморил. И тут сквозь сон я услышал стук каблучков по асфальту. Теоретически это мог быть кто угодно, но я точно знал, что идёт Маринка.

Хотя я учился в шестом классе, но прозорливо подумал: «Каблучки одни, значит, Маринку никто из парней не провожает. Понятно — из центра к нам сюда, на Красную Артиллерию, идти далеко. Но каблучки стучат весело, значит, Маринка довольна — вечер удался!»

Вдоль дома у нас росли тополя и кусты акации, поэтому, когда Маринка подходила, меня не видела. Повернув из-за кустов к подъезду, она от неожиданности остановилась — я стоял у подъезда, протягивая букет из красного шиповника.

— Маринка, я тебя поздравляю!

Она засмеялась, схватила меня, закружила, поцеловала в макушку и сказала: «Серенький, какой ты молодец!» Счастливые и довольные, мы пошли спать.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Когда я учился в седьмом классе, поспорил с одной девочкой, её звали Люда, и жила она на бульваре Киквидзе, метрах в шестистах от моего дома. Сейчас она работает учителем истории в детском доме. Замечательный человек.

Я расхвастался, что, во-первых, могу допоздна гулять и никто меня домой не загоняет, а, во-вторых, могу в любое время ночью встать, тихонечко выйти из квартиры (а жили мы на первом этаже) и всю ночь гулять там, где хочу. Естественно, веры этому у Люды не было никакой.

А дело было где-то в мае, когда наступала пора «белых ночей», цвела черёмуха, мы с ней поспорили, что я приду в два часа ночи к её дому и на забор перед её окнами воткну букет черёмухи. При этом я сказал: «Людка, я-то приду, а ты-то дрыхнуть будешь и потом скажешь, что я пришёл не в два часа ночи, а в двенадцать или в семь утра, поэтому, будь уж добра, в два часа ночи стой у окна и смотри, как я это буду делать».

Я действительно дома лёг спать, вернее, сделал вид. Причём никакого будильника не было, но в комнате из-за «белых ночей» можно было видеть настольные часы. Я лежал, все давным-давно заснули. Спать очень хотелось, но в то же время я не собирался проигрывать спор (кстати, не помню, на что спорили), поэтому мужественно долежал до полвторого, тихонечко встал, оделся, вышел из комнаты, из квартиры, дверь поставил на защёлку (тогда можно было не бояться, что кто-то зайдёт), перебежал через дорогу, где на детской площадке рос огромный куст черёмухи, нарвал букет и бегом побежал к Людкиному дому.

Когда цеплял букет на забор, смотрел на её окна, но не заметил никакого шевеления, подумал, стесняется у окна стоять, на всякий случай помахал ей рукой.

Утром в школе выяснилось, что Людка спала, правда, сказала, что легла в двенадцать, а букета ещё не было, а встала в полседьмого — и букет уже был. Пришлось ей поверить, что ровно в два часа я доставил букет.

Вот такая цветочная история.

КАК Я НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Купаться мы ходили в Екатерининский парк. Шли по улице Огородной, катили перед собой надутые камеры, старались заполучить камеры от грузовиков, громко галдели, радостно предвкушая купание в большом пруду парка. Заходили в калитку, в которую упиралась улица Огородная, и буквально через тридцать метров оказывались на небольшом мыске, в его правой части лежали шлюпки, на которых курсанты воен-

но-морского училища имени Ленина, находящегося через дорогу от парка, отработывали навыки гребли. Шлюпки, кстати, всегда охранялись часовым под «грибком».

Мы располагались рядом на газончике, который обрывался прямо у пруда (к концу лета газончик мы хорошо вытаптывали, но на это внимания не обращали), скидывали одежду и, как сейчас бы сказали, в семейных трусах сигали в воду. У берега было примерно по пояс, так можно было пройти по шею где-то метра три-четыре от берега, дальше становилось глубоко — нужно было плыть.

Большинство моих друзей, у меня было такое ощущение, плавали чуть ли не с рождения, и очень многие доплывали до Чесменки (посередине пруда стоит Чесменская колонна с орлом наверху, с рострами — носами кораблей по колонне, с большой площадкой на высоте примерно 4–5 метров, на которую можно было забраться по чуть наклонным стенам, выложенным гранитными плитами с глубокими прорезями, которые, собственно говоря, и являлись своеобразными ступенями).

Я с тоской и завистью смотрел на своих друзей, которые кто кролем или саженками, как мы называли, кто брассом, а кто просто по-собачьи, кто-то быстро, а кто-то очень медленно, но доплывали до Чесменки. А я плавать не умел, поэтому изображал, что мне на Чесменку вовсе даже не хочется, плескался в камере, даже на ней боясь далеко отплывать от берега.

Так было и после первого класса, и после второго, и после третьего, одним словом — аж до шестого. И вот после шестого класса мама получила для меня от военного училища, в котором работала, путёвку в Карелию в Лахденпохский район, как сейчас помню, — почтовое отделение Хуонхояки или что-то в этом духе. Ехать нужно было на поезде с Финляндского вокзала.

На площади перед вокзалом выстраивались будущие отряды пионерского лагеря. Как потом оказалось, лагерь решили разместить в военном городке Ленинградского военного округа, по-моему, в тот сезон это был первый и последний лагерь

в военном городке. Когда расселись в вагоне, оказалось, что из Пушкина, да, похоже, и из училища, ну уж тем более с нашей улицы и двора я был один. Начали знакомиться. Мальчишка я был бойкий, за словом в карман не лез, когда подъехали к тому самому Хуонхояки, я уже был заводилой, или, как сейчас сказали бы, неформальным лидером.

Когда мы выгрузились и на автобусах нас привезли в военный городок, оказалось, что жить мы будем в двух-или трёхэтажной каменной казарме. Места кругом живописные. Военный городок находился на берегу огромного красивого озера.

Нас разбили наконец-то по отрядам, поселили в огромную комнату, где стояли в один ярус, наверное, коек сорок. Оказалось, что кроме тех, кто приехал из Ленинграда, в этом же лагере (в частности, в нашем отряде) есть несколько пацанов — детей военнотружущих именно этой воинской части, то есть местные.

Буквально чуть ли не на второй день местные говорят: «А что, ребя, айда купаться вместо „тихого часа“ на озеро?!» Нарушать распорядок — это было по мне, только при слове «купаться» сердечко-то у меня ёкнуло. Уже второй день я был непререкаемым авторитетом и, можно сказать, душой компании, и тут вдруг я почувствовал, что меня ждёт ужасное фиаско — все бросятся в озеро (какое оно там — глубокое, не глубокое — я не знал), а я покажу, как говорится, что не орёл, но отступить некуда.

С воодушевлением поддержал местных, и вместо «тихого часа», когда воспитатели ушли, мы тихонечко, причём по какой-то запасной лестнице, о которой знали только местные, спустились и бегом направились к озеру. Добежав до берега, а это был даже пляж с песочком, я увидел, что метров на сто от берега то там, то сям разбросаны камни — огромные валуны, которые торчат из воды. Иногда между ними было буквально 2–3 метра, иногда метров 10–15. Я решил, что эти камни мне здорово помогут. Сказать, что просто не умею плавать, я не мог. Если увидят, что я плохо плаваю, это ещё ничего: ну мало ли — все плавают как умеют. Вот они живут здесь на озере,

конечно, у них больше возможностей научиться плавать, а где я в Пушкине? — только в Екатерининском парке, да и то далеко не каждый день.

Одним словом, решил: будь, что будет. Когда все бросились в воду, бросился и я. Оказалось, что глубина начинается почти сразу же. Как я оказался у первого камня, который был метрах в десяти от берега, помню смутно. Но в то же время понял, что не по дну шёл, а как-то барахтался, что-то делал руками и ногами. А мальчишки — кто-то залезал на камни, кто-то нырял, в общем, никто не обращал ни на меня, ни друг на друга внимания.

Набравшись духу, я оттолкнулся от камня, наметил ближайший, но дальше от берега камень метрах в 15-ти, и, как-то барахтаясь (видимо, на одном самолюбии), доплыл и до него. Дальше в этот раз я не рискнул. Таким же манером поплыл обратно к берегу. Барахтался я довольно долго и, когда вылез, увидел, что большинство уже были на берегу, выжимали трусы, готовясь одеваться. Никто ничего не сказал. Все видели, что я сиганул в воду вместе со всеми, где-то там между камнями плавал.

К концу смены я прямо от берега мимо камней, не останавливаясь, доплывал до самого дальнего камня, до него было метров сто, и плыл гордо, теми самыми саженками или кролем (что-то я подглядел у мальчишек, чему-то научился сам). Самое главное — я больше не боялся воды и понял, что умею плавать.

Смена, кстати, была очень весёлая. Недалеко в скалах мы обнаружили огромные штольни. До войны и во время войны — это была финская территория. Судя по всему, тут были ещё и немцы, потому что мы видели внутри на электрощитках свастику с орлом. Местные говорили, что здесь находился подземный военный завод. Всю смену мы бегали тайком от пионервожатых либо купаться, либо изучать эти катакомбы. Как я уже сказал, было здорово, весело.

И вот возвращаюсь я в родной Пушкин. Лето ещё в разгаре, я жду, когда «народ» предложит пойти искупнуться. «Народ» себя долго ждать не заставил, и буквально в пер-

вый же день мы шумной ватагой катили наши камеры по улице Огородной. Дойдя до «матросиков», как мы называли место, где купались, сбросили одежду, я первый ринулся в воду, решил даже, что, может быть, я побыстрее некоторых доплыву до Чесменки. Быстрее всех не получилось — доплыл третьим. Жаль, никто со стороны меня не видел — с каким гордым видом впервые в жизни я забирался по этим гранитным плитам на верхнюю площадку. А там я встал и, собственно говоря, выглядел ничуть не хуже, чем Чесменская колонна с орлом наверху, потому что весь светился от счастья.

Кстати, из моих пацанов никто ничего не заметил и не сказал, хотя я думал, что они удивятся, что я научился плавать. И только когда мы вернулись на площадку и разделились на две команды, чтобы погонять мяч, кто-то из моих друзей сказал: «Слушай, Серёга, а ты же вроде плавать не умел?» — «Когда это не умел?!» — гордо удивился я, подводя черту под одним из самых грустных для любого мальчишки неумением.

ENGLISH

Когда я учился в школе, иностранный язык, а у нас это был английский, начали изучать в пятом классе. И помню, сначала мне очень понравился этот предмет...

Наш класс разбивали на две группы. Почему-то мы занимались в библиотеке, в группе было человек семь-десять, хотя класс был большой — человек тридцать пять. Может, нас на три группы даже разбивали?

Мне нравилось произносить иностранные слова, очень нравился английский алфавит. Одним словом, я чувствовал, что английский будет моим любимым предметом.

Честно говоря, что случилось дальше, смутно помню, но уже в седьмом классе самым ненавистным предметом для меня стал английский. Я ничего в нём не понимал и понимать не хотел.

Регулярно получал «пары». Как ни пыталась воздействовать на меня учительница, у меня было просто какое-то физическое отвращение к изучению этого предмета.

И вот заканчивается полугодие, я понимаю, что мне «светит» «пара», хотя иногда на чистом энтузиазме я получал даже тройки. Наша «англичанка» задаёт домашнее задание: написать сочинение о своей семье и о том, какую профессию каждый из нас хочет выбрать в будущем.

Понимая, что сам никакого сочинения не напишу, а в то же время, если за сочинение поставят положительную оценку, глядишь, трояк мне «натянут» в четверти, я решил обратиться к маме. Нет, вы не подумайте, что мама моя знала английский. Мама оканчивала школу во время войны, у неё было девять классов средней школы, от природы у неё была безупречная грамотность, но никакого иностранного языка, тем более английского, она не знала.

По уму, мне нужно было сразу обратиться к Маринке, моей сестре, которая на пять лет меня старше и к тому времени, по-моему, или оканчивала школу, или училась на первом курсе института. Но Маринка была строгим моим воспитателем, и она бы никогда не согласилась написать сочинение за меня. Она бы вымотала мне всю душу, мучила бы меня несколько дней, и мы, наверное, написали бы в конце концов под её неусыпным контролем это злосчастное сочинение, но перспектива корпеть над английским меня абсолютно не прельщала. Поэтому я решил обратиться к маме.

Однажды за ужином, сделав грустное лицо, я сказал:

— Ну что, мама, похоже, в целом четверть закончу нормально, только боюсь, будет одна «пара».

— Как «пара»? — воскликнула сестра.

— Да так, — ответил я, глядя не на Маринку, а на маму. — По английскому.

— И что же, ничего нельзя сделать? — спросила мама.

Тут я выждал, как бы сейчас сказали, мхатовскую паузу, а потом ответил:

— Да нет, можно. Вот сочинение задали.

На что Маринка сказала:

— Так давай прямо после ужина сядем и начнём писать.

— Не-е, мам, — сказал я, не глядя на сестру, — если Маринка меня будет «гонять», мы только разругаемся и ничего не получится.

Мама обескураженно спросила:

— А что же делать?

— Мам, ты скажи Маринке, пусть она напишет сочинение за меня, я сдам, получу пятёрку. Маринка же английский хорошо знает, глядишь, у меня будет твёрдая тройка.

Маринка тут же заявила:

— Ещё чего, самому надо делать.

Но мама непрекаемым тоном сказала:

— Доча, пожалуйста, напиши за него сочинение, нам ещё не хватало, чтобы этот оболтус (тут я сделал возмущённое лицо) принёс «пару» в четверти.

Маринка вздохнула, сердито зыркнув на меня, села к письменному столу. Буквально через пятнадцать минут она подошла ко мне:

— На, переписывай в тетрадь своим дурацким почерком, но только сначала прочти, что я написала, и подумай.

«Ещё чего, — про себя решил я, — и думать сто лет мне не нужно. А потом, если готовое сочинение, чего же буду его читать?»

Я аккуратненько переписал буквы и слова, абсолютно не вдумываясь в то, что я пишу, уж тем более не пытаюсь понять смысл написанного.

На следующий день, довольный, я сдал сочинение и стал ждать, предвкушая следующее занятие, когда «англичанка» будет объявлять оценки за это сочинение.

Вот наступил счастливый, как мне казалось, для меня день. «Англичанка» вошла в класс довольная и почему-то первое, что она сделала, с большим удовольствием посмотрела на меня. Я скромно потупился.

«Англичанка» начала раздавать сочинения, хваля кого-то, говоря: вот здесь четыре, вот здесь пять. Я смотрю — уже давным-давно могла бы и мою фамилию назвать, но не называет. «Понятно, — подумал я, — хочет привести в пример, потому

что у меня самое лучшее сочинение. Наверное, поставила пятёрку с плюсом. Ну ладно, подожду».

И вот, действительно, «англичанка» дошла до моего сочинения и сказала:

— А сейчас я хотела бы, чтобы Серёжа Миронов прочитал своё уникальное, замечательное сочинение сам.

«Опа-на! Вот это засада!» Читать, мягко говоря, я не хотел, но самое печальное, и не умел. Но делать нечего. Начал пе-
кать, мекать.

Вот я пекаю, мекаю, класс слушает, вроде всё нормально. Я дохожу до финала, с горем пополам дочитываю последние две строчки, и вдруг весь класс взрывается хохотом и просто начинает падать под стол. Я, не понимая, смотрю на «англичанку», смотрю на класс.

Учительница спросила:

— Ты хоть понял, что сейчас прочитал?

— А как же!

Кстати, когда Маринка написала сочинение, я спросил, что она там написала. Маринка сказала, что написала про нашу семью, написала, что я очень люблю учиться в школе и что очень люблю английский язык и в будущем хочу стать геологом и может быть язык пригодится мне в экспедициях в другие страны.

— Молодец! — тогда сказал я Маринке.

Когда я читал сочинение перед классом, то английское слово «geology» я понял: это что-то про геологов. А значение других слов: «my mother», «my sister», которых было очень много, я знал.

Короче, не буду вас томить, уважаемые читатели, оказалось, Маринка сыграла со мной злую шутку, потому что сочинение заканчивалось в переводе на русский такими словами: «У меня есть много любимых предметов, особенно я люблю химию, люблю историю, но английский я не люблю, потому что ничего в нём не понимаю и понимать не собираюсь, и это сочинение писал не я, а моя сестра».

Конечно, поставили мне «пару». Я пришёл домой, сделал самое трагическое лицо, в присутствии Маринки сказал маме:

— Ну что, мама, скажи «спасибо» Маринке, помогла она братику: «пара» теперь будет у меня в четверти.

Маринка не сразу поняла, в чём дело, и воскликнула:

— Слушай, идиот ты несчастный, неужели ты так и переписал?

— Конечно, я же доверяю своей родной сестре.

Мама сначала ничего не могла понять, а когда выяснила, она стала ругать Маринку, но та сказала:

— Слушай, мама, если он такой балбес, что даже не мог понять, что я там написала, пускай у него будет двойка, будет знать.

Кончилось тем, что мама попросила меня сходить к «англичанке» и договориться с ней о возможности переписать сочинение, попроситься на дополнительные занятия. Маринка занималась со мной неделю. Это было ужасно.

Но, в конце концов, за четверть свою «тройку» я получил.

Спустя много лет, когда оканчивал трёхгодичный заочный курс английского языка и сдавал устный экзамен в Москве на Неглинной улице, при подготовке к экзамену ощутил то хорошо понятное чувство людей, знающих язык, когда уже стал думать на английском языке, я вспоминал эту забавную историю. Всё-таки язык нужно учить вовремя, а не «валить дурака», как это в своё время делал ваш покорный слуга.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Обычно, когда вспоминают первую любовь, вспоминают юношескую или подростковую любовь. У меня всё было проще и в то же время тяжелей.

Свою первую любовь я увидел на торжественной линейке 1 сентября 1960 года, когда пришёл в первый класс 410-й школы. Это голубоглазое чудо с соломенными волосами, заплетёнными в две толстые тугие косички, на концах которых были огромные белые банты, мне не забыть никогда.

Как только я увидел эту девочку, которая поглядывала на будущих одноклассников и одноклассниц из-под пушистых

ресниц, то понял, что она сразу же на много-много лет завоевала навсегда своё место в моём сердце.

Если кто-то подумает, какая может быть любовь в семь лет, я скажу, что он ничего не понимает в любви, тем более что любил я свою первую любовь, увы, безответно целых девять лет. Я сам удивлялся, сначала все начальные классы, потом все классы средней школы, а потом и в старших классах своему постоянству.

Но по порядку.

Спустя полчаса после окончания торжественной линейки, уже в классе, когда наша классная руководительница Ираида Сергеевна проводила переключку и знакомилась с классом, я узнал, что мою любовь зовут замечательным именем Таня.

Моя Таня по очереди влюблялась в старшеклассников, но иногда на какой-то короткий период её внимания удостаивались мои одноклассники. Увы, я никогда не был в числе этих счастливых, но я безответно и преданно её любил. Причём класса с седьмого, когда мы по-настоящему стали изучать русскую литературу, хоть в школьной программе это не сказано, но я своим влюблённым мальчишеским сердцем раз и навсегда понял, прочитал между строк, что вся русская литература, конечно же, о любви.

И мне были очень знакомы переживания Татьяны, Онегина, Ленского, может быть, Ольги в «Евгении Онегине». То, что происходило в отношениях между Дубровским и Машей, и даже бедная Катерина (та самая, которая «луч света в тёмном царстве») с её нелюбовью к мужу и с её великой любовью к жизни находили самый горячий отклик в моей душе.

Очень скоро все не только в классе, но и в школе привыкли, что там, где Таня со своей подружкой Наташей, там всегда я. Если нужно было дежурить по классу, классная руководительница, а потом и другие учителя привычно называли наши фамилии вместе.

К сожалению, мне даже не позволялось носить портфель до дома моей любимой. Жили мы, правда, в разных кварталах, и даже, выйдя из школы, ей нужно было идти налево, а мне направо. Я готов был идти налево с ней хоть до самого Ленин-

града, но такой привилегии я никогда не удостоивался. Когда в седьмом классе впервые организовали школьный вечер, на котором были танцы, я помню, как сразу же на все школьные годы выработал для себя железное правило — свою собственную привилегию: на любом школьном вечере я имел право (а это право я дал сам себе) только один раз пригласить свою возлюбленную на танец.

Почему только один раз? Да потому, что большего она бы мне не позволила, а если честно, я сам бы не осмелился, потому что весь школьный вечер проходил для меня по одному, безумно волнующему и в то же время заставляющему страдать сценарию: полвечера я собирался с духом, потом, наконец, шёл через весь огромный, как мне тогда казалось, актёрский зал, приглашал Таню, почти не касаясь её, не знаю, как я умудрялся это делать, я абсолютно не помню, как мои руки держали её руку или как моя рука обнимала её талию. Я танцевал с ней какой-то медленный танец, например, под гениальную песню «Girls» Битлов, потом провожал её на место. А вторую половину вечера я силился жить воспоминаниями об этом прекрасном танце, но из-за ужасного волнения, а на самом деле где-то даже страха перед этой волшебной девочкой, вспоминать-то особенно было нечего.

И так прошли все школьные годы. Таня привыкла к тому, что есть такой в неё влюблённый Серёжка, который выполнит не то что любой приказ (это было вообще за счастье), любое движение её ресниц, бровей, взгляда. Кстати, очень быстро я научился понимать её без слов, я безропотно носил её любовные записки другим мальчишкам, приносил записки от них к ней, мне было всё равно: главное — быть рядом с ней.

Можно смеяться, но за девять лет я действительно понял и глубоко пережил, что такое настоящая (не улыбайтесь) неразделённая любовь. Но, опять же по законам русской литературы, это должно было чем-то закончиться. Читатель этих строк наверняка предвкушает или внезапный хеппи-энд в соответствии с голливудскими фильмами, или какую-либо катастрофу в реалиях российских.

Всё оказалось, с одной стороны, банальнее, возможно, действительно для меня неожиданно, но, по крайней мере, так, что запомнилось мне на всю жизнь.

Мы работали в каком-то колхозе на сенокосе. Девчонки сгребали граблями высушенное сено в небольшие стожки, подъезжал трактор «Беларусь» с прицепом, а мы, мальчишки, вилами загружали это сено на трактор. Работали своеобразными тройками: две девчонки с граблями и один парень с вилами. Нужно ли говорить, что тройка наша была: Таня, Наташа и я.

Отряды из разных классов нашей школы по очереди дежурили по лагерю. Дежурство заключалось в том, что нужно было раньше всех встать, приготовить завтрак, потом помыть посуду, потом обед, ужин — так весь день. Кроме этого, уборка территории и многое-многое другое. Дежурный отряд на сенокос в тот день не ходил.

Трапезничали мы за огромным, сколоченным из досок столом на улице в яблоневом саду. А этот сад был на территории местной школы. Девчонки спали в классах школы, а мы, мальчишки, в больших десятиместных армейских палатках на берегу реки Сороти. Палатки стояли над довольно крутым обрывом. По этому обрыву можно было сбежать к реке искупаться. В одном месте был съезд дороги через брод, и недалеко от края этого обрыва, метрах в двадцати от палаток, располагалась кухня — большая полевая кухня, только не на колёсах, а на двух согнутых из толстого прутка скобах. Таких полевых кухонь было три: одна для первого, другая для второго, а третья для чая. Объёмом, думаю, литров на тридцать каждая. Внизу, под полевой кухней, была печка, топили мы её дровами.

Была своя технология мытья этой полевой кухни. Как у настоящей полевой кухни, крышка плотно входила в пазы и завинчивалась специальными винтами, чтобы при транспортировке содержимое не выплёскивалось.

Мыли котлы таким образом. Наливалась в котёл горячая вода с мылом. Девчонки наклонялись, руками доставая до дна, вымывали котёл. Потом двое мальчишек брали за ручки

сбоку эту полевую кухню и, придерживая за ручки и за край котла, который должен был прикрываться крышкой, опрокидывали грязную воду над обрывом. А кто-то из девчонок в это время должен был держать крышку, чтобы она не прихлопнула пальцы мальчишек, которые находились как раз на обресе котла.

В один прекрасный день было наше дежурство. После завтрака мы мыли самый большой котёл, в котором варили кашу. Девчонки помыли котёл, позвали нас. Как сейчас помню, это были я и Сашка Нерославский. Мы с ним взялись с каждой стороны левой рукой за ручку, правую положили на верхний обод котла. Я кивнул Тани, сказал:

— Держи крышку!

Когда мы наклоняли и почти горизонтально клали на траву котёл, нужно было обязательно придерживать крышку и за ней идти. Но что-то у Тани не получилось, и в момент, когда котёл был уже градусов под сорок пять по отношению к поверхности, я услышал возглас Тани:

— Ой, падает!

Сашка отреагировал — резко убрал руку, тогда котёл стал заваливаться на меня и я понял, что сейчас он полетит под обрыв. Руку с обода я не убрал, и не потому, что я хотел сделать всё, чтобы котёл не упал, а просто, скорее всего, не успел среагировать. И тут огромная тяжёлая крышка с характерным чавканьем плотно захлопнулась на котле. Я рывком поставил котёл обратно, с ужасом смотря, как мои пальцы уходят под крышку котла. Крышка полностью вошла в пазы, и в то же время пальцы мои были внутри котла.

Я подумал, что всё, хана! Пальцы отрублены, больно ужасно. Немая сцена. Я сказал:

— Сашка, поднимай крышку.

Сашка поднял крышку. Пальцы, к счастью, оказались на месте, но фаланги, ближайšie к ладони, из себя представляли букву «зю». Все четыре пальца, было такое ощущение, сломаны. Потом оказалось, что они просто треснули и там действительно что-то сместилось. Так как всё это происходило в присутствии Тани, всё, что я о ней думаю, вместо меня

высказал Сашка, я мужественно шипел, чтобы не кричать. Все начали суетиться.

Одним словом, я уехал на каком-то грузовике в ближайшую больницу. Там мне наложили обыкновенную шину, примотав дощечку бинтом к ладони, пальцы даже, помню, не гипсовали, сказали, что где-то недели две можно походить так и само всё срастётся.

Вернулся я только к ужину (то ли дорога была неблизкая, то ли машину пришлось ждать — не помню), но все уже сидели за столом. Моё место было, естественно, напротив Тани. Я уселся на своё место, засунув руку с шиной под стол, начал левой рукой есть. Все стали расспрашивать: как дела? Я сказал: «Ерунда, до свадьбы заживёт», выразительно при этом посмотрев на Таню.

Почему-то к тому времени я довольно осмелел, а может, я увидел, что она чувствует свою вину и будет благосклонна в том числе к моим на самом деле довольно дурацким шуткам.

Таня сидела бледная, глаза не поднимала. Я отвлёкся, а потом машинально правой рукой потянулся за хлебом к тарелке, которая стояла прямо перед Таней. Потянуться-то я потянулся, а взять хлеб не смог, потому что все пальцы были перемотаны. Я отдёрнул руку, но тут Таня вскочила, бросила ложку на стол и, заплакав, убежала в школу. За ней побежала Наташа. Все посмотрели на меня, решив, что я специально сунул ей под нос искалеченную руку как некий немой укор, но у меня и в мыслях этого не было. Ну, убежала и убежала.

После ужина мы с мальчишками посидели на завалинке, а потом пошли в палатку не спать, а просто поболтать и поваляться. Солнце заходило, просвечивая палатку. Мы лежим, болтаем о чём-то. Тут видим: какая-то девчонка подходит к нашей палатке. То, что это девчонка, видно по тени на палатке. Услышали голос Люды, нашей одноклассницы:

— Серёжа Миронов здесь? Можно тебя на минуточку?

Голос Люды прозвучал загадочно, я бы даже сказал, трагично. Я вышел. Люда отвела меня в сторону и громким шёпотом (я подумал, наверняка мальчишки нас должны услышать) произнесла:

— Ты что, дурак такой, не понимаешь?

Я, честно говоря, удивился и не понял, что я должен понимать.

— Да Таня, Таня. Она же там рыдает, мы не можем её успокоить. Неужели ты не понимаешь, что с ней происходит?

— А что с ней происходит? — тупо спросил я.

— Какой же ты дурак, — сказала Люда, сделав огромные глаза, а потом, тщательно подбирая слова, продолжила:

— Неужели ты не видишь, что она (и тут она стала говорить по слогам) о-очень хо-ро-шо к те-бе отно-сит-ся, если ЭТО можно так назвать.

На слове «это» она сделала такое мощное ударение, что, естественно, я должен был подумать, что под этим словом нужно понимать любовь.

— И что же мне делать? — растерянно спросил я.

— Как что? Иди немедленно в школу и успокой её.

Честно говоря, почему-то мне очень не хотелось туда идти, но делать нечего: раз речь идёт об ЭТОМ, надо идти.

Зашёл я в школу, так называемую рекреацию, из которой несколько дверей ведут в классные комнаты, в которых девчонки спали. Девчонки ходили туда-сюда по своим делам. Я стал ждать, сам не знаю чего. Нужно ли говорить, что из всех дверей начали выглядывать любопытные и перешёптываться. Я прекрасно понимал, что они с большим интересом ожидали некую сцену, которая на их глазах должна была произойти.

Люда зашла в комнату Тани, со словами: «Сейчас я её позову». Я стою, жду, пять минут, десять... Драматургия накалялась на глазах. Девчонки без церемоний столпились в дверях и вдоль стеночек и только глаза не закатывали в предвкушении, видимо, очень душещипательного зрелища.

Тут я понял, что мне всё это надоело и вообще я не хочу участвовать в этом спектакле. Я повернулся и ушёл. Правда, когда шёл к палатке, ожидал, что за мной побежит Люда и скажет: «Ну куда же ты ушёл, Таня тебя зовёт». Нет, никто не побежал.

Я вернулся в палатку, там уже кто-то посапывал. Я разделся, залез под одеяло. Лежу, думаю о том, что бы всё это зна-

чило и что будет завтра. В этот момент ко мне наклоняется Сашка Нерославский. Сашка, известный не только в нашем классе, но и во всей школе женоненавистник, любитель запускать ракеты, влюблённый в математику, физику и химию, он терпеть не мог девочек и по определению, естественно, ничего не понимал в ЭТОМ, как сказала Люда.

И тут Сашка наклоняется ко мне, хлопнув по плечу, тихонько говорит:

— Серёга, я так тебя понимаю.

Я чуть не рассмеялся — уж Сашка-то что может понимать в ЭТОМ и как он меня понимает? А он продолжал:

— Ты, наверное, всю ночь спать не будешь? Это же надо, девять лет любил безответно, и вот, наконец, тебе ответили.

Тут я понял, что громкий шёпот Люды, хоть мы и отошли от палатки, нужных ушей достиг.

В тот момент, когда Сашка сказал сакраментальные слова, что ты, наверное, спать не будешь, я почувствовал, что глаза у меня смыкаются, потому что все эти события сегодняшнего дня, в том числе часовая поездка в город и обратно на трясутемся грузовике, видимо, меня немножко утомили. Я стал думать: это как же я всю ночь не засну? И под эти мысли, судя по всему, заснул, к разочарованию Сашки и к моей радости.

Утром проснулся с очень тяжёлым и непонятным чувством. Было такое ощущение, что кому-то чего-то должен, но конкретно кому и чего, не понимал. Это чувство очень тяготило.

На завтраке Тани почему-то не было. После завтрака все стали собираться на полевые работы. Наш завуч (негласный комиссар нашего отряда) сказал:

— Сергей, ты, наверное, сегодня не поедешь на работу?

— Почему? Я запросто могу вилы тягать.

Показал, как это буду делать: левой рукой основной, а правой вспомогательной, подхватывая под локоть вилы. Мы залезли в прицеп трактора (тогда спокойней относились к технике безопасности и никто не обращал внимания, что на самом деле перевозить людей в прицепе нельзя) и поехали на поле.

Девчонки в поле укутывались по-деревенски платками так, что видны были только одни глаза. Я по своей старой привычке смотрел на Таню, она на меня не смотрела. Но какое-то странное чувство бродило у меня в душе, то тягостное ощущение необходимости отдачи какого-то долга, которое у меня было утром, всё росло и росло.

Мы приехали на место, привычно разбрелись по тройкам. Девчонки сгребали сено. Я начал вилами делать стожки, ожидая прицепа. Тягостное чувство нарастало. В какой-то момент я понял, что даже неприятно смотреть на Таню. Ужаснулся этому. Стало ещё хуже.

Девчонки быстро закончили свою часть поля. Трактор не подъезжал, у меня тоже работы не было. Говорить ни о чём не хотелось. Как я уже сказал, даже смотреть в сторону Тани не хотелось.

А поле, на котором работали, находилось рядом с огромным холмом. И тут у меня появилось неистребимое желание немедленно забраться на вершину этого холма. Я воткнул вилы в землю и побежал к нему. Уже когда начал взбираться по склону холма, который был довольно крутой, такой, что мне даже приходилось помогать себе руками, цепляясь за траву и небольшие кустики, я увидел, как двое или трое мальчишек бегут за мной и тоже начинают карабкаться на холм.

Было жарко, пот заливал глаза, но я чётко знал, что мне нужно обязательно залезть на самую вершину. И вот я на вершине. Огромные просторы, прекрасная Сороть, за Соротью сосны Михайловского — место, где рождались чудесные поэтические строки из-под пера Александра Сергеевича, который так воспел женщину и прекрасную любовь к ней! Может быть, благодаря соседству Михайловского, а может быть, просто настала пора, вдруг, как удар молнии, мне пришло осознание: я разлюбил!

И здесь, дорогие друзья, я должен сказать, что, оказывается, освобождение от многолетней безответной любви — это огромное-огромное счастье, потому что я впервые за многие годы совершенно по-другому посмотрел на себя. Хоть Таня была далеко, но я посмотрел и на неё, видимо, внутренним

взглядом. Мне стало легко и радостно. Я повалился на землю и начал хохотать, как сумасшедший.

В это время залезли на вершину холма мальчишки — Сашка и Лёшка. Как потом мне сказали, они боялись, что я очертя голову сброшусь с этого холма, чуть ли не покончу с собой от переизбытка чувств. Я начал их обнимать, кричать:

— Как здорово, мужики, как здорово!

— Что здорово? Ты с ней поговорил?

И тут я им признался:

— Не люблю!

— Кого не любишь?

— Никого не люблю. Таню не люблю. Разлюбил.

— Да ты что? — ужаснулись они, потому что не могли поверить, что девятилетняя трагедия, как бы сейчас сказали, «Санта Барбара», так прозаически заканчивается.

Я увидел, что подъезжает трактор, пора браться за вилы, и сказал им:

— Айда.

А как было приятно и легко на душе! Я понял, что ощущает счастливый человек.

Забегая вперёд, потом, когда я познал счастье разделённой любви, я должен сказать, что то ощущение на вершине холма было отнюдь не меньше, или, по крайней мере, мне сейчас так кажется.

Я подошёл к Тане и Наташе и впервые, наверное, за годы прямо посмотрел Тане в глаза и о чём-то спросил, а потом пошутил и сам рассмеялся своей шутке. И тут я увидел чудо: в шестнадцать лет даже совсем юная девушка всё-таки уже женщина, потому что в её глазах прочёл всё: она поняла, что моя влюблённость (наверное, она так думала, а на самом деле любовь) закончилась, именно поэтому я так спокойно и свободно с ней разговариваю. В глазах её промелькнула сначала досада, потому что она, видимо, хотела дать мне пострадать, потом дать какую-нибудь надежду, в глубине души понимая, что в лучшем случае у нас с ней была бы так называемая «любовь» на несколько оставшихся дней этого лагеря, а потом она бы переключилась на какой-нибудь новый объект.

А сейчас всё кончилось, и на самом деле не надо ничего придумывать, просто мы — друзья-одноклассники. И она очередной моей шутке рассмеялась, и я понял, что всё, что было, осталось в прошлом.

Вот такая история о первой любви. И всё-таки я так благодарен этой голубоглазой девочке Тане за то, что она научила меня любить и прощать.

КАК Я БРОСИЛ КУРИТЬ

Всю жизнь горжусь и радуюсь, что не курю. На самом деле — ужасно вредная привычка и очень негуманная по отношению к тем, кто рядом. Можно сказать, я вообще никогда не курил, хотя иногда «сурово» говорю в узком кругу: «Да, курил я, но вовремя бросил», после некоторой паузы добавляю: «В пятнадцать лет».

На самом деле лет в тринадцать я впервые попробовал сигарету. Как сейчас помню, тогда продавались болгарские, по-моему, без фильтра, и назывались «Шипка» и «Солнце», даже, по-моему, в слове «солнце» буквы «о» не было, а было просто «Слнце». Первый мой опыт мне очень не понравился — голова закружилась, затошнило, дым противный.

Но мало-помалу иногда за компанию с мальчишками я затягивался. В школе (по крайней мере в нашей, 410-й) порядки были строгие, и если уж очень хотелось пацанам покурить, то мы на перемене выбегали из школы, бежали к кочегарке и под её навесом тайком (только что не в рукав) раскуривали обычно одну сигарету на пятерых-шестерых. Серьёзным курением это назвать было нельзя.

После восьмого класса решено было организовать лагерь пушкинских комсомольцев (сокращенно «Лапушко»). Был у нас замечательный завуч по воспитательной работе — Леонид Ефимович Гликман. Это был настоящий Педагог с большой буквы. И он решил на свой страх и риск вывезти нашу (к тому времени уже комсомольскую) молодёжь в трудовой лагерь.

Договорился с одним из колхозов Псковской области, который располагался на берегу Сороти прямо напротив Михайловского, того самого Михайловского, которое воспето нашим гением Александром Сергеевичем Пушкиным.

В один июньский солнечный день мы погрузились в обычный плацкартный вагон с чемоданами и рюкзаками. Я по уже привычной традиции оказался рядом с Таней, в которую был тогда влюблён. Чемодан я положил на третью полку, а в чемодане у меня лежал блок «Шипки», причём блок уже был вскрыт и одна пачка начата. По своему разумению я решил, что на месяц лагеря мне этого блока хватит. Поезд тронулся, начались разговоры.

В соседнем купе-отсеке сидели все мои школьные друзья. Через какое-то время один из них заглянул, выразительно глянул на меня, кивнул головой, и я понял, что зовёт покурить. Мы вышли в тамбур, из соображения экономии кто-то достал сигарету, и мы пустили её по кругу, а стояло нас человек пять. Занимали мы несколько вагонов, поэтому мальчишки и девочки ходили из вагона в вагон. Несколько раз туда-сюда прошла с подружкой моя девочка. («Моя» — это я так и тогда называл, и сейчас, чтобы было понятно, о ком говорю.)

Накурившись, наболтавшись, я вернулся на место, то есть к двум подружкам. Сажусь. И та из них, к которой я много-много лет испытывал самые глубокие, самые серьёзные чувства, говорит своей подружке: «Знаешь, обожаю курящих мужчин!» Я с удивлением посмотрел на неё, потому что не понял: почему именно курящих нужно обожать? Девочка тоже посмотрела на меня и, видимо, для непонятливых (то есть для меня), продолжила мысль, обращаясь к подруге: «Я думаю и просто уверена, что от каждого настоящего мужчины должно пахнуть табаком!» И было это сказано с таким вызовом! Она опять выразительно посмотрела на меня. Ну, от меня как раз сейчас разлило табаком, и по этому критерию я — самый настоящий мужчина. Я не понимал, к чему весь этот пафос.

Когда в третий раз что-то было сказано на эту же тему, я вдруг понял, что никогда в школе (а с этой девочкой мы жили в совершенно разных микрорайонах) она меня не ви-

дела с сигаретой. И я вспомнил, что в те моменты, когда они с подружкой проходили мимо нас в тамбуре, та самая сигарета, которая была по кругу, всегда находилась в руках у кого-то, но только не у меня.

Наконец я сделал правильный вывод, что все эти «потрясающие своей глубиной» высказывания относятся ко мне. Ух, как у меня взвырвало самолюбие, но самое главное — взвырвало что-то другое. Я не смог отказать себе в небольшом спектакле. Молча стащил чемодан с третьей полки, положил его на столик прямо перед милыми личиками двух подружек, демонстративно открыл его так, чтобы они увидели начатый блок «Шипки».

И вот достаю я это блок, захожу в соседнее купе и так, чтобы было слышно девчонкам, громко говорю пацанам: «Всё, мужики, с сегодняшнего дня я никогда в жизни больше не закурю ни одной сигареты!» Тут же стали поступать предложения поспорить. Я поспорил, причём, как сейчас помню, спорили по-взрослому то ли на бутылку вина, то ли на бутылку пива. Я хлопал по ладоням. Гордый и довольный, вернулся на место, а девчонки, как ни в чём не бывало, смотрели в окно и о чём-то между собой разговаривали.

Спустя много лет, уже после армии, я однажды пришёл на встречу класса. Мы встретились у одного из одноклассников на квартире. И вот я пригласил ту самую девочку, которая стала очень красивой и замечательной девушкой, на танец. Когда мы танцевали, я, неожиданно для неё, признался: «Знаешь, благодаря тебе я бросил курить». Она очень удивилась. Я напомнил ей ту историю по дороге в летний лагерь, на что мне было сказано, что я что-то путаю, ничего такого не было и быть не могло, потому что она, конечно, понимает, что в шестнадцать лет люди не столь умны, но такой дурой она тогда точно не могла быть.

Ну, не знаю, может мне действительно всё это приснилось, но то, что я с тех пор никогда больше в жизни не выкурил ни одной сигареты, да что там не выкурил, просто даже никогда не сделал ни одной затяжки, — это сущая правда, чего, кстати, и вам всем желаю!

ТАНДЕМ

Это не о том, о чём вы подумали, это о двухместном велосипеде, на котором педали крутят оба, а рулит один — передний. И это тоже не то, о чём вы подумали, это всё-таки о велосипеде, а не о политике...

Дело в том, что когда мне было лет пятнадцать, мы с моим другом Толяном задумали сделать самостоятельно тандем-велосипед.

Мы видели такие велосипеды на картинках и понимали, что где-то их делают заводским способом, но вживую мы ни разу такой велосипед не видели и решили сконструировать его сами.

У нас были велосипеды — дорожный и «Спутник», причём у «Спутника» рама была тоньше, тем не менее это не помешало нам рассчитать, распилить и сварить (уж не помню как, но помню, что сваркой) эти две рамы. Дальше мы сконструировали руль. Ну, с передним рулём и с передним колесом у тандема было всё понятно, а второй руль проходил через сиденье переднего велосипедиста...

Забегая вперёд, когда мы опробовали наш тандем, конечно, Толян сел впереди, я сзади, но при каждом повороте я хотел «подвернуть» его и что есть силы давил на руль, без всякого, правда, успеха, а Толян орал, что я норовлю его скинуть с велосипеда.

Делали мы тандем, наверное, целый месяц. Это было лето, были каникулы.

В принципе, всё у нас получалось, кроме одного: длинная цепь, которая шла со звёздочки педали первого велосипедиста на шестерёнку заднего колеса, всё время провисала. И как мы ни натягивали цепь, что мы только ни делали, провис был такой, что цепь норовила соскочить.

Тогда мы придумали: сделали на задней раме крепление и привернули самую обыкновенную алюминиевую палочку, которая поддерживала цепь, и цепь по ней двигалась. Во время движения эта цепь издавала очень характерный механический звук, как трещотка: «Тр-р-рр». Причём чем быстрее мы ехали, тем звук становился интенсивнее.

Я так подробно об этом рассказываю, потому что, когда мы стали испытывать наш тандем в окрестностях Пушкина, произошёл курьёзный случай.

Решили мы из Пушкина сгонять в Красное Село (это где-то километров двадцать).

Выехали на шоссе, разогнались и догнали грузовичок, который шёл со скоростью километров сорок пять — пятьдесят. Мы пристроились сзади него, потому что сопротивление воздуха там было меньше, и очень спокойно километров пять или семь ехали. Потом грузовичок свернул, а мы уже набрали, идя за грузовичком, хорошую скорость. И тут шоссе пошло под уклон и начался плавный поворот направо.

Мы крутим педали что есть силы, выскакиваем из-за поворота и видим: прямо посреди почти пустого шоссе стоит гаишник, растопырив ноги, раскинув руки, машет палкой, с удивлением ожидая (а это удивление очень хорошо было видно на его лице) некое транспортное средство, которое (как его опытный слух уловил) движется со скоростью несколько десятков километров в час со звуком, явно не похожим ни на один мотор.

Мы, конечно, подчинились, остановились, изумлённый гаишник долго осматривал наше «чудо». Спросил: что это тут у вас так тарыхтит? Мы показали ему, что тарыхтит.

ЗАГОВОР ОТ ЗМЕЙ

Я этого не помню, но когда гостил у бабушки Даши в деревне в Новгородской области, однажды, гуляя по деревне, увидел полоза — неядовитую змею. Нужно ли говорить, орал я так, что полдеревни сбежалось. Тогда бабушка пригласила какую-то то ли старушку, то ли цыганку и попросила её заговорить меня от змей.

Интересно устроена детская память: как выглядит полоз, не помню, а вот как какая-то пожилая женщина в цветастом платье что-то мне говорила (что, не знаю, но было очень жутко) — это я запомнил.

Потом, когда стал постарше, уже учился в школе, я любил собирать грибы. Очень часто друзья видели змей, кричали, даже хотели показать мне, но когда я подходил, змея всегда уползала и я не успевал даже на неё взглянуть.

Однажды, когда мне было лет 16, я поехал по приглашению своего друга Толяна к нему в Псковскую область в деревню Мышкино (так, кажется, она называлась). Толян рассказывал, что на болоте, куда они ходят за грибами, видимо-невидимо змей.

Но и там, к удивлению Толяна, ни он, ни я не увидели ни одной змеи.

И когда я служил в Кировабаде, там было столько змей, некоторых кусали ядовитые, но опять же я ни одной ни разу не увидел.

Первую в своей жизни змею я увидел, только когда мне исполнилось тридцать лет, — в пустыне Гоби. Я увидел змею, которую мы почему-то называли «Стрелкой», якобы она прыгала (не знаю до сих пор, прыгала она или нет). Я даже её сфотографировал на простенький фотоаппарат «Смена», и где-то в моём монгольском архиве этот снимок есть.

Так что уж не знаю, подействовал ли заговор от змей или это случайность, но факт остаётся фактом — после детского испуга до тридцати лет ни разу змеи мне не попадались.

ГРАНАТЫ В СОФИИ

В своё время Екатерина II задумала рядом с Царским Селом построить правильный, идеальный город со специальной планировкой, с храмом, со всеми причитающимися присутственными местами, и назвала она этот город София. И он действительно был выстроен как одно целое: с правильными улицами и с большим храмом в центре этого мини-города в честь русских побед в русско-турецких войнах. Этот храм, как говорили, является уменьшенной копией Софийского собора в Константинополе.

Наш дом с башнями на улице Красной Артиллерии (так я его всю жизнь называл и только недавно прочёл в альбоме, выпущенном к 300-летию Царского Села, что дом-то мой, оказывается, называется Кремлём. Как говорят: «А мужики-то и не знали») был частью Софии, Софийский собор находился на соседней, Огородной улице. Я помню, сначала территория вокруг него была огорожена колючей проволокой, вокруг ходил часовой. Мы, мальчишки, знали, что в соборе хранится трофейное оружие, собранное в годы Великой Отечественной войны на полях сражений.

Потом часовые исчезли, проволока осталась. Мы опять же знали, что в соборе находится склад фабрики детской игрушки, и даже однажды умудрились пробраться на этот склад. После этой вылазки карманы у нас были набиты пуговками-глазками от кукол. Больше ничего интересного мы там не обнаружили.

Ранней весной к нам во двор забежал один из наших пацанов с вытаращенными глазами и потрясающей новостью:

— Мужики, Софийский собор открыт, он пустой!

Надо ли говорить, что все, кто был в это время на нашей детской площадке, рванули к Софийскому собору. Действительно, ворота хоть и прикрыты, но без замка. Мы открыли ворота и зашли в абсолютно пустой, гулкий Софийский собор.

Когда мы раньше лазили в собор, то на самом деле попадали в некую пристройку, а не в сам собор. И вот теперь почти под самым куполом в верхней части огромных колонн мы впервые увидели большие овальные иконы, по-моему, из четырёх осталось то ли две, то ли три. Иконы почернели, и что на них изображено, нельзя было понять. Других икон в соборе не было.

Изучив сначала сам собор и все его закоулки, мы быстро нашли вход в подвал. В подвале потолки были высокие, пол земляной, и видно было, что это даже не земля, а высохшая грязь, оставшаяся после того, как там стояла вода.

Мы разбрелись по всему подвалу и тут услышали крик:

— Ребя, ходи сюда!

Мы пошли на голос и увидели, что мальчишки нашли полуразвалившийся ящик, в котором, судя по всему, лежали трофейные, а может быть, наши противотанковые гранаты. Вообще-то почему мы были так уверены, что это гранаты и именно противотанковые, я даже не знаю.

Все мы жили практически в военном училище. У многих отцы были офицеры, у меня отец — сверхсрочник. Очень много всякого оружия, снарядов, мин мы находили на полях. К сожалению, каждый год кто-нибудь даже подрывался. На Казанском кладбище была целая аллея могил (и братских, и одиночных) подорвавшихся на минах школьников.

Доски ящика сгнили, а гранаты так рядком на земле и лежали, по-моему, по восемь штук, а может, по шестнадцать. Мы их выкопали из глины. Нашли какую-то палочку и аккуратно просунули в отверстие посередине гранаты, куда, как мы понимали, должен был вставляться запал. Хотели проверить: есть ли запал или нет. Проверили одну, вторую, третью, пятую гранату — запалов не было.

Тогда кто-то сказал:

— Давайте разведём костёр и бросим гранаты туда, тол загорится, но без запала не взорвётся.

И опять же мы на сто процентов знали, что так и будет. Недолго думая (с ужасом и, честно говоря, с глубочайшим сожалением вспоминаю об этом) мы разожгли костёр прямо в храме. Когда костёр разгорелся, бросили первую банку-гранату. Она действительно быстро занялась и загорелась с гудением большим огненным шаром диаметром сантиметров пятьдесят.

Кто-то придумал сыграть, как мы потом это назвали, в «огненный футбол». Один из нас подскочил к костру и ногой ударил по загоревшейся банке с толлом. По сути, сейчас это была не граната, а именно банка с толлом. Во время удара и пока банка летела, пламя увеличилось в несколько раз. Плавающий тол горящими каплями разбрызгивался во все стороны. Кому-то попало на пальто, кому-то на брюки, но это было уже неважно — зрелище было потрясающее, и мы начали пинать этот огненный шар ногами, испытывая

одновременно восторг и в то же время страх, что обожжёмся, но страха, что взорвётся граната, не было: знали, что не взорвётся.

Первый ящик гранат мы таким образом сожгли, по-моему, в первый день. А потом началась эпопея, которая длилась где-то дней пять или семь. Каждый день после школы мы приходили туда, искали в той части подвала, где нашли первые гранаты, и действительно находили, но, как правило, уже по одной, по две, три гранаты. Ничего другого — ни оружия, ни боеприпасов не было, были только гранаты.

Поначалу мы каждую вновь найденную гранату также проверяли палочкой — есть ли там запал. Запалов никогда не было.

Естественно, о наших приключениях и «огненном футболе» разговору было на всю школу. Многие из других классов и из других улиц нам завидовали, хотели присоединиться, но мы чужих не пускали. Это был наш Софийский собор, бывать в нём и играть в «огненный футбол» полагалось только своим, софийским!

В очередной день после школы мы отправились туда, рассчитывая на заранее припасённые и находящиеся в подвале лопаты, ломы, потому что копать приходилось всё глубже, но мы были уверены, что на какое-то время для нас гранат хватит.

Действительно, мы выкопали после пары часов поисков и земляных работ ещё две гранаты. Пошли наверх. Почему-то никто даже не предложил проверить, есть ли там запалы. Начали разжигать костёр.

А когда мы заходили внутрь собора, ворота прикрывали и получался полумрак, поэтому особенно красиво вспыхивали ярким огненным шаром гранаты, подброшенные в воздух ногами того или иного сорванца.

Мы уже готовы были бросить первую гранату в огонь, как вдруг ворота распахнулись настежь и в собор вошли наши одноклассники, состоявшие в комсомольско-молодёжном оперативном отряде, а вместе с ними милиционеры и два офицера. Бежать было некуда, выход был только один — ворота.

Мы как стояли, так и остались на месте, с укоризной глядя на наших одноклассников, которые «сдали» нас, «заложили». Мы попытались, передавая за спиной друг другу гранату, куда-нибудь её спрятать. Но милиционеры и офицеры заметили наши манипуляции:

— Ну-ка давайте сюда!

Они аккуратно взяли из наших рук гранаты и спросили:

— И что, сейчас хотели в костёр бросить?

— Конечно!

— А если взорвётся?

— Да нет, не взорвётся, — хором сказали мы. — Мы проверяли, там запалов нет.

— А эти проверяли? — спросил один из офицеров.

— Эти ещё не успели.

Тогда офицер взял палочку и хотел сделать то, что делали и мы: проткнуть заткнутую глиной дырку, чтобы убедиться в отсутствии запала. Только он приставил палочку к началу отверстия, вдруг что-то привлекло его внимание. Он аккуратно пальцем потёр, и мы увидели выступающую зеленоватого цвета, видимо окисленную, головку, вероятно, запала. «Ё моё!» — пронеслось у меня и, думаю, у всех в голове.

Офицер приказал:

— Марш все отсюда! Бегом!

Мы побежали, причём понимали, что милиционеры хотели переписать наши фамилии, но, выбежав за ворота собора, бросились врассыпную.

Как потом рассказали нам наши одноклассники, члены комсомольского отряда, в обеих гранатах оказались запалы. И что было бы, если бы мы их бросили в огонь, одному Богу известно.

Вот такие были мальчишечьи игры в Софийском соборе. А желание побить наших одноклассников за то, что «заложили», после того как мы узнали, что в гранатах были запалы, куда-то исчезло. «Спасибо», правда, мы так и не сказали, а зря, ведь на самом деле, похоже, они просто нас спасли.

ЛОГАРИФМИЧЕСКАЯ ЛИНЕЙКА И «ЭРОТИКА»

Было это в девятом классе. Под Новый год мы с моим другом Толяном узнали, что в Ленинграде есть Индустриальный техникум, где готовят геофизиков, и приняли решение, что после девятого с аттестатом за восьмой класс будем поступать туда. Толян, хотя мы одноклассники, поступил мудрее — он тут же ушёл из школы и полгода до поступления в техникум работал, принося родителям довольно неплохие деньги.

А я очень любил школу, свой класс и решил, что лучше полгодика похожу в школу, но учиться, честно говоря, не собирался, потому что аттестат за восьмой класс у меня был неплохой. Это решение принял самостоятельно, не поставив в известность ни маму, ни сестру, ни уж тем более мою любимую классную. И на полгода школа стала для меня таким клубом, где я встречался со своими дорогими одноклассниками и одноклассницами.

При этом на истории и литературе я получал «пятёрки», потому что эти предметы любил. На математике мог получить и «четвёрку», и «пятёрку», но мог получить и «пару». Геометрию я тоже любил. Ещё любил я химию, но это увлечение мне досталось от Маринки, она меня научила, как в качестве подсказки пользоваться периодической таблицей Менделеева, и я это неплохо делал, решая различные уравнения химических реакций.

С другими предметами было, мягко говоря, похуже.

Сидел я на последней парте в ряду, который находился у стены. Так как я уже был явно неуспевающим учеником, рядом со мной посадили отличницу — стройненькую, красивую девочку. Она никогда не давала мне списывать, но если я обращался к ней с любым вопросом, она старательно пыталась объяснить, как решается то или иное уравнение или как нужно поступать в том или ином случае при решении тригонометрических, например, задач.

И вот мы начали проходить логарифмическую линейку. Учительницей математики была Мария Филипповна —

а мы её звали «Марфа». Это была «зверь». Задолго до звонка в ожидании начала урока математики уже все сидели в классе и с трепетом ждали ежедневно повторяющегося шоу.

Рывком открывалась дверь, и через образовавшийся проём сначала летел портфель. Портфель был тяжеленный. При этом никогда он не пролетал мимо и никогда не падал никуда, кроме как на учительский стол. Через секунду появлялась низенькая, полноватая «Марфа», широким солдатским шагом шла она к столу, на ходу выдавая команды: «Ну что, дубины стоеросовые, опять не готовы к уроку?! Невейкин, к доске! Баяндин, расскажешь задачу! Чегуркова, к доске!»

Доска делилась пополам, а то и на три части, давалась какая-то задача. Несчастные мучились у доски, а «Марфа» ходила вдоль рядов, проверяла «ДЗ» — домашнее задание. И в этот раз всё проходило по заведённому сценарию, но вместо привычного: «К доске!» — «Марфа» выдала: «Все достали логарифмические линейки, показали! А если какая-нибудь балда линейку забыла — марш из класса!»

Линейки у меня не было, но моей соседке, видимо, стало меня жаль, и она под столом (а сидели мы не за партами, а за столами) протянула мне логарифмическую линейку, а сама подняла футляр. Это она мудро сделала, если бы футляр поднял я, сто процентов, «Марфа» бы сказала: «Миронов, так я тебе и поверила! Открой футляр, там же у тебя ни фиги нет!» Поэтому я поднял линейку, а моей соседке-отличнице, конечно, хватило и футляра.

«Марфа» стала давать команды что-то там откладывать на линейке. Ну, тут мне нужно было линейку отдать соседке. Я под столом протянул ей линейку. Она не берёт, я шепчу: «На!» — и поднимаю линейку повыше. Тут чувствую какое-то замешательство. Я посмотрел в её сторону и увидел, что линейкой, простите, залез под подол её и так довольно короткого школьного платья и поднял его. Открылись стройные девичьи ножки. Секунду смотрел я на эту прелесть, пока моя соседка, вспыхнув, как маков цвет, не схватила линейку, поправила платье, инцидент был исчерпан. Хотя, должен заметить, как вы видите, помню я это до сих пор.

Но было и продолжение.

Тут я услышал свою фамилию и понял, что «Марфа» вызывает меня к доске. К доске так к доске. «Марфа» дала задачу, и я с удивлением понял, что решу её. А в это время «Марфа» пошла проверять «ДЗ». Ну, конечно, никакого «ДЗ» у меня не было сделано. Несмотря на то, что мне абсолютно было неважно, какую отметку получу, получать «пару» всё-таки было стыдно. Я пожалел, что «ДЗ» не сделал и не списал у кого-нибудь на переменке.

Я стучал мелом по доске, поглядывая через плечо, где находится «Марфа», а она уже подошла к моему столу, глянула в тетрадь моей соседки, потом потянула мою тетрадь, я приготовился услышать очередной вопль о том, какой я «балбесина и негодяйский негодяй», но никакого вопля не последовало, «Марфа» отодвинула мою тетрадку обратно, повернулась ко мне, глазами пробежала по решению и сказала: «Ну что, неплохо, садись, „четыре“». Удивлённый, я пошёл на место. Когда сел, увидел, что почерком, причём похожим на мой, всё «ДЗ» в моей тетрадке было написано.

Без комментариев.

ЮНОСТЬ

АРАБСКАЯ ГАЗЕТА

Когда я учился в Индустриальном техникуме в Питере, мы с моим другом Толяном каждый день приезжали из Пушкина на Витебский вокзал, потом садились практически на любой троллейбус, который шёл по Владимирскому проспекту до пересечения с Невским, там мы выходили, пешком проходили через Аничков мост, а дальше первый поворот направо — это как раз была улица Толмачёва (сейчас называется Караванная), там и находился наш техникум.

Маршрут был выверен и высчитан до минуты и до шага. Когда мы выходили из электрички, шли через Витебский вокзал мимо многочисленных киосков, тогда в них очень часто продавались газеты из стран социализма.

Была газета Польской объединённой рабочей партии, была какая-то газета из ГДР, были газеты на арабском языке.

Однажды с Толяном мы решили «поприкалываться»: купили такую газету, а заодно и нашу «Комсомолку». Я вложил «Комсомолку» в арабскую газету. Мы зашли в троллейбус и сели на последние кресла (чтобы сзади никого не было), я развернул газету с арабскими буквами в сторону салона, а к себе «Комсомолку» и стал читать Толяну какую-

то передовицу, причём специально такую заумно-политическую, из которой было непонятно вообще, о какой стране идёт речь, но то, что там о ленинизме-марксизме — это было понятно. Причём читал я специально не бегло, иногда запинался, как бы вспоминая слово. (Нам было по 16 лет, одевались без претензий.)

Нужно ли говорить, какими глазами весь троллейбус уважительно-почтительно смотрел на меня, думая: «Какой интеллигентный мальчик, иностранными языками увлекается!»

Нужно отдать должное нам с Толяном, до самого выхода из троллейбуса мы не рассмеялись, так и оставили весь троллейбус в недоумении: откуда такой простецкий на вид парень так хорошо знает арабский язык.

МАНЬЯК

Хочу рассказать одну историю, которая приключилась со мной в юности...

Это был 1970 год. Я учился в Индустриальном техникуме в Ленинграде, а жил в Пушкине — пригороде Ленинграда. Каждое утро вместе с другом Толяном мы садились в электричку, ехали в Ленинград, вечером возвращались домой.

Электричка была, можно сказать, дом родной. Расписание мы знали наизусть, чётко понимали, когда какая идёт, с какими остановками (в Пушкине и Павловске остановки были всегда).

Это было осенью, в конце сентября, мы с однокурсниками что-то отмечали, может, стипендию, а может, чей-то день рождения, отмечали мы скромно, и выпито было совсем чуть-чуть, но было. Естественно, мы припозднились и еле-еле заскочили в метро, чтобы успеть на последнюю электричку, которая отходила около часу ночи от Витебского вокзала.

Мы прошли в четвёртый вагон, который должен был остановиться в Пушкине как раз напротив выхода к автобусному кольцу. Вагон был пустой. Сели по левую сторону: я — лицом по ходу, Толян — напротив меня. До отправления электрички

оставалось ещё минут семь, мы о чём-то разговаривали, обсуждали прошедший вечер, строили планы на завтра.

И тут я услышал, как сзади раздвинулась дверь в наш вагон. Толян бросил взгляд мне за спину, и по его взгляду я понял: идут милиционеры (с недавнего времени вечерние электрички стали сопровождать наряды милиции). И действительно, мимо прошли два милиционера, мельком взглянули на нас и пошли дальше по вагону. Через минуту поезд тронулся, и я опять услышал, что у меня за спиной раскрылись двери и кто-то зашёл в вагон. Толян опять быстро глянул мне за спину, но почему-то его взгляд задержался, а потом он как-то быстро опустил глаза.

«Что-то не так», — подумал я.

И не успел я додумать до конца, как увидел, что рядом со мной садится какой-то мужик. Бросив мельком взгляд на него, не прекращая разговора с Толяном, я заметил, что это мужчина лет сорока с очень короткой стрижкой, и ещё я увидел какую-то наколку у него на правой кисти. В руках мужчина держал книгу. Глянув очень быстро на меня, чуть-чуть подольше на Толяна, сосед раскрыл книгу, причём раскрыл на первой странице после обложки, и я увидел название «Решение дифференциальных уравнений четвёртого порядка». Сердце ёкнуло, и в груди образовалась холодная сосущая пустота: в час ночи в электричках такие книги не читают.

И ещё: вагон абсолютно пустой, какого чёрта нужно было садиться именно рядом с нами? — что-то здесь не так.

Мужик минуту тупо смотрел на название, наверное, сам с трудом соображая, что оно означает, потом захлопнул книжку и без всякого перехода бодрым и весёлым голосом спросил нас: «Куда едем?» — «В Павловск», — тут же ответил Толян, и я глянул на него одобрительно-понимающе: нам-то выходить в Пушкине, а Павловск — следующая остановка за Пушкином, но на всякий случай соврал Толян правильно. Следующий вопрос меня застал врасплох, и это был тривиальный вопрос: «А который сейчас час?»

Я машинально глянул на свои наручные часы и тут же пожалел об этом. Ответив на вопрос, я уже не сомневался, что

рядом с нами сидит уголовник-рецидивист, который, может быть, только что «откинулся от хозяина», а может, вообще сбежал, увидел двух «лёликов», на которых можно пожить-ся. И я, как дурак, тут же «засветил» свои, пусть не очень шикарные, но вполне приличные часы.

Я стал смотреть в окно, а так как за окном было темно, я видел в окне отражение немного побледневшего лица Толяна и наблюдал за мужчиной. Мы с Толяном через стекло переговорили взглядами — давно научились понимать друг друга без слов и разделили опасения: здесь дело нечисто и в ближайшем уже вполне обозримом будущем нас элементарно начнут грабить, а может быть, даже убивать. Как-то этого не хотелось.

Я вспомнил про милицию и стал мысленно молить, чтобы они ещё раз прошли в обратную сторону. И только я подумал об этом, как дверь из тамбура напротив меня открылась, и я увидел, что в вагон зашёл пятикурсник высшего военно-морского инженерного училища имени Ленина, которое находилось в Пушкине. Курсант направился внутрь вагона, я смотрел на него умоляющим взглядом: «Не проходи мимо, останься в вагоне, а ещё лучше — сядь рядом».

И вдруг — о чудо! — курсантик действительно усаживается рядом с Толяном. С облегчением я вновь посмотрел в окно и вдруг с ужасом увидел, как морячок подмигивает сидящему рядом со мной мужику.

«Банда! — пронеслось у меня в голове, — морячок переодетый. Это банда! Сейчас начнётся, сейчас будут резать!» Толян, естественно, не видел этого подмигивания, но всё прочёл у меня на лице. В гробовой тишине мы мчались в ночной электричке, ожидая самого страшного в любой момент времени.

И вот промелькнул шестнадцатый пост, а потом и девятнадцатый километр — через две минуты Пушкин. По уму, конечно, нужно было сделать следующее, и мы, переглядываясь, в общем-то, об этом и договорились: нужно было дожждаться, когда электричка остановится, откроются двери, и тут же вскочить, перемахнуть через спинку. Толян должен был бежать в левый тамбур, а я — в правый — нужно было успеть выскочить на перрон.

Это была теория.

На практике нервы у нас не выдержали, и как только электричка стала замедлять ход, мы дёрнулись. Морячок и мужик тут же сомкнули колени и расставили руки. Мужик с ехидцей спросил: «А куда же вы идёте, вы же до Павловска едете?» — «Не ваше дело», — грубо (терять уже было нечего) ответил я, но при этом сам удивился, почему назвал мужика на «вы», значит, не очень-то и грубо. На что мужик сказал: «Ну ладно, ребята, хватит дурака валять, идём в тамбур и прошу предъявить документы». «Ага, — подумал я, — понятно, точно сбежали, им нужны документы, резать будут в тамбуре». Как агнцы на закланье, мы пошли в тамбур: впереди мужик, за ним я, потом Толян, а замыкал процессию курсант.

Когда мы вышли в тамбур, электричка уже остановилась, открылись двери, и я увидел на перроне четырёх милиционеров. «Бандиты переодетые, — первая мысль, которая посетила меня, — что же делать?»

Тем временем мы вышли на перрон, электричка тронулась, старший по званию, по-моему, это был майор, представился: «Майор Имярек, прошу предъявить документы!» Тут как-то потихонечку у меня стало отлегать, потому что на перроне было довольно много людей, все с интересом смотрели на нашу живописную группу. В это время милиционер званием помладше сказал курсанту: «Большое спасибо, товарищ курсант, за помощь, всего вам доброго». Курсант козырнул и побежал на автобус.

А в это время, пока мы доставали свои студенческие, а у меня ещё почему-то был с собой комсомольский билет, мужик из электрички достал портмоне и, развернув его, что-то стал показывать майору.

И вдруг у него оттуда на перрон падает фотография, и я вижу, что это явно фоторобот, причём на нём изображён Толян, только в огромных роговых очках. Майор быстро подхватил фотографию, кивнул мужику, мельком взглянул на мой студенческий и стал внимательно изучать студенческий Толяна.

«А вы очки не носите?» — спросил он Толяна. На что он ответил: «Нет, не ношу». Потом майор показал на горящий впереди зелёный семафор и спросил:

— А какой там цвет горит?

— Зелёный, — ответил Толян.

— М-м-м, — похлопав по ладони студенческим билетом Толяна, переглянулся с мужиком из электрички, козырнул нам и сказал:

— Извините, ребята, свободны.

На негнущихся ватных ногах мы с Толяном пошли к автобусной остановке, по-моему, даже немножко и зубы у нас стучали друг о дружку. И тут мы стали наперебой пересказывать свои ощущения, пытаюсь понять: что же произошло. А на самом деле произошло вот что. В то время где-то уже на протяжении полугода в пригородах Ленинграда орудовал маньяк, который насиловал и убивал детей, причём как девочек, так и мальчиков. И мы вспомнили, что и по радио, и по телевидению, и в газетах неоднократно публиковались сообщения и предостережения для родителей, чтобы не отпускали детей одних без сопровождения. Было известно, что маньяк живёт где-то в пригороде и ездит на электричке. А ещё, что он плохо видит и дальтоник. К тому времени было уже то ли три, то ли четыре убийства.

Мы стали раскручивать все события последнего получаса в обратном порядке.

Когда мы с Толяном сели в электричку, прошёл дежурный, а на самом деле усиленный наряд милиции, и милиционеры увидели человека, похожего на фоторобот. До отхода электрички оставались считанные минуты, поэтому операцию по захвату «маньяка», видимо, планировали на ходу. Нашли какого-то оперативника, которому сунули первую попавшуюся книгу, может быть, взяли из ближайшего киоска технической книги, и вот тот самый мужик с наколкой и был, видимо, оперативником в штатском.

Понимая, что нас двое, и не зная наших намерений, штаб операции, который на самом деле находился в соседнем вагоне, принял решение послать кого-то на подкрепление. К счастью, в одном из соседних вагонов ехал морячок-курсант, вот его попросили помочь.

А чтобы оперативник понял, что это не случайный попутчик, тот и подмигнул, что я, кстати, и заметил. Естественно,

милиционеры, которые стояли у раскрытой двери на платформе, уже были вызваны по рации и готовились нас, что называется, «упаковать».

Кстати, спустя пару месяцев все ленинградцы узнали, что маньяк, который действительно жил в пригороде (правда, не по витебской ветке, а по балтийской), был опознан дежурной в Доме колхозника и его прямо там взяли, а дежурной от ГУВД был вручён цветной телевизор — благодарность за бдительность.

ЗИМНИЙ ПОХОД

Во время моей учёбы в техникуме в Ленинграде у нас сложилась очень дружная группа. Хочу рассказать об одном из наших зимних приключений.

Мы слышали, что в Карелии есть знаменитый водопад Кивач, по-моему, он находится на реке Суна. Тогда подробных, как сейчас, карт не было — все они оставались строго секретными. Для туристов рисовали некое подобие, а в туристических картах не только масштабы были перевернуты, но и многие нанесённые населённые пункты или реки не совпадали с реальностью. Тем не менее нас это не тревожило, и мы решили отправиться в поход к водопаду Кивач.

С лыжами, рюкзаками мы доехали на поезде «Ленинград — Мурманск» до станции, которая, по-моему, называлась «Суна». Когда выгрузились из поезда, а сделали мы это очень быстро, потому что поезд стоял две минуты, то увидели, что река под мостом рядом со станцией покрыта льдом (это-то не удивительно — стоял январь и морозы были под 30 градусов), но снега на льду не было. По льду можно было кататься на коньках, а идти на лыжах, мягко говоря, проблематично. Но и это нас, юных геофизиков, остановить не могло. Я предложил связать лыжи вместе, сделать из них нарты, положить на них наш груз, впрячься и волоком тащить до тех пор, пока не появится снег.

У меня сохранилась редкая фотография того периода, она показывает наше изобретение в действии. Я дал ей шуточное

название «Но, залётные!». С трёх раз догадайтесь, кто из этих пятерых ваш покорный слуга? Всё правильно. Изобретатель этого транспортного средства, конечно же, должен был его и оседлать.

Но, если по правде, сел я туда, конечно же, только для того, чтобы сделать такое прикольное фото, а после мы все вместе тащили эту довольно тяжёлую поклажу.

Опускались сумерки, а до водопада мы так и не дошли. Разбив лагерь на одном из берегов, я, Толян и ещё одна девчонка рванули налегке, желая найти и увидеть этот водопад. По карте, вернее, по той схеме, что была при нас, получалось, что он максимум километрах в пяти от нас. Мы отмахали километров двенадцать, уже совсем стемнело, но не было и признаков водопада. Не солоно хлебавши мы повернули обратно.

Были мы нормальные студенты и, несмотря на спортивное начало нашего похода, для вечерних посиделок и песен под гитару у нас, что называется, «с собой было». Рассказываю это потому, что потом произошла одна, к счастью, не трагическая история.

Мы нарубили лапника внутрь палатки — спальников у нас не было. Кроме лапника, недалеко мы нашли стожок сена, натаскали ещё и сена в палатку. Вокруг костра тоже накидали сена и лапника, чтобы теплее было сидеть и петь песни. Кто-то сказал, что если набрать шишек и бросить их в костёр, доведя их до состояния тления, а потом положить в ведро и поставить в палатку, то шишки потихоньку будут тлеть и отдавать тепло. Проделав эту операцию, мы выяснили, что шишки дают только дым. Получилось бы хорошее средство от комаров — кстати, впоследствии в экспедициях в тайге оно не раз меня выручало.

Спали мы в бушлатах, валенках, шапках. И, несмотря на то, что за ужином немножко «согрелись» изнутри, конечно, все промёрзли. И вот ночью я проснулся, потому что совсем околел, вылез из палатки. Темно. Угли еле-еле мерцают. Я подумал, что если сейчас охачку сена на угли бросить, то они загорятся и можно будет немножко погреться. Я недолго думая так и сделал и стал моститься на лапнике рядышком, спиной к костру, чтобы прогреться.

Когда сено на углях вспыхнуло, я услышал страшный вопль, и это сено подскочило вверх. Оказалось, Толян ещё раньше меня вылез из палатки и лежал у костра, подвигаясь всё ближе к нему по мере того, как огонь угасал. В темноте Толяна я просто не увидел. К этому времени он приблизился лицом практически к углям, а я на него охапку-то сена и бросил. Хорошо, что он был в шапке-ушанке, завязанной под подбородком. Брови и ресницы у него опалились, но лицо не обожгло — слава Богу!

Если вы думаете, что он меня стал ругать или мы начали выяснять отношения, то вы ошибаетесь. После того как он накидал себе на лицо снега, он первый начал хохотать, а я за ним. На наш хохот стали вылезать из палатки все наши товарищи. Каждому из них мы пересказывали историю с костром. И так хохотали мы часа два, пока не стало рассветать. Так что получилось, что не мытьем, так катаньем мы согрелись, ведь когда смеёшься, становится очень-очень тепло.

ШАПИТО

Когда я учился на первом курсе Индустриального техникума, однажды весной нашей обычной шумной компанией геофизиков-первокурсников вышли из здания по улице Толмачёва, 9. В компании было человек восемь мальчишек. Шли, рассуждая, куда пойти: в кино, или, может, в мороженицу, или просто погулять...

И тут к нам подошёл лысоватый мужчина:

— Хотите подзаработать, пацаны?

Ну а кто ж подзаработать не хочет?

— Конечно, хотим! А что делать?

— Шапито ставить.

— Чего, чего?

— На Московском проспекте напротив Парка Победы летом будет работать летний цирк — шапито. Так вот, нужно его поставить.

— А как это?

- Да никак, научу.
- Сколько по времени работать?
- Работать будете после учёбы часа четыре каждый день.
- А сколько дней?
- Дней за пять поставите.
- Сколько заплатите?
- По тридцать рублей.
- Клёво! — сказали мы, потому что стипендия у нас была 25 рублей.

Ударили по рукам, договорились, что завтра и приступаем.

И действительно, приехали мы туда, мужичок нас встретил. Сначала мы разгружали многочисленные машины, причём среди них был различного рода реквизит, а ещё клетки с медведями, с тиграми. Когда мы по направляющим спускали клетку со львом, нас опытные рабочие, которые ездят постоянно с шапито, предупредили, чтобы мы руки не клали на тот угол, где начинается решётка — зверь оттяпать может (а у клетки была с торца решётка, а с других сторон закрытые стенки).

Ещё мы услышали, что с этими тиграми и львом нужно быть аккуратнее: «А то Бугримова вам голову оторвёт!» Так мы узнали, что с этим цирком ездит знаменитая дрессировщица тигров Ирина Бугримова.

По-моему, в то время ей было под семьдесят (а это был год, наверное, 70-й). Фигура у неё была, как у девушки, но лицо выдавало истинный возраст. Как сейчас помню, курила она всё время «Беломор» — одну за другой. Иногда, что для меня было немножко диковато, жутко ругалась матом, но зверюг своих любила.

Похоже, слушались они её беспрекословно.

Много было весёлых историй, пять дней пролетели быстро, «глаза боятся, руки делают», и через пять дней у нас стоял натянутый шатёр, расставлены кресла, сделаны все подсобные помещения, звери находились там, где им нужно.

Нам даже позволили посмотреть несколько первых представлений бесплатно вместе с друзьями.

Наконец наступил день расчёта, и, как сейчас помню, выдали нам аж по 33 рубля. И тут же у нас разгорелась бурная дис-

куссия: что с этими деньгами делать? Перво-наперво решили скинуться аж по пять рублей, чтобы пойти в какой-нибудь ресторан и круто это дело отметить. Но я сказал: «Не-а, пацаны, у меня другие планы» — и не пошёл с ними.

А дело было вот в чём.

В тот год моя сестра Маринка, наверное, после четвёртого курса, а может это была преддипломная практика, была на практике в городе Бийске Алтайского края. И незадолго до эпопеи с шапито от неё пришло письмо, которое было адресовано бате. Батя с нами уже тогда не жил, только иногда появлялся по нашему адресу. Гарантии, что он скоро появится, не было, поэтому письмо я вскрыл и прочитал.

В нём Маринка просила отца выслать ей 10 рублей — она увидела в местном магазине какие-то белые босоножки, которые очень хочет купить, а денег нет. Мне так стало жалко сестрёнку: где-то там в магазине стоят босоножки, а она их купить не может. И тогда я решил оставить себе три рубля, а Маринке отправить не десять, а тридцать рублей — пускай она себе ещё какие-нибудь туфельки или платышко купит, пускай порадуетя.

Но почему-то я решил, что в переводе напишу, как будто это отец ей деньги посылает.

Честно скажу, не помню, то ли совсем там ничего не написал, то ли там, где адрес заполнял, попытался почерком бати написать... Я тогда подумал, что сестрёнка могла бы испугаться, увидев, что это от меня перевод, подумать, откуда у брата такие деньги — вдруг украл или ещё что-нибудь.

Когда пришло следующее письмо, где восторженная Маринка благодарила папулечку, я благоразумно его куда-то убрал. Батя появился через несколько месяцев, когда уже Маринка вернулась с практики. Она не забыла его поблагодарить. Батя с удивлением посмотрел на неё и почему-то взгляд перевёл на меня, но ничего не сказал.

Самое главное — я так никогда Маринке и не признался, что это я послал деньги, и почему-то до сих пор, хотя уже ни моей сестрёнки, ни бати нет в живых (Царство им Небесное), мне от этого хорошо!

ПОЕЗДКА В СИБИРЬ

«Поезд тронулся. Перрон серой змеей заскользил за окном и оборвался: змее отрубили голову — я уезжаю из Ленинграда». Так начиналась моя запись о поездке в Сибирь, сделанная примерно через год после той эпопеи. Рукопись, которую я назвал ни много ни мало как «Исповедь», куда-то безвозвратно исчезла, но что интересно, начало той самой исповеди почему-то запомнилось, и сейчас я его привёл абсолютно дословно.

Эта история приключилась в 1970-м году. В 1969-м мы с Толяном ушли из девятого класса, узнав, что в Питере есть Индустриальный техникум, в котором открыт факультет «Геофизические поиски и разведка полезных ископаемых». Узнали мы об этом только в девятом классе, иначе бы ушли в техникум после восьмого. Одним словом, 1 сентября 1969 года мы с ним были студентами индустриального техникума, который находился на улице Толмачёва — сейчас это улица Караванная. Эта улица идёт от цирка мимо Манежа, мимо кинотеатра «Родина», выходит на Невский практически прямо напротив Дома пионеров. Налево — в нескольких сотнях метрах Аничков мост, направо — Елисеевский магазин, площадь Островского, Садовая, Гостиный Двор. Одним словом — самый центр города.

Первый семестр мы окончили неплохо, сдали все экзамены, на каникулах сходили в лыжный поход в Карелию с ночёвками, начался второй семестр. Один из наших однокурсников, который уже отслужил в армии, устроился работать дворником недалеко от БКЗ «Октябрьский». Ему дали служебную отдельную однокомнатную квартиру, вход в комнату был прямо из подъезда, а через комнату можно было пройти на кухню, в углу которой из досок был выгорожен туалет. Эти детали хорошо помнятся, потому что каждый день в 5–6 утра мы все вместе по специальному графику лёд кололи, а осенью листья мели, а затем грелись на квартире чаем, а иногда и не только чаем. Зато на заработанные нашим однокурсником деньги мы иногда по-студенчески кутили. Жизнь была весёлая.

Потом что-то на меня нашло, и я надумал вдруг где-то в феврале, по-моему, после моего дня рождения (а стукнуло мне семнадцать годиков) навсегда уехать куда-нибудь в Сибирь, устроиться в геологическую партию, и гори синим пламенем и техникум, и Ленинград, и все друзья — надо срочно начинать серьёзную, взрослую, полевую геологическую жизнь. Одним словом — типичные проблемы переходного возраста плюс юношеский максимализм.

Маме и сестре я сказал, что завербовался по комсомольской путёвке в Тюмень. С ходу, не заглядывая в атлас, придумал и район, и даже название деревни, в которой якобы я буду работать. Даже попросил маму написать в райком комсомола заявление о том, что она не возражает против поездки сына на комсомольскую стройку. Друзья, конечно, знали, что поехал я на полевые работы в Сибирь, правда, куда конкретно, я ещё сам себе плохо представлял.

И вот февральским солнечным деньком я был где-то с 20 рублями в кармане, с билетом на поезд до Москвы, с чемоданом, в который я положил все свои школьные фотографии и фото из техникума, новые ботинки, которые купила мне мама, бельё, механическую бритву «Нева», подаренную батарей, ещё какие-то мелочи. Причём перед отъездом я хотел выпиться, но мама отговорила меня, сказав, что, если нужно будет, потом всё мне оформит. Вот такой был походный «наборчик».

Провожать меня пришли все мои друзья. Мы, конечно, сначала посидели в дворницкой, потом всей гурьбой отправились провожать меня на вокзал. Обнялись. Я уже собирался идти в вагон, но Толян немножечко отвёл меня от всех и на ухо сказал: «Серёга, я тебя знаю — отговаривать тебя бесполезно. Я знаю, что ты всё равно вернёшься — может, через месяц, может, через две недели, может, через полгода. Ты только знай одно — я всегда буду тебя ждать и мне будет хреново без тебя». Я сурово посмотрел на своего лучшего друга: «Что это за нюни такие? Я вообще никогда не вернусь. Если я что решил...» (я в то время ещё не знал строчки знаменитой пес-

ни Высоцкого про то, что «если я чего решил, я выпью обязательно», но решительность была примерно такой же). Как потом эти слова Толяна пригодились мне, возможно, они просто спасли мне жизнь. Одним словом, дальше, как описано: «Скользнула змея платформы...»

Уже поздно вечером я был в Москве на Ленинградском вокзале. Быстро сориентировался, что поезда в Сибирь отправляются с Ярославского. Решил взять билет в общий вагон на поезд «Москва — Хабаровск». Денег мне хватило (где-то 17 рублей, а может, и меньше, честно говоря, сейчас уже не помню) до Красноярска. Осталось где-то рубля три мелочью. В зале ожидания я прикорнул, чемодан сдал в камеру хранения за 15 копеек.

Утром вышел посмотреть на Москву, в которой, надо сказать, был впервые. Площадь трёх вокзалов — Комсомольская — поразила шумом, гамом и какой-то не питерской суетливостью. Около вокзала я увидел львовский автобус, около которого человек с мегафоном в руке приглашал на экскурсию по городу. Поезд уходил вечером, весь день был впереди. Узнав, что вся экскурсия стоит всего лишь полтинник, я решил посмотреть столицу. Сел в тёплый львовский автобус, который вместе с экскурсоводом повёз нас по Москве. Больше всего запомнилась, конечно же, Красная площадь, и про неё расскажу интересный эпизод.

Дело в том, что в детстве, да и в техникуме, мягко говоря, я был хулиганистым подростком. В 15 лет бросил курить, но дурацкая привычка плевать у меня осталась, и делал это я довольно регулярно и по-хулигански лихо. И вот привозят нас на Красную площадь. Где-то около Василия Блаженного на Васильевском спуске останавливается автобус, мы выходим. Я вижу Спасскую башню, часы на которой в это время сыграли четвертные куранты, машинально плюю на брусчатку и вдруг ловлю себя на мысли, что я сделал что-то очень постыдное и абсолютно недопустимое. Я вдруг понял, что плюнул на КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ (!) — на Святое место для каждого гражданина Советского Союза. С первых картинок в букваре Красная площадь для меня олицетворяла собой

всё то, чему меня учили, когда я был октябрёнком, пионером, кстати, в тот момент я был комсомольцем. И удивительно, что у меня, у пушкинского хулигана, уши покраснели от стыда за то, что я плюнул на брусчатку Красной площади. Я поозирался, надеясь на то, что особо никто не заметил. Похоже, так и было.

Вечером, по-моему, было около восьми часов, взяв чемодан, пошёл по перрону к своему общему вагону. Через пару вагонов меня останавливает молодой мужчина, очень интеллигентно одетый, в папаше и взволнованно говорит: «Молодой человек, вы не в этом поезде едете?» На самом деле это был единственный поезд, который стоял на этой платформе и догадаться было не трудно, но это всё я потом понял.

— Да, — говорю, — на этом.

— А вы куда едете?

— До Красноярска.

— Ой, а я до Хабаровска еду, к невесте. И вот беда какая: не хватает буквально нескольких рублей на билет. Вы знаете, меня в Екатеринбурге будут встречать родственники, и они мне деньги привезут. Вы не могли бы дать хоть сколько-нибудь, чтобы хватило на билет?

Он говорил это так трогательно, ну какие тут могли быть сомнения? Он тут же начал спрашивать, какой у меня вагон, место. Я сказал, что места нет, вагон общий. Он спросил, как меня зовут. Я сказал, Сергей. Он заверил: «Вы знаете, я обязательно вам принесу». «Вот всё, что у меня есть», — и я чисто-сердечно и простодушно выгреб всё серебро, которое у меня было (около двух рублей), и ссыпал ему в ладонь.

Конечно, больше я его никогда не видел. Собственно говоря, я это понял спустя минут пятнадцать. Но он так нахраписто, а главное — интеллигентно и убедительно врал про невесту, что я (сам парень не промах) купился, как последний лох. Ну, Бог с ним. Зато у меня в чемодане была положенная друзьями ещё в Питере бутылка «Столичной» водки и почему-то батон, причём батон из Питера. И вот я продолжил поиски своего общего вагона.

Когда я зашёл в него, народу было не так много. Я увидел свободный отсек, в котором расположились цыганка и мужичок лет пятидесяти. Сел, забросил чемодан на третью полку и стал ждать, когда тронется поезд. Вдруг я услышал громкий голос, шутки, прибаутки и понял, что кто-то пробирается сквозь проходящих в вагон людей, причём против течения. Кто-то беззлобно ругался, кто-то похохатывал от шуток-прибауток. Вскоре этот персонаж возник передо мной. Это был молодой парень лет 28-ми, стриженный наголо, немножко с косинкой, за версту было видно, что сидел, причём наколок сразу я не увидел, но понял, что он, как тогда говорили, «от хозяина». Ещё удивило, что на улице зима, февраль, а на нём была майка на голое тело, поверх которой незастёгивающаяся (как потом выяснилось — молния не работала) «демократка». Тогда почему-то лёгкие ветровки из плащёвки назывались «демократками». Он весело посмотрел на меня и сказал: «Давай знакомиться, меня зовут Витёк». Я приподнялся:

- А я — Серёга.
- Ну, Серёга, куда едешь?
- До Красноярска.
- А билет-то есть?
- А как же?
- Покажь!

Я достал билет, показал, засунул обратно в свой карман.

- Ну ладно, Серёга, значит, будем ехать вместе.

Почему вместе, я не понял, но этот Витёк мне сразу понравился. Витёк сказал, что сейчас приведёт остальных, и куда-то убежал. Минут через пять я услышал женский визг, опять похохатывание Витька, и в нашем отсеке общего вагона появились две девицы, по-моему, навеселе и ещё какой-то «бледный вьюнош» (так я его сразу назвал), как потом оказалось — Санёк, примерно моего возраста. Я-то был, мягко говоря, не Геракл, а это вообще было что-то падающее от дуновения ветерка.

Девчонки на каком-то своём тарабарском языке прицепились к цыганке, которая, огрызаясь, быстро встала и ушла, а Витёк буквально на минуту подсел к мужику, который пристроился у окна, что-то на ухо ему шепнул, и мужик, матерясь,

встал и ушёл. И в купе мы остались впятером. Витёк сказал: «Девчонки, знакомьгесь: это — Серёга. Серёга, это — Санёк. А это — Римка и Галка». За всеми этими разговорами поезд тронулся.

И тут Витька командует: «Так, девчонки, в тамбур, пасите кондуктора, потом переходите». Кого пасти, как переходить, я не понял, но девчонки поднялись и ушли. «Санёк, давай наверх». Санёк ящерицей взгромоздился наверх, переложил мой чемодан с одной полки на другую и лёг так, что даже когда я встал, его не было видно. «Ну а ты, Серёга, слушай меня, — сказал Витёк, садясь к окну, — сейчас зайдёт проводник, сунешь ей правой рукой свой билет, когда она его посмотрит, положи билет в правый карман брюк». Я поинтересовался: «Зачем?» — «Надо так». Надо, значит, надо.

Мы сидим, прислушиваемся, как продвигается проводник, поезд уже стучит вовсю. И вот немолодая, усталая женщина подходит к нам: «Мальчики, ваши билеты». Я, как учили, протягиваю правой рукой билет. Она записала что-то себе в книжечку и правой рукой возвращает билет мне, а левой уже тянется к Витьку: «Твой билет». И я с ужасом вижу, как Витька вскидывает практически к её носу правую руку с кукишем: «А вот тебе мой билет». И пока он это делает, я чувствую, как он из моей правой руки своей левой берёт мой билет. Только раскрыла рот кондукторша, чтобы заорать на Витька что есть мочи, как он тут же миролюбиво говорит: «Да что ты, вот он билет». И он покрутил перед ней билетом, даже дал ей посмотреть — места там всё равно нет. Она посмотрела, правда, немножко подозрительно, но, ничего не сказав, вернула билет Витьку.

Честно говоря, с каким-то напрягом я ожидал, что Витёк благополучно сунет этот билет себе в карман, но он благородно вернул его мне. «Ну, — думаю, — слава тебе, Господи!» Через какое-то время вернулись две девчонки, спустился сверху Санёк, начали поближе знакомиться. А чтобы знакомство пошло лучше, я вспомнил, что у меня в чемодане есть бутылка водки, да ещё и батон. Когда я это всё продемонстрировал, радости у коллектива не было предела. За этой бутылочкой,

за разговорами выяснилась интересная история. Санёк, оказывается, вроде меня, беглый из дома, только из Москвы, едет куда глаза глядят. Почему он это сделал, так для меня и осталось не ясным, впрочем, как и я особенно не распространялся, почему мне позарез нужно было ехать в Сибирь.

Витёк действительно сидел в тюрьме, буквально неделю назад освобожден, а теперь ехал на Сахалин, где у него батя (страшно даже сказать) первый секретарь Сахалинского обкома партии. С девчонками он познакомился на вокзале, пообещав, что батя их устроит на хорошие деньги — на работу. И мне пообещал работу в геологической партии на Курилах или на Камчатке. Круто! Обе девчонки, на самом деле молодые женщины, тоже сидели где-то на Севере, работали на рыбопосоле. Нужно сказать, что Римма была очень красивая девушка, а Галка была толстая, неопрятная и некрасивая. Но смотреть на руки обеих было неприятно и даже страшно — они были изъедены солью, даже ногти. Правда, на это я вскоре перестал обращать внимание. И вот началось наше интересное путешествие.

Очень скоро выяснилось, что Витёк — заядлый картёжник. В соседнем вагоне нашлись богатые кавказцы, и Витёк регулярно уходил к ним играть, обычно по ночам. Играл он, видимо, неплохо, потому что у нас всё время была еда, был даже иногда коньяк. Ехали мы весело, с песнями.

Девчонки оказались вполне нормальными. Однажды произошел эпизод, который поверг меня и Санька в некий мальчишеский шок. Оказывается, на те деньги, которые девчонки заработали в лагере, они купили женского белья, и в какой-то момент, причём это был не вечер, а день, они вдруг нацелились прямо в наш отсек всё это примерять — причём абсолютно не обращая на нас никакого внимания, даже просили иногда что-то застегнуть. Я, честно говоря, очень быстро убежал в тамбур. А Санька, по-моему, так и мучился — хотя как сказать...

И так мы ехали, по-моему, три или четыре дня до Красноярска. Раз в сутки, обычно вечером, ходила бригада проверять билеты. Все отрепетированно занимали свои «расчётные» ме-

ста: Санёк залезал на третью полку, и до Красноярска я чинно сидел в купе один, протягивая свой билет. Римма, как более худенькая, пряталась под кучей пальто, которые мы все повесили на одну сторону (хорошо, что никто ни разу не догадался заглянуть под эти пальто), а Галка с Витьком умудрялись бегать из вагона в вагон, изображая всё время, что они из соседнего вагона и у них уже билеты проверяли. Самое удивительное — им это удавалось.

И вот наступил день, когда мы проехали город Красноярск. Так как компания у нас была весёлая, я не обратил на это внимания. Когда в первый же вечер после Красноярска Витёк (а как-то он чувствовал или знал, когда идут контролёры) дал команду: «Все по местам!», я сначала беспечно остался сидеть на месте. Более того, моя беспечность продолжалась аж до того момента, пока я не услышал голоса контролёров в соседнем отсеке. И вдруг я понял, что билет у меня уже тютю: Красноярск был часа три тому назад. Лихорадочно думая, что же делать, я тут же завалился на полку и решил — притворюсь, что напился и просто-напросто проспал. Подошли контролёры, стали пробовать меня разбудить. Я что-то замычал, перевернулся на другой бок и, самое удивительное, меня так и не разбудили. Поэтому первую проверку билетов я прошёл таким способом. Со следующего дня я уже по примеру Санька забирался на третью полку, так как комплекцией был не намного его крупнее, и мне тоже удавалось оставаться незамеченным.

Вот мы проехали Тайшет, Иркутск и повернули огибать Байкал. У меня в чемодане (всё-таки в Сибирь еду) был хороший перочинный ножичек. Мы этим ножичком резали хлеб, открывали консервы, бутылки. Он обычно даже днём лежал на столе, но вечером, чтобы не украли, я убирал его в карман брюк или клал под подушку. Спал я, кстати, на второй полке. Напротив, тоже на второй полке, спала Римма. Витька и Галка располагались на нижних полках. Саньке доставалась третья полка, а когда Витьки не было, он спал внизу.

И вот где-то посреди ночи меня тормошит Витёк:
— Серёга, где у тебя нож?

— Зачем?

— Надо.

Я даю ему нож. Он куда-то убегает. Буквально спустя минут десять — я не успел заснуть — смотрю: он прибегает, глянул на меня. Почему-то интуитивно я сделал вид, что сплю, а сам сквозь прищуренные глаза увидел, как он достал задвинутые под нижние полки девичьи сумки, выгреб пакеты с их бельём, кажется, переложил всё в одну из девичьих сумок, схватил пальто Санька и куда-то быстро рванул. Ничего не понимая, я остался лежать. И вдруг через полчаса — крик, шум, гам, зажётся свет. Нас стали будить. Тут же оказалась какая-то станция, зашла милиция и сразу же к нам.

Выясняется вот какая картина: видимо, Витёк проигрался, что-то там не поделил, прибежал ко мне, взял мой нож и пошёл резать этих кавказцев, похоже, кого-то действительно зарезал. Уж не знаю, насмерть или нет, одним словом — порезал. Не постыдился украсть у девчонок купленное на заработанные в лагере деньги бельё и спрыгнул с поезда. Уже от милиционера мы узнали, что он — довольно известный рецидивист. Я уж не знаю, как на блатном жаргоне называется тот, кто ходит по поездам и грабит, но выяснилось, что Витёк этим и промышлял: он действительно иногда играл в карты, а большей частью просто ходил по вагонам и ночью грабил народ. Вот откуда у него всё время были деньги. Похоже, то, что он тратил на еду для нас, это была всего лишь маленькая толика. Витёк сидел, и не раз, последняя сидка у него была где-то года полтора назад, и всё это время он промышлял по поездам дальнего следования. Естественно, никакой он не сын первого секретаря Сахалинского обкома, может, вообще никогда на Сахалине не был.

Девицы, поняв, что едут в никуда, а самое главное — что у них украли их вещи, матерились на чём свет стоит. Санёк приуныл. Еды не было. Вообще всё стало тоскливо. Одним словом — посмотрев по схеме, что ближайший крупный город — Чита, я решил, что дальше мне с этой компанией не по пути.

И вот я вышел с чемоданом, без копейки денег в замечательном городе Чита. На привокзальной площади увидел соп-

ки над городом, на двух или трёх из которых были локаторы. Стоял очень сильный мороз, а пальтишко у меня демисезонное, правда, шапка зимняя. Есть хотелось сильно, потому что последний раз ел где-то сутки назад. Пошёл было в вокзальную столовую (в те времена ещё хлеб на столах стоял бесплатно), но хлеба на столах не оказалось. Покрутился — ничего съестного добыть не удалось. Мешал чемодан. Я стал думать, как бы мне его сдать в камеру хранения, но для этого нужны были 15 копеек. Вспомнил про механическую бритву, подаренную батей, достал и стал всем предлагать купить её за 15 копеек. Желающих не нашлось.

Я понимал, что что-нибудь поесть или найти какие-нибудь монетки я смогу только в городе. Есть хотелось очень, поэтому в одном из залов ожидания, в котором было поменьше народу, я нашёл самую дальнюю скамью и задвинул под неё как можно дальше чемодан. Честно говоря, умом я понимал: когда вернусь, очень может быть, чемодана не будет, поэтому практическая мыслишка подсказывала мне: «Достань-ка новые ботинки, обуь их, возьми свежее бельё, сходи, переоденься. Фотографии, может, достань, по карманам рассыуй». Но, с другой стороны, это бы означало, что я заранее смирился с тем, что у меня сопрут чемодан.

И вот из-за какого-то дурацкого упрямства я ничего этого не сделал, задвинул чемодан подальше и побежал по городу. Причём помню, у меня была абсолютно наивная мысль пойти не куда-нибудь, а в райком комсомола (у меня даже с собой комсомольский билет был) и сказать ребятам, что так и так, оказался в такой ситуации, дайте денег на хлеб. К ужасу своему я никак не мог найти этот райком комсомола: никто не знал, где он находится. Несколько раз заходил в булочные, другие магазины, толкался около касс, пытаюсь найти хоть какую-то монетку на полу — ничего нигде не было.

Несолоно хлебавши возвращаюсь я на вокзал. Войдя в зал ожидания, вижу (а это место было прекрасно издалека видно), что чемодана нет. Самое интересное — грустил я не более пятнадцати секунд, на душе стало весело, потому что этот чемодан нужно было таскать, думать, куда его пристроить, а так — гол

как сокол. Паспорт и билет комсомольский у меня с собой, денег не было и нет. Ещё у меня в кармане лежали атлас железных дорог, ручка, расчёска и носовой платок, наверное.

Вот с таким скарбом я пошёл к схеме железных дорог и стал прикидывать: куда мне дальше податься? Если вы подумали, что, оказавшись без денег и без чемодана, я решил ехать домой, то вы плохо меня знаете. Я решил ехать не куда-нибудь, а в замечательный город Братск. Для этого мне нужно было добраться от Читы до Тайшета, а там пересесть на ветку, которая оканчивается в Братске. Там, на севере Иркутской области, строилась то ли дорога, то ли какой-то рудник. Откуда я это знал, не помню, но план был таков: доехать до Братска, там выйти на большак, поймать попутку и ехать в Усть-Илимск (или что-то такое) или же пойти в геологическую партию — я был уверен, что в этом месте она должна быть. Наверное, откуда-то я об этом знал.

А ещё забыл сказать, что, когда ехал с той весёлой компанией, где-то через два купе до Тайшета из Москвы ехала моих лет симпатичная светловолосая девчонка. Не помню, как её звали, но на самом деле все дни я проводил в разговорах с ней. Честно говоря, она мне довольно сильно понравилась. Она читала какую-то книжку, и закладкой ей служила открытка, которую ей написала, по-моему, бабушка. Эта девочка училась в Москве в техникуме, но у них что-то в семье случилось, и она ехала в Братск. На открытке был обратный адрес: Гидростроитель, улица М...ская и номер дома без квартиры — наверное, частный дом. Я почему-то запомнил этот адрес.

Она мне рассказала, что на карте есть просто город Братск, а на самом деле это три последовательные железнодорожные станции. По памяти, по-моему, это так: «Братское море», «Падунские пороги» и последняя, конечная станция — «Гидростроитель». И вот я решил, что доеду до «Гидростроителя», найду эту девчонку — уж как-никак покормит, а может, и переночевать позволит, а потом узнаю, как выйти на трассу, поймаю попутку и поеду устраиваться в геологическую партию.

Вот с таким замечательным планом я стал ждать ближайший поезд, который меня довезёт до Братска. То, что у меня не

было денег и не было билета, не смущало, потому что у меня была цель и я знал, что надо садиться в общие вагоны: обычно на входе билеты не проверяют, потому что все бегом-бегом, поезд стоит мало, а потом уже проводница проходит и спрашивает билеты. Если будут свободны третьи полки, я спрячусь там. В конце концов, если выяснится, что я без билета, ссадят. Поезда по Транссибу ходят практически каждый час — сяду в следующий.

Мне повезло. Доехал я довольно быстро, потому что сел в отсек, где ехали пятеро мужиков, как раз одно место было свободным. Как я понял, это были сплавщики, в преддверии весны ехали готовиться к сплаву. Они сплавляли на плотях брёвна по реке и ехали как раз до Тайшета. Я спрятался сначала на третью полку. Проводница прошла, меня не заметила. Я там так и остался лежать.

Спустя какое-то время мужики сели ужинать. А ужинали они селёдкой. На пергаментной бумаге они разложили две или три селёдки, аппетитно порезали их ножами, почистили, а ещё у них были две безумно вкусно пахнущие буханки хлеба. Мужики были настоящие — сибиряки, потому что, только начав есть, они позвали меня: «Эй, хлопец, спускайся к нам, присаживайся, поешь». Надо ли говорить, что дважды повторять мне не потребовалось. Они мне подкладывали селёдку, а я в основном уминал хлеб. По-моему, я съел больше чем полбуханки, а селёдку только один раз лизнул. Сказал: «Спасибо». Потом всё время бегал в туалет пить воду. На душе повеселело, но это была моя последняя еда на ближайшие то ли шесть, то ли семь суток — но это так, уже забегая вперёд.

Доехал я до Тайшета, там спокойно пересел и примерно часов в восемь вечера я оказался в том самом «Гидростроителе». Мороз стоял градусов под 40, ботиночки-то у меня хоть и назывались зимними, но я не раз вспомнил про те, которые остались в спёртом чемодане — да только что же делать? И стал я бегать по посёлку (причём именно посёлку), приставать к редким одиноким прохожим с вопросом, где тут такая улица — на «М» начинается и на «ская» кончается, причём точно помнил, что это не «Московская». Никто не знал.

Бегал я, наверное, часа два. И, судя по всему, не только замёрз, но и простыл. Не найдя эту «М...скую» улицу, проклиная всё на свете, я вернулся в здание вокзала. Оно представляло собой павильон, к счастью, отапливаемый печкой, со стандартными деревянными креслами-сидениями (хорошо, что без поручней — на них можно было вытянуться). На одной из скамеек так уже развалился какой-то мужик. Я улёгся и провалился в никуда.

Проснулся я от того, что меня тормозили милиционеры. Вдруг почувствовал, что как будто я пьяный — а на самом деле меня бил кашель и, видимо, поднялась очень высокая температура. Всё плыло, сам я шатался. Милиционеры сначала меня действительно приняли за пьяного. Я показал им паспорт, они посмотрели на мою ленинградскую прописку. Я им сплёл какую-то историю, сейчас уже не помню, какую, они меня и оставили. Так как это была станция конечная, поезд стоял в тупике, и я знал, что где-то в 8 утра пойдёт этот поезд-подкидыш до Тайшета.

Когда поезд подали, шатаясь, кое-как забрался в вагон. Проводница, стоя у дверей вагона, притопывая ногами от мороза, спросила: «Билет-то есть?» — «Есть, есть», — сказал я и гулко постучал себя по тому месту, где во внутреннем кармане лежал атлас железных дорог. Почему-то это глухое постукивание убедило проводницу, а может, не хотелось ей на морозе руки из варежек доставать, одним словом — я проскользнул. Я был практически первым в вагоне. Отошёл, чтобы быть не в последнем отсеке, но и подалее от тамбура, рядом с которым купе проводницы, залез на третью полку и стал думать, что дальше делать.

Во-первых, понял, что действительно заболел и, похоже, серьёзно. Во-вторых, понял, что никакого Усть-Илимска мне не видать. А, в-третьих, я понял, что больше всего на свете хочу в Ленинград. И тут спасательным кругом в памяти всплыли слова моего дорогого единственного друга Толяна, который как в воду глядел, говоря: «Я тебя буду ждать». Я знал, что Толян никогда не попрекнёт меня тем, что я вернулся. Просто он действительно очень этого хочет. И потом наверняка чув-

ствовал нутром, что так оно и случится. И, приняв решение, что я возвращаюсь домой, я почувствовал себя так легко и так хорошо, что повалился на эту деревянную полку и заснул.

Проснулся от того, что меня даже не проводница, а уже контролёры стаскивали за ногу. У меня были часы, я глянул на них и понял, что еду уже где-то часа три или четыре. А ещё заметил, что снизу за происходящим с удивлением наблюдает семья: мама, дочка — девчонка моих лет (причём голодный-голодный, больной-больной, а успел заметить, что симпатичная) и братишка её, наверное, лет пяти. Как раз присутствие симпатичной девчонки почему-то подвигло меня на поведение некоего такого бывалого урки. И я начал всякими словами (правда, не матом — в присутствии женщины я никогда бы этого не смог), но тем не менее, очень грубо отпихиваться, отбрехиваться от них. Они меня потащили в тамбур, где две женщины-контролёра, взяв мой паспорт, с удивлением прочитав, что я из Ленинграда, сказали: «Слушай, ты же ленинградец, что же ты ведёшь себя так?» Мне стало ужасно стыдно.

Я им рассказал, как есть, сказал, что пытался искать счастья в Сибири, чемодан украли, денег нет, еду домой к маме. При словах, что «еду к маме», сердобольные женщины только что не всплакнули, сказали: «Иди, сынок, садись, только веди себя достойно, как и подобает ленинградцу». А нужно сказать, что ленинградцев всегда уважали, в том числе за вежливость. И потом в геологии я это очень хорошо понял.

Вернулся, но, конечно, не стал садиться там, где сидела та семья.

Благополучно мы доехали до станции Тайшет. Стояли жуткие морозы. Я пулей выскочил из вагона и побежал на вокзал в буфет в надежде, что там хлеб на столе есть, а может быть, ещё что-нибудь — чего уж там, буду говорить, как есть, — может, что-нибудь в тарелках осталось. Каково же было моё разочарование, когда я увидел, что буфет на ремонте. Зал ожидания был абсолютно пустой.

Стандартные МПСовские сидения стояли по периметру вдоль стен, середина была пустая. Я вышел на перрон. Прямо

у входа на вокзал на перроне стояла краснощёкая тётка в валенках, повязанная крест-накрест пуховым платком, и время от времени призывно кричала: «Пирожки! Пирожки! Жареные пирожки с мясом!» Кто-то подошёл, протянул денежку, тётка открыла нутро своего ящика, оттуда повалил пар, и в нос мне шибануло вкуснейшим, маслянистым запахом жареных пирожков с мясом. Сглотнув слюну, я пошёл в туалет пить воду. Последние дни, когда уже стал голодать, всё время пил воду, чтобы хоть что-нибудь плескалось в животе.

Делать нечего: на улице холодно, направился я в зал ожидания и пошёл вдоль рядов, машинально глядя на пол и заглядывая под скамейки — вдруг рубль найду или ещё какую-нибудь монетку. Краем глаза увидел, что та самая семья из поезда (мать с дочкой и сынишкой) сидит в этом же зале. Видимо, тоже до Тайшета ехали с пересадкой и поедут дальше в европейскую часть страны. Делая обход, наконец я заметил, что под одной из скамеек, почти у самой стены, лежит примерно три четверти баранки. Видно, что она лежала здесь давно и пыли на ней достаточно, но это — еда! Сразу полезть под лавку было неудобно, тем более оказалось, что эта несчастная баранка лежит как раз напротив того места, где сидела знакомая мне семья.

Тогда я разработал целую операцию. Я сел на ту скамью, под которой лежала баранка, достал атлас железных дорог, который у меня лежал во внутреннем кармане пальто, достал ручку, начал ею водить и, конечно, якобы нечаянно уронил ручку под скамейку. И вот я полез за ручкой, а сам потянулся к баранке. И, уже взяв её, прямо из-под скамьи (видимо, почувствовав) я глянул в сторону женщины, которая сидела напротив, и встретился с ней взглядом... Но выпускать добычу из рук я уже не стал, быстро вылез и пулей бросился опять же в туалет, чтобы помыть баранку.

Помыл, даже немножко поскоблил её. Она кстати немножко размякла. Может быть, не очень приятно звучит, но я видел, как едят голодные собаки, которым что-то кидаешь, и они не жуя «ам!» — и всё проглатывают. Вот примерно таким же образом эта баранка попала ко мне вовнутрь.

«Поужинав, позавтракав и пообедав» за вчера, позавчера, сегодня и ещё неизвестно за сколько дней вперёд, я вернулся в зал ожидания. Сел в уголке так, чтобы семья оказалась сбоку и меня было не очень видно. И даже вроде начал подрёмывать. До поезда было где-то часа три. И вдруг вижу, как девчонка (которая симпатичная, которая дочка) заходит из той двери, что ведёт на платформу, а в руках у неё огромный промасленный из пергаментной бумаги кулёк. «О, — думаю, — сейчас будут пирожки есть». А девчонка напрямик идёт ко мне. И пока она идёт (вижу, что ей неловко, но мама приказала), я понимаю: женщина увидела, что мальчишка, которого она заметила в вагоне, голодный, поэтому дала денег дочке и сказала, чтобы она купила пирожки и отнесла мне.

Взрослая женщина, а тут, конечно, сделала ошибку. Если бы хоть девчонка была какая-нибудь страшенькая, а лучше вообще чтобы не девчонка, даже если бы пацан мне эти пирожки принёс, у него бы я взял, у матери — тем более, а когда девчонка протянула мне кулёк и сказала: «На!», какой-то бес в меня вселился: я ударил её по руке так, что кулёк подпрыгнул вверх и пирожки салютом посыпались на пол. Девчонка крикнула: «Ну и дурак!» — и побежала к матери.

Я выскочил на перрон злой на себя, на эту женщину, хотя она тут при чём? Им было не на тот поезд, на котором я планировал ехать как можно дальше, потому что буквально минут через десять они с чемоданами вышли на платформу. Пулей я бросился обратно внутрь зала ожидания в надежде, что пирожки-то на полу лежат. Чёрта с два, ни одного не было. Увидел только, как в дальнем углу завершает влажную уборку уборщица. Понятно, у неё я не стал спрашивать, куда она пирожки дела. Одним словом — ничего не обломилось.

А дальше, честно говоря, было не очень интересно, потому что всё-таки температура у меня держалась, да и от голода я не очень хорошо соображал. До самого Ленинграда больше ни крошки во рту у меня не было. А добирался я от Тайшета до Питера ещё суток шестеро. Ссаживали меня почему-то всё чаще — иногда удавалось проехать две остановки, иногда час, иногда три. И так как я всё время ехал в вагоне что называ-

ется «фрагментом», никто не предлагал перекусить, да как-то я и не попадал, чтобы при мне ели. Кстати, тот самый атлас мне очень пригодился: мне ведь нужно было не в Москву, а сразу в Питер. Уж не помню, то ли в Перми, то ли в Кирове я специально пересел на поезд, который идёт в Ленинград.

И вот, не помню, какое это было число, но начался уже март... На самом деле ездил я не так много, где-то дней семнадцать у меня получилось. Так вот, в мартовский денёчек, рано, по-моему, чуть ли не в шесть утра поезд останавливается на Московском вокзале. Ещё накануне вечером я рассчитал, что у нас в Индустриальном техникуме в этот день должна быть нулевая пара, которая начинается в 7:40, и я молил Бога, чтобы Толян не сачканул и решил не прогуливать в этот день, приехал бы на занятия.

Пешком по Невскому от Московского я дошёл до родной улицы Толмачёва, встал рядом с техникумом (он размещался в двух зданиях, по двум сторонам улицы, но первокурсники учились, по-моему, на нечётной — дом 9), напротив была телефонная будка, в ней я и решил ждать Толяна. Я увидел своих однокурсников, но отвернулся, чтобы меня не заметили: было неудобно — все же знали, что я «геройски» уехал покорять Сибирь.

Я всё время смотрел на поворот с Невского. Обычно мы с Толяном от Витебского вокзала ехали на троллейбусе по Владимирскому до Невского, а там, как правило, бегом бежали через Аничков мост на улицу Толмачёва. Я смотрел на часы: времени было уже 7:35, Толян не показывался. И вдруг в 7:36 он появился из-за поворота. Когда ему осталось метра два до телефонной будки, я буквально выпал к нему в объятия.

«Здорово» я ему не сказал, а сказал: «Толян, у тебя есть деньги?» Он залез в карман и вытащил всё, что у него нашлось (как сейчас помню, было ровно 44 копейки). А я помнил, что на углу Невского и, по-моему, Рубинштейна было кафе-автомат (почему автомат? — до сих пор не знаю), и открывалось это кафе в семь часов. Я сказал Толяну, что на большой перемене буду здесь же, в телефонной будке, его ждать, а после бегом припустил в то самое кафе-автомат.

Кафе находилось в полуподвальном помещении, в зале стояли мраморные столики на ножке. (Сейчас подумал: автомат оно называлось, наверно, потому, что нужно было есть стоя.) С утра посетителей почти не было. За прилавком стояла скучающая раздатчица.

Я подошёл, быстро оценил всё меню, увидел, что 9 копеек стоит порция макарон с сыром и 1 копейка — хлеб. Вот я и взял четыре порции макарон и восемь кусков хлеба. Раздатчица машинально всё это пробила, начала выставлять тарелки, а потом с удивлением стала оглядываться, ища, кто же все это будет есть? Смешная, она не знала, какой страшно голодный проглот стоит перед ней.

Я перенёс всё это на свободный столик, повернулся к ней спиной. С наслаждением съесть у меня не получилось, потому что я всю еду слизнул, а после почувствовал, что мне и этого мало. Но делать нечего — тарелки стояли уже пустые, даже самые мелкие крошки сыра были подтёрты куском хлеба. Хлеб, естественно, тоже был уже во мне. Когда я повернулся и пошёл к выходу, увидел глаза той раздатчицы: видимо, она поняла, что малой лиха хлебнул.

А дальше совсем неинтересно. Я уговорил Толяна ехать вместе домой, одному было как-то страшновато. К своему ужасу застал свою маму, уже вторую неделю лежащую с сердечным приступом. Выяснилось, что среди тех, кто меня провожал на вокзале, была одна знакомая девчонка, она не училась с нами в техникуме, а приходилась двоюродной сестрой моему однокласснику и на каникулы приезжала к брату. И, конечно, его мама знала мою маму. Эта девчонка, вернувшись с вокзала, расщебетала все своим: «Вы представляете, Серёжка-то, оказывается, не по комсомольской путёвке уехал, а из дома сбежал, в Сибирь поехал». Они позвонили моей маме, и она слегла, что было очень печально.

Летом этого же года я вновь поступил на первый курс техникума, с отличием окончил первый курс и пошёл в свою первую экспедицию на Кольский полуостров. Вот так завершилась моя сибирская эпопея. Сегодня, вспоминая всё это, думаю: я ли это был, дурачок такой? Но иногда мне кажется, что

почему-то это должно было произойти со мной. Например, я знаю, что подавляющее большинство нищих — это «профессиональные» нищие. Но если я вижу человека, просящего на еду, никогда отказать не могу.

«СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ»

Первая моя экспедиция после первого курса техникума (первое поле) была на Кольский полуостров в 1971 году. Нам досталась геофизическая партия Северо-Западного геологического треста, которая работала на проверке радиоактивных аномалий. Кстати, это как раз то, чем потом всю жизнь я и занимался в геологии.

Поехали мы вдвоём с моим однокурсником Олегом. До армии я был довольно тщедушным юношей с точки зрения комплекции, а Олег — здоровый парень. Он играл в футбол, по-моему, за юношескую городскую команду «Смена».

И вот мы с некоторыми приключениями, о которых здесь рассказывать не буду, где-то в середине июня прибыли на место базирования нашего геофизического отряда в посёлок Кузрека, это южный берег Кольского полуострова, или по-другому — северный берег Белого моря.

Приехали мы от посёлка Умба, до которого доплыли на пароходике из Кандалакши. В Умбе нас ждал геологический УАЗик, который довёз до Кузреки. Так совпало, что приехали мы в пятницу. Все члены отряда находились в посёлке, на базе, и этот день был баннным. Нас завели в большую просторную избу.

А нужно сказать, что когда-то посёлок Кузрека был рыбколхозом.

То ли рыбы стало меньше, то ли колхоз убыточным, одним словом, рыбы там больше не ловили, и почти все дома, а было их около сотни к тому времени, стояли пустыми, но абсолютно целыми — можно было занимать любой дом, что геологи и сделали.

И вот, зайдя в просторную избу, увидев человек десять наших будущих коллег, мы поздоровались, нас тут же усадили

за стол на деревянные лавки. Стол был длинный, из струганных досок. Видно, что когда-то хозяйка скоблила доски ножом, чтобы они были чистыми.

Народ только-только сел к столу, так что мы оказались вовремя. На столе стоял чугунок с картошкой в мундире, огромный таз с малосольной сёмгой и стопкой лежали вяленые щуки. (В тот сезон меня научили щук потрошить. Их разделявали не с брюха, а со спины. Разрезали спину, вынимали хребет, раскрывали щуку как книжку, все внутренности выбрасывали, а всё остальное солили, а потом вялили.)

Кроме этого, на столе были напитки. Стояло несколько бутылок шампанского и бутылки, как сейчас помню, с красной этикеткой, на которой было написано: «Питьевой спирт. 99°».

Познакомившись, мужики нас спросили: «А что, хлопцы, вы у нас выпивающие али как?» Мы бодро с Олегом ответили, что да, выпивающие, что мы уже такие бывалые, крутые. Тогда кто-то из них сказал: «А „Северное сияние“ пробовали когда-нибудь?» Мы спросили: «А что это такое?» Нам объяснили, что берётся 250-граммовая эмалированная кружка, на одну треть туда наливается спирт и до верха доливается шампанским. Я быстро прикинул (к сожалению, опыт уже был), что получается, как стакан водки. Столько я ещё никогда в жизни за один раз не выпивал, но решил, что отказываться неудобно, надо показать, что мы всё можем, поэтому за себя и за Олега ответил: «Да вроде, хоть и не пробовали, попробуем, наливайте!» Нам и налили.

Кто-то наливал себе одно шампанское, кто-то наливал спирт и разбавлял его водой, а нам, как «дорогим» гостям, предложили такой коктейль «Северное сияние». Чокнулись, выпили за знакомство. Пился этот напиток легко, только всё время было ощущение, что по усам течёт и холодит. Это только потом я узнал, что всегда такое ощущение, когда спирт пьёшь.

Я поставил кружку, посмотрел, чем бы закусить. Красную рыбу я тогда не ел (кстати, не ел её лет до сорока) и потянулся к стопке вяленой щуки. И вдруг увидел, как в каком-то нереальном сне, как будто у меня рука вытягивается, вытягивается и... больше я ничего не помню.

Проснулся я утром на раскладушке. Сапоги были сняты, но лежал в одежде. Голова, к счастью, не болела, и вообще чувствовал себя вполне сносно. Олег спал на соседней раскладушке. Солнце светило в окна нещадно, хотя было всего-навсего полшестого утра. А летом в тех местах не то что «белые ночи», а просто ночей нет, потому что солнце доходит до горизонта, скользит по нему и снова восходит.

Из разговоров мужиков вырисовывалась такая вечерняя картина. Оказывается, Олег выпил свою порцию, секунд десять посидел, тупо глядя в стол, и брякнулся со скамейки. Его унесли спать.

— А ты, Серёга, — рассказывали мне ушлые мужики, — оказался покрепче. Выпил, взял щучину, почти всю целиком съел, да ещё хлебом закусывал, минут сорок анекдоты рассказывал, потом сказал: «Мужики, что-то я затяжелел, пойду-ка отдыхать». Мы пытались тебе помочь, но ты спросил, где раскладушка, мы тебе показали, ты и улёгся спать.

Ну, вроде как, в глазах моих новых знакомых прямо такой крутой парень. Но на самом деле был мне урок на всю жизнь.

Больше я никогда не пил незнакомые напитки и вообще не пил так, чтобы ничего не помнить. Очень мне это не понравилось. Никому не советую так поступать, даже когда вам предлагают напиток с таким романтическим названием, как «Северное сияние».

ВОЕННО-МОРСКИЕ УЧЕНИЯ НА БЕЛОМ МОРЕ

В первую свою экспедицию, производственную практику после первого курса техникума, я был на берегу Белого моря, на юге Кольского полуострова, на Терском берегу.

Стояли мы в посёлке Кузрека, который смотрелся как огромная деревня, но к тому времени там уже никто не жил, кроме двух-трёх стариков да нас, геологов.

И вот однажды мы увидели, как где-то далеко-далеко в море появились корабли, были слышны артиллерийские

выстрелы, вроде даже какие-то ракеты пускались, мы поняли, что идут морские учения.

А нужно сказать, что в том месте регулярно, дважды в сутки, бывают отливы и приливы. Причём море уходило километра на четыре, обнажая плоскую, ровную плиту, сложенную терским песчаником. Кстати, именно в этом терском песчанике, в кварцевых прожилках мы находили интересные образцы горного хрусталя, аметистов, раухтопазов и так далее.

И первые настоящие красивые образцы в моей коллекции появились именно в тот сезон.

Утром, идя умываться к морю, мы увидели, что совсем недалеко от нас из моря торчит подводная лодка, причём мы сразу обратили внимание, что торчит она как-то странно, и эта странность очень быстро объяснилась. Дело в том, что подводная лодка была на мели.

Это нас развеселило, потому что уж очень необычно.

Потом мы увидели, как от подводной лодки отделилась резиновая шлюпка с моряками и поплыла к берегу. Доплыли они до того места, куда откатилось море, и бегом, те самые четыре километра, матросики побежали к деревне. Когда они поравнялись с нами, не останавливаясь, на ходу, спросили: «Где здесь магазин?»

Магазина на самом деле в Кузрее не было, раз в неделю приезжала автолавка, но раз спросили про магазин, мы кивнули головой в ту сторону, где был он когда-то.

Морячки, наверное, час бегали по деревне, ища, вероятно, магазин или девушек. Не найдя ни того, ни другого, чертыхаясь, вернулись к морю, которое за это время немножко приблизилось, и уплыли.

Вот такая весёлая военно-морская история.

КРЕСТОВЫЙ ПОРОГ

Во время той практики на Кольском полуострове в 1971 году работа была интересная, на земле проверяли аэрогаммааномалии. Нужно было по карте дойти до места, где были

обозначены аномалии, и найти их, а геологи должны были посмотреть и понять, что это: повышенный радиоактивный фон в граните либо аномалия. Очень часто действительно была мощная аномалия, и часто — на болотах, но, как правило, это были радоновые аномалии, то есть с глубины, из болота локально выходил радиоактивный газ, и такие ключи радоновые фиксировала аэрогаммасъёмка.

Однажды нам предстояло выдвинуться вглубь Кольского полуострова.

Нужно было пройти по реке Пана километров сто двадцать вверх по течению. Километров семьдесят-восемьдесят по лесовозным дорогам мы доехали до посёлка на берегу реки, где начальник отряда договорился с мужиком-браконьером (а там все браконьеры — ловили сёмгу, хотя Рыбнадзор запрещал ловлю).

У этого мужика в укромном месте была затоплена железная плоскодонка, с отверстием на дне. Когда нужно было идти на рыбалку, лодка вытаскивалась со дна из воды и в отверстие ввинчивалась пробка, а после рыбалки пробка выкручивалась и лодка затапливалась метрах в трёх от берега, и никто не мог её найти. Это было плавсредство для браконьеров, но у нас были другие цели. Мужик нам дал пробку от лодки и объяснил, где её искать. Искали мы это плавсредство часа два и нашли.

И вот мы стали грузить в лодку спальники, палатки, приборы.

Потом привязали к лодке верёвки и, как бурлаки на Волге, потянули лодку вверх по течению. Шли несколько дней. Через какое-то время стали попадаться байдарочники — по этой реке проходил байдарочный маршрут какой-то суровой сложности, там были «крутые» пороги. Пороги мы преодолевали просто: подтаскивали лодку к берегу, разгружали, волоком перетаскивали лодку за порог, загружали и шли дальше.

Однажды мы дошли до непроходимого порога Крестовый, который был обозначен на карте. На скале стоял крест, отсюда и название. На противоположном берегу мы увидели большой

палаточный лагерь и много байдарок. Когда протащили лодку до середины порога, мы поняли, почему он непроходимый.

В этом месте камни торчали сплошной цепочкой, как стена, и только в центре был узкий проход, куда устремлялся мощный поток воды. По центру, будто специально, стояли огромными воротами два валуна, а ниже по течению, прямо по центру прохода, примерно в трёх метрах торчал третий валун. Поток воды, как на гидроэлектростанции, устремлялся между двух валунов, со всей силой ударяясь в третий валун, фонтанами распадался на две части.

На такой стремнине сманеврировать было невозможно, потому что стопроцентно любое плавсредство выносило между двух валунов на третий, и оно неминуемо должно было разбиться. Поэтому и мы, и байдарочники проходили порог волоком.

Неделю стояли на выброске — работали на аномалиях, а потом наступило время спускаться обратно. Обратно идти было веселей — лодку уже не тащили, а, наоборот, придерживали. Мы сделали нечто похожее на вёсла, два-три человека садились в лодку, а остальные за верёвку на берегу придерживали её, чтобы не уносило. Иногда приходилось прибавать лодку к берегу, потому что очень сильное течение вырывало верёвки из рук.

И вот мы подошли к Крестовому порогу. За это время мы столько раз выгружали и загружали лодку на порогах, что нам это надоело и мы начали предлагать авантюру: а что, если не выгружать из лодки поклажу?

Лодка была из пятимиллиметровой стали, метра четыре в длину, метра полтора в ширину и имела тупой нос. Расстояние между двумя валунами метра три, поэтому лодку нужно было аккуратно пропустить между этими двумя камнями, как нитку в игольное ушко. А чтобы лодка не ударилась о третий камень, мы решили, что привяжем дополнительные верёвки и человек шесть-семь, находящиеся на берегу, будут их держать, а трое в лодке будут пытаться различными подручными средствами отталкиваться от камней.

По нашим расчётам всё должно было получиться.

Подтянув лодку к берегу метров за сто до порога, начали готовиться. Кто-то из лагеря байдарочников, видимо, заметил наши приготовления, и весь лагерь, как в театре, собрался посмотреть на сумасшедших, которые решили пройти через порог по стремнине. Мы увидели, что несколько человек взяли в руки кинокамеры, бинокли, про фотоаппараты я уже и не говорю.

Мы долго спорили, кто должен сидеть в лодке, а кто должен тянуть?

Так как мы с Олегом были самые молодые, решили, что наше место в лодке, а те, кто посильнее, должны держать верёвки. С нами сел Юра, один из геофизиков, который служил на флоте и должен был стать для нас и капитаном, и боцманом, и рулевым. Мы взяли с собой срубленные топором толстые палки метра два длиной, которыми должны были отталкиваться, когда пройдем эти «крестовые» ворота. Договорились о командах и знаках — всё было оговорено.

И вот лодка, сначала медленно, а потом быстрее пошла в стремнину. Подруливать не нужно было, вода сама стремилась к центру. Когда оставалось метров двадцать, мы увидели, что лодка идёт хорошо, а верёвки, которые были привязаны к борту, корме и носу, сильно натянулись. Но тут в самой стремнине лодка как будто рванула что есть силы, и мы почувствовали, что все верёвки оказались в воде, их просто вырвало из рук наших товарищей.

Нашу лодку развернуло бортом, так что корма и нос упёрлись в эти два камня, и через нашу голову пошёл гребень воды. Мне показалось, что мы остались сухими — вода перехлёстывала через нас. Не дожидаясь команды, я спрыгнул в воду, было неглубоко, примерно по грудь. Начал пробовать палкой отжать корму, чтобы лодку развернуло и, бог с ней, пусть ударится о третий камень, но пройдёт в это «игольное ушко».

Верёвки оказались в воде. На берегу пытались поймать их, но течение быстро подогнало верёвки к нашей лодке. Олег тоже спрыгнул в воду. Мы развернули лодку, она стукнулась о третий камень, но так как скорость была уже небольшая, её,

естественно, развернуло, и мы выскочили вправо в сторону берега.

Начали грести и метрах в двухстах ниже порога благополучно пристали к берегу. Что творилось на другом берегу, не видели, но когда подгребали, услышали бурное ликование и увидели, что толпа бежит по берегу вслед за лодкой, радостно размахивая руками.

«Ещё бы! — запоздало подумал я. — Непроходимый Крестовый порог взят, и кем — геологами и геофизиками! Какие мы крутые парни!»

Когда подбежали наши, мы услышали их красноречивое мнение о нас, о лодках, о нашей затее... но лодка была цела.

Спальники и палатки намокли, приборы находились в ящиках — остались сухими. Мы всё вытащили, высушили, заодно и пообедали, а потом вновь бурлаками пошли вниз к посёлку, где нас ждали машины.

Вот так был пройден непроходимый порог!

ПОДПИСАННЫЙ САХАР

Когда я работал в геологических экспедициях, в каждом отряде были свои правила так называемого «котлового питания».

Обычно члены отряда сбрасывались в получку на общепит. Закупались продукты. Всегда был кто-то, кто снимал остатки продуктов, считал приход-расход. За завтрак, обед и ужин ставились так называемые «кресты». В конце каждого месяца подбивалось общее число «крестов», делилось на потраченную сумму, на которую были съедены продукты, получалась цена одного «креста», которая потом умножалась на количество крестов у каждого. Кто-то ведь, например, не хотел ужинать, кто-то не хотел завтракать, поэтому у кого-то были все три «креста» за день, у кого-то один, у кого-то два. Вот такие интересные правила. И это правильно.

И только раз за все поля я видел уникальное явление, и это было как раз в моём первом поле. Дело в том, что там тоже

были «кресты», но кто-то, видимо, в отряде был очень прижимистым, и он обратил внимание на то, что «крест»-то для всех один, но сахар кладут в чай все по-разному. Один возьмёт сахар и вприкуску чай выпьет, другой один кусочек положит, а кто-то аж целых шесть.

Видимо, ещё до нас на этой почве возникали конфликты, и когда мы с Олегом приехали в первое своё поле на практику, в первый же день повар торжественно выдала нам по пачке сахара (а тогда они были полукилограммовые и вертикальные) и сказала: «Подписывайте».

Я не понял:

— Чего подписывать?

— Пачку подписывайте.

— Зачем?

— Ну, как — зачем? Видите, стоят пачки на подоконнике?

Мы увидели на подоконнике вскрытые пачки сахара, и на каждой написана фамилия владельца. Где-то пачка почти целая, а где-то уже почти опустошённая, это чтобы каждый имел свою пачку и в чай клал сахар только из этой пачки.

Мне сразу показалось это большой дикостью, и почему-то вообще расхотелось сахар класть в чай, но вот такая «милая» особенность запомнилась на всю жизнь.

К счастью, больше этого я никогда не встречал.

ДЕСАНТУРА

ПРИЗЫВ В АРМИЮ

Успел. Двери с шипением закрылись — каждое утро по будням начиналось с электрички. Еле отдышавшись, я прошёл в салон. Раннее утро 28 октября 1971 года. Я еду на занятия в техникум.

Два года назад каждый день мы также ездили в Индустриальный техникум на факультет «Геофизические методы поиска и разведки полезных ископаемых» с моим другом Толяном (Анатолием Григорьевым). Отучились вместе мы один семестр, потом я задурил, была «знаменитая» в узких кругах эпопея поездки в Сибирь. Одним словом, летом я вновь поступал на первый курс этого же техникума. Осенью 71-го я учился на втором курсе, Толян — на третьем. У нас почему-то в техникуме часто практиковались нулевые пары, которые начинались в 8 утра. Когда у него или у меня попадалась нулевая пара, в Питер мы ездили поодиночке. Вот и в это по-ленинградски пасмурное утро, сев на привычное место — с правой стороны у окна, лицом по ходу электрички, я смотрел на мокрые, уже голые деревья, мелькающие за окном, и думал о том, что будет сегодня. Сегодня будет то же, что практически на протяжении двух предыдущих месяцев.

После первого курса я поехал в первую в своей жизни экспедицию на Кольский полуостров. Там всё было здорово. Кроме массы положительных эмоций и понимания, что профессию я выбрал правильно, оказалось, что я за два месяца в поле заработал огромные (по тем временам и для меня) деньги — 480 рублей. Стипендия, кстати, у меня была 15 рублей — это так, для сравнения. 280 рублей я честно отдал Маринке, моей старшей сестре, с которой мы в тот период жили вдвоём, а 200 оставил себе. Планировал, что куплю что-нибудь толковое — но уж очень хотелось рассказать друзьям об экспедиционных перипетиях, естественно, рассказать не на «сухую». И вот после встречи 1 сентября сама собой образовалась новая традиция — после занятий шли в какую-нибудь кафешку или к кому-нибудь домой, покупали вино или пиво и «разговаривали». И так практически каждый день. Естественно, это начало сказываться на учёбе, а самое главное — мне подобная традиция уже давным-давно надоела. Но компания у нас подобралась дружная, и каждый день кто-нибудь требовал «продолжения банкета».

Вот такие грустные мысли ползли в моей тяжёлой после вчерашнего голове. Воображение у меня всегда было богатое. Я легко представил, что случится через месяц, в крайнем случае, после зимней сессии. Меня наверняка исключат из техникума, проболтаюсь непонятно как и где до мая, а потом загремлю в армию.

От Пушкина до Витебского вокзала пять остановок. Последняя перед Питером — Воздухоплавательный парк. На ней не всегда электрички останавливались. И вот когда двери закрылись после станции Купчино, у меня родилось решение: зачем ждать исключения из техникума, зачем ждать весны, когда всё можно сделать сейчас, осенью, прямо сегодня!

Вышел на станции Воздухоплавательный парк, перешёл на другую сторону и поехал обратно в Пушкин. Прихожу в Пушкине в военкомат и иду к военкому. Принял он меня сразу же. Я захожу к нему и говорю: «Призывник такой-то, заберите меня в армию». Седой подполковник быстро вскидывает на меня глаза и огорошивает встречным вопросом: «Кого убил?» — «Чего, чего?» — переспрашиваю. Он говорит:

«Ну, чего натворил-то, что в армию собрался, раз у тебя есть отсрочка до окончания техникума ещё аж на три года?» — «Да вот хочу со своим призывом отслужить», — отвечаю я, и большая доля правды в этом была. В техникуме, в моей группе, да и в других тоже, учились ребята после армии. Из их рассказов я уяснил, что лучше служить со своим призывом, чтобы потом не дразнили переростком, да и вообще со своими ровесниками всегда легче установить контакт.

Военком направил меня на медкомиссию, которая работала последний день. Пройдя всех врачей (езде — годен), в одних трусах сижу перед дверью призывной комиссии в небольшой очереди среди таких же, как я. Когда очередной призывник выходил, все у него спрашивали: «Куда?» Я слышал только два варианта ответа: в радиотехнические войска или в стройбат. В стройбат мне не хотелось, а радиотехнические войска представлялись подходящим вариантом, так как учился я на геофизика, а это — электронная аппаратура. Вот и подумал, что в армии приобрету дополнительные знания по этой части. Когда очередь дошла до меня, я оказался посередине большой комнаты перед длинным столом, за которым сидели военком, милиционер, какие-то женщины, молодой парень (как я потом понял, кто-то из райкома комсомола), а рядом два ветерана с медалями и орденами. Доложив свою фамилию, я стал ждать.

Комиссия почему-то вдруг начала оживлённо переговариваться. Военком передавал всем членам комиссии какой-то листок — как потом оказалось, это была моя характеристика из приписного свидетельства. Приписывался я в качестве призывника в 9 классе, тогда был комсоргом класса, и характеристика, естественно, была суперположительной — так как я уже после 9 класса бросил школу и пошёл в техникум. И вот военком мне говорит: «Мы предлагаем тебе служить в ВДВ».

Стыдно сейчас сказать, но с таким же успехом он мог бы мне сказать «АБВГД» или любой другой набор букв. «А что это такое?» — спросил я. «Как что? Воздушно-десантные войска!» Тут у меня дух захватило, причём по двум причинам. Первая причина, скажу честно, — от страха. Так как я уже говорил, воображение у меня богатое, тут же мне представилась

картина: лечу я к земле, парашют не раскрылся, и я проклинаю тот миг и час, когда я дал согласие служить в этих самых незнакомых ВДВ. А второе ощущение, наоборот, — радость, и мысли в голове пронесли примерно такие: «Ух-ты, круто! Десантником буду... Драться научат... Берет голубой... Девчонкам нравится...»

И с секундной заминкой я бодро сказал: «Согласен». Но военком опытным взглядом всё-таки заметил моё замешательство и ещё спросил: «А с парашютом прыгать не испугаешься?» Я отогнал уже виденную мысленно картинку и просто ответил: «Другие же прыгают, значит, и я смогу». А надо сказать, что не то, что прыгать, я на самолёте ни разу не летал, но был уверен, что не спасую. «Тогда так и сделаем, — сказал военком и объявил: — 11 ноября на собеседование — сюда, 12-го — с ложкой, кружкой, с продуктами на сутки также прибудешь сюда».

После встречи с призывной комиссией пошёл домой, но там никого не оказалось: сестра была на работе. Решил поехать в техникум, сказать своим друзьям, что на меня на предмет загульных компаний больше рассчитывать нельзя.

11 ноября пришёл на собеседование. Для ВДВ из всего Пушкина отобрали 9 человек. Нас собрали в зале. Военком коротко рассказал о Воздушно-десантных войсках, предупредил, что скорее всего нас направят в учебку в Литву, но заметил, что краснеть за нас не хотел бы и самое страшное, если среди нас будут отказчики (впервые услышал это слово), то есть те, кто испугается прыгать. Военком был очень мудрым человеком и действительно не хотел за нас краснеть, поэтому после он добавил: «Сейчас я объявлю перерыв на 10 минут на перекур. После перерыва те, кто твёрдо решил служить в ВДВ и не побоятся прыгать, возвращаются в этот зал, кто спасует, пусть приходит завтра ко мне на приём. Направляю в другие войска». Мы вышли, причём вроде бы все были друг у друга на виду, постояли на улице, кто курил — курил. Через 10 минут вернулись в зал, и вдруг я обнаружил, что нас только 8. Кто-то один струхнул.

Вечером устроил для друзей отвальную, всё как полагается: выпили, попели геологических песен, лёг спать, проводив

друзей. Утром мама, Маринка и Толян, конечно, пошли провожать меня до военкомата. Накануне приехал батя, подарил мне свои часы, обнял, сказал: «Служи честно, сынок».

У военкомата нас посадили в автобусы, причём всем, особенно родителям, говорили, что везут нас на сборный пункт куда-то в Ленинградскую область. На самом деле, как я потом понял, специально обманывали, потому что буквально через 10 минут мы высадились на территории 5-го военного городка на улице Огородной, буквально в двух шагах от моего дома. Удрать было нельзя, мобильных телефонов тогда не было, телефона у меня и в коммунальной квартире тоже не было, одним словом, никак не получилось сообщить, что мы совсем рядом.

А 12 ноября — похоже, выпал выходной день, потому что сестра была дома — нас построили в колонны и вывели за ворота. Я всё думал: куда нас поведут? Ближе всего было вести на станцию в Павловск, но тогда мы должны были пройти прямо мимо моего дома. Так оно и оказалось. Мы жили на первом этаже, правда, окна нашей комнаты выходили внутрь военного училища. Но меня увидел сосед, и я ему помахал. Он, видимо, передал Маринке, и она очень быстро догнала нашу колонну. К ней сразу же стал «клеиться» сержант, который приехал за нами. Маринка (Царство ей Небесное), не будь дурочкой, всячески старалась его расположить к себе, приговаривая, чтобы братика не обижали. Я помалкивал.

В тушике у Павловского вокзала нас посадили в плацкартные вагоны, поезд тронулся в путь. Приехали ночью. Вышли на какой-то станции, где даже платформы не существовало, а просто место рядом с составом освещалось прожекторами. Вдалеке лаяли собаки, и что-то было тревожное и муторное в душе. Мы выходили из вагонов не проснувшиеся, нас строили, пересчитывали, перекликивали, потом куда-то повели практически в полной темноте. Оказалось — в баню.

В бане, после того как мы разделись, в приготовленные наволочки затолкали свою гражданскую одежду и на наволочке, слюнявя химический карандаш, подписали свой домашний адрес, пошли в чём мать родила в сторону банного зала. В предбаннике сидел здоровущий мордovorот в кальсонах

и рубахе. Перед ним стояло ведро с белой, жутко пахнущей бурдой, а в руках он держал длинную малярную кисть. Он приказывал каждому встать перед ним, расставив ноги и раскинув руки, потом макал свою кисть в это ведро и тыкал нам подмышки и в пах. Как я понял, это была санобработка. Потом мы мылись, а кто ещё не был стриженный, того ещё и стригли. Сам я подстригся за несколько дней до призыва.

Да, забыл сказать, когда выгрузились из вагонов и стояли в темноте, подошёл ко мне какой-то солдатик, сказал: «Хочешь, в клёвое место распределяют служить?» Ну а кто не хочет? Конечно же, я хотел. Тогда он сказал: «Давай махнёмся часами». Часы были подарком отца, правда, старенькие, «Победа». Ну, думаю, ладно, может, как раз и послужат батины часы хорошему началу службы. Мы «махнулись». Уже в бане заметил, что мои новые часы без стрелок: ни минутной, ни часовой. Одним словом, выбросил я их. Неприятно стало. Ну ладно, думаю, пусть останется это на совести того солдатика.

После бани нам выделили обмундирование. Никаких тельняшек — белые кальсоны, белые рубахи х/б, без погон, сапоги. Большинству начали объяснять, как наматывать портянки. Слава Богу, в своем первом поле, на Кольском, я научился это делать профессионально. Старшина, который выдавал обмундирование, на это обратил внимание и спросил: «Где наместрячился?» Я веско ответил: «Доводилось». Привели в казарму: койки двухъярусные, специфический казарменный запах (который на целых два года теперь будет казаться родным). Отбились. Заснул, как провалился. Таким было начало моей службы в ВДВ.

НАЧАЛО, ГАЙЖЮНАЙ

«Рота, подъём!» Этот крик в 6 часов утра, который теперь будет будить долгие два года, выдернул меня из абсолютно домашнего сна. И первые несколько секунд, уже даже спрыгнув со второго яруса койки, я плохо понимал, где нахожусь, но при этом руки уже тянулись к х/б, я быстро-быстро одевался и обувался. Нас долго пересчитывали и ровняли перед

казармой, потом отвели на завтрак, после завтрака привели обратно к тому месту, где мы ночевали.

А ночевали мы, как выяснилось, в местечке Гайжюнай на территории учебки самоходных установок. Это тоже подразделение ВДВ. Учебка «курков» — то есть той самой крылатой пехоты — находилась через дорогу.

Мы видели три 3-этажных блочных здания. Оказалось, в эти дни на базе той самой «курковской» учебки проходили сборы офицеров Воздушно-десантных войск и нас куда-то должны на неделю увезти в другое место. Всё это мы выясняли из обрывков разговоров старослужащих — это те, кто были призваны весной прошлого года, отучились в учебке и сейчас ждали распределения, как в армии говорят, в линейные части. Но для нас это были уже крутые десантники с лихо заломленными шапками (так как осень, уже не береты носят, а шапки), в расстёгнутом на груди х/б видны голубые тельники, в отличие от наших белых нательных рубах, ну и разговоры, естественно, соответствующие, про то, что мы, салаги, ещё поймём службу, что учебка — это самое страшное место, и про многие другие «прелести».

Апофеозом этих страшилок был такой эпизод...

Кто-то из нас, новобранцев, увидел, как невдалеке солдаты, как муравьи, таскают доски, и спросил у выпускников учебки: «А чё они там строят?» На что последовал мгновенный (наверное, ждали такого вопроса) ответ: «Да сегодня прыжковый день: второй батальон прыгает, а первый — гробы колотит». — «Мама моя милая, — подумал я, — куда я попал?!» Под ложечкой засосало, стало вдруг тоскливо, вспомнил я себя сидящим в электричке 28 октября и подумал: «Дурак ты дурак, был бы сейчас в Ленинграде, сидел бы в тёплом кабинете за партией, после занятий пошли бы в какой-нибудь кабачок или ещё куда-нибудь, опять же девчонки и масса других удовольствий, а теперь вот так: первый батальон гробы колотит».

Забегая вперёд, почти через два года я, если так можно сказать, отыгрался такой же шуткой.

Это было в начале сентября 1973 года, Кировабад, 104-я Воздушно-десантная гвардейская, как сами десантники её на-

зывали, «дикая» дивизия, 337-й Гвардейский ордена Александра Невского парашютно-десантный полк. До дембеля 2 месяца. Наша рота дежурит по части. Я, гвардии старший сержант ВДВ (вся грудь в значках, в лихо заломленном на правое ухо берете), дежурю на КПП. КПП в полку — это окно в большой мир. Прямо напротив — кольцо рейсового автобуса, и когда автобус подъезжает, из него выходят люди, в частности, жёны и дочки-старшеклассницы офицеров. Идут через соседний проход КПП на территорию ДОСов (дома офицерского состава). Одним словом, есть на что приятно посмотреть. А ты стоишь в проёме проходной, весь из себя подтянутый, бравый, улыбаешься жаркому солнышку, девушкам, а самое главное — улыбаешься уже совсем близкому дембелю.

И вот подъехал очередной автобус, и вместе со всеми, в том числе с привычными глазу голубыми погонами наших десантных офицеров, выходит с чемоданчиком молоденький, розовощёкий лейтенант-краснопогонник. А надо сказать, что знаменитое Рязанское воздушно-десантное училище не могло обеспечить офицерами все дивизии ВДВ, и по распределению на службу в ВДВ попадали офицеры и артиллеристы, и танкисты, и общевойсковики, то есть пехота. Этот лейтенант как раз был выпускником одного из общевойсковых училищ. Отдохнув положенный месяц после окончания училища, юный лейтенант прибыл к месту службы.

Подойдя к КПП, лейтенант поставил чемодан и чётким строевым шагом направился ко мне. Остановившись в двух шагах, вскинул руку к фуражке и чётко (как учили!) доложил: «Товарищ гвардии старший сержант, лейтенант (фамилию, честно говоря, забыл) такой-то к месту службы прибыл. Прошу проводить к дежурному по части». Ну, я, естественно, козырнул ему, ответил: «Здравия желаю, товарищ лейтенант. Добро пожаловать в Гвардейский 337-й (и далее см. по тексту со всеми регалиями) полк!» Чётко отдал команду подчинённому, типа: «Ефрейтор Меркулов, примите дежурство по КПП». И сказал лейтенанту: «Следуйте за мной, товарищ лейтенант».

И вот мы заходим на территорию части. Выходим на плац и идём к штабу. И вдруг я вижу, как через плац несколько сол-

дат и сержантов из сводного взвода дембелей, работающие на дембельский аккорд (строили новый квашпункт — это такой небольшой бетонированный бассейн, закрытый сверху, для закваски нескольких тонн капусты), таскают доски для строительства опалубки, чтобы заливать бетон на стенки квашпункта. И тут я мысленно прошу лейтенанта: «Ну давай, спроси меня: что это они делают?» И лейтенант, со знанием дела, действительно спрашивает: «Что, сегодня паркохозяйственный день?»

И тут пробил мой ответный (почти два года ждал!) звёздный час. «Да нет, — говорю я с ленцой, — сегодня прыжковый день: первый батальон прыгает, а второй гробы колотит». Надо сказать, два года тому назад я-то переживал практически до первого прыжка, а лейтенант (всё-таки училище окончил) замешкался буквально секунд на 5 и по лицу-то его я видел: лёгкая тень пробежала. Но буквально через несколько секунд он рассмеялся, хлопнул меня по плечу и сказал: «Здорово ты, старший сержант, пошутил!»

ЗНАКОМСТВО С ДРУГОМ

Вечером первого дня службы в армии нас привезли в какую-то другую часть (ехали часа два) и разместили всех в огромном спортивном зале. На полу были постелены матрасы, лежало постельное бельё, и нам сказали, что дней пять мы будем жить здесь. Погода была мерзкая, слякотная, всё время лил дождь. С утра нас пробовали погонять на зарядку. Сержанты, которые были с нами (а многим уже пора было ехать на дембель), делали это с неохотой. Потом был завтрак. После завтрака пытались с нами позаниматься строевой, но под дождём тоже ни у кого из наших командиров не было большого энтузиазма это делать, и нас загоняли обратно в спортзал. Мы рассаживались на матрасах и начинали «травить».

И очень скоро, буквально в течение первого же дня, в зале образовалось два центра притяжения. В одном углу в центре большого солдатского круга сидел я и как «бывалый» геофизик рассказывал о перипетиях своей первой и пока единствен-

ной экспедиции. Но из моих рассказов, наверное, можно было понять, что чуть ли не с пелёнок я уже ходил в поля и экспедиции, и у меня их было много — и на самом деле, два месяца первого поля на Кольском полуострове принесли столько много приключений, новых знаний о природе, о людях, что было о чём рассказать.

А второй «лекторий» находился в другом углу, там так же, как и вокруг меня, часто раздавался смех, и ребята так и кочевали: то ко мне подсядут, то, когда, видимо, скучновато я что-то начинал рассказывать, перекочёвывали к моему невидимому конкуренту. Пару раз, проходя мимо по нужде, краем уха послушал, о чём рассказывает мой конкурент — судя по обрывкам фраз и слов, что-то о мотогонках.

И вот так конкурировали мы два дня. Причём когда я говорю «конкурировали» — это на полном серьёзе, потому что мы уже хорошо друг друга в лицо знали и внимательно отслеживали, сколько человек у кого находится в слушателях. И, естественно, старались, чтобы у каждого их было больше, чем у другого.

На третий день утром, когда мы шли на завтрак, я первый подошёл к этому парню. Мне показалось, что он чуть-чуть постарше меня, с голубыми, очень весёлыми глазами. И я сказал: «Давай знакомиться, конкурент, меня зовут Серёга». — «Костик», — ответил мой будущий самый лучший друг. Оказалось, что он из Ленинграда, занимался спортивными мотогонками, действительно на год старше меня, а если быть точным, на год и месяц, день рождения у него 15 марта. Звали его Константин, фамилия — Павлович. Вернувшись после завтрака, мы уже сели вместе и рассказывали по очереди. Конкуренция закончилась, и все, человек 200, кто находился в этом зале, слушали наши байки.

УЧЕБКА. НАЧАЛО

В конце недельного житья в спортзале нас однажды, уже поздним вечером, когда все укладывались спать, подняли и под проливным дождём стали рассаживать по машинам.

Мы поняли, что наконец-то везут к настоящему месту службы-учёбы. И действительно, нас привезли на плац той самой гайжюнайской учебки, построили, и «сваты» стали разбирать бойцов по подразделениям. Выглядело это так. Кто-то из сержантов кричал: «А кто хочет в операторы-наводчики ПТУРС?» Что такое ПТУРСы, мы с Костиком не знали. Как потом оказалось, расшифровывается очень просто: противотанковые управляемые реактивные снаряды. Но почему-то нам это не казалось столь романтичным, как просто крылатая пехота. Также кричали про механиков-водителей; интересовались, нет ли артистов, потому что одна рота специализировалась как певческая; интересовались, нет ли у кого разряда по какому-либо виду спорта. Костик хотел сказать, что вообще-то у него первый разряд по мотогонкам, но так как у меня никакого разряда не было, а мы уже не мыслили себе службы друг без друга, то он промолчал.

Нас в строю под проливным дождём становилось всё меньше. Костик уже порывался на каждый призыв тащить меня туда, а я как чувствовал, говорил: «Это всё не то, давай ещё подождём». И вдруг появился невысокий, коренастый человек с залысиной на лбу, причём это было видно даже из-под шапки — это был Миша Шуманский, наш будущий старшина. Ему исполнилось 28 лет. Его призвали служить, когда ему было 26 — ещё год, и он никогда бы не попал в армию. Видимо, в силу своего возраста да и той работы, которой он занимался на гражданке, он был неплохим психологом, поэтому Михаил Шуманский, гвардии старшина ВДВ, гаркнул очень характерным голосом на весь плац следующее: «А кто, салаги, не сдрейфит пойти в морской десант?» — «Морской десант? А что это?» — крикнул я. Миша ответил: «В обычном десанте бывают ночные прыжки — это всё туфта, морской десант прыгает ночью в 5-балльный шторм на море».

Уже попав в ВДВ, понимая, что это круто, я почувствовал, что может быть ещё круче. Мы переглянулись с Костиком и, не сказав друг другу ни слова, шагнули вперёд. Так мы попали во вторую роту первого батальона обычных десантников или «курков» — крылатой пехоты, как о десанниках пишут

в газетах. Никакой это был не морской десант, просто Шуманский не хотел, чтобы среди его подопечных были отказчики. И если уже гипотетически призывник не боялся прыгнуть ночью в 5-балльный шторм в открытое море, то уж днём с высоты 800 метров прыжок с Ан-2 точно не побоится сделать. Он оказался прав: именно в нашей роте не было ни одного отказчика. И вот началась служба.

ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК

Уже через три недели после начала учёбы мы приступили к изучению материальной части. Тогда в десанте боевым был парашют, который назывался Д-1-8 серии 3. Мы узнали, что ткань, из которой шьют купола, называется перкаль. Узнали, что изобретателем парашюта был русский актёр Котельников, причём он действительно был актёром, но очень увлекался авиацией, и когда на его глазах во время показательных полётов, ещё перед Первой мировой войной, один из лётчиков, делая «мёртвую петлю» (петля Нестерова), просто выпал из кабины и, камнем ринувшись вниз, разбился о землю, он понял, что нужно что-то придумать, чтобы лётчики могли спастись.

Первая его идея была заложить свёрнутый купол в шлем на голове лётчика, но, проведя самые первые испытания (видимо, с крыши дома), он понял, что в результате динамического удара (это когда купол раскрывается и падающее тело резко тормозится, причём это реально происходит в виде мощного рывка) может просто голову оторвать или, как минимум, сломать все шейные позвонки. И тогда Котельников придумал ранец и подвесную систему. Собственно говоря, все современные парашюты, даже очень продвинутые, в своей основе имеют именно эти гениальные инженерные разработки русского актёра Котельникова. Этот смелый человек, создав первый парашют, сам же его неоднократно испытывал.

Кстати, в предыдущем учебном периоде, то есть с мая по ноябрь, произошёл трагический случай. У курсантов был первый прыжок, и один из них приземлился без сознания, но поче-

му-то все решили, что он от волнения потерял сознание, видимо, его как следует медики не проверили. И на втором прыжке он вновь потерял сознание, а у него что-то было с сосудами головного мозга, и от перепада давления он просто «отключался», прибор не сработал, и курсант разбился. И тогда для нас (и вообще была команда по ВДВ) решили ставить два прибора.

И вот наступила прыжковая неделя.

Рота должна была прыгать во вторник, а до этого, в воскресенье, рота заступила дежурной по части. Нашему взводу досталась столовая, а в частности моему отделению — «музыкальный цех» — так мы называли посудомойку. Дело в том, что посуда вся была алюминиевая: стояли огромные корыта, над которыми были краны с холодной и горячей водой, а процесс мытья заключался в последовательной передаче посуды из рук в руки — от первого корыта до последнего, полоскательного. Стояли обычно пять человек. Когда передаёшь миску, стуком о край этих корыт обозначаешь, что у тебя всё готово. И можно было добиться определённого ритма, чтобы передача этих алюминиевых тарелок получалась синхронной, под определённый музыкальный ритм. Иногда мы даже ещё и пели. Получалось неплохо, но проблема заключалась в том, что вода не успевала стекать в канализацию, и очень часто была не только в корытах, но и на полу. Порой чуть ли не по колено стояли в воде.

И вот, поздно вечером вернувшись с этого дежурства, я почувствовал, что стал прихрамывать — позже оказалось, что даже сапог снять не могу. Повели меня в медсанчасть, там пришлось сапог разрезать, потому что нога опухла, посинела. Был когда-то натёртый мозоль, и, видимо, от влаги началось заражение, всё ужасно распухло. Одним словом, во вторник, когда моя рота пошла на прыжки, я в сапоге на одной ноге и в тапочке на другой стоял у окна в расположении части и с завистью и тоской, а если сказать по правде, где-то даже и с каким-то странным чувством, похожим на радость, что в этот раз миновала меня чаша сия, смотрел на своих товарищей.

Когда ближе к ужину мои вернулись в роту, у них гордо на груди, на х/б висел знак парашютиста с подвеской, на кото-

рой была выбита единица, то есть первый прыжок. Вот тут-то я расстроился не на шутку. Но нога зажала быстро, и через неделю для всех был второй прыжок, а для меня должен был быть только первый.

Первый прыжок — без оружия, с Ан-2, с высоты 800 метров.

Как раз к этому времени выпало довольно много снежку. Мы были в шапках-ушанках, в валенках (которые специальными резинками прикреплялись к ноге, чтобы не слетели в воздухе). Выдался хороший морозный день. И вот мы строем (где бегом, где шагом) пошли на аэродром. Парашюты заранее были нами уложены (каждый свой парашют обязательно укладывал лично и лично потом расписывался в специальной ведомости). Когда пришли на аэродром, нас разбили на корабли (это значит по 9 человек: 9 курсантов, 10-й — выпускающий офицер). Офицер обычно выпускал несколько кораблей и где-нибудь на 7-м или 8-м прыгал сам.

Я обратил внимание, что в том корабле, в котором оказался я, был наш взводный, хотя очень часто попадали к любому офицеру. Внутри фюзеляжа рассаживались таким образом: на сидениях напротив двери садилось 5 человек, а по левому борту, где дверь, садились 4 человека. Прыгать нужно было только после команды выпускающего, когда он хлопал тебя по плечу и говорил: «Пошёл!» Меня посадили так, что я сидел пятым по правому борту, прямо напротив двери. Обычно всех рассаживают по весу — так, что самые тяжёлые прыгают первыми, самые лёгкие — последними. Но я обратил внимание, что шестым, то есть за мной, поставили Славу Поворотного, а он высокий и вес у него чуть ли не в два раза больше моего. Я тогда не понял, почему сделали именно так.

Забегая вперёд, оказалось, что ротный не исключал: вдруг курсант Миронов просто испугался и сачканул первый прыжок под видом того, что у него нога болит, поэтому попросил Славу, если я замешкаюсь, помочь мне, то есть немножечко пинком под зад подтолкнуть. Но Славе этого делать не пришлось.

Честно говоря, уже на поле, сидя (а стоять с парашютом тяжело, парашют вместе с запаской весил 28 кг) в ряд по 9 чело-

век и перемещаясь с каждым новым вылетом Ан-2 всё ближе и ближе, я чувствовал, что сердце уходило в пятки. Вдалеке были видны раскрывающиеся парашюты, слышны были ликующие крики. У моих однополчан, и у Костика в частности, это был уже второй прыжок. Конечно, Костик во всех красках, да и не только он, рассказал мне все свои ощущения и нюансы, связанные с прыжком. Честно скажу, мандраж был суровый.

Но ещё больше, чем самого прыжка, я боялся, что испугаюсь, струшу и в глазах своих товарищей, а главное — Костика, окажусь отказчиком. И я нисколько не сомневался, что прыгну, чего бы мне это ни стоило. У меня было такое ощущение, что, если бы даже парашют с меня сняли, я бы всё равно сиганул в дверь, когда подойдёт мой черёд.

И вот мы в самолёте.

Взревел мотор. «Аннушка» очень быстро разбежалась и взмыла в небо. Это был мой первый в жизни отрыв от земли. Всё было внове, всё было в диковинку, но внутри фюзеляжа выглядел точно так же, как на тренажёрах. Сразу же после взлёта поступила команда: «Зацепить карабины». Карабин нужно было всегда цеплять так, как будто ты горло подставляешь под трос. Этому тоже долго и настойчиво учили. Зацепили карабины. Самолёт кругами быстро набирал высоту. Над кабиной лётчиков были три больших фонаря: жёлтый — «внимание», зелёный — «пошёл» и красный — «отставить».

Сначала зажёгся жёлтый, лётчик развернулся в своём кресле и кивнул нашему выпускающему. Офицер, у которого, кстати, карабин тоже был на всякий случай зацеплен, открыл внутрь фюзеляжа дверь. Шум мотора усилился, какие-то рваные клочья облаков, ветер, свист. Первые четверо по левому борту встали, немножко пригнулись и по одному стали подходить к люку. По команде и хлопку выпускающего отталкивались от порожка и быстро исчезали в проёме люка, только болтались, закручиваясь в воздухе, вытяжные фалы.

Подошёл четвёртый, и только он прыгнул, мы по правому борту уже стояли наизготовку, я стоял прямо напротив двери. Лейтенант повернулся было ко мне, чтобы сказать: «Подходи», но я прямо со своего места в два прыжка оказался уже за

бортом. Ветер! Меня куда-то крутануло, и в ту же секунду я сначала почувствовал, что кто-то схватил меня за шкурку и через две секунды с шелестом, а потом с резким хлопком, меня сильно встряхнуло — раскрылся купол. Первое, что я почувствовал и услышал, — тишина. После рёва мотора было очень тихо, но меня переполнял восторг, и я заорал что есть мочи. Поорав секунд пять, я вспомнил, что нужно посмотреть на купол. Посмотрел, убедился, что купол полный, стропы не перехлестнуты.

Земли не было видно, потому что была облачность. Я висел, как в молоке, с опаской (с опаской — это я говорю уже из нынешнего времени, а тогда всё сердце наполняла радость, ведь я это сделал, я теперь настоящий десантник, я прыгнул). Правда, поглядывал, нет ли рядом кого-нибудь, чтобы наши купола не сошлись. И ещё в воздухе я подумал: а вот было бы здорово сегодня второй раз сигануть, чтобы у меня тоже было два прыжка, как у всех. Пока эти мысли неслись в голове, а с высоты 800 метров летишь где-то минуты полторы-две, вдруг внизу белизна облаков стала темнеть, и я увидел землю и много-много парашютистов, собирающих парашюты. Там, куда я приближался, вроде было пусто, и мне не грозило кого-нибудь придавить. Я уже, как учили, вытянул сдвинутые вместе ступни в валенках так, чтобы из-под запаски была видна треть моих ступней, и стал ждать землю. Удар оказался очень даже не сильным (всё-таки снег), я завалился набок и быстро, как учили, стал тянуть за нижние лямки, чтобы гасить парашют. Потом даже вскочил и немножко забежал вбок, чтобы ветром (ветерок небольшой был) меня не «потянуло».

На земле, счастливый и радостный, я укладывал в парашютную сумку купол, и вдруг ко мне подбежал наш ротный. Он достал из кармана бушлата маленькую прямоугольную коробочку из серого картона — сердце у меня радостно забилося: там был значок парашютиста. Он вручил его мне, сказав: «Молодец, Миронов!» И вдруг предложил: «А хочешь ещё сегодня прыгнуть?» Я удивился, как будто он мои мысли прочёл — те, в воздухе. «Конечно», — сказал я. «Давай, бегом!»

И действительно, через полчаса я совершил второй прыжок. Совершил я его уже осмысленно, с чувством, с толком, с расста-

новкой, задержался на секунду в дверях, посмотрел на выпускающего, тот хлопнул меня по плечу, сказал: «Пошёл». Я оттолкнулся правой ногой и вновь испытал то же самое необыкновенное счастье и радость от второго в моей жизни прыжка.

В расположении роты мы всё не могли успокоиться и, наверное, не было человека в роте, который бы не выслушал мой рассказ о первых двух прыжках. Самое главное — я не подвёл своих: я не подвёл Костика, роту, я не подвёл Воздушно-десантные войска, я не подвёл мудрого военкома города Пушкина.

СТАРШИНА ШУМАНСКИЙ

Миша Шуманский «загремел» в армию под фанфары с должности, как сейчас бы сказали, продюсера «Песняров», а тогда, в советское время он был кем-то вроде администратора, причём отвечал за всё: и за аппаратуру, и за билеты, и за инструменты, и за питание — одним словом, незаменимый человек.

Нужно сказать, мы все спали в большой казарме, где по двум сторонам стояли двухъярусные койки, а центральный проход между ними был застлан линолеумом ядовито-оранжевого цвета, прибитым по краям жестяными полосками, который почему-то все в роте, и прежде всего сержанты, а главное — сам Шуманский, называли до сих пор мне непонятным словом «рылин».

Самое страшное — в течение дня услышать от любого сержанта: «Ну ты у меня сегодня будешь спать на рылине!» Потом расскажу, что это такое, отдельно. А ближе к ружпарку, напротив ленкомнаты и недалеко от тумбочки дневального была дверь в сержантскую комнату, там на одноярусных койках спали сержанты во главе со старшиной роты Шуманским.

Краем уха из сержантской комнаты я слышал обрывки какой-то истории, из которой следовало, что Миша Шуманский где-то прокололся (кому-то не понравился), и его быстренько спровадили в армию уже на излёте призывного возраста. Поэтому он был старше всех нас лет на восемь, являлся очень

незаурядной личностью, и мы его безумно боялись и боготворили одновременно.

Описываю типичную поверку личного состава перед отбоем. Между рядом кроватей и рылином на противоположной (от той части казармы, где спали мы с Костиком) стороне построена повзводно рота. Сержанты стоят во главе каждого отделения. Шуманский в начищенных сапогах, гимнастёрке, через отворот которой виден десантный тельник, который в свою очередь изнутри подпирается огромными грудными мышцами (про таких как Миша Шуманский мы говорили: «амбал», «шкаф», «6х9» и прочие эпитеты — характеризующие очень сильного и накачанного парня).

Так вот, стоя в начищенных сапогах (которые обязательно оставляли чёрные следы на этом проклятом рыжем рылине), Миша Шуманский, страшно вращая глазами и всем видом показывая жуткое неудовольствие от одного нашего вида, медленно и с расстановкой зачитывал по алфавиту весь личный состав. Услышал свою фамилию, нужно было громко крикнуть: «Я!» Если кто-то кричал тихо, немедленно следовала Мишина реакция: «Что, заснул уже, гвардеец хренов?!» Или другие варианты: «Кто там тихо пискнул из-под юбки?»

Кстати, таких вариантов было бессчётное множество, и очень редко наш старшина повторялся.

Но апофеозом каждой вечерней поверки были заключительные слова старшины после того, как поверка была завершена. И тут самое страшное, так как слова, произносимые Шуманским, звучали безумно смешно, но, не дай Бог, расхохотаться или даже просто улыбнуться, тогда точно всю ночь проведёшь на рылине. А звучало это примерно так: «Рота, внимание! Сейчас я, старшина Воздушно-десантных войск, ваш любимый старшина Шуманский scomандую „отбой“, и если через 30 секунд я увижу хоть одного неотбившегося бойца, клянусь костями моей бабушки, я его тогда так отобью, что мама родная не узнает. А если уже после отбоя в расположении казармы я увижу хоть одну блуждающую

звезду, которая будет жалобно пищать, что якобы она пи-пи хочет, я задую эту звёздочку навсегда, только копать одна останется!» И в таком духе Миша мог продолжать минут пять.

А потом, действительно, шла резкая, как щелчок курка, команда: «Отбой!» Самое тяжёлое было то, что нам, спящим на противоположной стороне рылина, нужно было сначала добежать вдоль рылина практически до ружпарка, обогнуть рылин, а потом уже мчаться к своей койке, потому как заступать курсантам на рылин (и во время отбоя, и днём) было категорически запрещено — это была территория только сержантских сапог. А вот очищать этот злосчастный рылин от чёрных следов, оставляемых резиновыми подошвами сапог, — это была участь провинившихся курсантов.

Выглядело это так...

Всяческие «блуждающие звёзды» и проштрафившиеся в течение дня курсанты после отбоя снимали сапоги, разматывали портянки, снимали ремни, засучивали рукава, брали в умывальной комнате тазики, наливали туда холодную (тёплой, конечно, не было никогда) воду, крошили хозяйственное мыло, брали какие-то тряпочки и, как тюлени на лежбище, ложились по всей площади рылина, каждый мысленно выбирал себе некий участок, а иногда этот участок обозначал сержант — дежурный по роте, и начинали тереть.

А буквально через 10 минут это выглядело уже следующим образом.

Практически все либо просто спали, либо дремали, но рука, трущая рылин, не останавливалась ни на секунду, потому что зоркое око дежурного по роте как раз и наблюдало за тем, чтобы рука не останавливалась.

Если даже глаза закрыты или от некоторых раздавался уютный храп, это не являлось нарушением, но вот если рука замирала, то следовала команда, а иногда даже, чтобы проснулся, курсанта отправляли на турник. Сделав несколько раз подъём переворотом, или просто подтянувшись, он вновь возвращался на рылин.

По опыту мы знали, что самое позднее где-то в час ночи (а отбой всегда был в 22.00), даже если рылин не будет бле-

стеть, как новенький (или, по выражению Шуманского, «как у кота яйца»), всё равно нас отправят спать, потому что подъём в 6.00.

О том, что Шуманский работал с «Песнярами», мы узнали накануне 23 февраля, когда по всему полку разнеслась весть, что 23-го в клубе дадут концерт «Песняры». Большинство из нас на гражданке никогда не видели эту легендарную группу вживую, только по телевизору или слушали на пластинках, поэтому ажиотаж был страшный. Каждая рота переживала, где достанутся им места и как распорядятся командиры с точки зрения рассадки. Понятно, первые лучшие места занимали офицеры с жёнами и детьми, нам очень хотелось быть хоть немножко поближе, а не на самой галёрке.

И вот тут-то мы вдруг услышали, что вторая рота, конечно, будет сидеть ближе всех, потому что «Песняры» приезжают не просто с шефским концертом, а они приезжают к своему администратору — к Мише Шуманскому — и дают концерт по его просьбе.

Когда приехали «Песняры», мы, зайдя в клуб и заняв очень почётные близкие места, увидели, как наш Миша Шуманский, хоть и в форме, но уже казалось, что он одет в штатское, по-деловому ходил по сцене, проверял разьёмы, переставлял ударную установку и светился таким счастьем, что мы поняли — действительно наш старшина очень дорогой человек для «Песняров».

А когда Мулявин, начиная концерт, сказал, что по просьбе их друга и товарища Михаила Шуманского они прибыли в нашу часть и поздравляют этим концертом его и всех нас с 23 февраля, мы поняли, что круче нашего старшины нет никого не только в нашем полку, а во всех Вооружённых Силах Советского Союза.

Завершая короткий рассказ о Мише Шуманском, должен сказать, что он был настоящим старшиной — строгим, но справедливым. И нам, пацанам, он очень много дал не только как старший по званию начальник, а просто как старший брат, за что ему — огромное спасибо.

ДЕСАНТНЫЕ БУДНИ. САМБО

Мы с Костиком всегда в строю стояли рядом, упражнения на стрельбище выполняли вместе по очереди. Если где-то требовалось (например, при парашютно-десантной подготовке, на укладке парашютов, в спортзале) работать в паре, мы с ним всегда и становились. Тогда ещё в ВДВ не практиковалось каратэ, все курсанты изучали боевое самбо. Как на первом же занятии нам объяснил инструктор, боевое самбо отличается от спортивного двумя вещами: перед проведением приёма нужно противника хорошо ударить, а по завершении приёма просто добить. На том и стояли.

Хорошо помню первое занятие по боевому самбо. Офицер, старлей, построил наш взвод и сказал, что будем отрабатывать уход и защиту от удара спереди. Он пригласил сержанта, приказал ему: «Бей!» Сержант попытался прямым ударом попасть в лицо офицеру, тот поднырнул, сделал полшага в сторону, специфическим приёмом обхватил руку бьющего и завернул её тому за спину. Всё было быстро и очень красиво.

После этого старлей, почему-то глядя на меня, сказал: «Курсант». Ответил: «Я».

— Выйти из строя, — я вышел.

Он встал в двух шагах от меня и сказал:

— Приём видели?

— Так точно, — ответил я.

— Тогда действуйте! — и, не успев договорить эти слова, со всего маха ударил прямой.

Очнулся я на земле, из губы текла кровь. Оказалось, он надел мне нижнюю губу на мой же клык. Кстати, до сих пор под левым усом у меня этот шрам. Надо сказать, старлей сам перепугался, потому что я не попытался не то что приём провести, а просто даже чуть-чуть отклониться. Быстренько с сержантом меня отправили в медпункт. Ну, ничего серьёзного там не оказалось, кровь быстро остановили, я даже успел вернуться в строй, правда, когда уже перешли от боевого самбо к занятию на турнике. Но урок был хороший, и с Костиком мы каж-

дый вечер отрабатывали все те приёмы, которые нам показывали на занятиях. И когда я спустя полгода приехал в Кировабад и в мае в Геране принимал молодых, мог блеснуть знанием многих приёмчиков и умением и нападать, и защищаться.

ВОСПИТАНИЕ ДУХА

Было у нас на учебно-тактическом поле (а на самом деле просто в лесу) место, которое мы называли Сапун-гора. Пусть меня извинят читательницы — мужчины же меня поймут: в связи с тем процессом, который в виде тренировки проходил на этой горе, мы, солдаты, немного переиначивали слово «Сапун». Дело в том, что скорее это была не гора, а глубокий овраг. Упражнение на выносливость заключалось в следующем: один сержант вставал на одном краю оврага, другой — на противоположном. Мы, допустим, стоим построены в колонну по три на одном краю оврага, следует команда «Газы», по которой нужно надеть противогаз, а после этой команды сержант, стоящий на другом краю оврага, командует: «Взвод, стройся!» А по команде «Строиться» нужно выстроиться за сержантом в колонну по три. Кубарем летишь вниз, потом на четвереньках, задыхаясь, карабкаешься вверх. Только-только построились, сержант с другой стороны кричит: «Взвод, стройся!»

Я хорошо запомнил весь этот процесс, хотя прошёл его только один раз, но зато вот при каких обстоятельствах. Проведя четыре часа от завтрака до обеда на учебно-тактическом поле — отрабатывались перестроения «Из колонны», «К бою» и прочее, прочее. Одним словом, в полной боевой несколько часов беготни, включающей ползание по-пластунски и многие другие прелести в условиях сырого прибалтийского климата, когда вместо снега сплошная слякоть под ногами. Вымотанные, мы наконец направились в расположение роты, готовясь, чуть-чуть почистившись, следовать на обед.

И вот мы выходим на плац, нужно нам его пересечь, чтобы подойти к зданию роты. Командир взвода, кстати замечательнейший офицер, лейтенант Жигалов, командует: «Взвод, за-

певай!» Какое, к черту, запевай? Язык на плече. Естественно, никто не подумал запевать. Лейтенант скомандовал: «Взвод, стой!» И спокойненько сказал старшему сержанту Глухову, замкомвзвода (Глúхачу, как мы его звали, кстати, тоже отличному старшему сержанту): «Глúхач, покажи бойцам, что они неправы».

Глúхач скомандовал: «Кругом! Бегом марш!» А мы знали, что до обеда 20 минут, но, даже если просто все 20 минут будем бегать, ничего страшного, не умрём. Даже если дадут команду «Газы!», тоже не умрём, но мы не знали, что Глúхач погонит нас на Сапун-гору. Через 10 минут таких построений в противогазах на разных краях оврага я чувствовал, что внутри противогаза стакана два моего пота. Когда последовала команда: «Бегом, в роту!» — мы действительно бегом добежали до плаца. Но нужно ли говорить, что, когда мы только вступили на плац и Глúхач скомандовал: «Взвод, запевай!», мы гаркнули так браво: «Нам, парашютистам, привольно на небе чистом!», что даже дежурный по части выскочил из штаба посмотреть на бравых десантников.

ДЕСАНТНЫЕ БУДНИ. УТРО

Промозглый январь, на улице темно и, конечно же, очень холодно. Почему-то запомнилось, что температура всё время была где-то около нуля — то плюс один, то минус один, то немножко побольше. Снег выпадал редко, и если он выпадал за ночь, то вместо физической зарядки мы отправлялись чистить плац, что, кстати, было даже, как сейчас говорят, в кайф.

Я ещё в первой экспедиции привык всегда просыпаться хотя бы за 5 минут до того, как тебя разбудят либо зазвонит будильник — до сих пор всегда у меня именно так. И когда звучала команда «Подъём!», практически никогда я уже не спал, а лежал, мысленно готовясь и содрогаясь от необходимости из-под тёплого одеяла (хотя какое оно тёплое? — обычное тонкое, байковое, но как-то вроде не мёрзли) выскакивать сначала в расположение казармы, а потом на улицу.

Итак, обычное утро начиналось так — 6:00, «Рота, подъём! Выходи строиться на физическую зарядку, форма одежды номер три: голый торс и в рукавицах!» Это не шутка — это действительно была стандартная форма одежды номер три. Даже при минусовой температуре мы бегали (а зарядка начиналась с 3-километрового кросса), а потом занимались на спортгородке именно с голым торсом. А варежки солдатские с одним большим пальцем нужны были для занятия на турнике, потому что без варежек кожа прилипала бы к холодному железу со всеми вытекающими последствиями.

А эта знаменитая «форма номер три» у нас, у курсантов, перефразировалась вот в такую команду: «Рота, подъём! Выходи строиться на физическую зарядку, форма одежды номер три: трусы в скатку и в рукавицах!» Кстати, много-много лет спустя в геологии, да даже и сейчас, особенно когда страшный недосып и когда просто нет никаких сил встать, я сам себе команду именно так. Очень помогает.

Вот, ёжась, мы выходим на плац, строимся в колонну по три, старшина или кто-то из сержантов командует: «Направо! Бегом, марш!» И мы бежим, бежим по асфальтовой дороге полтора километра до самоходки, как мы это называли, — дорога упиралась в другую учебку, где учились десантники-артиллеристы, и перед воротами их части на круглой клумбе стояла маленькая самоходка. Как раз до неё было ровно полтора километра, мы её обегали и потом бежали на спортивный городок.

Кстати, не сочтите за моветон, но из песни слова не выбросишь, и внимательный читатель наверняка заметил, что сразу же после подъёма то, что мы обычно делаем по утрам, как-то не просматривалось, потому что сразу выгоняли на улицу. Поэтому, отбежав примерно с полкилометра от части, сержанты командовали: «Рота, стой! Три минуты оправиться». И шумной ватагой, ломая строй, мы мчались в лес у дороги выполнять соответствующую команду. А потом бег продолжался. Остаться в лесу, рассчитывая на обратном пути присоединиться, не получалось — ну, во-первых, за то время пока мы бегаем, без движения с голым торсом много в лесу не просидишь, а во-вторых, бдительные сержанты, сами в недавнем

прошлом будучи курсантами, прекрасно знали все наши хитрости и уловки.

По возвращении в расположение нужно было быстро умыться, почистить зубы, а самое главное — тщательно заправить свою койку. Причём это было целое искусство. Нужно было подбить рантик, чтобы одеяло, специальным образом натянутое на матрас, выглядело не каким-то блином, а имело строго прямоугольную, с прямыми гранями, с торцов, форму. Грани подбивались с помощью табуретки. Табуретка опрокидывалась ножками кверху, двигалась одной рукой вдоль края одеяла и матраца, а другая рука подбивала снизу одеяло, делая прямой угол. И на всё это уходили считанные секунды.

ПРАЗДНИЧНЫЙ САЛЮТ

Одним из самых интересных в учебке и по жизни полезных был предмет «Огневая подготовка». Как водится, начали мы с изучения материальной части...

Потом начались регулярные занятия, иногда по два раза в день, а уж по количеству раз в неделю, можно сказать, практически каждый день походы на стрельбище...

В учебке нас учили стрелять из автомата, пулемёта Калашникова, из пистолета Макарова, из гранатомёта, также учили правильно и метко бросать гранаты, а ещё отдельным предметом шло подрывное дело: учили закладывать заряд под что-нибудь типа железной дороги, моста, трубопровода и подрывать...

Ну а теперь, несмотря на такое праздничное название этой главы, немного грустной лирики. Собственно говоря, именно из-за следующей истории я и захотел написать эту главку.

14 февраля 1972 года ко мне в учебку приехала сестра Мариночка с моим другом Толяном. Днём нас с Костиком отпустили к ним. Кстати, мы, признаюсь честно, немного выпив (Толян привёз бутылку вина), сначала просто демонстрировали приёмы самбо, а потом стали требовать от Толяна, чтобы он нас по очереди бил ножом снизу, сверху, сбоку, при этом

нож ему вкладывали настоящий, правда, столовый. И мы лихо «расправлялись» с наносящим удары ножом Толяном. Мне разрешили остаться на ночь, но утром, это было как раз 14 февраля, я должен был прибыть в расположение роты для утренней поверки и осмотра, предполагалось, что меня потом на весь день, а, может быть, ещё на одну ночь, отпустят в гостиницу «Купол». Причём именно так мне обещали и старшина Шуманский, и наш замкомвзвода Глухов, да и наш начальник — командир отделения. Но командир роты (которого мы уже к тому времени почему-то звали «Холюрой») поступил «по-холюрному». Он вдруг заявил, что сегодня мы с утра выдвигаемся на стрельбище и остаёмся там на ночь, потому что сегодня будут впервые ночные стрельбы и курсант Миронов никак не должен пропустить такое «счастье». Я видел, как командиры отделений нашего взвода подошли к ротному, потом подошел Глу́хач, потом Шуманский, но «Холюра» был непреклонен. А Маринка с Толяном, увидев, что меня так долго нет, пришли в часть к нашей казарме. И вот такая картинка. У подъезда, ведущего в расположение, стоит Маринка, рядом нервно курящий Толян, а мы стоим на плацу в полной боевой, и к Маринке уж подошёл замкомвзвода Глу́хач, развёл руками, отводя взгляд в сторону, объяснил, что командир роты не разрешает. У Маринки слёзы на глазах, вот-вот поступит команда: «Правое плечо вперёд, бегом, марш!» Я чувствую, что у самого защипало в глазах, отворачиваюсь, чтобы не видела Маринка, и вижу, что у Костика и практически у всего нашего отделения глаза на мокром месте, но самое удивительное, морщатся, чтобы не заплакать, и наши сержанты. А Маринка уже ревет просто в три ручья. Я подумал: ну ещё не хватало запричитать, это будет как когда на войну уходят.

Но вот поступила действительно команда: «Правое плечо вперёд, бегом, марш!» Я махнул Маринке и Толяну рукой и побежал на стрельбище...

И вот уже все отстрелялись, времени — 11 вечера (стемнело где-то часов в шесть), мы чувствуем, что скоро побегим назад, в часть. На командную вышку позвали офицеров для разбора стрельб, с нами остались сержанты. И вдруг меня от-

зывает старший сержант Глухов (никогда этого не забуду!) и говорит:

— Ну что, Серёга, у тебя сегодня день рождения?

Я говорю:

— Так точно.

— 19?

Я говорю:

— Так точно.

Потом он говорит:

— Ты уж прости, что не удалось тебя оставить с сестрой, но ты сам видел — ротный был непреклонен.

Я говорю:

— Да чего уж там. — А у самого опять глаза на мокром месте.

Тогда вдруг он достаёт из-за пазухи два магазина и говорит:

— Давай сейчас на третье направление, в окоп не прыгай, просто встань перед окопом и туда, в сторону полигона пали, как ты хочешь. Попробуй ствол под 45 градусов в небо направь и поводи им.

А я спрашиваю:

— А что в магазинах?

Он говорит:

— 60 штук — только одни трассеры, разноцветные. Когда услышишь мат и крики с вышки, не обращай внимания, пока два магазина не расстреляешь. Потом бегом сюда, я отмажу.

Я схватил два магазина, один тут же присоединил к автомату и помчался на третье направление. Было темно, но так как днём здесь всё хожено-перехожено, ориентировался прекрасно. Я встал, поставил предохранитель на стрельбу очередью, передёрнул затвор, нажал на курок и буквально за несколько секунд, действительно, делая такой веер стволом, расстрелял весь магазин. Быстро перезарядил. В это время с «вышки» уже послышались «изящные» выкрики по громкоговорителю: «Какой м...к там стреляет? Прекратить немедленно! Сейчас я ему на... устрою стрельбу!» Не обращая внимания на это звуковое сопровождение моего, можно сказать, «праздничного ужина», я, быстро перезарядив, второй магазин расстрелял с чувством,

с толком, с расстановкой, короткими, длинными, чередующимися — одним словом, растянул удовольствие. И было так весело, и было так здорово, что я в свой день рождения сам себе устроил салют (на самом-то деле, мне Глухач это устроил). Но радости было — вагон и маленькая тележка. И как-то уже не так было обидно, что не остался я с Маринкой, потому что знал, что ещё днём она должна была уехать, так как уже на следующее утро ей нужно было на работу.

Быстро вернувшись, отдал магазины Глухачу, а он, хоть день рождения днём рождения, проверил мой автомат, то есть я сам продемонстрировал, что автомат разряжен, патронов нет, встал в строй. А самое интересное — мои ребята из взвода даже не догадались, что это был я, потому что они горячо обсуждали, какой м... пуляет там и, конечно же, решили, что это кто-то из сержантов оттягивается. Только уже на обратном марш-броске я тихонько сказал Костику, какой мне Глухач сделал подарок.

Костик сказал: «Так это был ты? Круто!»

Вот такой был у меня день рождения 14 февраля 1972 года.

ЭКЗАМЕНЫ

Один экзамен по политподготовке в ВДВ очень повлиял на всю мою дальнейшую армейскую судьбу. А дело было так...

Мы долго готовились, знали, что будут билеты с самыми разными вопросами: и по истории Советского Союза, и по истории Советской армии, были различного рода практические вопросы; во многих билетах был, например, такой вопрос: пересказать воинскую присягу и рассказать об истории возникновения присяги солдата Советской армии.

Кстати, присягу мы принимали где-то в середине декабря. Я помню это торжественное построение. Накануне присяги за нами расписали автоматы, у каждого был свой номер, своё место в ружпарке, и каждый холил и лелеял, в том числе во время специальной чистки оружия, свой автомат все эти 6 месяцев. Текст присяги, конечно, я помнил наизусть.

Нужно сказать, что я ещё в школе, в самодеятельности и на уроках литературы, любил декламировать стихи, мне моя учительница Алла Константиновна Неклюдова говорила, что у меня неплохо получается.

И вот наступил день сдачи экзамена по политической подготовке для нашего взвода. А ротный, «Холюра», был у нас капитаном. Он, похоже, давно переслужил это звание и очень мечтал получить майора и уйти либо заместителем командира батальона, а может быть, если повезёт, и комбатом.

И тут вдруг на сдачу экзамена по политподготовке приезжает старенький генерал из штаба ВДВ — начальник по политической подготовке, то есть главный замполит Воздушно-десантных войск. Он захотел поприсутствовать на экзамене в какой-нибудь роте. И уж не знаю почему, может быть, «Холюра» подсуетился, одним словом, генерал пришёл на сдачу экзаменов именно к нам. Сдавали мы в Ленинской комнате прямо в расположении роты.

Вот мы расселись, за преподавательский стол сел генерал, рядом с ним «Холюра» и наш взводный. Взводный разложил билеты на столе, всё по-настоящему, и сказал: «Товарищи курсанты, прошу получить билеты». По одному мы стали подходить, тянуть билеты и рассаживаться по местам.

Я вытянул билет, первым вопросом у меня стоял Брестский мир. Я сразу понял, что ещё со школы всё об этом помню. Вторым вопросом стояла присяга. Не помню, всего два вопроса было или, может, был третий вопрос, но это не важно. Только я сел за стол, вдруг скучающий генерал оживился и сказал: «А что, десантники, есть ли среди вас смелый хлопец, который готов отвечать билет без подготовки?» «Смелые» хлопцы опустили головы, делая вид, что ничего не слышат, а я увидел, как «Холюра» делает мне страшные глаза и какие-то знаки.

Я понял, что он хочет, чтобы я вызвался отвечать без подготовки. Действительно, вопросы я знал, да, впрочем, я все вопросы знал, по всем билетам. Я кивнул «Холюре», вскочил и бодро сказал: «Курсант Миронов». Генерал радостно заулыбался: «Вот молодец, храбрый, ну, давай, курсант Миронов, выходи, рассказывай».

Я вышел и начал рассказывать про Брестский мир (моя любимая учительница истории в школе Ираида Сергеевна Пронина сама очень любила историю и преподавала нам блестяще). Когда я рассказывал всему взводу и генералу всё, что я знаю про Брестский мир, судя по выражению лица генерала, многие вещи он услышал от меня впервые.

Дослушав до конца, очень радостно и доволью поглядывая то на меня, то на «Холюру» (а «Холюра» аж весь светился), генерал сказал: «Ну что, теперь давай присягу». И тут, набрав побольше воздуха в лёгкие, я, подражая голосу Левитана, со сталью в голосе, чётко и веско начал произносить: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, торжественно клянусь...»

И вдруг я почувствовал что-то не то, я глянул на генерала, у того в глазах стояли слёзы. Не дослушав присягу до конца, он вдруг вскочил, поцеловал меня в засос, потом то же самое сделал с «Холюрой», и уже не глядя на меня, а только на «Холюру», сказал: «Ай да капитан, ай да молодец, каких гвардейцев готовишь! Как произносит, как чеканит присягу! Золотые слова!»

Тут он повернулся ко всем и сказал: «Молодцы! Уверен, что у такого командира (тут он снова глянул на «Холюру», который, мне казалось, не стоял, а парил уже где-то под потолком), конечно же, все сдадут на отлично. Молодец, капитан!» И вдруг, как будто впервые увидев погоны у нашего «Холюры», он сказал: «А, кстати, ты в капитанах не засиделся?»

Счастливый «Холюра» быстренько предложил товарищу генералу пройти к нему в канцелярию чайку попить. Я понял, что теперь за будущее «Холюры» можно не беспокоиться.

КОМАНДИРСКИЙ ГОЛОС

Это уже было в мае, мы сдавали выпускные экзамены. Кстати, до сих пор помню, экзамены сдавали по 43-м дисциплинам.

Одним из экзаменов был, конечно, экзамен по строевой, куда входило специальное упражнение на командирский голос.

Экзамен принимался таким образом: наше отделение стояло на плацу, командир взвода проводил непосредственно приём экзаменов в присутствии проверяющего из штаба ВДВ. По очереди из строя вызывались курсанты, которые должны были, стоя в качестве командира, перед отделением отдавать различные команды, например: «Отделение, равняйся! Смирно! Нале-во! Напра-во!» и так далее.

И вот доходит до меня очередь, а скажу честно, мне очень нравилось отдавать команды. Вообще мне строевая нравилась, да, впрочем, всё мне в армии очень, очень нравилось.

И вот командир взвода командует:

— Курсант Миронов!

— Я!

— Выйти из строя.

— Есть.

Вышел, развернулся лицом к своим товарищам, и лейтенант говорит:

— Командуйте.

А я был уже шестым или седьмым, ну и скучно слушать одно и то же «отделение равняйся, смирно». Я и гаркнул во всё «воронье горло»:

— Полк, смирно!

А нужно сказать, в армии в соответствии с Уставом есть такое правило: если в часть приезжает вышестоящее начальство, например комдив, то первый, кто его увидит, обязан подать команду всему полку именно такую: «Полк, смирно!»

Наша казарма была самой дальней от штаба, третьей, то есть мы были на противоположном конце плаца, но гаркнул я, видимо, не хило, потому что вдруг увидел, как из штаба выскочил, надевая на ходу фуражку, дежурный по части и бросился в сторону КПП, ища глазами автомобиль либо самого генерала.

То есть, он решил, что кто-то подал команду в связи с прибытием начальства.

Помню, Жигалов (командир взвода) сначала хохотнул, потом сделал мне замечание, сделал он это в дружеско-грубоватой форме, но за экзамен поставил всё-таки пятёрку.

ДЕСАНТНИКИ. ВИНОГРАД

Каждый год, где-нибудь в августе, весь наш полк принимал участие в сборе винограда. Далеко ходить не приходилось — виноградник находился буквально за забором части. У меня сохранилась фотография, где я держу две кисти винограда, как мышей за хвосты.

Поначалу, конечно, ели «от пуза», но виноград скоро надоел. Находили на дальних делянках другие сорта — всё равно надоедало. Ну, мы, предприимчивые солдаты, очень быстро научились делать бражку. Делалась она очень просто: брался виноград, цедился, выжимался в какие-нибудь ёмкости, потом эти ёмкости ставились в тёплое место, и через несколько дней можно было пить так называемую «брагульку».

А работа на винограднике, конечно, расслабляла, иногда казалось, что ты вообще на гражданке. Командиры изредка заходили — норма нам была понятна, а работа «не бей лежащего». И однажды решили мы найти где-нибудь агдамчику. У местных азербайджанцев в каждом доме обязательно было своё вино. Не знаю — может, специально для солдат, а может, и так делали они «Агдам». Это было креплёное вино. Уж что туда добавляли, не знаю, но крепость была «атомная». И, конечно, хотелось почувствовать себя на гражданке — хлебнуть этого самого «Агдама».

Мы скинулись, у кого какие были деньги. Платили, кстати, во всей Советской армии рядовым 3 рубля в месяц, а десантникам — 4, плюс нам платили за прыжки (до 10 прыжков платили, по-моему, по 4 рубля, а после 10 платили уже по 10 рублей — это были «серьёзные» деньги). Мне как сержанту и замкомвзвода платили аж 8 рублей, ну и добавьте прыжковые. Одним словом, деньжата у нас бывали, но чаще всего мы их очень быстро проедали в солдатской чайной. И вот, сбро-

сившись, поняли, что не хватает, а у одного из наших были старенькие наручные часы. Мы давай его подбивать: «Зачем тебе часы? Всё равно они у тебя плохо ходят, давай продадим». Ух, продали эти часы, купили «Агдама», сели между рядами винограда и устроили себе пикничок.

А заместителем командира роты по строевой подготовке (как мы его звали «зампострою») был старлей Поздеев. Совсем недавно он был ротным в другой роте нашего полка, но при проверке у него оказалась недостача (то ли бушлатов, то ли шинелей, то ли одеял), и его перевели на нижестоящую должность «зампострою» в нашу роту, а самое главное — постановили ему возмещать материальный убыток. Помню, на торжественных разводах, когда все офицеры надевали парадную форму, он всегда стоял в полевой. Когда ему делали замечание, он зло отвечал: «Я выплачиваю со своей зарплаты то, что на меня „повесили“, и купить себе новую парадку не имею возможности». Вообще мужик был очень «крутой», но на самом деле справедливый. Если кто хамил или что-то делал не так, мог отвести в сторонку, чтобы никто не видел, и просто без затей врезать по зубам, причём делал он это профессионально — челюсть только лязгала, и потом у провинившегося долго болела скула. И я однажды попал под его «горячую» руку.

Одним словом, Поздеич (как мы меж собой его называли), когда мы пришли в расположение роты, своим опытным взглядом подметил, что кое-кто из бойцов «подшофе». Он не хуже нас знал, в каких домах можно было купить «Агдам», да ещё, наверное, местные ему донесли, что солдаты продали часы. Почему-то он подумал, что эти часы мы либо у кого-то украли, либо отняли, и решил устроить целое следствие. Вызывал по одному каждого из участников пирушки в канцелярию и беседовал. Меня оставил напоследок.

Когда кто-то выходил, он не разрешал подходить к остальным, а отправлял всех в разные места под присмотром дежурного по роте, чтобы друг другу мы ничего не рассказывали. Дошла очередь до меня. Захожу в канцелярию. Поздеич спрашивает: «Ну что, сержант Миронов, ты же командир, тебя тут твои бойцы полностью „заложили“. Если ты сейчас не расскажешь,

как на самом деле было дело, тогда всё „повесим“ на тебя». Честно говоря, малехо струхнул, потому что так и до дисбата могут дело довести, но „сдавать“ своих — это не в моих привычках. Стою, молчу. Поздеич продолжает: «Что молчишь? Сдавать не хочешь? Так тебя „сдали с потрохами“ твои же, мне только для полноты картины нужно, чтобы ты пересказал, как дело было, и всё, считай, что мы в расчёте». Я молчу.

— Ах, так! — и вдруг он вынимает из стола кожаную перчатку, надевает её на правую руку, с удовольствием натягивая, сжимая и разжимая кулак, подходит ко мне, а лицо злое-злое, дышит в лицо и говорит: «Ну ладно, раз ты такой молчун, придётся мне тебя проучить!» Неприятно, конечно, ну, думаю, ладно, придётся ещё раз ощутить это «удовольствие». Молчу. Поздеич пристально вглядывается мне в глаза. Видимо, смотрит, чего там больше — страха или воли (честно говоря, там было того и другого поровну). И говорит: «Ладно, свободен». Я выдохнул: «Разрешите идти, товарищ гвардии старший лейтенант?» — «Иди». Я направился к двери, как услышал: «Стой!» Оглядываюсь, а он мне говорит: «А ты ничего, нормальный хлопец. Иди, только больше не шалите».

И уже выйдя из канцелярии, я понял, что, конечно, все эти рассказы по поводу того, что меня мои «сдали» — это было что называется «взять на пушку». А ещё я понял, что Поздеич — настоящий офицер и знает, что такое солдатская, да и офицерская солидарность. А кстати, офицерской ему очень даже не хватало в его непростом положении.

ПОСТ № 1

В полку, как известно, есть несколько постов. Пост № 1 — это пост около знамени части, самый тяжёлый пост, потому что там нужно два часа стоять практически по стойке «смирно» с автоматом на груди. Инструкция для часового на посту № 1 была вот такая: в случае возникновения пожара нужно было немедленно прикладом разбить стеклянный саркофаг, внутри которого стояло знамя части, схватить его и выбегать на улицу, на плац.

Однажды приехала высокая комиссия из Главного политического управления Советской армии. Почему-то на ум всплывает маршал Епишев — может быть, я ошибаюсь, но на проверку в наш полк прибыл именно сам главный замполит советских Вооружённых Сил. И вот стоит боец на посту № 1, время где-то 11 часов дня, то есть полк занимается боевой учёбой, штаб полон офицеров, а маршал со свитой заходит в штаб. Понятно, команда: «Смирно!» Часовой — ни жив ни мёртв, стоит навытяжку, правой рукой держась за приклад автомата, левая — на цевье.

Московский маршал глянул на часового и вдруг подходит к нему и говорит: «Гвардеец, даю вводную: „Пожар в штабе!“ — действуй!» И гвардеец, не долго думая, на глазах у изумлённой публики долбанул прикладом по стеклу, разбил стеклянный саркофаг, схватил знамя и мимо всей свиты бросился на улицу. Говорят, такого отборного мата давно никто не слышал. Но маршал (нужно отдать ему должное) успокоил и комдива, и командира полка. И бойцу вместо 15 суток гауптвахты дали 10-дневный отпуск домой, потому что, как сказал маршал, если бы он сказал: «Расскажи, каковы твои действия в случае поступления такой команды», — это было бы одно, а маршалскомандовал: «Пожар в штабе!» — и гвардеец выполнил всё, как учили.

ОКОП В ПОЛНЫЙ ПРОФИЛЬ

На одном из учений получилась интересная ситуация. Мы уже суток двое бегали по горам, и была дана команда окапываться, причём наш условный противник должен был наступать из долины, а мы в предгорьях должны были занять жёсткую, глухую оборону — поэтому была дана команда выкопать окопы в полный профиль. А в полный профиль — это значит в полный рост, когда ты стоишь, и только голова у тебя торчит из окопа — вот такой глубины он должен быть. При этом окоп не одиночный, а на отделение, то есть длиной метров 20. Ты как командир должен правильно расставить огневые точки: где у тебя пулемётчик, где гранатомётчик, где стрелки, да сде-

лать несколько запасных огневых точек так, чтобы в любой момент боя по твоей команде пулемётчик и гранатомётчик, да и боец, если, не дай Бог, кого-то из сослуживцев «убьют», мог переместиться по траншее и занять место «убитого».

И вот, получив такую команду, я опытным взглядом, можно сказать, «профессионального» геолога вижу, что тут местами даже коренные породы выходят, то есть земли как таковой нет, и как здесь долбить окоп в полный профиль — абсолютно непонятно. В геологии в таких случаях закладывали взрывчатку в шурфы и взрывали. А из инструментария, кстати, у нас всего лишь сапёрная лопатка. Правда, комбат где-то разжился и привёз нам пару ломов. Но опять же: это были осенние учения 1972 года, и мне до дембеля ещё год, поэтому дембеля в моём взводе считали ниже своего достоинства «пахать». Вся надежда была на свой призыв, да на «салаг». Ну и сам не гнушался взять лом да и лопату в руки.

Наметил я траншею, и начали долбить. Долбили, наверное, часов шесть, уже стемнело, а утром сказали, что будет объезжать комдив с проверкой. Место для окопа я выбрал, не скрою, из соображений дальнейшей хитрости, о которой напишу, ровно посередине склона, над дорогой. До дороги было метров 200, а до вершины холма метров 150. Мотивировал я для начальства это таким образом: именно с этой высоты, с одной стороны, была максимальная видимость дороги и простреливались все подходы, с другой стороны, можно было в случае необходимости эти 200 метров быстро пробежать для контратаки. И опять же на вершине холма мы не маячили бы на фоне неба, и наши головы не служили бы отличной мишенью.

Но была и ещё одна хитрость. Я был реалистом и понимал, что окоп в полный профиль при всём желании и даже возможностях мы не выдолбим. В конечном итоге мы выдолбили траншею глубиной сантиметров 50. Но я приказал таскать камни и выкладывать перед окопом бруствер. Когда утром мы проснулись, приехала полевая кухня, мы подзаправились, и я стал ждать начальства.

У меня был бинокль, я вглядывался в тот отрезок дороги, который был километрах в пяти от нас, в ожидании машины.

Сначала появился столбик пыли, потом из-за ближайшей гряды скал выскочили два УАЗика. Я своим бойцам приказал сесть на корточки в окопе так, чтобы только головы торчали, выставить пулемёт и гранатомёт и ждать моей команды. Весь мой расчёт был на то, что встречу я командиров у дороги, а им лень будет подниматься 200 метров в гору. У меня уже была нарисована схема расположения огневых точек, схема пристрелянных секторов, одним словом, — всё, как учили.

И вот подъезжает комдив, вместе с ним на втором УАЗике наш командир полка, комбат и мой ротный. Выходит командир дивизии (тогда это был гвардии генерал-майор Спирин), я отдаю ему честь и рапортую: «Товарищ гвардии генерал-майор, второй взвод третьей парашютно-десантной роты занял оборону в соответствии с боевым предписанием. Сектора обстрела...» — и начинаю докладывать, показывая рукой на своих бойцов, которые (хоть и не очень их было видно), я чувствовал, делают зверские рожи, чтобы вселить уверенность в командиров, что здесь враг не пройдёт.

Не дослушав, где и какие у меня ориентиры и какая главная задача (а задача: не допустить прорыва противника с направления — дальше назывались населённые пункты, а потом говорилось — в каком направлении через нас мог прорваться противник), комдив оборвал меня и сказал: «Ай да сержант, ай да молодец!» Повернулся к офицерам: «А вы мне говорите, что невозможно в полный профиль вырыть окопы. Могут, значит, бойцы». Потом вдруг спрашивает: «А почему ты докладываешь, где командир взвода?» Ну, тут ротный сказал, что командир болеет, и его замещаю я как замкомвзвода. Комдив повернулся к офицерам: «Вот вы — офицеры, а сержант и то всё сделал. Смотрите, как чётко докладывает. И бойцы у него — только одни панамы торчат. Значит, смог всё-таки, молодец!»

Я стою ни жив ни мёртв, больше всего опасаясь, что тот же комбат, прекрасно понимая, что не могли мы выдолбить такой окоп, скажет: «Товарищ генерал-майор, давайте пройдем, проверим всё на месте». Но, с другой стороны, это взвод его батальона, так что, если хвалят младшего командира, значит,

это косвенно похвала и батальона. Объявив мне устную благодарность и попросив передать благодарность бойцам, комдив махнул им, на что мои молодцы даже не пошевелились, и уехал. Довольный, я подошёл к своим, сказал, что от лица командования им объявлена благодарность. Народ с удовольствием засмеялся.

АРМЕЙСКАЯ ДУРЬ

Когда кто-то, кто служил в армии, рассказывает про подготовку к приезду начальства и рассказывает, как они красили траву, я только улыбаюсь, потому что траву мы тоже красили. Однажды решили, что надо вокруг плаца сделать газоны. В Кировабаде всё всегда звенело от жары и сухоты, и, естественно, идея вскапывать и что-то там высевать была бесполезной.

Снарядили несколько бортовых машин ГАЗ-66 и целую неделю по очереди несколько взводов ездили в долину реки Куры и вырубали там дёрн и этим дёрном выкладывали будущие газоны, обильно поливали, но, тем не менее, спустя две недели, когда как раз генеральская проверка должна была приехать, виднелись абсолютно жёлтые квадраты.

Дело простое — брался пульверизатор, из которого потолки белят, разводился колер, схожий по цвету, и из жёлтых квадраты быстро становились зелёными. Колер, точный к сочной траве, всё равно подобрать не удалось, но всё же не так бросалось в глаза, как жёлтые квадраты.

Так что это мы проходили, ничего удивительного нет. Но зато, я думаю, что мало кто может похвастаться, что когда-либо в жизни белил снег, а мне довелось.

Должен был приехать к нам не кто-нибудь, а сам министр обороны товарищ Гречко.

И буквально за неделю до его приезда неожиданно целые сутки шёл снег. Дело было в январе, но для Кировабада это большая редкость, чаще зимы там абсолютно бесснежные. Естественно, снег мы с плаца сгребли и сложили в ровные, аккуратные как бы брустверы по периметру плаца. Всё бы ни-

чего, но потом в течение недели светило солнышко, снег стал оседать и чернеть — смотрелось очень некрасиво, а уже завтра должен был приехать Гречко.

Окинув взглядом с трибуны это убожество, командир полка принимает, на его взгляд, единственное верное решение — срочно разводить мел и опрыскивать эти сугробы, чтобы они были белее белого. Сказано — сделано. Опрыскали, но вода с сугробов и так всё время стекала на плац, сама-то вода быстро испарялась, а теперь пошли белые разводы. Ну что ж, тогда гвардейцы-десантники вооружаются вёдрами, тряпками и уже моют плац, очищая его от следов мела.

И так мы упражнялись, то подбеливая, то смывая мел с плаца почти целые сутки до приезда министра.

Маршем мы прошли браво, так как бойцов на плацу стояло много и эти белые разводы, наверное, не очень были видны. Гречко, по-моему, был доволен, а в моей памяти осталась такая уникальная армейская практика, а если называть вещи своими именами, конечно же, армейская дурь, как побелка снега.

ОТПУСК

Осенью 72-го к нам в роту пришёл служить бывший курсант Рязанского воздушно-десантного училища. Он отучился первый курс, а с начала второго за какие-то провинности был отчислен из училища и направлен дослуживать один год (тогда такой закон был) в линейные части. Звали его, по-моему, Виталий. Начал служить он рьяно — парень физически крепкий, весёлый, балагур. Но нашла «коса на камень» в отношениях с тогдашним старшиной нашей роты Гаджиевым. Чем-то Виталий ему сразу не понравился.

Началось, как сейчас помню, с мелкого конфликта. Виталий спорол свои курсантские погоны и хотел их оставить себе на память, поэтому попросил у старшины чистые, новые, голубые, на что Гаджиев сказал: «Спарывай продольные лычки с курсантских, вот тебе и будут обычные погоны». Виталий не захотел, ну и пошло-поехало. В итоге служба у него не за-

далась. За какую-то провинность командир сказал, что будет он служить не год, а полтора, а через какое-то время заявил, что год в училище он ему не засчитывает, поэтому объявляется Виталий молодым воином и будет служить по полной два года. Ну и Виталий, видимо, сломался, начал, что называется, «косить», начал изображать попытки самоубийств, причём именно изображать. Его отправляли в госпиталь, потом он снова приходил. И так длилось всю осень.

И вот в начале января 1973 года в конце концов его комиссовали. А так как в документах было написано, что у него психическое расстройство (склонность к суициду), то по правилам его до дома должен был сопровождать кто-то из военнослужащих. У командира роты я был на хорошем счету, и решили дать мне 10 суток на то, чтобы отвезти его до дома куда-то в среднюю полосу России, а потом обратно.

Оказалось, что в его небольшом родном городке отец служит военкомом. И Виталий сразу предложил мне: «Хочешь, быстренько на самолёте довезёшь меня? Попроси своих родителей, чтобы на мой домашний адрес выслали „до востребования“ денег на дорогу, а батя тебя отметит так, как будто ты все дни провёл у меня в городе, а ты слетаешь в Ленинград». Идея была абсолютно авантюрной, но тем не менее показалась мне очень даже привлекательной, и я согласился.

Кстати, в глубине души поначалу я действительно думал, что у Виталия не всё в порядке с головой. Но как только мы вышли за КПП и направились к автобусной остановке, он повернулся в сторону части и сказал: «Ну вот, товарищ Гаджиев, ты теперь кукарекай, как хочешь, а я поехал на дембель». И, посмотрев на меня, добавил: «Батя мне „белый билет“ переправит». И что-то, видимо, увидев в моих глазах, произнёс: «Ты что, думаешь, я действительно „психушник“?» — «Да нет», — сказал я неуверенно. И тут Виталий рассказал, как он разыгрывал настоящие спектакли, изображая самоубийства. Подробности пересказывать не буду, но, оказывается, делал он это артистично и хорошо готовился к таким «концертам». В конце концов я успокоился, рассудив, что у меня не будет с ним никаких хлопот. Как раз после этого и родилась идея,

если называть вещи своими именами, о краткосрочной самовольной отлучке в Питер.

Мы сели на поезд и доехали до Тбилиси. В Тбилиси нужно было брать билет до его городка, вернее до ближайшего областного центра — Воронежа. По нашим воинским требованиям билетов не было, а Виталий уже успел где-то купить бутылочку винца, немножко «дёрнуть». Предлагал и мне, но я отказался — я же сопровождающий, его документы у меня, я за него отвечаю. Вообще Виталий вёл себя, хоть и был в форме, мягко говоря, вольготно для военнослужащего. (Кстати, выдали ему парадную форму с условием, что я её обратно привезу — у меня было и такое задание от нашего старшины.)

Понимая, что, если мы просидим здесь ещё несколько часов, Виталий допьёт бутылку и совсем в разнос пойдёт, я решительно направился в воинскую кассу. Кроме военного билета и требования, я достал справку, где говорилось, что рядовой такой-то комиссован в связи с психическим заболеванием. Отгородившись плечами от стоявших за мной других солдатиков, страшным шёпотом обратился к молодой женщине-грузинке, которая работала в военной кассе: «Он уже стоит на балконе второго этажа и собирается сигануть вниз, если сейчас ему не продадут билет. Вам что, нужен труп в аэропорту и скандал большой?» Женщина испуганно заморгала, и тут же два билета до Воронежа нашлись.

Кстати, этот полёт Тбилиси–Воронеж мне запомнился вот каким обстоятельством. К тому времени у меня было где-то 17 прыжков и с Ан-2, и с Ан-12, то есть я 17 раз поднимался в небо на самолёте, а потом с разных высот (от восьмисот до полутора тысяч метров) выпрыгивал с парашютом — одним словом, я никогда на самолёте не приземлялся.

Поэтому во время взлёта мне всё было знакомо, хотя я летел в рейсовом реактивном самолёте впервые в жизни, Ту-154, конечно, это не Ан-12. Летим мы, летим (а полёт длился всего где-то около часа), и вдруг чувствую — что-то мне поплохело. За окнами темно, ничего не видно, да ещё облачность, видимо, была, а мне всё как-то плохее и плохее — не пойму, отчего? Когда совсем стало плохо, я хотел попросить бумажный па-

кет, и вдруг всё закончилось! Тут-то я понял, что мы уже едем по посадочной полосе. То есть виной всему была посадка, да в непогоду, болтало, поэтому было немножко непривычно.

Добрались мы с Виталием к нему домой. Его батя строго расспросил меня про своего сына, я всё как есть честно рассказал, что, да, «косил», но объективности ради добавил, что старшина устроил ему просто невыносимую жизнь (там и до рукоприкладства дело доходило), правда, Виталий в долгу не оставался. Видно было, что отец, профессиональный военный, конечно, расстроился. С другой стороны, я честно сказал, что Виталий — хороший парень и просто так сложилось у него. Может, как раз в благодарность за правду, а может, и Виталий уже сказал — батя забрал у меня удостоверение, а на следующее утро пришли от мамы 25 рублей. Кстати, телеграмму я ей дал такую: «Мама, если хочешь, чтобы я приехал домой на несколько дней, вышли 25 рублей по такому-то адресу». И мама, увидев адрес совсем не Кировабада, где мы служили, почему-то решила, что я приеду с женой.

Одним словом, я отправился домой.

Путь домой не обошёлся без приключения. Сначала я купил билет на самолёт из Воронежа до Москвы, и в столице-то со мной и вышел казус.

Надо сказать, что тогда я по званию уже был старший сержант, а для того, чтобы выглядеть получше, нашёл шинельку, которую готовили на дембель, с начёсом, погоны там были со вставками, с хорошими парадными лычками, а сама шинель была сержантская. Я подумал: какая разница? А ещё предусмотрительно (как чувствовал!) попросил в канцелярии писаря поставить мне печати на все мои нагрудные знаки, которые с большим удовольствием надел на китель. А знаков у меня было, как сейчас помню, четыре. Во-первых — это гвардия. Во-вторых — был такой значок ВСК (военно-спортивный комплекс), у меня был первого разряда. Потом был «Отличник-парашютист», где на стропах была большая цифра «10» и маленькая подвесочка с семёркой внизу купола, а слова «Отличник-парашютист» золотом были написаны на белом куполе. И классность — у меня был второй класс.

Поэтому мой военный билет был в полном порядке, идеально оформлен.

И вот приехал я на аэровокзал, как сейчас понимаю, на Ленинградском проспекте. Купил билет «Москва–Ленинград» и жду автобуса, который отвезёт меня в Шереметьево. Сам я в шинели, в шапке-ушанке (зима), только голубые погоны и петлицы выдают во мне десантника. В руке — авоська-сетка, в которой в газету завернуты парадные китель и брюки — те самые, которые я должен привезти старшине. Вот в таком виде хожу, раскрыв рот, по аэровокзалу, а вокруг молодые девушки, женщины, да и вообще гражданская жизнь, от которой я уже отвык. И вдруг слышу: «Сержант, я кому говорю!»

И тут до меня доходит, что уже несколько раз кто-то окликает какого-то сержанта, но я-то старший сержант, поэтому и не реагирую. Оглянулся: стоит патруль — офицер с повязкой патруля, а из-за его плеча радостно на меня поглядывают двое курсантов-чернопогонников какого-то московского военного училища. Быстро соображаю, что предписание у меня в Воронежскую область, командировочное уже отмечено, причём числом, которое наступит только через неделю, сам я с какого-то перепугу нахожусь в Москве. Но делать нечего, подхожу.

«Рубанул» строевым, докладываю: «Товарищ капитан, сержант Миронов по вашему приказанию прибыл». Он говорит: «Ваш военный билет». Обычно спрашивают: «Ваши документы» — достаёшь военный билет и командировочное предписание — по какому поводу находишься здесь. Но раз он спросил военный билет, достаю его. Тут офицер требует: «Расстегните шинель». Я расстегнул шинель, курсанты сладострастно уставились на мои значки, а капитан, раскрыв военный билет, с разочарованием убедился, что там всё положенное записано и печать стоит. Сделал замечание, чтобы я вовремя реагировал и честь отдавал, и меня отпустили. Пронесло.

Через два часа я приземлился в родном Пулкове.

Заглянул к маме, потом поехал к Маринке. Добрался до улицы Красной Артиллерии, дом 30, позвонил, открыли соседи. Подошёл к комнате сестры, потянул за ручку — дверь закрыта изнутри. Постучался, услышал голос Маринки:

— Кто там?

— Кто, кто? Брат приехал из армии.

Маринка ойкнула, распахнулась дверь, бросилась мне на шею, но самое интересное — стоит в дверях и как будто дальше порога не пускает (а я приехал рано утром). Я её отодвинул, вошёл в комнату. И тут вижу кровать, на подушках которой лежит чья-то голова с длинными волосами. Подумал: наверное, подружка ночует. Отвернулся, как вдруг эта «подружка» сзади мужским голосом говорит: «Давай знакомиться! Геннадий». Это был будущий Маринкин муж — Генка.

Маринка начала расспрашивать, но мне было не до долгих разговоров — хотелось скорее показаться своим в техникуме. Я прямо в форме, в шинели, поехал в Ленинград. В техникуме произвёл, мягко говоря, фурор. Начались обнимания, братания, целования с девчонками. Решили тут же по такому поводу это дело отметить. Сначала пошли в какую-то кафешку, потом к кому-то поехали. Одним словом, уже поздно вечером я еду в электричке, мои друзья меня провожают, сели в автобус. И в автобусе, помню, поплохело. Я понимал, что немножко выпил, но чувствовал: что-то здесь не так.

Когда только зашёл домой, просто потерял сознание. Очнулся утром — никакой. Как оказалось, у меня температура сорок с половиной. При этом насморка нет, ничего нет — только слабость ужасная. Мама вызвала врача из госпиталя. Врач сказал: «Непонятно что. Нужно класть в госпиталь. Если что, мы отпуск продлим». (А своим я сказал, что приехал в отпуск.) Я говорю: «Мне нельзя в госпиталь. Через два дня я должен вылетать обратно». Врач удивляется: «Куда ты полетишь? Ты еле живой». — «Ничего не знаю, — отвечаю, — мне надо лететь». Мама хотела было начать отговаривать, но я на неё так посмотрел, что она поняла — спорить бесполезно.

Трое суток я провалялся в бреду. Тем не менее, на третий день кое-как оделся, Генка взял такси, повёз меня в Пулково. Меня шатало из стороны в сторону, честно говоря, плохо помню, как зашёл в самолёт. А как только сел в кресло, тут же вырубился. Очнулся я, услышав голос стюардессы: «Через 15 минут приземляемся в аэропорту Тбилиси». Ещё по при-

вычке тяжело разомкнул глаза, тяжело повернул голову к иллюминатору и вдруг почувствовал, что на самом деле всё это делать мне абсолютно не тягостно и вообще — я просто как огурец, — полностью здоров!

«УЗЕЛ ДЛЯ ПРОКУРОРА»

При укладке парашюта есть такой элемент укладки, когда чехол вытяжного парашюта привязывается к чехлу основного парашюта специальной ниточкой и особым узлом, который мы называли «узел для прокурора». А специальная ниточка должна быть только хэбэшной, ни в коем случае не капроновой. Если эта ниточка не рвалась, то чехол с основного купола не стаскивался, потому что вытяжной стабилизирующий парашюттик не раскрывался. На этот случай конструкторами парашюта были придуманы два огромных кармана сбоку чехла. Когда парашютист летит к земле, то встречный поток воздуха надувает эти карманы и, как чулок, стаскивает чехол.

Так вот, если что-то случалось с парашютом, очень часто причиной был «узел для прокурора». Всегда внимательно смотрели: не подменил ли кто-то хэбэшную верёвочку на капроновую, был ли узел правильно завязан. Нас учили, если даже по какой-то причине разрыв не произошёл, никогда нельзя на земле этот узел разрывать.

Однажды в Герань (это учебный лагерь в пустыне под Кировабатом) пришло молодое пополнение. Среди ребят был боец, даже помню его фамилию — Лунин, по-моему, москвич. Этот Лунин доставлял мне много хлопот — был не очень физически развитым. И вот настала очередь ночного прыжка. Я прыгал со всеми... И уже на площадке приземления бегаю, свечу фонариком, опрашиваю и пересчитываю всех своих бойцов — все ли в порядке. И вдруг мне кто-то из моих говорит: «Там Лунин, у него что-то не так». Я испугался, кричу: переломался или что? Мне отвечают: «Да нет, вроде все нормально, но что-то у него там не сработало». Я побежал искать Лунина. Нашёл, вижу: купол раскрыт, он, слава Богу, цел

и невредим, правда, бледный весь (и так был бледный), одни глаза на лице и даже, по-моему, заикается.

Я спрашиваю:

— Что случилось?

Он отвечает:

— Я очень долго летел.

— Мы все долго летели.

— Нет, я долго летел и парашют не раскрывался.

Я спрашиваю:

— А ты кольцо дёргал?

— Дёргал.

Понимаю, что произошла та самая ситуация — чехол стащился потоком воздуха и, конечно, вместо положенных пяти секунд боец летел где-нибудь секунд 15–20. Хорошо, что успел чехол стащить, купол раскрылся и он приземлился. Лунин подтвердил, что когда купол раскрылся, его дёрнуло, и через несколько секунд была уже земля. Я посмотрел: с ним всё в порядке, но если узнают, что случилось, то будут разбираться, «повесят» на наш учебный взвод это ЧП. И я недолго думая рванул два чехла, разорвал контровку между ними, стащил чехол с вытяжного парашюта. Одним словом, сделал так, как будто всё сработало штатно.

А мои «балды» уже успели рассказать о случившемся с Луниным не только мне, но и Поздеичу, командиру учебной роты. И он как раз в это время подлетает к нам с Луниным, кричит: «Где?» Я отвечаю: «Всё нормально, товарищ старший лейтенант, уже сделал». И тут «Поздеич» молча разворачивается и хуком бьёт мне по скуле, я — кубарем. Тут же протягивает мне руку, помогает встать и с упрёком говорит: «Я-то думал, что у тебя ума хватит. Ты хоть понимаешь, что это подсудное дело?» Я говорю: «Товарищ старший лейтенант, так никто не знает».

— Как никто не знает? Все уже болтают.

— Сейчас построим, сделаем инструктаж, скажем, что так и было.

Он вздохнул:

— Всё-таки дурак ты, сержант.

Так это дело мы и замяли. Кстати, нагнувшись и взяв ниточку, я увидел, что она была капроновой. Откуда она появилась — непонятно. Ну, дело прошлое.

НА ГУБЕ

Хочу рассказать одну байку-быль про коменданта города Кировабада, который славился своей свирепостью и жестокостью. Он был не из десантников. По национальности, по-моему, украинец. Сам о себе очень любил говорить в третьем лице: «Я хохол хитрый, меня, хохла, ещё никто не проводил» — и так далее.

В каждой части была своя «губа», но это была такая, домашняя. За более строгие провинности назначали гауптвахту гарнизонную. Так вот, никто никогда от коменданта не уходил, отсидев ровно положенный срок, он всегда всем давал ДП (дополнительный паёк, а на самом деле — дополнительное наказание), хоть сутки, но прибавлял, и причина всегда находилась, как бы ты себя дисциплинированно ни вёл, как бы ни выполнял хозработы — всё равно он находил, за что надбавить срок.

Однажды, когда наш полк дежурил и, в частности, я был в патруле по городу, у начальника комендатуры, видимо, было хорошее настроение, и он, сидя на лавочке у комендатуры, нам рассказал, как однажды, как он сказал, «гарный хлопец из ваших, из десантуры» здорово его «обвёл вокруг пальца».

И вот такая история.

Гвардеец за что-то получил 10 суток и как-то он так, как дословно сказал комендант: «Тихим мышонком просидел, что даже я его лица не запомнил. И ни разу за десять суток он мне не попался, чтобы ему добавить ДП». И вот утром на разводе вдруг этот «тихий мышонок» докладывает: «Рядовой такой-то, шапка, шинель — мои, претензий не имею. 10 суток гауптвахты отсидел, прошу откомандировать в часть». Комендант рассказывает: «Ну, думаю, дела, ничего себе хлопчик, и как ты так у меня выкрутился. Ну, думаю, от меня ты так просто не уйдёшь».

— Ну, ладно, — говорю, — раз так, вот тебе задание, сделаешь — и свободен».

Во дворе комендатуры стояла пустая 200-литровая пожарная бочка. «Хитрый хохол» даёт гвардейцу кружку 250-граммовую со словами: «Наполнишь кружкой вот эту бочку водой, и всё — ступай, свободен». А кран с водой находился в самом конце длинного коридора, то есть нужно было пройти через всю комендатуру, чтобы дойти до него. Строго-настрого приказал часовому у «грибка», чтобы не позволял носить бойцу воду ведрами или ещё в чём-то, и ушёл в полной уверенности, что уж минимум целый день тот будет носить кружкой воду. Проходит час, вдруг гвардеец под дверьми докладывает: «Товарищ капитан, ваше приказание выполнено».

«Фу ты, ну ты, — думаю, — не может быть. Выхожу на крыльцо, день солнечный, смотрю на бочку, которая стоит в углу двора, — доверху зеркало воды и даже стекает по краям. Ну что ты будешь делать?! Спросил, естественно, у часового: „Носил кружкой?“ Тот отвечает: „Так точно, только кружкой“. Отдаю ему документы, ремень. Всё, шагай, марш.

Вернулся к себе в кабинет, сижу и думаю: что-то здесь не так, не мог он за час кружкой натаскать воду. Бойца отпустил, он уже ушёл. Подхожу к бочке и вижу, ё-моё, он оказывается бочку перевернул (а у бочки на дне снаружи есть такой поребрик) и до поребрика залил воду, четырёх кружек ему, наверное, хватило, ещё, чертёнок, час выждал, потому что мог всё сделать за десять минут, и таким образом провёл меня — меня, хитрого хохла!» И опять же посмотрев на нас, сказал: «Этот из ваших был, из десантуры».

Но при этом, хотя он рассказывал, как его провели, чувствовалось, что очень ему нравится, что нашёлся хитрый десантник, который провёл его, хитрого хохла.

ЕЩЁ О ГУБЕ

И ещё о «губе». Эту байку рассказывают, как было, до сих пор в любой десантной части, в любом гарнизоне. Байка такая.

Звонит однажды комендант города командиру десантной части и говорит:

— Слушай, я тут твоих трёх «орлов» забрал на гарнизонную гауптвахту.

— Как забрал? — спрашивает командир части.

— Да дебоширили, дрались с патрулём, оказывали сопротивление, убегали. Мы их поймали, вот посадили.

— Не-е, это не мои.

— Как не твои? Десантники, в форме все. Сидят как миленькие. Но я боюсь, буянить будут. Ты приезжай, забирай их.

Командир части говорит: «Не-е, не поеду, это не мои». Начальник гарнизона психанул, бросил трубку. Через час вновь звонит командиру части: «Слушай, я тебе говорил про твоих, так совсем оборзели — сбежали с „губы“».

На что командир части, усмехнувшись, ответил: «А-а, тогда это были мои».

СНЕЖНЫЙ ПЕРЕВАЛ

*Посвящается моему другу гвардии старшине ВДВ
Константину Борисовичу Павловичу*

Были ещё одни уникальные во всех смыслах учения, которые я запомнил на всю свою жизнь.

Шёл февраль 1973 года. До дембеля мне оставалось меньше года, я был в звании гвардии старший сержант, уже опытный десантник, ребята меня уважали — одним словом, то самое высказывание в первые дни в учебке «службу поймёте, и будет легче» я уже постиг, потому что действительно службу понял и служить было и легко, и интересно.

Пронёсся слух, что нас будут готовить к каким-то необычным учениям, более того, стали опрашивать: кто умеет ходить на лыжах, у кого какой размер сапог, при этом говорилось не о сапогах, а о валенках. Стали проверять наши бушлаты, менять старые на новые. Потом привезли ватные стёганные штаны.

Одним словом, затевалось что-то интересное.

Скоро каждому раздали лыжи. Мы ладили на них крепления, примерялись. Крепления были из брезентовой петли с резинками на пятку. А при этом на улице, на плацу — ни снежинки, температура плюс пятнадцать, где-то уже зелень в полный рост, а куда мы будем прыгать, что будем с этими лыжами делать — никому не понятно. Но потихонечку стало всё вырисовываться.

Оказалось, что Закавказский военный округ по поручению министра обороны СССР Гречко должен провести мощные общевойсковые учения под названием «Снежный перевал». В то время (впрочем, как и сейчас) Турция была членом НАТО, и в этой связи гипотетически рассматривался вариант нападения Турции на наши южные границы, и соответственно войска Закавказского военного округа должны быть готовы отразить любое нападение.

По сценарию учений тактическая обстановка складывалась таким образом.

Южные (читай — турки) якобы перешли границу внезапно и довольно успешно продвигались вглубь нашей территории через Кавказский хребет. И уже, собственно говоря, передовые части НАТО спускались с северных отрогов Кавказа в долину. (А войска могли проходить только через одно место — через перевал, который в это время года весь в снегу.) И задача нашего десанта была десантироваться на этот перевал, который находился на высоте 3150 метров, и, заняв оборону, не пропустить новые силы «южных» на нашу территорию, а когда прорвавшиеся соединения «противника» начнут «мочить» наши основные части, не пропустить их обратно.

То есть оборону на перевале мы должны были занять на два фронта: и на юг, и на север. При этом нам говорилось, что коль скоро перевал занят «южными», то десантироваться будем прямо на голову врага. Уточнялось, что в качестве «врага» будет размещена пехота.

Можно смеяться, но я лично так себе и представлял: в траншеях (вероятно, вырытых в снегу) сидят пехотинцы, причём понимал, что это наши, но почему-то даже видел, что они чуть

ли не с трёхлинейками сидят у костерков, а тут мы — как «снег на голову», в прямом смысле, упадём, быстренько всех перелопатим, спокойно займём оборону и будем ждать дальнейших команд.

Готовили нас наши замполиты морально, рассказывая о негодях из НАТО, которые спят и видят, как бы отхватить кусочек повкуснее у Советского Союза, готовили нас к трудностям, говорили, что это высокогорье (для меня это был пустой звук, впрочем, как и для подавляющего большинства моих ребят, может, только ребята из Дагестана представляли, с чем придётся столкнуться).

Потом стала проясняться ситуация: как же будут десантироваться лыжи.

Лыжи со всего взвода паковались в отдельный тюк, который потом на парашюте спускался на землю. К тюку должны были присоединить дымовые шашки, которые автоматически начинали дымить после отделения от самолёта, и дымить они должны были в течение 15–20 минут.

Учитывая, что до земли лететь лыжам минуты две, значит, довольно длительное время из того места, где упадёт тюк, должен был подниматься столб дыма — это нам для ориентировки, чтобы искать срочно лыжи, распаковывать их и уже на лыжах, как обычно, в цепи быстро покидать площадку приземления. Парашюты при этом мы должны были бросать на месте.

Мы несколько раз тренировались на плацу надевать лыжи, даже изображали шаг по асфальту на этих лыжах, надевали тёплый бушлат с большим воротником, шапки-ушанки, ватные штаны. Вид у нас был смешной — на улице плюс пятнадцать — хохотали мы до упаду.

Но вот настал день, когда мы пошли на аэродром.

Слава Богу, ума хватило не поднимать нас по тревоге и тем более не заставлять бежать бегом (представляю себе картинку, как при 15-градусной теплоте мы бежим в ватных штанах, бушлатах, валенках и зимних шапках).

В роте мы надели зимнее обмундирование, деваться некуда, поверх бушлатов надели рюкзак десантника, взяли автомат, два рожка холостых патронов, учебные гранаты с зарядом

в виде винтовочных холостых патронов, которые, ударившись, допустим, о какую-то поверхность, «взрываются». И вот такие увешанные, медленным табором мы двинулись на аэродром. Когда мы до него дошли, с нас, конечно, всё уже текло. Посадили, и мы ещё часа два ждали погрузки. Наконец погрузились.

Да, ещё до этого нам показывали макет местности, на которую нужно было десантироваться. Вырисовывалась очень интересная картина: перевал представлял из себя низину в окружении гор, с севера и юга к нему подходит довольно узкая дорога, или, скажем так, направление, тоже зажатое горами. Наши самолёты должны были перевалить через северный хребет, потом идти вниз и где-то с середины площадки приземления снова набирать высоту, чтобы перевалить через хребет южный.

Поэтому нас предупреждали, что 60 человек десантироваться должны не более чем за полторы минуты. Причём первую минуту мы должны были бежать к люку как бы в горку, а последнюю минуту, кому достанется, наоборот, должны были высыпаться из люка, потому что самолёт будет лететь с задраным кверху носом.

И вот мы полетели.

Летели долго, в сплошной облачности, стало сильно болтать, в общем-то, мы были привычные, но кое-кто уже начал «травить», и ему передавали ведёрко. Настроение, честно говоря, у всех было не очень воинственное (как будто мы чувствовали, что нас ждёт).

Вот зажглась жёлтая лампа над люком, рампа стала открываться, снежный вихрь ворвался вовнутрь, мы увидели сплошную облачность. Зажёгся зелёный сигнал, и с криками «Ура!» мы бросились в люк.

Меня закрутило, но всё прошло штатно, дёрнул купол.

Сначала летел секунд десять в облаках, потом внизу увидел: местами торчат чёрные скалы и всё в снегу. Мне казалось, что я ещё должен был минуту находиться в воздухе, как вдруг увидел, что земля стремительно приближается (это я потом сообразил, что воздух-то «разрежен» и летишь намного быстрее).

Вот, наконец, земля, я напряжинил ноги, но можно было этого не делать, потому что буквально через секунду в прямом смысле слова по самую шею оказался в снегу. Быстро начал вырываться — нужно было подтянуть стропы, чтобы купол меня не понёс, но на земле было абсолютное безветрие, а самое главное — пугающая тишина.

Я начал лихорадочно выкапываться, но потом почувствовал, что у меня нет сил. Я ещё не осознал, в чём дело, снова стал шепуршиться, и опять то же самое. Только потом мы догадались, что на высоте трёх тысяч метров просто элементарно не хватает кислорода, а мы к этому не были готовы.

Всё-таки кое-как удалось мне выбраться.

Слава Богу, когда попробовал, отползя от лунки, которую сделал своим телом, встать на ноги, оказалось, что я проваливаюсь не по шею, но, скажем так, «вам по пояс будет», это точно. Я начал лихорадочно оглядываться — мне показалось, что уже смеркается. На самом деле, действительно, мы долго просидели, вылетели где-нибудь в час дня, часа два летели, зимой темнеет быстро, особенно на юге.

И вдруг за ближайшим холмом я увидел чёрный дым, причём совсем близко. «Здорово!» — подумал я. И начал проламываться туда.

Но с удивлением понял, что дым движется, а через секунду услышал странный звук, похожий на шум мотора то ли танка, то ли ещё чего-то. Тут на полном ходу выскакивает БМП (боевая машина пехоты). Меня осенило: «Пехота не с трёхлинейками, она же вся на броне, на БМП». Я понял, что это мой «противник».

Причём БМП ехал довольно быстро и не обращал на меня никакого внимания. Мне стало обидно, и я с большим удовольствием расстрелял полрожка холостых патронов в него, а когда он приблизился ко мне, даже бросил в него учебную гранату, которая ударилась о броню и раздался выстрел холостого винтовочного патрона, заложенного внутри гранаты.

Хотя БМП — это машина, внутри которой люди, но для меня он был как одушевлённое существо. БМП, услышав хлопок гранаты, как бы с удивлением остановился и начал раз-

ворачивать башню в мою сторону. Я понимал, что у них тоже холостые патроны, но вообще-то даже из автомата холостыми нельзя стрелять в человека с расстояния ближе, чем три метра, потому что кусочки медной гильзы могут поранить.

И этот крупнокалиберный пулемёт развернулся и «лупанул» в меня что есть силы, я даже почувствовал, как меня обдало горячим воздухом. «Ах, ты, — думаю, — зараза!» — и показал ему кулак, но БМП безучастно двинулся дальше.

Я стал оглядываться — больше никаких дымов не видно. Более того, показалось, что я тут совсем один.

Забыл сказать, что мы были в белых маскахалатах поверх одежды. Кстати, хорошо, что нас командиры экипировали таким образом, потому что морозец чувствовался очень даже — начавшийся лёгкий ветерок обжигал щёки. И тут я увидел бойца. Меня насторожило, что он лежал, я даже подумал: не случилось ли что. Но, не увидев рядом с ним парашюта, понял, что он явно не из-за последствий прыжка лежит.

Когда я добрался до бойца, глаза у него были вытаращены, он хватал ртом воздух и говорил: «Дышать не могу — нечем». «Ну, что делать, надо потихонечку», — стараюсь успокоить его. И мы вдвоём кое-как двинулись. Одним словом, к дороге вышли мы часа через четыре, было уже темно.

На самом деле, захват плацдарма, к сожалению, провалился именно из-за того, что не учли эффект высокогорья и глубины снега. (Кстати, по метеосводкам нас предупреждали, что глубина снежного покрова 25 сантиметров. Реально, я думаю, там было все два метра.)

А в это время «противник» на БМП ездил по площадке приземления и собирал и парашюты, и гвардейцев-десантников. Началось братание.

Ладно, раз не смогли разбить «противника» с воздуха, тогда решили, что мы должны окопаться и утром контратаковать.

Развели пехоту и нас по разные стороны, вырыли мы окопы из снега и всю ночь «спали» в этих окопах. Тут я вспомнил, как в учебке нас два дня морозили на полевом выходе зимой в плащ-палатках. Этот опыт очень пригодился, потому что я знал, что меня ждёт в течение долгой-долгой ночи.

Подвезли наши лыжи, которые, оказалось, упали по другую сторону перевала. И ещё, оказалось, что из нашего полка десантировалось чуть меньше половины, так как лётчики не рискнули открывать люки, потому что не успевали сделать манёвр — обогнуть в сплошной облачности горные хребты.

Слава Богу, никто не разбился и самолёты не повредились. Но тех, кто оказался на перевале, было в два раза меньше, чем было задумано. Как прошла та ночь, вспоминается с трудом.

Утром действительно подошли БМД (боевые машины десанта), и мы, прикрываясь ими, цепью, на лыжах, по команде, причём такое ощущение, что командовал кто-то чуть ли не с вертолёта по громкоговорителю, ринулись вперёд.

Нужно сказать — рванули красиво.

Был солнечный день, да и «дыхалка» адаптировалась. Впереди — цепи пехоты, которая спешила с БМП. Уж не знаю, то ли вид у нас был такой беспшашный, то ли по какой-то другой причине, то ли командиры приказали, но, не добегая до «противника» метров двести, мы увидели, как они по команде развернулись к нам спиной и побежали.

Мы с удовольствием выпустили полный запас рожков с холостыми им вдогонку. Заняв рубежи «противника», решили отдышаться. Потом всех собрали, построили и маршем повели вниз в какой-то населённый пункт, где ждали машины, которые должны были нас отвезти к железнодорожной станции.

Ночью сделали привал (забегая вперёд — дошли мы к населённому пункту только к утру), и здесь случилась интересная ситуация.

У нас, в частности у меня, было несколько ракет на случай подачи сигналов, не все расстреляли свои холостые патроны, у кого-то оказались даже взрывпакеты, учебные гранаты. Когда мы биваком расположились прямо на снегу, кто-то первый пустил ракету.

И что тут началось: мы начали палить, пускать ракеты, швырять взрывпакеты. Офицеры забегали, зашумели. Через полчаса построили и начали всех «шмонать», приказывая всё сдать, вплоть до холостого патрона, потому что оказалось, что

недалеко находилась какая-то деревушка и бедные жители, наверное, подумали, что война началась.

Через двое суток мы вернулись в расположение родной части.

Кстати, спустя три недели мама мне написала, что ей пришло письмо, написанное на бланке, с благодарностью от командующего Закавказским военным округом, где говорилось, что ваш сын проявил мужество и выдержку, за что ему объявляется благодарность командования за участие в общевойсковых учениях «Снежный перевал». До сих пор у меня где-то хранится это благодарственное письмо.

МОЙ РОТНЫЙ

Хочу рассказать о моём ротном Валентине Репкине. Мы очень его уважали, и я бы даже сказал, гордились им. Эта история о том, как лейтенант Репкин досрочно стал старшим лейтенантом и получил повышение по службе — стал командиром нашей роты.

Шли дивизионные учения. Дивизия десантировалась.

Командование, в том числе из Москвы, в шатре через специальные большие бинокли внимательно наблюдает за всем происходящим в воздухе и на земле. И вот уже практически вся дивизия на земле цепью уходит с площадки приземления, буквально несколько последних человек сбрасывают и подвесную систему, и парашюты и устремляются за остальными, на ходу разбирая тяжёлое вооружение с платформ (в частности, на одной платформе укреплялись девять станковых гранатомётов). И тут наблюдающий видит платформу, на которой остался последний гранатомёт, а бойцов уже не видно и расчёта тоже — видимо, их разметало ветром, и бойцы не нашли своего гранатомёта.

Комдив с ужасом понимает, что всё — это провал, это два балла. И вдруг видит: бежит какой-то боец в комбинезоне (а нужно сказать, что и офицеры, и солдаты прыгали практически в одинаковых комбинезонах, в воздухе вообще нельзя

было понять, кто это — офицер или солдат), в портупее и с левой сумкой — значит, офицер. Он бежит мимо платформы, которая находится метрах в пятистах, как вдруг замечает, что на платформе стоит гранатомёт — резко поворачивает, подбегает, одним ударом ноги сбивает замки. Обычно гранатомёт тащили трое: один боец тянет за верёвку, а двое — за специальные ручки, которые находятся с двух сторон ствола. И так втроём они катят реально небольшую пушечку. Все в шатре наблюдают, как неизвестный офицер взваливает себе на спину гранатомёт, бегом (!) догоняет цепь и кричит бойцам. Те останавливаются, забирают у него гранатомёт, и дивизия благополучно покидает площадку приземления, не оставив на ней ни одной единицы вооружения.

После двух дней учений на одном из полевых военных запасных аэродромов выстраивается дивизия — идёт подведение итогов. Начальство из Москвы благодарит за отличную выучку, говорит, что всё прошло отлично, но потом дают слово комдиву, который говорит строгим голосом: «Дивизия выступила на отлично. Вы слышали оценку командования из Москвы, но не прошло без шероховатостей». И тут он спрашивает: «Кто из офицеров тащил на себе СПГ (станково-противотанковый гранатомёт)?» И спрашивает он таким тоном, что становится понятно — этот офицер получит нахлобучку за то, что выполнил не свою работу — ведь командир должен быть впереди и командовать, а он тащил эту пушку. И тут из рядов чётким шагом выходит молодой офицер, недавний выпускник Рязанского воздушно-десантного командного училища, и рапортует: «Лейтенант Репкин». А комдив через микрофон на весь аэродром говорит: «Отставить. Старший лейтенант Репкин». Так наш Репкин досрочно получил очередное воинское звание и был направлен к нам в роту.

ГРЕЦКИЕ ОРЕХИ

Когда я служил в армии в Кировабаде, наша рота участвовала в состязаниях на лучшую роту Вооружённых Сил по

спорту. Мы заняли второе место во всех Вооружённых Силах, и за это нас премировали поездкой на картошку.

Как сейчас понимаю, из Кировабада на картошку мы поехали не куда-нибудь, а в Карабах, потому что жили в армянском селе в горах. На полях там действительно росла картошка, мы помогли её убирать. А вокруг картофельных полей то там, то сям стояли огромные старые ореховые деревья, на которых росли грецкие орехи.

Дело было в конце сентября, орехи как раз поспели, многие из них уже падали и, естественно, как только выдавалась минутка, мы под этими деревьями их собирали.

А взводным был у нас лейтенант Шаврин, хороший дядька. Он только часто болел. А так как я был замкомвзвода, то частенько фактически командовал за него взводом. Офицеры жили отдельно. Нужно сказать, что по всей округе под каждым ореховым деревом мы попаслись за две недели картошки так, что после нас можно было ничего не искать. Но лейтенант этого не знал, в день отъезда принёс мне ведёрко и сказал: «Сергей, будь добр, набери для жены и дочки орехов».

Я начал отнекиваться, мол, нет там орехов, но лейтенант попросил: «Ты уж постарайся!» А чего стараться, если орехов нет.

Недолго думая, я набрал почти полное ведро мелкой картошки, а сверху присыпал орехами, которые долго-долго искал, чтобы хоть как-то прикрыть картошку. Так ведро ему и отдал. Честно говоря, на следующий день в казарме я ждал какого-то наказания или выговора, или хоть какого-нибудь упрёка. Лейтенант Шаврин ничего не сказал, а мне до сих пор стыдно, потому как представляю, что принёс он это ведёрко дочке, а там картошка.

Извини, лейтенант, по-честному, орехов-то и не было.

АРМЕЙСКИЙ ПОРЯДОК

В армии с первых дней приучают к армейскому порядку. Это касается и заправки кровати, и полотенца для ног, кото-

рое должно было висеть на нижней перекладине в правой части спинки кровати, а лицевое — вверху и в левой. В тумбочке должен быть определённый набор: мыло, зубная паста, щётка, возможны ещё нитка, иголка, но всё это тоже должно лежать в определённом порядке.

Нужно сказать, что эти постоянные требования идеального порядка, чтобы всё было по линейке, за два года очень сильно въедались и в сознание, и, можно сказать, в кровь. И вот буквально за два месяца перед дембелем в нашем полку должны были устраивать показуху.

Бравые гвардейцы-десантники должны были ложиться на дорогу, по которой поедет танк. Танк наезжал прямо на десантника, лежащего прямо в колее, по которой проходила гусеница. Танк шёл довольно быстро, думаю, километров 20–30 в час, не на полной скорости, конечно. И нужно было, когда танку до тебя оставалось не более трёх метров, быстро откатиться в сторону, в кювет, где лежала приготовленная противотанковая граната, учебная, конечно.

После того как танк проезжал мимо, ты должен был по-гвардейски выскочить из кювета, размахнуться что есть силы и бросить гранату в танк. Граната была учебная, там был вставлен холостой винтовочный патрон. При ударе гранаты о броню раздавался хлопок, что должно было свидетельствовать, что танк подбит и ты, гвардеец, молодец, получи с полки пирожок!

Самое интересное, я уже своё за два года службы пооткачивался из-под гусениц, я был гвардии старшим сержантом и в показухе участвовали мои бойцы, а я должен был всё обеспечить, в частности, через каждые двадцать метров по колее должны лежать бойцы и рядом с ними в кювете — заранее положенные туда противотанковые учебные гранаты.

И вот остаётся времени совсем немного, бойцы уже расставлены на расстоянии двадцати метров, пока ещё не положены на колею, стоят, а гранаты, конечно, все разложены, лежат ровненько на дне абсолютно чистого, я бы даже сказал, вычищенного от всякого мусора и травы кювета.

Буквально через пять минут должно приехать высокое начальство. Я пробегаю в последний раз, инструктирую бойцов,

заодно поглядываю, как лежат гранаты. И тут вижу, что все гранаты лежат как по ниточке, а одна чуть-чуть развёрнута, то есть неровно лежит.

Соскакиваю в кювет и кончиком сапога аккуратненько пытаюсь подвинуть гранату, чтобы она легла ровно. «Бабах!» Явно мой сапог не был бронёй, я помню, что старался сделать движение ногой очень осторожно, но, тем не менее, граната сработала, холостой патрон выстрелил, и пороховые газы долбанули меня в носок сапога. Я почувствовал жуткую боль, глянул на сапог и ничего не понял, потому что подошва была отдельно, верх сапога отдельно, но самое ужасное, там, где должны были быть пальцы, там всё сплющено.

Я охнул, сел на кювет, но тут же подскочили ребята и, опираясь на них, я поковылял на одной ноге в расположение роты. Кое-как стянул сапог, пальцы все были синие, ногти потом на трёх пальцах сошли, но, к счастью, ничего не сломалось, ничего не раздробилось, а сапоги потом я получил новые.

Недели полторы ходил в тапочке и очень переживал: вдруг пальцы не вернуться в исходное положение до дембеля и как же я поеду на дембель — в тапочке что ли? До дембеля всё зажило, и домой я ехал бравым десантником-гвардейцем.

На всю жизнь запомнил эту тягу к армейскому порядку и как тогда чертыхнулся: «Какой чёрт меня дёрнул поправить эту гранату? Лежала себе неровно и лежала бы!»

Хотя, если бы вы видели мой рабочий стол в конце рабочего дня, вы бы поняли, что тот армейский порядок въелся в меня навсегда, потому что стол мой в конце рабочего дня в идеальном порядке, в чистоте — ни одной бумажки. И уйти с работы, оставив на столе всё трам-тара-рам, не могу, как бы мне этого ни хотелось.

Всё-таки армейский порядок есть армейский порядок.

НА ПАРАДЕ

Расскажу на характерном примере, что такое ВДВ с точки зрения дисциплины по отношению к другим родам войск.

7 ноября (это была осень 1973 года) наш полк вместе с другими полками и частями Кировабадского гарнизона участвовал в параде на центральной площади Кировабада напротив Центрального универмага. Сначала были тренировки. Гоняли нас, гоняли, а у нас была сводная «коробочка» — рота, то есть 8 шеренг по 8 человек. Из десантников мы были одни. Были пехотинцы, танкисты, артиллеристы, связисты, лётчики. И вот на каком-то этапе поставили нас в «коробках» и приказали всем офицерам собраться для «разбора полётов». Естественно, мы, стоя такой «коробкой» восемь на восемь, остались предоставленные сами себе.

Буквально через 10 минут стояла только наша «коробочка», причём именно стояла — со всех сторон можно было видеть чёткие ряды, чёткое равнение. Впереди молодые — так те вообще чуть ли не по стойке «смирно» стояли. Дембеля находились сзади — не выходя из строя, не делая ни одного шага в сторону, но втихушку в рукав курили. А все другие «коробочки» лежали на газонах, сидели, бродили.

Офицеров не было минут 40. И всё это время наша десантная «коробка» стояла, по сути, не шелохнувшись. Нам было «дико» видеть, как бойцы других родов войск позволяют себе так выполнять команду «вольно». Этим, кстати, до сих пор славится ВДВ: дух братства, дух взаимопомощи, беспрекословное выполнение приказов командира — суть нашей службы и нашей гордости за ВДВ.

НЕ ЖАЛЕЮ

Этот эпизод оставил очень глубокий след в моей жизни, эпизод, который очень хорошо показывает, что такое ВДВ, а может быть, и объясняет, почему я так горжусь, что служил в десанте, и почему для десантника действительно свят и дорог его род войск.

В нашей роте служил парень, почему-то мне кажется, что звали его, как и меня, Сергей, и даже фамилия вспоминается — Морозов. По-моему, был он из Москвы. До армии он

окончил швейное профтехучилище и был, наверное, портным.

Естественно, узнав, какая у него специальность, начальство сразу же после карантина его определило служить на склад парашютно-десантной службы, где он занимался по своей профессии — на швейной машинке чинил, латал парашюты, различные детали к нему (купола и так далее), которые, конечно же, рвались после каждых прыжков. Работа у него была не пыльная, он не посещал боевые занятия, даже, по-моему, в столовую ходил отдельно от нас. Мы его практически не видели, приходил он только спать в расположение роты.

И вот, по-моему, это было весной 1973 года, врать не буду, не помню, одним словом, должны были быть крупные учения, минимум, дивизионные. Вдруг этот Серёга говорит: «Я хочу прыгнуть — скоро на дембель, а у меня всего три прыжка». Ему говорит начальство: «Ты должен на площадке приземления парашюты собирать» (потому что во время боевых учений мы бросали парашюты на площадке, а не собирали их, как во время тренировочных прыжков).

Но он настоял на своём. К сожалению.

Наступил день учений. Погода была хорошая, солнечная, тепло. Когда я выпрыгнул с Ан-12-го, лёг на поток, раскрыл купол, то увидел красивейшее зрелище — почти тысяча куполов в небе. Я быстро оглядывался: нет ли кого рядом, чтобы не сойтись. И вдруг услышал крик, причём, это не один человек кричал, а кричали сразу же несколько десятков, а может быть и сотен, а уже через долю секунды кричали все, потому что мы видели, как камнем к земле летит комок спутанных куполов, и мы понимали, что ничего сделать нельзя.

Было понятно, что там даже не один купол, а, как минимум, два.

Это значит — кто-то сошёл в воздухе, кто-то кому-то пробил купол, и теперь надежда была только на то, что они смогут стропорезами отрезать запутавшийся купол, оттолкнуться друг от друга и открыть запаски.

Перед самой землёй действительно вроде бы показался купол запаски, но было поздно. В ужасном состоянии мы призем-

лялись, но боевая задача — есть боевая задача. И площадка приземления должна быть покинута не более чем за 40 минут. Мы пошли в наступление. Учения длились, по-моему, трое суток.

Уже вечером этого дня мы узнали, что наш сослуживец Серёжка Морозов погиб. Ещё мы узнали, что к нему в купол попал офицер, лейтенант, и он тоже погиб. Но о том, что и как происходило, мы узнали на подведении итогов учений от нашего комдива — гвардии генерал-майора Спирина.

Вот что мы узнали, когда он, проглатывая комок слёз, в микрофон рассказывал нам, как всё это случилось.

Сергей выпрыгнул, купол раскрылся нормально, то ли следующая тройка «кораблей» шла чуть-чуть пониже, то ли ещё какие-то обстоятельства (так и осталось непонятным) — одним словом, неожиданно его купол пробивает другой парашютист, лейтенант (фамилии я, к сожалению, не помню). А у Серёжки это четвёртый или пятый прыжок.

Нас готовили к таким ситуациям: первое, что необходимо сделать, понимая, что твой купол пробит и смят и он уже не расправится, — перерезать стропы, отлететь в свободном падении и в чистом небе открывать запаску.

А Серёжка, увидев нештатную ситуацию, тут же дёрнул свою запаску. Купол лейтенанта тоже уже был раскрыт, он раскрылся автоматически, и два купола просто сплелись. Запаска Серёгина тоже примешалась сюда — это был огромный комок перкаля и капрона.

У лейтенанта оставалась его запаска и он мог спастись, ему просто нужно было отрезать свои стропы, отбросить комок куполов вместе с Серёжкой и в чистом небе раскрыть свою запаску, и тогда бы лейтенант остался жив. Но это был лейтенант Воздушно-десантных войск, и он поступил так, как и должен поступать настоящий офицер, настоящий десантник.

Он не бросил Сергея, он стал пробовать вырезать запутавшиеся стропы и купола с тем, чтобы освободить свою запаску и отбросить купол своей запаски в сторону, при этом одной рукой он держал соскальзывающего на стропях Сергея.

Лейтенант боролся за обе жизни до конца, до земли. Перед самой землёй, как мы видели, он всё-таки успел выбросить за-

паску, но раскрыться ей уже не хватило времени. Сергей погиб сразу же, а лейтенант, когда к нему подбежал комдив, был ещё жив. Наверное, не было ни одной целой кости — удар был страшный, но он был в сознании. Тут же подлетел вертолёт. Когда лейтенанта поднимали, он кричал, потому что любое движение приносило невыносимую боль.

Комдив сел в вертолёт вместе с лейтенантом, и они полетели в Тбилиси — ближайшее место, где был мощный военный госпиталь. В вертолёте лейтенант потерял сознание, потом, видимо, от тряски вертолёта, пришёл в себя, открыл глаза (а за руку его держал комдив), увидел комдива, узнал его и сказал всего лишь два слова: «Не жалею!»

Когда мы слышали это от комдива, у нас у самих комок в горле стоял, да собственно, многие заплакали. Ужасно было жалко Сергея, жалко было лейтенанта, но что-то иное заставляло глаза наполняться слезами, и челюсти наши сжимались так, что ходили желваки, потому что мы поняли, о чём не жалел лейтенант.

А не жалел он о том, что выбрал профессию — Родину защищать — и выбрал Воздушно-десантные войска. Ведь по-человечески в такой ситуации можно было сказать: «Да будь проклят тот день и час, когда я поступил в Рязанское десантное училище! Зачем я выбрал себе такую судьбу!»

Но лейтенант сказал так, как сказал: «Не жалею!»

ГЕОЛОГИЯ

ЛЕХТИНСКАЯ ШКОЛА

Школа в Лехте, в которой мы расположились, была двухэтажным, деревянным, но на самом деле уникальным зданием. Там находилось очень много классных комнат, только в некоторых из них мы жили или, скажем так, спали. Но особенно вспоминается мне чердак лехтинской школы. Его пол был потолком для второго этажа. Он был посыпан каким-то шлаком. Чердак со стропилами, там всегда было сухо, немножко пыльно, но очень романтично!

Вспоминаются, например, какие-то наши геологические посиделки, которые завершались разбивкой на пары (как обычно бывает в геологии в те редкие полевые сезоны, когда есть девчонки-практикантки или вообще просто девчонки). Рано или поздно та или иная пара оказывалась на чердаке, где читались замечательные стихи, где в окошко, которое обычно называется слуховым, можно было видеть звёзды, и в какой-то момент времени приплывала Кассиопея. Кто не знает или не помнит — это созвездие, похожее на латинскую букву «W». Так вот, когда Кассиопея светит в окошко, рядом с тобой сидит девушка, с которой, может быть, никогда

в городе даже и не встретитесь, но сегодня особый случай, и она вдруг берёт твою голову, поворачивает к себе, и ты думаешь — сейчас начнёт тебя целовать... Не тут-то было! Она поворачивает голову и в твоё ухо очень волнующе, очень трепетно вдруг читает стихи Анны Ахматовой «Сероглазый король»:

*Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:
«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.
Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».
Трубку свою на камине нашёл
И на работу ночную ушёл.
Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки её погляжу.
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»*

Ты смотришь на Кассиопею сквозь слуховое окно крыши школы посёлка Лехта в Карелии, горячие девичьи губы шепчут тебе в ухо «Сероглазого короля», и ты понимаешь, что тебя ждёт в этой жизни что-то очень прекрасное, может быть, не такое печальное, как у «Сероглазого короля» Ахматовой, но в то же время что-то очень замечательное...

А потом вдруг раздаётся скрип, и ты видишь, как из-за других стропил появляется фигура твоего: а) однокурсника; б) товарища по практике; в) товарища по полевой партии и, похоже, он тоже не один. И тогда ты понимаешь, что твоё время Кассиопеи прошло, ты должен взять свою девушку за руку, аккуратно свести её с чердака через чердачный люк, чтобы дать возможность другим смотреть на Кассиопею, мечтать, думать, может, влюбляться, а может быть, просто ощущать, что жизнь хороша!

КИСА

Помните персонаж из «Двенадцати стульев» — Кису Воробьянинова?

Мой коллега Володя Воробьёв очень логично и быстро превратился во время практики в «Кису».

Он — удивительный и уникальный человек. Володя учился на геофизика. После первого курса его угораздило в первую свою производственную практику попасть в наш геохимический отряд от кафедры «Геохимия» Горного института.

Я на кафедре работал уже года два, был опытным геохимиком. Начальником отряда назначили Юраню (Юру Стуккея), а я занимал должность как бы завхоза отряда (по крайней мере, всё хозяйство — палатки, спальники, раскладушки, питание — было на мне) и по совместительству водителя.

...Где-то в первых числах июня Юраня приводит в лабораторию коренастого паренька, представляет его мне: «Сергей, это Володя Воробьёв, первокурсник, он будет проходить с нами практику. Ты как раз хотел собирать имущество в подвале, вот бери его, он тебе поможет».

Что ж, лишние рабочие руки никогда не помешают.

Я пожал Володе руку, сказал, что меня зовут Сергей, пригласил пройти со мной. Мы спустились в подвал и под моим руководством около часа перетаскивали из угла в угол спальники, раскладушки, палатки, по ходу дела проверяя их целостность и пригодность для предстоящего полевого сезона.

Помню, что поработали мы недолго, потому что наступило время обеда. У нас в Горном институте, да и вообще в геологии, говорят: «Война войной, а обед по распорядку!» Я позвал Володю в нашу институтскую столовку. Кормили в то время там комплексными обедами. За полтинник можно было очень даже неплохо поесть.

Я специально так подробно описываю наше первое знакомство, потому что к тому моменту, когда мы, взяв подносы с комплексными обедами, сели за стол, знал я его не более двух часов. До этого я даже не подозревал о его существовании.

И вот мы едим, не помню, то ли борщ, то ли рассольник. Есть я привык быстро ещё в армии. Да и палатки с раскладушками нас ждут.

Взгляд Володи тем временем затуманился, ложка застыла в руках. Он вдруг задал мне вопрос, от которого я чуть не поперхнулся: «Сергей, а ты боишься смерти?»

Когда я понял, что не ослышался, то набрал в рот воздуха и приготовил целую кучу ответов. Один «круче» другого. Решил «поприкалываться» по полной программе. Но, взглянув в Володины глаза, я понял, что парень-то не шутит, а спрашивает вполне серьёзно. Видимо, в этот момент нет для него важнее вопроса, и ему очень хочется услышать откровенный ответ от меня.

Я вполне искренне ответил, что, наверное, любой человек боится смерти. Глупо не бояться её, потому что жизнь прекрасна. Но так как мы ещё молоды, наверное, можно об этом пока не думать. Лучше гнать подальше от себя такие мысли. Мы продолжили обед.

Я не забывал внимательно посматривать на Володю. Когда в очередной раз его ложка застыла на половине пути ко рту, а взгляд затуманился, я тоже положил свою ложку, повернулся к нему и стал ждать следующего вопроса.

Володя не заставил себя долго ждать, повернулся ко мне и спросил: «Сергей, а у тебя есть светлый образ?»

На секунду я задумался: что, собственно, он имеет в виду? Я осторожно спросил: «Володя, а „светлый образ“ — это что?» Оказалось, что «светлый образ» — это девушка, причём, в понимании Володи, даже не просто девушка, а... невеста. Я сейчас не помню, что я ему сказал. Но то, что ответ был искренним — это точно. Были ещё вопросы, уже не помню какие, но я уже не удивлялся, и поэтому они не запомнились.

Мы с Володей за два дня собрали всё имущество, даже погрузили в автобус КАВЗ, который я должен был перегнать в Беломорский район. Но уехал я один, потому что Володя ещё проходил учебную практику.

...И вот мы работаем в Карелии, отбираем геохимические пробы пробоотборником, таскаем тяжеленную кувалду, по ве-

черам сидим у костра. Лагерь, в который спустя неделю-две после начала полевого сезона приехал Володя, находился в уникальном месте. Мы разбили его на косе, я бы даже сказал — перешейке между двух озёр.

Перешеек этот представлял собой огромную песчаную насыпь метров в сорок шириной и метров десять высотой, наверху поросшую отборными корабельными соснами. Слева и справа от насыпи — песчаные, довольно пологие склоны, спускающиеся в два красивейших озера с очень чистой и тёплой (для купания) водой.

В один прекрасный день, вернувшись с маршрута, мы увидели, кроме дежурного по лагерю, круглое сияющее лицо Володи, который, как я уже сказал, заочно получил от нас кличку «Киса». Мы жутко обрадовались новому человеку.

После той истории в столовке и после двух дней работы с Володей в подвале Горного института я пришёл к удивительному выводу, что Володя — человек уникальный: у него абсолютно отсутствовало чувство юмора.

Он совершенно не понимал ни шуток, ни анекдотов. А главное (это самое весёлое и интересное) — не понимал, когда над ним подшучивают. Володя воспринимал всё абсолютно серьёзно.

Свершилось!

Наконец-то наша вечерняя жизнь у костра наполнится новым смыслом. У нас появился человек, который не понимает шуток!

В тот год весь полевой сезон Володе доставалось ой-ёй-ёй как. Чего мы только ни придумывали! В Карелии, оказывается, водились особые карельские медведи, которые, как рыси, прыгают на шею, поэтому рюкзак всегда нужно носить чуть ли не на голове.

А после того как Володя спросил, для чего это мы кувалду кладём в озеро, ему объяснили: чтобы измерить, сколько катионов железа из этой кувалды просочилось через наш перешеек из одного озера в другое. Для этого нужно каждый день отбирать пробу воды. Пока мы неделю стояли на этом озере, Володя добросовестно каждое утро набирал в бутылку воду,

закупоривал, подписывал этикетку и ставил бутылку около палатки. Правда, когда уезжали, мы признались, что его разыграли. Так что пришлось эти бутылки оставить. Не буду перечислять всех хохм и всех приколов. Как я уже сказал, Володя был очень добродушным молодым человеком. Может быть, он в глубине души и обижался, но не показывал вида. Только когда мы сами признавались, что шутим, он всегда говорил: «Да ну вас, пойду рыбку ловить».

Володя был большим спецом именно по ловле рыбки. Он неоднократно кормил нас ухой, а иногда даже налавливал на жарёху. Когда он видел рыбу, плещущуюся в реке или в озере, он забывал обо всём на свете.

В тот полевой сезон с ним приключилась такая история.

Мы разбили лагерь, как сейчас помню, среди молоденьких сосёнок. Метрах в ста был ручей. Ручей — максимум метр шириной, но довольно глубокий, с очень чистой водой. Мы из этого ручья брали воду.

В один из дней Володя остался дежурить в лагере. Утром он встал раньше всех, приготовил завтрак, накормил нас, и мы на весь день ушли. Обычно возвращались часов в 5–6 вечера, в это время ещё светло.

Мы подходим к лагерю. Что-то не пахнет ни дымком, ни чем-то вкусным. Войдя в лагерь, видим такую картину. Валяется грязная, не мытая ещё с завтрака посуда, костёр погас. Естественно, никакого обеда-ужина нет и в помине. Но самое главное — нет и Володи. Честно говоря, мы ужасно перепугались, бросились его искать.

Пошли к ручью на поиски. Где-то в полукилометре вниз по течению ручья встречаем убитого горем Володю с пустым ведром в руках. Мы кинулись к нему: «Что случилось?»

Володя, увидев нас, ужасно перепугался (это отразилось на его лице) и сначала не мог говорить. Но постепенно мы всё-таки смогли его разговорить.

С ним произошла вот такая история.

Отправив нас на маршрут, Володя взял ведро, чтобы набрать воды для мытья посуды. Он подошёл к ручью, хотел зачерпнуть ведром воду, но вдруг увидел, как из ручья прямо на

него смотрит огромная, килограмма на три, щука, медленно пошевеливая плавниками. Володя тут же сообразил, что если он аккуратненько заведёт ведро, то сможет повторить подвиг Емели, а именно вытащить щуку, если не из проруби, то, по крайней мере, из ручья.

Володя действительно медленно-медленно завёл ниже по течению ведро и начал подводить к щуке. Щука была не дура, в последний момент увильнула, но далеко не уплыла, спустилась вниз по ручью метра на два и остановилась. Володя снова стал заводить ведро. Щуке, похоже, было скучно, ей очень захотелось поиграть с замечательным молодым человеком. Одним словом, щука увела его вниз по ручью километров на пять, причём через каждые пять метров Володя пытался ведром эту щуку поймать.

Он забыл про всё на свете. Забыл, что бросил лагерь, забыл, что нас нужно кормить, потому что охотился за этой щукой.

Кончилось всё тем, что щука довела его до места, где ручей впадал в речку. Как рассказал Володя, она с сожалением, что игра закончилась, посмотрела на него, махнула на прощание хвостом и была такова. Грустный Володя с пустым ведром направился в лагерь, где и был встречен голодными, но, забегая вперёд, скажу, простившими его за отсутствие ужина товарищами.

Володя был настоящий рыбак.

«БИЧИ»

Когда мы работали от Горного института в Карелии, жили в Лехтинской школе. В один сезон с нами вместе в этой же школе жили бичи. Они приезжали пару раз из тайги на побывку-помывку, «гудели» обычно дня три, потом уезжали снова.

Бичи — это слово в советское время расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек». Как правило, это в основном бывшие эки, очень часто без документов, которых с удовольствием набирали в геологические партии, потому что «пахать» они умели, но время от времени их нужно

было вывозить в цивилизацию, давать возможность попить вволю и заодно в бане помыться.

Вот о них я немножко расскажу.

Боря-«Футболист»

Боря был крепкий молодой парень. Как выяснилось, он из-за ревности топором зарубил свою жену. За это отсидел 10 лет. Выйдя из заключения, подался горным рабочим в геологическую партию. Трезвый он был тихий, добрый, спокойный, с добродушной улыбкой на губах.

Кличку «Футболист» получил потому, что до тюрьмы был довольно известным футболистом, по-моему, играл, если не за «Зенит», то за ленинградскую «Смену».

Однажды в дни его отгула в Лехте я наблюдал такую картину. Боря-«Футболист» шёл из магазина, в обеих руках держал сетки-авоськи, а в каждой сетке не менее восьми бутылок шампанского. Сетки едва не доставали до земли, но Боря медленно, но уверенно (правда, было видно, что пара бутылок шампанского уже в нём) шёл к школе.

Рядом с дорогой было деревенское футбольное поле, и мальчишки гоняли мяч. Вдруг мяч выкатился прямо под ноги Бори. Он ногой подкинул мяч и потом до самой школы, держа сетки с шампанским в руках, шёл, жонглируя мячом — то ногами, то ступнями, то коленями, то плечами, то головой, и мяч ни разу не упал.

Я всё это наблюдал с крыльца школы и видел, как мальчишки, раскрыв рот, восхищённо шли за ним. Да уж, что называется — талант не пропьёшь!

Как уже говорил, трезвым Боря был душевным, тихим человеком. Кстати, охотно помогал нам просеивать пробы, выгружать-загружать наши машины. Но когда он выпивал, происходило одно и то же. Кухня была общая. Боря садился там и начинал повторять один и тот же монолог.

Из этого монолога было понятно, как не повезло ему с женой и что довело его до преступления. Если кто-то на кухне

был, Боря обращался к нему, причём не важно, кто это был: студентки-практикантки или мы, парни. А если никого не было, он, глядя в стену, обращался к своей, убитой им, жене. Звучало это примерно так:

«Лара, Ларисочка, любимая моя, ну пойдём отсюда! Зачем ты с ними сидишь, зачем с ними пьёшь? Ты же видишь, они просто лапают тебя, издеваются над тобой. Они тебя попользуют и всё. Пойдём домой, пожалуйста, я тебя очень прошу! Лара, Ларочка, ну доченька же ждёт, она так скучает по тебе! Я тебя прошу, пойдём домой!»

И вот с различными вариациями одно и то же, одно и то же. Становилось понятно, что из себя представляла эта Лара, и было жалко загубленные молодые жизни: и её, и его.

Дед Силкин

Вторым колоритным бичом был Дед Силкин.

Это был уже очень пожилой человек. Причём из немногочисленных его рассказов выяснилось, что он бывший фронтовик, воевал, был разведчиком. Судя по его речи, скорее всего он был офицером, потому что чувствовалось, что это образованный человек, может быть даже был политработником.

Когда Дед Силкин был трезвый, и в те дни, когда они были в Лехте, он брал лодку, заплывал на озеро, которое так и называлось Лехтинское, ставил сетки, ловил ряпушку. Потом приносил эту рыбу в дом, садился. А ряпушку можно было от чешуи не чистить, главное — выпотрошить её. Делал это Дед Силкин гениально.

Левой рукой брал рыбину, переворачивал брюхом вверх, большой палец правой руки подставлял прямо в начало брюха под жабрами и потом, как горох из стручка, распарывал брюхо и выкидывал пальцем внутренности рыбы в помойное ведро, а саму рыбу бросал в таз. Я потом посмотрел на его ноготь на пальце — это всё равно, что зубило. На всю эту процедуру уходило максимум секунд пять. Рыбины, правда, были небольшие, грамм по 100–150, но делал это Дед Силкин так красиво

и так здорово! Сам жарил, а потом угощал всех: и бичей, и нас. Вкуснятина необыкновенная.

Иногда можно было его разговорить. Все разговоры были политическими.

Он и не скрывал, что в лагере сидел по политической статье. Но всё-таки трезвый он был немногословен. Говорил, когда он выпивал «шампуня», так он называл шампанское (а Дед Силкин не признавал ни водку, ни вино, а только один напиток — «шампунь»), выпивал он минимум бутылки три «шампуня» обязательно — из горла. Причём первую — залпом. Я всегда поражался, куда он деваает все эти пузырьрики газа? Но у него даже отрыжки не было. Вторую-третью уже смаковал — это значит, пил сразу по половине.

Выпив и обязательно поев, Дед Силкин, как правило, выходил на крыльцо. Ему для его речей нужен был простор.

Мне всегда казалось: когда он говорит свои пьяные речи, то чувствует себя на каком-то митинге. У нас школа стояла на холме, крыльцо высокое, а перед крыльцом большое картофельное поле. Когда я увидел эту картину в первый раз, я так и подумал, что Дед Силкин выступает перед кем-то. Шёл я изнутри школы и вдруг в проёме входной двери увидел Деда Силкина, который громко говорил, жестикулируя, обращаясь к кому-то перед ним.

Когда я выглянул, кроме картофельной ботвы ничего не увидел.

А речь была примерно такая:

«Ну и что, хорошо получилось из того, что вы послушались Маркса? Маркс говорил, что мы будем жить при коммунизме и все спать под одним одеялом — вот и спим, но каждый же норовит потянуть на себя! Да ещё под одним одеялом разберись, где чья жена. Ладно, жена, а тут ещё разберись, где чьи вещи, да кто чего нажил. Нет, так у нас не пойдёт. У каждого должен быть свой сундучок! Что наработал, то в сундучок положил. А ежели ты украл мой сундучок — ответь по закону.

И я вам так скажу: Марксова наука — это лженаука. Главная наука — это понять человека. Если человека поймёшь, то тогда и жить будешь нормально, хоть с ним, хоть без него!»

Иногда его мысли, по-моему, путались, а может наоборот, я многого не понимал. Привёл фрагмент по памяти, но нужно сказать, что Дед Силкин никогда не повторялся, но очень любил поминать классиков марксизма-ленинизма. И из его речей было понятно, что очень он их не любит. Похоже, в том числе за их критику, вероятно, публичную, он и отсидел. Как потом выяснил, отсидел ни много ни мало, а 25 лет.

Вот такие были Дед Силкин и Боря-«Футболист» — настоящие бичи.

ИРИНА

Эта молодая, симпатичная, черноволосая с зелёными глазами девушка нравилась, по-моему, всей мужской части нашего небольшого отряда, включая начальника отряда, меня и всех студентов. Но она очень дипломатично умудрялась не отдавать предпочтения никому и в то же время (по крайней мере, у меня создавалось такое ощущение) не лишала никого и надежды. Девчонка, одним словом, была замечательная.

С ней были связаны, не побоюсь этого слова, удивительные истории, которые я, естественно, не мог не запомнить на всю жизнь.

За удивительные глаза мы очень часто Ирину называли Ведьмой. В ней действительно было что-то от ведьмы, причём ведьмы очень красивой. Родом она была из Карелии. Некоторые её необъяснимые способности я пытался объяснить именно тем, что она наверняка знает какие-то местные приметы, обычаи. Например, она безошибочно предсказывала погоду.

Работали мы обычно в вёдро, потому что в дождь по болотам не находишься.

Однажды, помню, стояли в хорошем местечке. Нашли какую-то заимку — сложенный из брёвен сруб с земляным полом. Низкая дверь, два небольших окошка. Домик был, наверное, высотой метра в три, не больше — до конька крыши.

Мы решили не разбивать палатку. Натаскали лапника в заимку, побросали на него спальники. Так и спали. Кашеварили и дежурили по очереди. Кто-то всегда оставался в лагере — готовил еду для всех.

В Карелии есть такое удивительное природное явление — ламбины.

Ламба, по-моему, с карельского переводится как «глухое озеро». Но мы ламбинами называли чистую воду посреди болота. Судя по всему, когда-то здесь были огромные озёра. Они постепенно заболачивались. Трясина потихонечку затягивала всё пространство, оставляя в середине обычно не очень большое зеркало чистой воды.

И вот однажды кто-то решил забросить в такую ламбину спиннинг с блесной. К удивлению, с первого же заброса удалось вытащить здоровущую щуку. Мы поняли, в озере когда-то рыбы было много. Но болото наступало, воды оставалось всё меньше. Оголодавшие щуки и бросаются с такой яростью даже на самодельную блесну. Бросил блесну, по-моему, Володя Воробьёв — тот самый легендарный «Киса». Он ловил рыбу на удочку и на блесну при каждом удобном случае. Одним словом, мы решили разойтись по многочисленным ламбинам, чтобы наловить щук и внести тем самым разнообразие в своё меню. Как я уже говорил, стояло ведро.

Завершив (с перевыполнением) трудовой день, мы решили, что завтра рванём на рыбалку. Поужинав, расселись у костра и стали готовить снасти. Кто-то строгал себе удилище. К нему нужно было изолентой примотать катушку «Нева-2», а из алюминиевой проволоки сделать кольца на удилище. Кто-то занимался самодельными грузилами, кто-то — блёснами, кто-то выправлял заржавевшие тройники. Прямо скажу, снастей у нас было негусто. Многое делалось, что называется, из подручных средств.

Но вы сами понимаете (обращаюсь к тем, кто знает, что такое рыбалка), какое это удовольствие — готовить снасти в предвкушении завтрашней рыбалки!

Из девчонок с нами была одна Ирина. Она очень снисходительно и саркастически посматривала на наши пригото-

ния, абсолютно не принимая в них никакого участия. Только время от времени приговаривала: «Ну-ну, посмотрю, как вы завтра порыбачите».

Мы относили её «ну-ну» к сомнению в нашем рыбацком профессионализме. Немедленно начались рассказы о невероятно удачных рыбалках. Размер и вес выловленных рыб возрастали каждые полчаса в геометрической прогрессии. Сами знаете, что такое рыбацкие рассказы. Но кто-то всё-таки спросил у Ирины, почему она не верит в успех нашего завтрашнего мероприятия.

И тут последовал неожиданный ответ...

Хочу напомнить, что стояли «белые ночи». Дело происходило часов в десять. Солнце ещё не зашло. Наш временный лагерь находился в бору, верхушки столетних сосен казались золотыми.

Ответ её был таков: ни на какую завтра рыбалку вы не пойдёте. Будете палатку латать (как раз для неё мы решили отдельную палатку поставить, а сами, как я уже говорил, расположились в заимке) и собирать разбросанные вещи.

Мы удивились, посмотрев на абсолютно чистое небо: «Почему, с какой стати?»

«Потому что ночью будет буря», — без тени сомнения сказала Ирина.

Мы посмеялись. К полуночи, уgomонившись, приготовив снасти, решили, что встаём завтра в пять утра и дружно разбегаемся по заранее облюбованным ламбинам...

Где-то часа в три ночи рвануло. Причём рвануло в прямом смысле.

Что начался ветер, я сквозь сон слышал. Потом вдруг раздался жуткий треск, и что-то громко обрушилось на нашу избёнку (слава Богу, те, кто когда-то клал этот сруб, сделали его на совесть — изба не дрогнула). Тут сон как рукой сняло. Оказалось, что буря с корнем вырвала из земли сосну, и она рухнула прямо на крышу нашей избушки.

Сосна проломила крышу. Даже верхний венец сруба, как мы потом увидели, на который пришёлся основной удар ство-

ла, немножко треснул и прогнулся. Но в целом избушка выдержала.

Палатку Ирины просто сорвало и куда-то унесло.

Она перебралась со своим спальником к нам в избушку.

Мы слышали, как звякали и брякали летающие вёдра и тарелки. Но до утра предпринимать что-либо было бесполезно, тем более, что из-за туч было довольно темно.

Утром, как ни в чём не бывало, светило солнышко. Мы пошли осматривать результаты ночной «атаки».

Решили прямо поверх упавшего на заимку дерева натянуть палатку, сделав, таким образом, подобие брезентовой крыши.

Кто-то собирал разбросанную посуду.

Одним словом, полдня мы занимались ликвидацией последствий природного катаклизма. Ни о какой рыбалке речи быть не могло. Да и на следующий день уже был заказан грузовик, для того чтобы нас перевезти на новое место.

Но это всё предыстория к удивительным событиям, свидетелем которых я сам стал. Или участником, очевидцем — как угодно.

До сих пор не могу ни объяснить, ни понять, что же всё-таки произошло. По всей видимости, я стал свидетелем, как сейчас принято говорить, аномального явления или, вернее, аномальных возможностей человека.

...Мы работали на каком-то сухопутном участке. Вокруг — замечательный сосняк, грунт — песчаный.

Разделились для работы следующим образом. Я, Женька Вапник и Бич брали каждый по два-три профиля и проходили, по-моему, двухкилометровые профили через каждые пятьдесят метров, ища место для удачной лунки, удачного шпура, чтобы именно оттуда можно было потом Юране с Ириной забрать пробу. Юраня по этим профилям шёл с трёхметровой трубой-заборником и кувалдой, опуская в приготовленный нами и отмеченный веточкой шпур заборник. Он вбивал его на двадцать сантиметров, потом вынимал, шпилькой выковыривал в мешочек пробу и так далее. Ирина записывала номер пакета и профиля на этикетку из пергамента.

Юрания с Ириной работали от меня где-то километрах в полтора. Справа от меня метрах в четырёхстах работал Бич. Слева от меня, ближе к Ирине и Юране, работал Женька Вапник. Я их слышал — в лесу было тихо. Я слышал, как звонко стучит кувалдой по набалдашнику заборника Юрания, слышал, как, обычно глухо, но при попадании на камень очень звонко звенел лом в руках либо у Бича, либо у Женьки.

Дело было в августе. Полно ягод: черники, брусники, на болотах — морошки. И, конечно, мы объедались этими ягодами. Вроде бы уже и не хочется, но как пройти мимо полянки, синей от черники или красной от брусники? Я ложился на пузо и загребал двумя руками, можно сказать, прямо с земли ягоды в рот, иногда с листьями, но это меня не смущало.

Поэтому, когда я некоторое время не слышал звуков работы, я понимал, что народ «трудится» на ягодных полянах. Работали мы на этом участке, по-моему, третий день.

Нужно сказать, что каждое утро я не забывал всем напоминать об элементарной технике безопасности. Она очень простая. Когда ты начинаешь с размаху бить ломом грунт и лом углубляется в грунт до отмеченной риски, следует стоять вертикально и ни в коем случае не наклонять голову над пробиваемым шпуром. Почему?

Допустим, ты пробил грунт на полметра. Остаётся пройти ещё десять сантиметров довольно лёгкого, как представляется, песчаного грунта. Ты со всего маху кидаешь лом внутрь, а там вдруг оказывается валун. Тогда лом, который весит килограммов двенадцать, подпрыгивает метра на полтора над землёй. И если ты в тот момент наклонился, то круглый набалдашник ударит тебя прямо в лоб со всеми вытекающими последствиями.

Но, сколько ни говори, а всё-таки человек «любит» учиться на собственных ошибках.

Женька решил убедиться в этом на собственном опыте.

Я обратил внимание, что слева, где он работал, уже минут десять ничего не слышно. Обычно на ягоды уходило максимум минут пять. Дальше их есть было невозможно — начиналась оскомина. Я стал подумывать о том, чтобы пойти и посмотреть,

не случилось ли чего, как вдруг услышал, что сквозь молодую поросль сосёнок кто-то ломится. Я надеялся, что это человек, а не медведь, окликнул: «Женька, это ты?» Ответа я не услышал.

Я остановился и стал ждать.

И вот появляется Женька.

Честно говоря, мне стало не по себе. Всё лицо и вся энцефалитка до колен у него была в крови. На лбу полукругом свисал лоскут кожи. Мне показалось, что там белеет кость.

Я кинулся к Женьке: «Что, зафитилил?»

Он безнадёжно качнул головой. Что произошло — было понятно, другое дело, что меня волновало его состояние. Я заставил его присесть, спросил:

— Голова кружится?

— Немножко, — ответил Женька.

— Когда это произошло?

Выяснилось, что случилось это минут десять-двенадцать назад. Похоже, Женька минут пять лежал без сознания.

Я взял комок мха ягеля, аккуратненько придавил им свисающий кусок кожи, сказал, чтобы Женька его так держал. Кровь уже сильно не текла. Я спросил его:

— Идти можешь?

— Могу.

— Пойдём потихонечку к Ирине, может, у неё бинт есть.

И мы пошли.

Я крикнул Бичу (потому что понимал, что он тоже прислушивается), чтобы продолжал работать.

Выходим мы на полянку.

Юрания сидел на корточках в накомарнике (а комаров там и мошки — туча) и как раз выковыривал шпилькой пробу из заборника.

Ирина стояла к нам лицом, накомарник у неё был поднят. Я увидел (хотя до неё было метров двадцать), как у неё расширились глаза и она молча похлопала Юранию по плечу.

Юрания поднял голову, увидел, что она куда-то смотрит, встал и развернулся в нашу сторону. Мы медленно приближались к ним. Юрания снял накомарник, он был в очках. И тут я впервые в жизни увидел (но об этом часто пишут), как у че-

ловека волосы встают дыбом. Вот у Юрани именно так, дыбом, встали волосы. Лицо его стало белым-белым.

Я прекрасно понял, что вид Женьки, мягко говоря, не внушает никакой радости, а Юраня всё-таки начальник отряда. Естественно, он испугался, поэтому постарался его успокоить: «Юраня, да ничего, видишь, Женька уже почти оклемался. Может, обойдётся».

Спросил у Ирины:

— У тебя есть бинт или ещё что-нибудь?

У неё ничего не оказалось. Но недалеко, буквально в километре, мы знали, находится изба химаря-вздымщика.

Химари-вздымщики — люди, которые собирали живицу — смолу с сосен. Они делали специальным инструментом на стволах такие треугольные насечки, потом ставили воронкообразную банку, куда стекала живица.

Мы уже как-то заходили к нему в гости. Днём он обычно был на участке, а вечером можно было его застать. Мы знали, что у него есть аптечка. Как принято в тайге, дверь, конечно, никто не запирает, поэтому к нему всегда можно было зайти.

Юраня сказал Ирине: «Идите в лагерь и ждите нас там».

Он уже понял, что Женьку не надо эвакуировать, хотя выглядел наш «герой» неважно.

Ирина с Женькой ушли. Юраня нервно достал «беломорину». Бледность с лица его не уходила. Насчёт волос не знаю, потому что он вновь напялил на себя накомарник. Закурив, он поднял на меня глаза и спросил: «Ты понимаешь, что произошло?»

Я отвечаю: «Юрань, да ничего страшного, видишь, оклемался, полежит пару деньков, не будет ходить в маршруты. Забинтуем его, всё прирастёт».

Юраня прервал меня: «Да нет, ты понимаешь, что произошло?» — сделав ударение на «что».

Я понял — его волнует что-то другое. Вопросительно глядя на него, я ждал разъяснений.

Юраня рассказал вот что: «Сорок минут тому назад (а я прикинул, что, похоже, как раз именно в это время Женька и получил удар набалдашником пробойника в лоб) Ирина мне вдруг

говорит: „Слушай, Юрания, ничего с собой поделывать не могу, вижу Женьку, и у него всё лицо в крови“. Я ей ответил: „Ты что?! Записывай лучше внимательней, а всякую ерунду мне тут не рассказывай“. И вот до того момента, пока вы не вышли, она каждые пять минут повторяла мне, что видит залитое кровью лицо Женьки. Предлагала пойти посмотреть, не случилось ли чего. Я в очередной раз посылаю её к чёрту, и вдруг выходите вы, и как ты сам прекрасно видел — Женька весь в крови».

Мы посмотрели друг на друга, потом повернулись вслед ушедшим Ирине с Женькой и замолчали.

Собственно говоря, вот и вся история. Что это было? Честно говоря, до сих пор не знаю, но, похоже, эта Ирина обладала неизвестными нам способностями. По крайней мере, я был свидетелем тому, о чём написал.

«ДЕРЕВО СЧАСТЬЯ»

Первая моя производственная практика после первого курса Ленинградского горного института проходила в Якутии. Компания подобралась весёлая. Были с нами двое студентов с третьего курса — Серёжка и Наташка. Они дружили, даже, можно сказать, была у них любовь, и даже, спустя какое-то время, они стали спать в одной палатке.

Несмотря на очень тяжёлые маршруты, а приходилось по сопкам-горам ходить километров по 25–30 в день, вечером у костра всё время раздавался смех. Хоть убей, не помню, была ли с нами гитара. Наверное, была, потому что Серёжка здорово играет на гитаре.

И вот 27 августа у Серёжки должен был быть день рождения.

Наташка накануне специально съездила в дальний посёлок и купила ему в подарок какие-то шикарные ботинки. У нас тоже были приготовлены подарки, но просто так, банально — утром — вручать подарки было неинтересно. И тогда кто-то предложил: «А давайте-ка мы подарим Серёжке „Дерево счастья“!»

Склоны сопок местами уже были жёлтые-жёлтые от маленьких осиночек с абсолютно золотыми листьями, это обстоятельство и определило наш выбор этого самого «Дерева счастья».

Мы с мальчишками, договорившись, встали рано-рано утром, отошли подальше от лагеря, чтобы не было слышно топора, и срубили осинку метра два высотой. Мы старались, чтобы листья у неё не опали, но они держались крепко, только нежно трепетали даже не от ветра, а когда мы её несли.

Палатки наши стояли на деревянных настилах, брёвна положены четырёхугольным срубом, к ним приколочены доски. А уже на эти доски на каркасе ставилась палатка.

Заострив ствол осинки, мы её воткнули в щель между досками, прямо у входа в Серёжкину палатку, а на это дерево повесили коробку с ботинками, купленными Наташей, а также все свои разнообразные, а на самом деле очень простые подарки: кто-то подарил свой фонарик, кто-то — хорошую ручку, чтобы писать в пикетажке, — кто что мог. Уселись у костра и стали ждать, когда проснётся Серёжка.

А кстати, только сейчас вспомнил, Наташе мы не сказали про «Дерево счастья», мы сказали ей просто: «Давай сюда подарок, мы как-нибудь придумаем, как его вручить».

Когда ребята вылезли из палатки, на всю жизнь запомнил я этот радостный шок в глазах у Серёги. Солнце взошло, было тихо, листья осинки солнечно трепетали, и на этом праздничном «Дереве счастья» висели Серёжкины подарки.

Не знаю, может быть, Серёга и до этого, и после получал более дорогие подарки, но уверен — это «Дерево счастья» он запомнил на всю жизнь.

ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА 1975 ГОДА

Всё хорошо, что хорошо кончается

Пишу эти строки, находясь примерно в 400 км от лагеря, на границе Якутской АССР и Амурской области, в с. Нагорное. Прошедшие сутки были весьма насыщенными.

После того как 29 июня я сделал красной пастой записи в дневник, часа через два на дороге через перевал показался Шура. Один. Бригадиром у него Витёк. Они работают в паре. Накануне строжайше всех предупредили, чтобы работали только в паре, в одиночку не ходили. Пока Шура спускался, все строили предположения (в основном в шутливой форме), где он оставил Витька.

Спустился Шура:

— Который час?

— Половина восьмого, — отвечали.

— Витька не было? — он.

— Нет, — мы.

— Если сейчас, минут через 30 не подойдёт, надо идти искать, — он.

На него сыпется куча вопросов. Из ответов вырисовывалась следующая картина.

Витёк решил, вопреки указаниям, работать поодиночке. Наметил себе и Шуру участки, разошлись. Договорились встретиться в определённом месте в 16:00. У Витька были часы, у Шуры нет. Шура закончил раньше и оказался в условленном месте примерно в 14:30. Сидел, ждал Витька. Развёл костёр да и уснул. Проснулся — уже вечер. Витька нет. Оставил ему записку и пошёл в лагерь, в общем-то в надежде на то, что Витёк уже там.

Через минут 40, в 20:30, наш маленький спасательный отряд двинулся по дороге через перевал. Нас было трое. Захватили всё необходимое. Я нёс ружьё и спички, Андрей — фонарь, Шура — карту.

Перевалили за перевал — уже почти стемнело. Покричали. Никого. Спустились в долину. Там старая, заросшая лесная дорога, в конце которой Шура оставлял записку. Хоть и втроём, а нервы щекочет: днём все эти дороги в медвежьих следах. В 22:30 сзади нас в горах раздался слабый крик. Мы закричали, я дуплетом выстрелил. Вернулись немного назад...

На дороге стоит Витёк. От радости, что с ним ничего не случилось, не стали даже ругаться. Он немного заплутал.

Пока разобрался, пока выбрался, одним словом, всё хорошо, что хорошо кончается.

8 июля 1975 года.
Вечер. 19.00 местного времени

Почти весь день провозился с машиной. Расконсервация. Так называемая смазка и прочее. Мне досталась смазка. Впечатлений — масса...

Как приятен вид карданного вала, грязь с которого сыпется тебе в глаза и всё в таком духе. Но это всё, конечно, лапша.

С утра ждал указаний, стоял у конторы ТУКЭ (Тимптоно-Учурская комплексная экспедиция). Подъезжают и уезжают машины, ходят взад-вперёд бородатые мужики в кирзе, в воздухе пахнет романтикой (шучу). Познакомился с одним мужиком.

— Что задумался? — спрашивает.

— Начальство жду.

— Своих?

— Да, своих, из Ленинграда.

Помолчали. Я спросил:

— Сами откуда?

— Воронежская область. Слыхал?

— Слыхал. А что здесь?

— По переселению. С семьёй в Амурскую область. Дома что: коровку одну только можно держать, денег нет. А тут скотины сколько хочешь, огород 50 соток. Фруктов, яблок, конечно, нет, да ничего. Год почти прожили тут. И вот жена уехала с детьми. Я остался. Устроился рабочим в партию. Я хочу потихонечку обжиться, присмотреться, пусть поймут, что я из себя представляю, ведь я на любой технике могу... Да-а. Я ведь чего, понимаешь, хочу. Я хочу ей доказать, что жить здесь можно...

— Так что, жена потом сюда приедет?

Он помедлил, потом как-то тускло сказал:

— Разъехались мы.

— Развелись?

— Развод не оформляли. К теще она уехала... Не понравилось. Не могу, говорит, я здесь. Конечно, обещали нам там, в Во-

ронеже, золотые горы по приезде сюда. А приехали, год проработали на комбайне, 80 рублей в месяц получал. А председатель гребёт, все воруют. Те, кто до войны сюда приехал, раскулаченные были, а теперь сами как кулаки... Сам видел, один работает на комбайне, остановился, бункер открыл, сою на землю высыпал, тут же развернулся и «бац» на это место копну. Вот так-то.

— Извини, что перебил, соя — это что?

— Да, вот такая, — рукой над землёй показал, — вроде гороха в стручках. Идёт она в шоколад, оружейное масло...

Чёрт побери, когда я разговаривал с этим мужиком, у меня прямо руки чесались записать его, так мне показались интересны и его речь, и то, о чём он говорил.

А сейчас пишу, совсем не то, чушь какая-то. Не умею. И надо попробовать записывать сразу (хотя сразу не смог бы).

10 июля 1975 года. Алдан–Томмот

Наконец-то выехали. Доехали, увы, только до середины. Двое с Мишей поехали дальше, а пятеро остались в промежуточном лагере. Хорошо. Весь день пробегал под солнышком. Спина красная. Мошки не очень много, слепней больше и мух. Сейчас свечерело, прохладно (но не холодно). Тихо.

Рядом дорога. Изредка прогрехочет грузовик, и опять тихо.

О дороге

Сегодня, когда уезжали, в гараже шофера рассказывали: по дороге на Алдан из Томмота этой ночью шел УАЗик (грузовичок). Шофёр взял попутчиков. Сам был пьяный и, наверное, заснул, выехал на левую половину дороги и на полном ходу с ЗИЛом встретился. Трое сразу насмерть, одного в больницу.

Когда ехали, видели этот УАЗик — груда железа.

Из рассказов шофёров

На «половинке» (нечто вроде «дикой» стоянки для машин на середине дороги, между Б. Невером и Алданом) у одно-

го шофёра ночью сняли фары с машины (воруют здесь друг у друга запчасти повсеместно). Тот, кто снял, далеко уйти не успел, его поймали тут же в лесу, он, сидя на корточках, рассматривал фары. С поличным, что говорится. Его даже не стали бить. Ему отрубили два пальца на руках и отпустили... Сибирь.

Что ещё? Нашёл сегодня первый образец. Гематит. Руда на железо. Завтра, наверное, буду уже на месте основного лагеря. Может быть поедом в Томмот.

Поздно. Но решили поесть. На ужин варили макароны. Котелок стоял на чугунной чухке, а чухка стояла на камнях. Ох, уж эти камни. На самом интересном месте, когда загрузили макароны и они успели чуть-чуть повариться, камень треснул, чухка упала, котелок опрокинулся, макароны... да-да, они оказались на земле.

Решение: собрать, попробовать вымыть и продолжить.

И вот представляю себе фильм, которого не будет, но который мог бы быть. В кадре широкое раздолье сибирской тайги. Якутия. Вековые сосны, ели, горные быстрые речки. В кадре одна из речек, издалека кинокамера подводит нас к трём согбенным фигурам у реки. В руках у них посудина, похожая на сито. У зрителя ассоциация: золотоискатели...

Крупным планом: человеческие руки, полоскающие макаронину (одну!) в реке. Вот так, по одной, мы и добывали себе на ужин макароны.

Мораль: не поваляешь — не поешь!

20 июля 1975 года

Сейчас поедом с Андреем и Светой за стройматериалами в заброшенный посёлок «Искра». Вчера на собрании распределили объекты. Нам с Андреем достался дом: покрыть крышу, настлать полы, вставить рамы, достать стёкол, сделать стол, скамьи, сушилку (на улице и в доме для проб), печку. Не мало.

Но это на три дня: воскресенье, понедельник, вторник. На 23-е, среду, намечен первый пробный маршрут.

После собрания И. Н. отвела всех мужиков в сторону, поговорила с нами о... медведях. На нашем участке, мягко говоря, они есть. Маленький инструктаж по поводу того, что делать, если вдруг — медведь.

Основной тезис: ноги в руки и... И. Н. сказала по поводу наших образцов и кернов: этот район исследован Приленской экспедицией на уран, так что образцы могут быть радиоактивными. Хорошо бы иметь СРП-2, чтобы проверить.

Из «рассказов у костра»

На Камчатке работал один товарищ. Зимой. Нужно было часто подниматься и спускаться с сопок. Спускались по ледяным желобам, как с горки. И вот этот товарищ однажды сел, извините, на мягкое место на вершине сопки и поскользился вниз. И вдруг видит: прямо на жёлобе под ним сидит медведь. Остановиться, казалось, было невозможно, обратно лезть по льду наверх — тем более. Практика показала обратное.

28 июля 1975 года

Три дня не имел возможности вести записи — приходили в девятом-десятом часу вечера, кое-как ели и — спать. С непривычки очень трудно. Через первый перевал, что прямо перед лагерем, переваливаем за два часа. До самого нашего дальнего участка 5 часов ходу. На расстояния в километрах здесь нет смысла смотреть — измеряется путь в часах ходьбы.

Что было за эти три дня?

Первые два дня мы с Андреем плутали. Где мы только не были. Когда в лагере разбирались по карте, оказалось, что мы давали по 12–20 км в один конец. Это по прямой, не учитывая гористости.

Вчера, наконец, разобрались. Принесли 9 проб. Сегодня — 13. Знал ли я когда-нибудь, что буду с вожделием выковыривать из-под камней кусочки глины, песка и очень радоваться, когда их много?

Ноги устают. Вечером, возвращаясь в лагерь, — а идёшь на пределе — с ужасом думаешь, что с утра опять то же самое,

только что ещё подальше маршрут. Но утром просыпаешься, и эта мысль уже не кажется такой страшной. А всё естественно. Это наша работа, наш хлеб, если хотите.

Господа «романтики»! Внимание!

Черпать грязь из студёного ручья на комарах не хотите ли? Топать в день по 35 км с тяжёлым мокрым рюкзаком, вода из которого стекает вам, простите, туда, где спина кончает своё приличное название, не угодно? Я не пугаю. Я не рисуюсь. И мне всё это не приносит много радости. Но просто есть простенькое словцо «надо», и есть люди, которые знают цену этому слову. И всю свою жизнь не важно где и не важно в какой роли без шумихи и трескотни делают дело. Нет, я ещё не совсем ТО! Но буду. И рад, и горд, что связал свою жизнь с людьми, чья профессия каждодневно ставит перед ними новые «надо».

Это было незапланированное лирическое отступление. Весьма сумбурное, много эмоций, мало мыслей, но ничего, зато от души.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РАЗМИНКА

Путь мой лежал из Алдана в Б. Невер. Ехать пришлось не ахти как (автобус — ПАЗик), трясло неимоверно. Был я к тому же невыспавшийся, а в автобусе особенно не поспишь. Сзади ехали бичи. Подсел к ним, поиграли в карты, послушал их разговоры. Любопытный у них «термин» — не говорят «ушёл», а обязательно «сбежал». Узнал интересную деталь: в Якутии очень трудно вставить себе золотые зубы. Никто из врачей не берётся, даже из своего золота.

После Чульмана эти бичи сошли и сели другие. Они были более пьяные, но разговоры вели на более высоком интеллектуальном уровне. В основном там беседовали двое. Один спрашивал, второй пытался отвечать, что с очень большим трудом у него выходило.

Сначала они выясняли, кто из них более «местный». Для прояснения ситуации была затронута география. Оба упорно

доказывали друг другу, что они прекрасно знают и изъездили Якутию вдоль и поперёк.

— А ты на Лене был?

— Был, однако.

— Большая река?

— А куда впадает Лена?

— В Байкал, однако... (?)

— Дурак ты! В Северный Ледовитый океан. Ты хоть слышал о таком? А вот скажи, какие события были на Лене? Это ты, ежели говоришь, что десятилетку кончил, должен знать!

— Расстрел был ленский.

— А кого расстреливали?

— Революционеров, известно кого...

И опять же: «Дурак ты! Декабристов стреляли на Лене (?!). А вот кто был Чернышевский?»

— Татарин (?!).

— Нет, татарин или там башкир, это всё равно, ты скажи, чем он занимался?

— Книжки писал!

— И опять ты в галошу сел — он был первый демократ в России. А вот скажи, какой самый большой город в мире? Да, самый большой?

— Колхоз «Новый путь».

— Да с тобой разговаривать-то нельзя, грамотей этакий. Ереван самый большой город (?!). Ему уже 1700 лет (?!).

— ...

— Ну а про поэтов я тебя и спрашивать не хочу. Ты хоть слышал таких: Маяковский, Есенин, Некрасов? А?

— Мм... м-м...

— А ну тебя, рожа какая...

На этом их интеллектуальная разминка закончилась.

ПУСТЫНЯ ГОБИ

С 1981-го по 1983-й я работал в пустыне Гоби. База наша находилась в городе Сайшанде. Она представляла собой сня-

тые с колёс и врытые в землю вагончики, а также несколько щитовых сборных домиков.

Стояли мы около железнодорожной ветки, по которой на моей памяти ни разу не прошёл ни один поезд. За веткой, примерно в двух километрах, находился «Северный городок» — советская воинская, по-моему, танковая, часть.

Гоби на самом деле не очень похожа на типичную пустыню. Когда мы слышим слово «пустыня», сразу представляем песчаные барханы и вообще песок. А пустыня Гоби каменистая. Она абсолютно плоская, растительности никакой. Галька не только разного размера, но и разного состава.

Кстати, однажды, проезжая, как говорится, «из пункта А в пункт Б», мы вдруг увидели ярко сверкающее разноцветное пятно впереди по курсу. Дорог в Гоби практически нет. В любом месте можно ехать со скоростью километров 80–90, не боясь ни оврагов, ни каких-либо ям — абсолютно ровная, усталая галькой почва. Так вот, это яркое пятно оказалось сердоликовой галькой.

Галька сердолика («сердолик» означает «камень из Сарды», столицы древней Лидии) — жёлто-красно-оранжевого цвета в диаметре от сантиметра до трёх. Большинство камней, особенно на поверхности, отполировано тысячелетиями песком до зеркального блеска. Многие имеют абсолютно правильную форму шарика, как бусины. Если набрать таких «бусин», просверлить в них отверстия, то действительно будут готовые бусы.

Площадь этого «пятна» составляла несколько десятков квадратных километров, а мощность (толщина) слоя гальки — от пяти до сорока сантиметров. Можно сказать, целое месторождение готовых бус из сердолика.

Из живности в Гоби встречались дикие верблюды, иногда небольшие табуны лошадей Пржевальского, тоже диких. Много было джейран. Джейран — разновидность сайгаков. Может, это местное название сайгака. Из «мелочи» водились пустынные зайцы. Чем они питались, абсолютно непонятно. Но пару раз где-то в небольших ложбинках или небольших норешках мы их встречали. А ещё в Гоби водятся очень ми-

лые и смешные ушастые ежи. И, конечно, змеи, самые разные: гюрза, кобра, песчаная эфа и ещё какие-то экзотические змеи.

Самой опасной у нас считалась так называемая «стрелка» — небольшая, очень тонкая змейка бежево-коричневого цвета длиной примерно метр. Чувствуя опасность, она иногда с расстояния пяти метров взвивалась в воздух, струной летела на угрожающий ей объект (очень часто это мог быть человек) и вонзалась в лицо. Укус, как мы были уверены, у неё смертельный. Хотя, если честно, на моей памяти ни разу никого эта змея не укусила. Наверное, это была легенда. Как она прыгала, мы видели, как кусала, не говоря о последствиях укусов, — никогда.

Тоби уникальна ещё и тем, что там я впервые узнал, что такое абсолютная тишина.

Представьте себе: температура воздуха под пятьдесят жары, а может и больше. Полный штиль, ветра нет, птицы не летают. Их просто нет. На тысячи километров в любую сторону никого. Самолёты тоже не летают, населённых пунктов нет.

Приехав в какую-нибудь точку на маршруте, слышишь только шорох камушков под ногами, когда идёшь. Очень часто хотелось услышать хоть какой-то звук, потому что это действительно неприятная штука — АБСОЛЮТНАЯ тишина.

Если остановиться, замереть, очень скоро начинаешь слышать своё дыхание, как бы ты тихо ни дышал, мельчайшие шумы от малейшего шевеления своего тела. Но больше ничего, абсолютно ничего.

Кстати, о температуре. Стандартная форма одежды для работы на маршрутах Гоби была такая. На голове — велосипедная шапочка с козырьком. Я всегда к этой шапочке пришивал вручную кусок материи, которая закрывала уши, причём в первом «поле» я для этого дела использовал кусок старой клетчатой зелёной рубашки. С лёгкой руки кого-то из отряда все стали называть такую шапочку «арафаткой». На самом деле это было удобно, потому что без неё уши облезали струпами — сгорали моментально. Итак, на голове у меня «арафатка», ниже — прибор на лямках, надетых на голое тело,

дальше — плавки и на ногах — кеды, кроссовок тогда мы ещё не знали.

Так можно было ходить, после того как примешь первый солнечный удар (загар). Были мы все чёрные, как негры. Когда начинался полевой сезон (а начинался он обычно в апреле-мае), температура в пустыне уже была от сорока до пятидесяти градусов. Конечно, первое время сторожились, надевали рубашки, шорты, даже тренировочные штаны, чтобы не обгореть.

Однажды, по-моему, это случилось в 1982 году, угодил я в небольшой переплёт. Наука была мне на все остальные восемь лет работы в Монголии.

Меня должны были забросить на машине на одиночный маршрут. Там я должен был по компасу пройти по прямой около пятнадцати километров, через каждые пятьдесят метров делая замеры спектрометром. В конце маршрута меня опять должна была подобрать машина. Это было начало сезона.

Я прикинул, что работы максимум часа на два с половиной — три. Так мы с водителем и договорились. Я решил, что как раз эти два-три часа я и позагораю. Поэтому оделся по той форме, которую описал. То есть практически в одних плавках и в кепочке пошёл на маршрут.

Часа через два с половиной я был в той точке, куда должна была приехать машина. Высадили меня часов в девять утра. В половине двенадцатого я был на точке. Забегая вперёд, скажу, что машина за мной приехала... в девять вечера.

Ни кустика, ни холмика, от жгучего солнца спрятаться нигде. Единственное, что я догадался сделать, — снять кошму со спектрометра. Прибор был обёрнут кошмой, чтобы «держат» температуру.

Я распорол кошму, получился кусок войлока длиной сантиметров в шестьдесят или восемьдесят, шириной сантиметров тридцать. Вот этим куском поочерёдно я и прикрывал то спину, то грудь, то колени. И всё равно, конечно, обгорел сильно.

Вечером, когда приехал в лагерь, почувствовал — поднялась температура, весь покрылся волдырями. Одним словом, вос-

поминание не из приятных. Зато больше никогда я в маршрут не выходил без робы. Жарко ли, холодно ли — всегда с собой рюкзачок, в котором всё, что необходимо на любые непредвиденные случаи: одежда, спички, фляга с водой, небольшое НЗ из продуктов, небольшая аптечка, трос и так далее. Как говорится, своя ноша не тянет.

МИРАЖ

Считается, что мираж — это индивидуальное свойство оптического обмана и, возможно, сознания конкретного человека.

Но вот чему я был однажды свидетелем.

Ехали мы как-то то ли на маршрут, то ли с маршрута на ГАЗ-66. Кузов был покрыт брезентовым верхом. Там у нас стояла одна бочка с бензином, а вторая — с водой. Между кабиной и кузовом был сделан деревянный помост, чтобы не прогнуть крышку аккумуляторного ящика и не замкнуть сам аккумулятор. К крыше кабины со стороны кузова были приварены две обыкновенные дверные ручки.

Дело в том, что под брезентом ехать было просто невозможно. Во-первых, из-за жары и духоты, а во-вторых, из-за пыли. Обычно в ГАЗ-66 ездили либо втроем (это комфортный вариант), либо впятером (это уже было не так здорово).

«Впятером» выглядело так. В кабине трое: понятно, водитель и обычно геолог, который сидел на пассажирском месте; третий сидел между водителем и пассажиром на двигателе, а двое стояли на аккумуляторном ящике, на этом самом помосте за кабиной, держась за ручки, приваренные к крыше кабины. Вдвоем стоять было можно, но немножко тесновато. Поэтому, как я сказал, пятеро — это не лучший вариант, а трое — самое то.

И вот однажды едем мы, как сейчас помню, с геологом Славой Татауровым из Зеленогорской экспедиции (город Свердловск). Водителя, по-моему, звали Лёшкой, а я, геофизик, стою на аккумуляторном ящике. Приборы лежали в но-

гах у Славки. Я ехал налегке. Сверху было всё хорошо видно. Ветерок, несмотря на то, что очень тёплый, создавал иллюзию пролады, одним словом — лафа. И вот мы едем по пустыне с хорошей скоростью — километров 60–70. Вокруг абсолютно ровная, как стол, местность.

Вдруг я вижу, что слева от нашего маршрута движения, километрах примерно в пятнадцати, виднеется огромное-огромное озеро. Причём я явственно вижу воду, которая сверкает на солнце. Более того, вижу полоску зелёных камышей на берегу. Но это ещё не всё, я даже чаек вижу, которые носят в воздухе над этим озером.

Я знаю, что вроде бы вокруг нет никаких озёр (озеро в Гоби — это вообще нонсенс). Нет даже болот, или такыров, как их здесь называют. Они в сухое время года представляют собой потрескавшуюся глинистую почву, а после дождей превращаются в небольшие озерца. Не дай Бог туда заехать на машине — вытащить будет практически невозможно.

Так вот, вроде бы ничего такого на карте нет. И вот едем мы десять минут, пятнадцать, полчаса — озеро не исчезает. Напротив, такое ощущение, что линия берега то приближается, то удаляется, то есть не просто идёт параллельно нашему движению, а как будто у этого озера изрезанный берег.

Через полчаса я постучал по кабине.

Машина остановилась.

Славка из кабины прокричал: «Что, озеро видишь?»

Я удивился, думал, что только я вижу. Оказывается, уже полчаса они с Лёшкой спорят: мираж это или действительно озеро? То есть видим все трое и, что интересно, все одинаково: и синюю воду, и зелёные камыши, и даже чаек. Это был уже мой второй сезон в Гоби. Ко всяким миражам, в том числе озёрным, я привык, но тут явно что-то было особенное.

После короткого «ругательного» совещания принимаем решение километров пять проехать в сторону озера и посмотреть — будет оно приближаться или будет удаляться?

Поехали.

Кончилось тем, что проехали мы не менее двадцати километров. После каждых пяти километров мы начинали горячо

спорить: приблизилось или, наоборот, удалилось озеро? Или осталось на месте? У меня сложилось впечатление, что у нас на троих было примерно пять точек зрения на эту проблему.

Отмахав от намеченного маршрута километров двадцать, окончательно убедившись, что никакого озера нет и в помине, чертыхаясь и выслушивая проклятия Лёшки, который начал говорить, что теперь бензина может не хватить до базы, мы поехали дальше.

Должен сказать, что более красивого, я не побоюсь этого слова, прекрасного миража в своей жизни я больше никогда не видел.

ГОБИ. ПЕРВОБЫТНАЯ СТОЯНКА

А теперь другая история...

Начало примерно такое же, только ехали мы на этот раз в кунге — внутри фургона ГАЗ-66. Кроме пешеходного спектрометра у нас был автогаммаспектрометр, который был установлен на автомобиле. Он фиксировал не только радиоактивность, но ещё помогал понять, чем радиоактивность вызвана: наличием урана, калия или тория. Базой для автогаммаспектрометра был военный топопривязчик, установленный на ГАЗ-66. Тогда не было ещё никакого GPS, но, тем не менее, используя принцип и свойства гироскопа, в этот прибор можно было заложить стандартный планшет. Обычно мы использовали карты Генерального штаба стотысячного масштаба. Это позволяло «привязаться» на местности стандартными способами.

Надо было определить абсолютно точный ориентир на местности, поставить грифелёк, зажатый в специальный курсор, на эту точку, запустить по специальной программе топопривязчик, а дальше грифель рисовал в точности все перемещения машины в пространстве. В любой момент можно было понять, где мы находимся.

Итак, ехали мы, как всегда, из пункта А в пункт Б. Скорее всего, меняли лагерь. На дальние расстояния мы ездили в основном тогда, когда меняли место базирования.

И вдруг в окно увидели нечто странное.

Дело в том, что в той части Гоби, где мы тогда работали, пустыня была чёрной. В любом месте, где бы мы ни остановились или где бы ни шли пешком, вся поверхность была покрыта острыми кусками базальта чёрного цвета. Кстати, рядом с базальтом всегда можно было найти агаты. И вот это огромное базальтовое плато площадью в несколько тысяч квадратных километров, если не больше, мы и пересекали.

Справа по курсу мы увидели довольно большое рыжее пятно. Показалось, что по центру пятна лежит огромный валун такого же цвета. Но на самом деле это был абсолютный нонсенс. Никаких валунов в Гоби мы никогда не видели. Естественно, мы повернули посмотреть, что это такое.

Подъезжаем и видим разбросанные куски жёлто-бежевой породы. Мы сразу поняли, что это кремь на площади примерно 250–300 квадратных метров. Пятно представляло собой круг или овал. Почти посередине его находился огромный валун. Но он был не из кремня, а, если мне не изменяет память, из чего-то похожего на песчаник. Интересной была и форма этого камня. Больше всего он напоминал стол овальной формы с практически плоской поверхностью. И вдруг кто-то из нас поднял несколько кусков кремня и с удивлением обнаружил, что это не что иное, как заготовки, полуфабрикаты, скифы (заготовки для наконечников). Или для наконечника стрелы, или для скребка, а может, и для ножа. Мы разбрелись по этому пятну и стали находить всё новые и новые уникальные изделия из кремня. Тогда мы поняли, что находимся на месте стоянки первобытных людей, вероятно, по времени относящейся к эпохе неолита. Понятно, что и этот стол-верстак для работы, и сам исходный материал был сюда привезён. Мы прекрасно знали геологию примерно в радиусе тысячи километров — ни песчаника, ни кремня здесь и в помине не было.

И нарисовалась вот такая картина...

Когда-то, может, пять тысяч лет назад, а может, и десять древние люди здесь разбили лагерь. Стояло племя здесь довольно долго, может быть, несколько десятков лет. Мы находились, видимо, в бывшей мастерской по производству камен-

ных орудий. Как я уже говорил, Гоби — каменистая пустыня, ветер и песок вымывают всё, что лежит на поверхности. Ничего не заносит. Кстати, и на развалинах монастырей мы часто находили монеты, различные фигурки из бронзы. Они просто лежали на поверхности, иногда отполированные песком.

Подняв с земли один из самых удачных по форме и исполнению наконечников для стрелы, держа его в руках, я ясно себе представил, как, допустим, десять тысяч лет назад по какой-то причине люди встали и ушли с этой стоянки. Они оставили здесь и полуфабрикаты, и готовые изделия, и этот огромный верстак и больше сюда не вернулись. А следующие люди, которые пришли сюда, — это мы. И все эти десять тысяч лет здесь было такое же безмолвие. Так же палило солнце. Небо было такое же синее, только иногда шумел ветер. Вот такая необычная, в прямом смысле слова, связь времён. Ощущение этого прикосновения к вечности я помню до сих пор.

ГОБИ. ТРИ МОНАХА

Началось это так...

Мы находились в лагере. Он, как обычно, представлял собой «костровище», квасовозку (самая обычная бочка на колёсах, с надписью на боку «КВАС», в ней мы возили воду), раскладушки, на которых лежали спальники. В Гоби мы почти никогда палатки не ставили. Это не имело смысла: дождей нет. Спали под открытым небом. Кстати, звёздное небо в Гоби потрясающе красивое — звёзды низко, такое ощущение, что можно руку протянуть и срывать одну за другой. В те сезоны у нас была интересная традиция-хохма. Перед сном, предварительно посидев у костра, попив чайку, переговорив обо всём на свете, мы ложились поверх спальников на раскладушки. Кто курил — тот курил, естественно, продолжали разговаривать: о жизни, о геологии, о книгах, о предстоящей работе, о каких-то приключениях, которые с кем-то из нас были в прошлом.

Разговоры длились всегда до одного чётко обозначенного во времени момента. Дело в том, что, глядя в звёздное небо, мы видели очень много пролетающих спутников. Иногда, особенно в августе, начинался звездопад, и мы наперебой кричали, показывая друг другу, в какой стороне «падает» самая красивая звезда — метеорит.

Но ровно в 0:45, как сейчас помню, летел один особый спутник. Дело в том, что практически все спутники летели в широтном направлении, условно говоря, с запада на восток, или наоборот, точно не помню. А в 0:45 каждую ночь появлялся спутник, который пересекал траектории всех остальных. С чьей-то лёгкой руки мы называли его «летающий на Сайгон». И по какой-то, непонятно откуда возникшей традиции, дождавшись «сайгонского спутника», мы говорили: «Ну, всё, отбой, пора спать».

Когда кто-то очень хотел что-то рассказать, его обязательно предупреждали: «Только смотри, постарайся успеть до „сайгонского спутника“. После него — отбой».

Однажды, вернувшись с маршрута, мы сидели в лагере, ждали остальных. Приезжает машина, из неё выскакивают возбуждённые коллеги, начинают наперебой что-то рассказывать, махать руками. Толком ничего не понимая, мы садимся в кунгу ГАЗ-66 и едем куда-то вместе с ними. Ехать оказалось не очень далеко, примерно километров пятнадцать.

В том месте, не очень типичном для Гоби, были небольшие горюшки, изрезанные сухими руслами, оврагами. Были эти горки высотой метров тридцать-сорок, не больше.

Бросив машину в том месте, куда смогли доехать, ещё километра два пройдя пешком, мы приблизились к пещере.

Пещера, как потом выяснилось, имела три «комнаты», если можно так сказать. Первая — «прихожая» — была хорошо освещена внешним, дневным светом. На самом деле это была ниша в скале. Из неё было проделано естественным путём отверстие во вторую «комнату», там света было меньше. С левой стороны от второй «комнаты» находилась совсем маленькая пещерка, вход в которую (мы долго спорили: естественный он или искусственный) уж больно был похож на дело рук

человеческих. В третье пещерное помещение свет попадал едва-едва. Но всё равно, немножко постояв и присмотревшись, можно было всё рассмотреть.

И вот что нашли наши ребята.

Посередине третьей пещеры стоял огромный деревянный сундук. Дерево, из которого он был сделан, местами истлело. Сундук был набит древними длинными тибетскими манускриптами в переплётах из буйволиной или какой-то другой кожи, натянутой на деревянные дощечки. Все эти книги были рукописные, не напечатанные. Они были исписаны вертикальной вязью древних монгольских или тибетских иероглифов.

На противоположной от входа стене, на одинаковом расстоянии друг от друга, как в ружьярке, стояли три кремнёвых ружья с толстыми шестигранными стволами, с курками, в которых специальным приспособлением зажимался фитиль. В одном из ружей этот фитиль сохранился, и кремни были зажаты специальными щипцами. У ружей когда-то были приклады, но они истлели. Все три ружья стояли как бы в «горке» из древесной трухи.

Конечно, мы тут же начали спорить: кто это оставил, как всё здесь было?

И ящик, и ружья мы вытащили.

Должен сказать, что те, кто первыми сюда вошли, правильно сделали (по крайней мере, благородно), что сразу всё это не взяли, а решили показать нам. Это их решение потом сыграло свою роль в дальнейшей судьбе реликвий.

Приехав в лагерь, мы внимательно рассмотрели содержимое сундука и ружья. Конечно, тут же нашлись желающие заполучить эти ружья себе в коллекцию реликвий из Монголии. Честно говоря, мы знали, что ничего вывезить нельзя, но народ легкомысленно полагал, что как-нибудь да удастся. Но таких «коллекционеров» было меньшинство. Большинство же настаивало на том, что сундук с письменами и ружья нужно обязательно отвезти в Улан-Батор, передать в исторический музей.

Разгорелись жаркие споры.

Аргументы тех, кто хотел забрать себе и письма, и ружья, были очень простыми: мы нашли, о них никто не знает, пускай будут у нас. Я поддерживал тех, кто настаивал, что всё это нужно обязательно отдать историкам в музей.

Наконец, был найден компромисс. Он заключался в том, что надо отдать в музей все письма и одно ружьё, а два ружья оставить себе. Но тут я привёл, неожиданно для себя, убийственный аргумент: надо обязательно отдать всё как есть. Более того, отметить на карте место, где мы это нашли. Может быть, даже нарисовать (сфотографировать мы не догадались), как всё это было найдено.

Я сказал: «Представьте себе, а вдруг у монголов есть легенда о том, что какие-то три богатыря (как у нас — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович) или три монаха сохранили буддистские древние книги? А наша находка как раз подтверждает, что это не легенда, а самая настоящая быль!»

Надо сказать, аргумент подействовал. Но потом мы начали опять спорить: как эти письма-иероглифы оказались там, почему за ними никто не пришёл, почему они столько лет там пролежали. Спорили и о том, сколько именно лет они пролежали.

Кремнёвые ружья использовались в Средние века. Но, учитывая отдалённость этого региона, ими могли здесь пользоваться и в девятнадцатом веке.

Нам хотелось думать, что этим находкам несколько сотен лет. Но здравый смысл подсказывал, что, скорее всего, они относятся к восемнадцатому веку.

Лично у меня есть на этот счёт собственная гипотеза.

И она как раз про трёх монахов.

...Три монаха по какой-то причине то ли странствовали, то ли бежали из отдалённых монастырей. Такое случалось во все времена. И вот они нашли (а может, она ими заранее была вырублена) эту пещеру. Они сложили самое ценное, что у них было, в ящик, поставили аккуратно три ружья, вышли из пещеры и пошли, может быть, на охоту, а может быть, за водой, а может, ещё куда-то. Но их внезапно схватили. Может быть, те, кто их схватил, знали, что они где-то прячут письма, мо-

жет быть, не знали, но в любом случае, найти это место им не удалось.

То есть опять получилось, как со стоянкой первобытных людей. Вышли сто или двести лет тому назад трое монахов, а может, даже не монахов, а крестьян из этой пещеры, оставили свои драгоценные реликвии, ружья, а следующими, кто вошёл в эту пещеру, спустя много-много лет, оказались мы.

Вот такая связь времён.

А сколько ещё тайн хранит пустыня Гоби?

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Как всегда, искали место для лагеря. Увидели на горизонте тоненькую полоску скал и огромный вынос в пустыню камней, щебня, сухих веток (откуда там ветки, было сначала непонятно).

Мы поняли, что это конечная часть огромного временного водотока. Весной снег начинает таять. Вода со всех скал стекает по многочисленным ложбинкам, овражкам и логам в главное русло, и всё это потом выносится далеко в пустыню.

За одной из небольших горок рос «гобийский вяз». Уж не знаю, вяз ли это на самом деле или нет. Это было дерево с тонкими жёсткими листочками. Кстати, несмотря на то, что дерево давало тень, наученные горьким опытом, мы никогда не спали под ним, потому что на нём было огромное количество клещей. И если кто-то ложился отдыхать или просто сидел под этим деревом, то очень скоро эту «приятную» живность мог обнаружить у себя на голове или на теле.

Разбили лагерь.

Были у нас две машины: «топик» и грузовой ГАЗ-66.

Готовили мы в основном на паяльных лампах. Имелись специальные таганки, на которые можно было ставить вёдра. Под них заводили паяльную лампу и таким образом готовили завтрак, обед и ужин.

Кто-то, как обычно, отправлялся на маршруты, кто-то дежурил в лагере.

Помню, как на середине маршрута неожиданно небо затянуло огромной тучей, хлынул дождь. А по инструкции во время дождя и даже спустя шесть часов после него работать при поисках урана нельзя. Повышается радиоактивный фон из-за того, что радиоактивный радон (газ) прибивается дождём к земле.

Мы свернули все работы и поехали в лагерь.

Когда добрались, дождь уже кончился. Потом и солнце выглянуло. В ожидании сели в топопривязчик. Окна и двери были открыты. Наш «топик» стоял возле русла: открытой дверью в сторону горушек, а капотом в сторону пустыни.

И вот мы сидим, о чём-то болтаем. После того как закончился дождь, прошло, наверное, полчаса. Вдруг послышалось какое-то шипение. Водитель «топика» обошёл все четыре колеса, потому что была полная иллюзия, что где-то «травит» колесо.

Вроде бы всё в порядке.

Шипение между тем усилилось.

Прислушались. Исходило оно откуда-то извне, похоже, со стороны горушек.

Кто-то из нас догадался выглянуть наружу.

Мы услышали: «О-па!»

Выпрыгнув из машины, увидели, что по руслу из-за скал движется на нас двухметровая стена грязной пены. Двигается довольно медленно. Это она издавала такое неприятное шипение. Мы сразу не поняли, что нас ожидает, даже побежали зачем-то навстречу этому валу.

Но быстро догадались, что по руслу сливается со всего горного массива вода. Она-то и гонит перед собой эту грязную волну. Сквозь шипение уже слышался грохот. Сомнений не было. Так могут грохотать только бьющиеся друг о друга камни, причём большие камни.

«Топик» мы успели перегнать на ближайшую горушку, а ГАЗ-66, как назло, не заводился. Мы успели занести на небольшую скалку ящик с продуктами (потом дважды перетаскивали его ещё выше). Успели подхватить и раскладушки,

да практически всё. Только ГАЗ-66 с брезентовым кузовом остался стоять поперёк русла.

Буквально через пару минут, стоя на возвышенности, мы увидели, как огромный грязный селевой поток обрушился на то место, где только что был наш лагерь. Огромные валуны, некоторые чуть ли не в метр диаметром, летели, как мелкая галька. Самое ужасное, что всё это било в борт, в кабину ГАЗ-66. Был момент, когда вода даже стала перехлёстывать через кузов. Машина раскачивалась под напором грязной селевой воды, но не упала. Сель бушевал примерно минут десять. Потом стал спадать. Уже через час от него остались только отдельные тонкие ручейки.

Машина была вся ухайдакана. Забегая вперёд, скажу, что песок попал в двигатель. Так что своим ходом ГАЗ-66 с этой стоянки уехать не смог.

Так мы в очередной раз убедились, насколько коварна пустыня Гоби.

ГОБИ. ВОДЯНОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Однажды мы ехали на «топике» (тот самый топопривязчик с гаммаспектрометром) и увидели небольшие горушки. Решили осмотреть место для возможного лагеря, чтобы палатки или хотя бы раскладушки были чем-то защищены от иногда возникающих очень сильных ветров.

Увидели сухое русло с хорошим песочком, которое выходит из горушек, и поехали на машине по этому руслу. Очень скоро скалы стали сужаться, мы поняли, что на машине дальше не проехать, пошли пешком. И, отойдя от машины метров на 200–300, увидели, что в одном месте под скалой из песка пробивается несколько зелёных травинок — мы поняли, что, значит, где-то неглубоко вода.

Сбегали к машине, взяли лопату, начали рыть, и буквально сантиметров через 40 глубины появилась вода.

Вода в Гоби вообще вещь уникальная, и, даже не планируя пить воду, сам факт, что появляется вода, привёл к тому, что

мы вырыли довольно серьёзный котлованчик диаметром метра в полтора и глубиной где-нибудь сантиметров 60.

Он очень быстро заполнился водой. Песок лопатой выбрасывали рядом. Стояла абсолютная тишина.

Пошли дальше вверх по руслу. Отсутствовали, наверное, минут 20. И вот мы возвращаемся к вырытой в песке яме. Первое, что видим, — яма практически сухая и на наших глазах начинает вновь наполняться водой. А второе — рыхлый песок, который мы выбрасывали, копая яму, и который окружал этот своеобразный «дикий колодец», усеян следами животных.

Мы уже неплохо разбирались в следах и обнаружили, что там за эти двадцать минут побывали (уж не знаю, по очереди ли, а похоже, что все вместе) вот такие животные: заяц, джейран (косуля), степная лисица (корсак), волк и кто-то там помельче, типа ёжиков и вроде даже птичьи лапки были, хотя птиц мы ни разу там не видели.

Стали оглядываться. Стоит тишина, кругом — невысокие скалки, растительности никакой. Где была до сих пор эта живность? Куда она сейчас попряталась?

Но самое удивительное, мы поняли, что знаменитое водяное перемирие у Киплинга — это, похоже, не сказка, а реальная быль, потому что в абсолютно обезвоженном месте мы дали возможность зверью напиться воды, и тут было не до инстинктов хищников и их жертв. Видимо, как только мы отошли, все, кто из своих укромных местечек наблюдал за нами (оказывается, наблюдают-то всё время!), кинулись к спасительной воде.

Лагерь мы там решили не ставить, во-первых, места так и не нашли, а, во-вторых, решили — пускай это будет теперь водопоем для зверей.

«ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ» ИСТОРИЯ

Это было в середине восьмидесятых в западной части Монголии...

Воду мы обычно набирали из колодцев, которые в своё время в Монголии построили румыны. Обычно они обозначались специальными значками на картах.

Выглядел этот колодец так. Над поверхностью земли возвышалась, как бетонный дот, усечённая пирамида с плоской площадкой на высоте примерно в метр от земли. Из середины этой площадки выходила труба, к которой была приварена другая длинная труба как ворот. Нужно было вращать ворот. А внутри трубы, которая уходила в глубину, находился «винт Архимеда». Под действием этого «винта» вода из водоносных горизонтов поднималась на поверхность. Обычно под землёй проходила труба с водотоком. Наверху был бетонный жёлоб. Он заполнялся водой. К этому жёлобу подходили верблюды, овцы, яки, сарлыки и пили воду.

А мы обычно на выход трубы надевали резиновый шланг, конец шланга опускали в «квасовозку» и потом по очереди (сразу несколько человек) крутили этот ворот. Крутить его было совсем нелегко.

В Монголии было много таких колодцев, где в одиночку невозможно прокрутить «винт Архимеда». Монголы обычно использовали для этой цели верблюда или лошадь. Ну, а мы использовали самих себя.

Вообще поездка за водой была довольно хлопотным делом. Его можно сравнить с регулярным выносом мусора из квартиры в доме, где нет мусоропровода. Выносить надо, но энтузиазма нет.

Вот и мы так ездили за водой.

Собиралась настоящая артель. Иногда человек десять. Тогда работали в две смены по пять человек. Очень строго считали, кто сколько кругов сделает. Заранее знали, сколько кругов нужно сделать, чтобы наполнить бочку. Примерно сто кругов, чтобы наполнить девятилитровую бочку.

Но однажды мы оказались в таком месте, где не было механизированных колодцев.

А вода, естественно, была нужна.

И вот мы вдвоём с Санькой Груздевым (он — за рулём ГАЗ-66, я — рядом) поехали искать воду. Так как мы знали, что

«винта Архимеда» в здешних колодцах нет и, следовательно, толкать будет нечего, мы взяли с собой ведро с верёвкой, чтобы просто черпать воду. Для этого нас двоих было вполне достаточно, тем более что мы не собирались заливать «квасовозку» полностью. Нужно было набрать литров 100–150 для самых первоочередных нужд. Потом мы должны были двигаться дальше. А там уже должны были появиться «румынские» (как мы их называли) колодцы.

Мы с Санькой внимательно изучили карту. Посоветовались с товарищами, каждый из которых, естественно, был большим специалистом в определении местонахождения воды.

Выбирать особенно было не из чего, потому что, как сейчас помню, на ближайшем расстоянии в радиусе двадцати километров был только один приличный колодец.

Вот мы с Санькой туда и поехали.

Когда подъехали, сразу увидели практически на ровном месте около небольшого подковообразного холма колодец. На склоне холма стояла юрта, чуть ниже — кошара для овец. Ещё увидели, что к колодцу скачет на лошади монгол-пастух. Он ещё издали приметил нашу машину. Пастух, видимо, жил в этой юрте.

Мы подошли к колодцу.

Колодец представлял собой бетонное кольцо, выступающее из земли, сверху покрытое досками. Мы сняли пару досок, заглянули внутрь. Вода была на глубине метров примерно в двадцать. Это нормально, бывало и ещё глубже. В зеркале воды мы увидели траву, мусор, пух.

Одним словом, не очень понравилась нам эта вода.

Тут как раз подскакал арат («скотовод» по-монгольски).

Мы находились в глубинке и были абсолютно уверены, что здесь по-русски нас не поймут, поэтому обратились к нему по-монгольски:

— Сайнбайну-у!

— Сайн-сайнбайну-у! — ответил монгол.

— Ус байна? («Ус» — вода, «байна» — есть, а «сайбайну» — это мы так поздоровались.)

— Байна, байна!

Подозрительно глянув в колодец, мы ещё раз уточнили:

— Ус сайн? («Вода хорошая?»)

— Сайн, сайн ус! — подтвердил монгол и заулыбался.

Делать нечего, вздохнув, мы стали опускать ведро вниз.

В это время я Сане говорю: «Для него-то сайн, он привык, видишь, улыбается, а мы потом будем бегать по окрестным горкам — пронесёт весь отряд, смотри, какая дрянь плавает на поверхности!»

И вдруг монгол на абсолютно чистом русском языке, без всякого акцента говорит:

— Ребята, да вы не сомневайтесь, вода действительно хорошая, здесь очень хороший дебет, я только с утра всё прокачал для скота. А соринки — не берите в голову, из ведра вынете и всё. Вода отличная, родниковая, гарантирую!

Мы с Саней обалдели!

Я тогда монгола спрашиваю:

— Слушай, а чего ты по-русски с нами не разговаривал?

— Ну, вы со мной по-монгольски, и я по-монгольски.

Разговорились.

И оказалось, что это не просто арат, это животновод с высшим образованием. А учился он — где бы вы думали? В Сельскохозяйственном институте в городе Пушкине под Ленинградом.

Земляки, одним словом.

Вот такая была у нас интересная встреча.

САНЯ ГРУЗДЕВ

Саня Груздев был техником-геофизиком. Он окончил техникум, работал геофизиком в Майминской геофизической экспедиции (это в Республике Горный Алтай). В Монголию он приехал, наверное, в 86-м, а может в 87-м году.

Саня впервые прибыл к нам в лагерь, который находился недалеко от Ховда — на западе Монголии. Я был геофизиком отряда в единственном лице — сам себе начальник. У меня было высшее образование горного инженера-геофизика.

Когда в отряд приехал техник-геофизик, я обрадовался, и не столько тому, что вдвоём работать легче и план быстрее сделаем, сколько, не скрою, тому, что у меня, наконец-то появится подчинённый, которому я буду говорить, что и как делать.

Наше знакомство состоялось в первый же маршрут, во время которого я тоже по молодости не отказал себе в удовольствии покомандовать. Саня исполнял всё, что требовала работа, но было видно, что ему очень не нравятся ни мой тон, ни моё начальственное усердие. К концу первого же маршрута у нас состоялся хороший мужской разговор, после которого мы просто подружились. И уже не важно было, кто начальник, а кто подчинённый, просто мы были два геофизика, которые делали общее дело.

Саня был большой выдумщик, отлично играл на гитаре, чего я никогда не умел, знал много песен, в том числе тех, которые я никогда не слышал и не знал до него, отлично готовил. Это он ввёл добрую традицию лепить всем отрядом пельмени, когда у нас появлялось свежее мясо, и многие другие кулинарные изыски появились благодаря ему.

С ним, впрочем, как с любым из нас, приключались самые невероятные весёлые истории. Вот одна из них, наиболее экзотичная...

Это было в первый же год, когда он приехал к нам в поле. Мы стояли лагерем перед невысокой цепью горюшек. Лагерь обычно представлял собою вагончик на колёсах, но в этом сезоне у нас уже появилась юрта и несколько палаток. Для того чтобы забраться в вагончик, мы приставляли лестницу-трап с широкими удобными ступенями. В вагончике, в торце, в закутке, спал начальник отряда Витька Чувилин. Рядом была камералка, где стояла моя раскладушка старшего геофизика. Следующая комната, соседняя с камералкой, — столовая, где и находился вход в вагончик. Под крышей был большой бак, куда мы закачивали воду, как положено, раковина. Слив через трубу шёл в большую ямину, которую мы выкапывали рядом с вагончиком и накрывали досками, кусками железа и засыпали землёй.

Всегда в лагере был дизель, который давал нам электричество, на ночь мы его обычно выключали, экономя солярку, но тем не менее на кухне у нас стоял холодильник, иногда он, правда, размораживался, но если нужно было подморозить, особенно когда появлялось свежее мясо после охоты или когда мы делали пельмени, тогда мы на ночь дизель не выключали.

Ужин был обычно часов в семь-восемь, и после ужина у нас вечерами сложилась традиция: мы все собирались в столовой за большим столом, ставили чайник, доставали варенье, печенье и начинались разговоры, споры. Я иногда допоздна сидел в камералке, разносил из пикетажек на карту данные геофизики, что-то пробовал в полевых условиях интерпретировать. Стенки в вагончике были тонкие, слышно было хорошо, и я прямо из камералки включался в разговор, иногда выходил, чтобы тоже чайку хлебнуть. Одним словом — была своя жизнь.

Как-то поздним вечером приключилась история. Мы все сидели за общим столом, пили чай, о чём-то разговаривали. Санька встал и вышел из вагончика. Простите за такие пикантные подробности, но вышел он по нужде. Это имеет непосредственное отношение к рассказу, поэтому я и фиксирую. Вот мы сидим, за окнами темно, у нас горит электрический свет. И вдруг видим, что за окном всё озарилось зелёным светом. Первая наша мысль — кто-то пустил ракету, но зелёный свет становился всё ярче, ярче и не гас.

Мы толпой ринулись к выходу, распахнули дверь и увидели подбегавшего Саню с вытаращенными глазами. Он что-то хотел сказать, но не успел, потому что в ту же секунду зелёный свет на небе погас и мы услышали страшный грохот. Вагончик на колёсах и рессорах заходил ходуном. Многие из нас даже присели от неожиданности.

Мы наперебой стали кричать: «Что? Что такое?»

И вот что рассказал Санька.

Он отошёл подальше от лагеря, как вдруг увидел, как небо осветилось зелёным светом. «Вот зараза, — подумал он, — кто-то ракету пустил, чтобы не дать мне нужду справиться». Стал вертеть головой в поисках ракеты, как вдруг увидел, что по

небу наискосок, откуда-то высоко с неба к земле несётся, озаряя всё зелёным светом, огромный, яркий шар. Длилось это несколько десятков секунд. В это время Саня уже бежал к вагончику, чтобы сказать об этом, а сам всё время смотрел на быстро приближающийся к земле шар, который вдруг исчез за грядой гор, и как раз в тот момент, когда мы распахнули дверь, послышался этот удар. Это было не что иное, как крупный метеорит.

Мы долго и возбуждённо обсуждали, где этот космический гость мог упасть. По нашим прикидкам получалось километрах в двадцати от нас. Утром, естественно, ни в какой маршрут мы не пошли, сели на машины и ломанули в том направлении, где, как нам казалось, этот метеорит упал. Весь день мы прошастали, ничего не нашли.

Судя по всему, метеорит упал значительно дальше и, судя по удару, метеорит этот был весьма серьёзный.

СЕРЁГА ПАВЛОВ

Серёга, или тёзка, как я до сих пор его зову, был радиоинженером. Лётная аппаратура, а именно аэрогаммаспектрометр, как любая аппаратура, довольно часто выходила из строя, её нужно было чинить. Вот для этого у нас и был мой тёзка. Он всегда находился либо в стационарном лагере, либо в лётном отряде. У него был отдельный вагончик, в одной половине он спал, во второй оборудовал радиомастерскую. Иногда ломалась и наземная аппаратура, её тоже чинил Сергей, делал он это, кстати, блестяще. По-моему, он в своё время окончил уральский политех и был большой дока в электронике.

Когда мы жили в стационарном лагере в Арвай-Хээре, Серёга ещё развлекал всех нас проигрыванием пластинок через громкоговоритель. Иногда он ловил какую-нибудь советскую радиостанцию типа «Маяка», и мы слушали новости. Но всё это по настроению тёзки. Пластинок было не так много, и некоторые, честно говоря, уже просто осточертели.

Был у нас такой геолог Лёва Гертман (Царство ему Небесное, погиб в автокатастрофе несколько лет тому назад в Свердловске). Лёва почему-то очень не любил песни Аллы Борисовны Пугачёвой.

И когда Серёга заводил пластинку с «Арлекино», Лёва выходил из себя. Он и ругался на Серёгу, особенно во время обеда, завтрака и ужина, и скандалил — всё было бесполезно.

У нас была нормальная советская организация, и где-то раз в месяц мы проводили нечто вроде профсоюзного собрания. Собирались в конторе — в самом большом щитовом домике, где размещалась радиостанция и сидел начальник партии. Все приносили с собой табуретки, стулья, рассаживались и решали всякие производственные и общественные вопросы.

И вот на одном таком собрании, когда дошли до пункта «Разное», слово попросил Лёва Гертман. Он стал с возмущением жаловаться и начальнику партии, и всем нам на Серёгу Павлова, который «замучил, замордовал весь коллектив», по словам Лёвы, громкой музыкой, и особенно песнями Пугачёвой.

Лёва возмущенно говорил:

— Почему я должен по сто раз на дню слушать этого несчастного «Арлекино», когда я Пугачёву терпеть не могу, а он её заводит и заводит! Пожалуйста, Альберт Васильевич, — обратился он к начальнику партии Альберту Васильевичу Исакову, — прикажите Павлову, чтобы включал только новости, а музыку пускай слушает у себя в вагончике, а не бьёт нас всех по ушам этой гадостью!

Альберт Васильевич, зная склочный характер Серёги, мягко сказал: «Сергей Алексеевич, уж, пожалуйста, учтите мнение ваших товарищей по партии». Серёга глубокомысленно закивал головой. И вот собрание закончилось. Первым пулей из конторы выскочил Серёга и побежал к себе в вагончик. Народ не торопясь выходил со своими стульями из конторы, продолжая что-то обсуждать. Никто ещё не успел разойтись, как вдруг громкоговоритель кашлянул и жизнерадостным Серёгиным голосом объявил на всю округу:

— А теперь, дорогие товарищи, по персональной заявке геолога Льва Гертмана поёт Алла Пугачёва!

Все посмотрели на Лёву, но лучше бы нам на него не смотреть: рыкнув, как настоящий хищник, он ринулся к вагончику Серёги, но дверь вагончика была предусмотрительно заперта изнутри, а над лагерем разносился гомерический смех Пугачёвой, которая пела про Арлекино для бедного Лёвы.

ДМИТРИЙ ДЕМЕЖКО

Димитрий — так я его начал звать ещё в Монголии и зову до сих пор. Начну с того, что сейчас он доктор наук, живёт и работает в Екатеринбурге, продолжает заниматься геофизикой, а именно — палеоклиматом и другими очень интересными вещами. Познакомились мы с ним в середине 80-х, когда он приехал в нашу монгольско-советскую геологическую экспедицию в качестве инженера-геофизика. Димитрий — очень интеллектуальный и эрудированный человек, с ним интересно разговаривать на любые темы. А ещё у него было отличное, я бы сказал, тонкое чувство юмора. И плюс — он же настоящий полевик, настоящий товарищ, надёжный человек и как геофизик — абсолютно профессиональный.

Итак, Димитрий. Дело было, наверное, в 83-м году в Арвай-Хээре. Наш лагерь стоял рядом с аэродромом, недалеко от советской воинской части, километрах в семи-восьми от самого города. Когда у нас было свободное время или просто выходной и какая-нибудь машина ехала в Арвай-Хээр, мы на ней доезжали до города, чтобы побродить по магазинам. Все очень любили это занятие, а иногда мы специально просили, чтобы нас туда на «топике» отвезли. Больше всего мы любили ходить по книжным магазинам.

В Арвай-Хээре было несколько замечательных мухлаггов (мухлаг — это лавка). Очень часто в сомонах можно было видеть автомухлаг, то есть автолавку. Чем характерны мухлагги? Размещались они в каких-то сараюшках, с виду очень неказистых, а внутри на прилавках, на стеллажах, на поперечных

жердинах были выложены, развешены или навалены самые разные товары: мясо (мах), канцелярские принадлежности, хлеб (талх), гуталин, табак (тамхи), женские бюстгалтеры, водка (архи), конская сбруя, книги, в том числе наши советские, леденцы, бинокли, вьетнамский бальзам «Звёздочка», дели (национальная одежда-халаты), корейская зубная паста, сапоги, в том числе национальные с загнутыми носами. По монгольской вере, а у них разновидность буддизма — ламаизм, земля священна, поэтому нельзя даже ковырнуть землю носком, вот откуда загнутые носки сапог.

Я специально перечислял в таком порядке, вернее, беспорядке, потому что именно так всё это было и представлено: лифчики висели вместе со сбруей, какие-нибудь штаны и кеды рядом с связками репчатого лука, хлеб недалеко от гуталина. Одним словом, мухлаг — это очень любопытное и колоритное явление.

И вот однажды мы с Дмитрием (были почему-то вдвоём) пришли в давно запримеченный мухлаг посмотреть, не поступило ли каких-нибудь новых книжек на русском языке из Советского Союза.

Зашли. За прилавком, следя за жужжащими у потолка мухами, с абсолютно отрешённым лицом стояла монгольская продавщица (кстати, похоже, именно такое выражение лица — это профессиональная особенность всех продавщиц во всём мире, будь то современный супермаркет или подобный, забытый Буддой в аймаке, мухлаг). Мы чинно поздоровались, сказав: «Сайнбайну-у». Нас не удостоили не то что ответом, даже взглядом. Потоптавшись для приличия прямо перед носом продавщицы и убедившись, что никакой реакции не последует, мы пошли осматривать всё, что было в этом мухлаге.

Книги стояли, как назло, на полке, до которой было не дотянуться. Мы начали отчаянно жестикулировать, что-то говорить, призывая продавщицу показать нам товар. Ноль эмоций. Мы уже стали думать: может она глухая? И тут, пригнувшись, чтоб не задеть головой притолоку низенького входа, зашёл немолодой арат (монгол) в национальной одежде

дели, подпоясанный кушаком, с туго набитой запазухой, где, как правило, находились: овечий сыр, нюхательный табак, просто табак, трубка, спички и... что угодно. Запазуха заменяла обычные карманы.

Он зашёл, большой, грузный, отдуваясь, — на улице стояла жара градусов сорок, а он был, мягко говоря, тепло одет, впрочем, как и все монголы. Встал посередине, даже, по-моему, сделал «руки в боки» и на выдохе громко и очень внятно сказал: «Фу-уй!»

Здесь нужно сказать, что первую букву я поменял из приличия, потому что произнёс он как раз то, что, возможно, некоторые из вас и подумали. Мы вздрогнули. Со страхом посмотрели на девушку, забыв, что, может быть, это только по-русски звучит неприлично, а по-монгольски, возможно, совсем наоборот. И похоже, это действительно так и было, потому что девушка встрепенулась, перестала считать мух, заулыбалась, что-то радостно затараторила на своём языке и стала показывать какие-то сбруи и другие товары.

Мы с Димитрием переглянулись и решили выйти из мухлага, дожидаясь, когда арат уйдёт, и повторить этот опыт. И так нам захотелось поскорей устроить представление, что я, выходя первым, забыл про низкий вход и со всего размаха, не успев открыть дверь, зафитилил лбом об эту притолоку.

Похоже, я сказал значительно больше слов, чем собирался, и примерно на таком же диалекте, как при входе монгол, потому что, когда я пришёл в себя после взрыва искр, высыпавшихся из моих глаз, я услышал дружный хохот трёх человек. Хохотал Димитрий, хохотал арат и хохотала, утирая слёзы, продавщица, хлопая себя ладонью по лбу и приговаривая: «Толгой, толгой». (Я уже знал, что «толгой» — это голова.) Не хохотал, как вы легко можете догадаться, только я.

Зло сказав Димитрию: «Пойдём отсюда!», вышел, товарищ мой — следом. Я уже раздумал повторять эксперимент, изображая арата, и мы пошли восвояси. Однако через неделю, в следующее воскресенье, мы всё-таки не утерпели и опять наведались в знакомый нам мухлаг. Продавщица, увидев нас, радостно заулыбалась, хлопнула себя, как в прошлый раз,

ладонью по лбу, воскликнув: «Толгой, толгой!», и с удовольствием начала показывать нам все книжные новинки.

Мы тогда очень много накупили книг к обоюдному удовольствию: продавщица, похоже, сделала план, а мы приобрели интересные издания. И сколько бы мы потом ни заходили в этот мухлаг, она всегда жутко радовалась, традиционно хлопала себя ладонью по лбу и произносила: «Толгой, толгой!» Видать, ей очень понравилось соприкосновение моей толгой с притолокой её мухлага.

КОЛЛЕГИ. ЕЛЕНА БОРИСОВНА ВЫСОКООСТРОВСКАЯ

Я уже не раз говорил, что геологи — люди особенного склада характера, закалённые, мужественные и искренние. Поэтому я решил рассказать об одном таком человеке — геологе от Бога. Речь пойдёт о моей научной руководительнице — Елене Борисовне Высокоостровской.

Это удивительная женщина. Во-первых, настоящий полявик. Многому, в том числе, как это ни странно прозвучит, умению мужественно терпеть и преодолевать любые трудности, я научился именно у неё. Когда я пришёл работать в ВИРГ (Всесоюзный институт разведочной геофизики), мне было 25 лет. Она была раза в два меня старше. Помню её потрясающе красивые волосы, ярко-синие глаза. Мы все немножко побаивались её, но, безусловно, уважали. Она была строгим, требовательным, серьёзным руководителем. Любопытная деталь: как только мы выезжали в поле, Елена Борисовна начинала есть чеснок. Это было ужасно. Каждые 10 минут она доставала очередной зубчик из кармана штормовки. Делала она это всегда — в маршруте, когда камералили, ну а когда обедали — это вообще отдельная песня: тут чеснока уходило просто немеренно.

Елена Борисовна была спортивной — каждое утро делала зарядку. Если мы находились в стационарной базе, где у нас был душ, обязательно его принимала. Мы любили переска-

зывать друг другу историю, которая произошла в конце октября на нашей базе в Сайншанде. По ночам уже ударяли заморозки, а у нас от скважины прямо по земле был разведён по вагончикам водопровод, в том числе в душевую. И в одно прекрасное утро трубы замёрзли. Встав рано утром покурить, народ увидел растерянную Елену Борисовну, которая, выйдя из душа, удивлённо сказала: «Мальчишки, что-то воды нет». Причём была она в одном купальнике (так она делала всегда). Народ, стоя на крыльце в ватниках и вязаных шапках, курил и втолковывал Елене Борисовне, что вода не кончилась, а замёрзла, потому что на дворе минус пятнадцать.

Как-то в той же Сайншанде Елена Борисовна ехала на УАЗике. За рулём был бывший начальник партии, и ехать нужно было около тысячи километров. И вот где-то на полпути в абсолютно безлюдном гобийском месте машина перевернулась пару раз и, к счастью, встала на колеса. Пробило колесо. Елена Борисовна была вся в синяках, в царапинах. Досталось и начальнику партии, который был, может быть, даже моложе её, но повёл себя в этой ситуации, мягко говоря, не по-мужски: начал причитать и канючить. Во-первых, он понимал, что ему придётся отвечать за эту аварию, а во-вторых, он абсолютно не знал, что делать — связи с ними не было никакой, искать их должны были бы начать только на вторые сутки. Раны он кое-как, взяв йод и бинты из аптечки, замазали и забинтовали. Этот «лёлик» собирался сидеть и ждать двое суток у машины, но не такой была Елена Борисовна. Она заставила его помочь ей поставить запаску, потом сама села за руль (машина оказалась на ходу) и гнала её 500 километров под причитания начальника партии. Когда они въехали на территорию базы, мы все бросились к разбитому УАЗику. Елена Борисовна, как ни в чём не бывало, сказала: «Выгружайте товарища!», а сама пошла в первый отдел сдавать карты. Мужественная женщина!

Её энтузиазм в познании геологических тайн был бескрайним. Я обычно работал с ней в паре. Доставалось мне круто, потому что то и дело она говорила: «Серёжка, сбегай на ту горушку, померяй там». Потом показывала в противоположную сторону на горушку километрах в трёх: «Серёжка, а теперь

сбегай и померяй там». Ну, Серёжка ноги в руки и бегом. Кстати, очень часто не бесполезно — чутьё у неё было великолепное, иногда она аномалии, что называется, визуально определяла — может, действительно, по какому-то цвету пород или по изменению пород. С ней было очень интересно работать.

Уйдя на пенсию, она в Питере устроилась работать оператором газовой котельни, потому что сидеть без дела не может. Ей далеко за 80, но она по-прежнему бодрa и энергична. Я надеюсь, она на меня не обидится, если выдам её небольшую семейную тайну — несколько лет назад она вышла замуж. Счастья, здоровья и любви Вам, дорогая Елена Борисовна!

ПОДАРОК НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В тот сезон, о котором хочу рассказать, у нас уже постоянно с собой был вагончик, для перевозки которого мы вызывали специальный МАЗ или КраЗ с базы. В вагончике располагалась столовая, а в закутке, в торце вагончика, была маленькая комнатка Виктора Чувиллина, начальника наземного отряда. В камералке я спал через фанерную перегородку, голова к голове с Витькой. Я знал, что Витьке очень нравился романс «А напоследок я скажу...» из фильма «Жестокий романс». Уезжая из Улан-Батора, я взял переносной кассетный магнитофон со специально записанным на кассету любимым романсом Виктора (батарейки у нас всегда были для геофизической аппаратуры). Спрятал магнитофон на дно вьючника под свитера, хэбэ и прочую одежду. Вьючник — это деревянный ящик, обитый алюминиевыми уголками, с ремнями и с брезентовой ручкой. На боку этого ящика под брезентовые ремни продеты специальные кольца, с помощью которых деревянный ящик вьючится на лошадь, на осла, одним словом, на любой гужевой транспорт. Отсюда и название — вьючник. Естественно, лошадей у нас никаких не было, но вьючник был незаменим для перевозки и хранения как носильных вещей, так и документов. У меня обычно было три вьючника. В одном действительно лежали бельё и вещи, второй отдавался под всякие

геофизические пикетажки, геофизические материалы и прочее, а третий был с книгами и журналами, которые я забирал из Улан-Батора, прочитав, возвращал их посылками, потом мне присылали новые. Одним словом, получалась такая маленькая походная библиотечка.

День рождения у Виктора был летом, во второй половине полевого сезона. Половину полевого сезона (май, июнь, июль) я никому не говорил, что у меня есть магнитофон, хотя искус имелся — было несколько праздников, приёмники ловили плохо, и народ сокрушался: «Вот бы сейчас сюда магнитофончик, музыку бы послушали». Но я молчал — готовил Виктору сюрприз.

В день его рождения мы устроили почти выходной день. С утра съездили на маршруты, а после обеда отправились в ближайший сомон, купили мяса — баранины, приготовили шашлык, к этому дню запасли специально архи, и хорошо посидели. Витька отлично играл на гитаре, кроме него ещё играл на гитаре и Санька Груздев. Пели и хором, и, как говорится, соло. Одним словом, душевно посидели. В первом часу ночи народ разошёлся по палаткам, мы с Витькой пошли в вагончик.

Слышу через тонкую фанерную перегородку — Витька прошёл к себе, усаживается, а потом укладывается на скрипучую раскладушку. Когда он затих, я ему сквозь стенку говорю: «Витька, я тебя ещё раз поздравляю с днём рождения, и у меня для тебя необычный подарок-сюрприз, слушай!» — и включил магнитофон. Я не видел и никогда не узнаю, какое выражение лица было у Витьки. Когда романс закончился, он только хрипло сказал: «Ещё!» Я гонял, по-моему, этот романс раз десять. Где-то после восьмого раза на фоне романса он стал что-то говорить. О чём мы говорили, честно говоря, не помню, да и не важно, просто я знал, что мой сюрприз удался и Витька был растроган таким неожиданным подарком. А если учесть, что поначалу, в первые несколько сезонов, у нас отношения не очень складывались, то такой подарок был на самом деле знаком того, что мы сработались. И именно с тех пор и до сих пор я могу с гордостью говорить, что Витька — настоящий геолог и настоящий товарищ.

СТОЯНКА НА ХОВДЕ

В Монголии вместе со мной работали мои земляки из Питера — Коля и Лена Михайловы. Они были мужем и женой и оба — геофизики. Обычно они у меня в отряде делали СДВР — это один из методов электроразведки, называется сверхдлинноволновое радиопрофилирование.

Работать нужно было в паре. На груди у оператора (обычно это был Коля) висел небольшой приборчик, от приборчика тянулась метров на двадцать антенна, на самом деле обычный, но довольно толстый кабель. А рядом шёл записатор, как мы говорили, это была Лена. Она в пикетажку записывала данные электроразведки. Иногда им приходилось менять СДВР на радиометр, когда не хватало рук для поиска и заверки эрогаммаспектрометрических аномалий.

Коля и Лена были (к счастью, и сейчас они живы и здоровы) настоящими петербургскими интеллигентами, особенно Лена. Колька играл в шахматы, любил рыбалку, был большой спорщик.

А ещё мы с Колей составляли редколлегию стенной газеты. Чувство юмора у него было отличное, а Леночка была настоящим эрудитом. У костра иногда до хрипоты мы спорили о политике, о поэзии Серебряного века, о геофизике, о полётах в космос. У каждого за плечами был свой жизненный опыт, экспедиции, разные ситуации. И где, как не у костра, об этом рассказать, поделиться с товарищами.

Жили Коля и Лена всегда в отдельной палатке как супружеская пара. Иногда мы, мужики, немножко им завидовали — у нас жёны далеко, а они всё время вместе и все радости и все «прелести» полевой не очень-то уютной жизни делили пополам.

Каких-либо особых, смешных случаев, связанных с ними, как-то не припомню, но однажды Лена преподнесла всем нам, но прежде всего Коле, неожиданный, очень даже неприятный, но познавательный сюрприз. А дело было так.

Был это год, наверное, 87-й. Стояли мы на реке Ховд в золотой тополиной роще, работали в юрте на камералке и ровно

в шесть часов с пиканьем точного времени по «Маяку» выскакивали, кто на рыбалку, кто с бидончиками собирать облепиху, а кто выпаривать мумиё.

Палатка Михайловых стояла метрах в двадцати от нас в стороне. Накануне к нам в полевой отряд привезли продукты и, в частности, свежий лук, чеснок, даже, по-моему, то ли помидоры, то ли огурцы. Всё это было вообще жутким дефицитом. Полсезона мы ели только сушёный лук, да и картошку тоже сушёную. Из мяса это всегда была тушёнка, кстати, очень качественная. Остаюсь при своём мнении: сейчас такую никто не делает, хотя тогда это была самая обыкновенная тушёнка, по-моему, даже с воинских складов.

И вот утром я уже сделал зарядку, собираемся в вагончик на завтрак, вдруг из своей палатки выходит растерянный Николай и говорит: «Не могу Ленку разбудить». Я удивился:

— Что значит — не можешь разбудить?

— Она не просыпается.

— Она спит?

— Да, — отвечает Николай, — я её и тормошил, и кричал, а она глаза не открывает.

— Давай пойдём, посмотрим.

Заходим в палатку. Леночка лежит в спальнике, лицо спокойное, но дыхание очень редкое. Сначала я её попробовал тормошить, потом легонько похлопал по щекам — результата никакого. Мы вылезли из палатки, стали проводить консилиум: что же делать и что же это могло быть?

Дизелистом и водителем по совместительству у нас работал очень пожилой человек, он был участником Великой Отечественной войны, и когда он услышал, в чём дело, то задал неожиданный вопрос: «А лук она вчера ела?»

— Ха! Ела — не то слово!

Каждый из нас за ужином съел минимум по две средних луковицы. А Коля вспомнил, что Лена съела штук пять или шесть, причём выбирала те, которые побольше. Ела сначала с супом, а потом просто с солью, с хлебом. Я ещё вспомнил, что у неё было такое блаженство и удовольствие на лице! После всяческих консервов ощутить вкус хорошего лука...

А, судя по всему, сорт лука был какой-то не очень едкий, не очень горький.

Дизелист успокоил: «Ничего, не будите её, она где-нибудь часа через два проснётся». Продукты нам привозили поздно, вечеряли мы в первом часу ночи, а вставали всегда в семь.

Дизелист рассказал нам, что, оказывается, лук обладает вот таким очень сильным снотворным с успокаивающим действием. Это даже не столько снотворное, а я бы сказал, некий наркотик. Во время войны в полевых условиях, когда нужно было делать хирургическую операцию по извлечению осколка или пули, а иногда и что-нибудь пострашнее, типа ампутации, и когда не было ни спирта, ни средств для наркоза, советовали есть лук, очень много. Эффект был примерно такой же, как у Лены, то есть человек проваливался в забытьё.

Мы ушли на маршрут, Колю, конечно, оставили караулить Лену. Часика через полтора, как нам потом рассказал Николай, она как ни в чём не бывало проснулась, чувствовала себя прекрасно и при этом сказала, что никогда так крепко не спала, как в эту ночь. Вот такое интересное нам открылось свойство лука.

ИЗ АРХИВОВ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА СТЕНГАЗЕТЫ. ОПРОС

Когда я работал в Монголии, в геологической экспедиции, был главным редактором стенгазеты. А в Свердловске и Ленинграде я, являясь членом общества «Знание», был лектором-международником. Получалось неплохое финансовое подспорье для семейного бюджета. В соответствии с принятым тогда правилом общество «Знание» за каждую четвёртую лекцию гонорар перечисляло автоматически в Фонд мира, а за три лекции деньги почтовым переводом получал я. И так было приятно находить время от времени в почтовом ящике перевод то на 5 руб. 80 коп., то на 7 руб. 60 коп., а то и на целых 8 руб. 95 коп. Поверьте, тогда это были хорошие деньги (моя зарплата старшего инженера-геофизика равнялась

135 рублям, а лекционных у меня иногда набегало в месяц до 25–30 рублей).

Вспоминаю я это в связи с тремя интересными последовательными публикациями в стенгазете. Начну с анализа анонимного социологического опроса 23 советских женщин, работавших в 1990 году по контракту в Монгольской Народной Республике. Естественно, анализ сделан в юмористическом ключе, так как стенгазета, в которой был опубликован материал, готовилась к 8 Марта. Те, кому будет любопытно и кто наберётся терпения дочитать до конца, наверное, согласятся со мной, что есть вечные темы, над которыми время не властно, а есть, конечно, та самая советская, а можно написать и «совковая» специфика, которая тоже видна, прежде всего в ответах анкетированных, а где-то, наверное, и в комментариях главного редактора (вашего почтового слуги).

В стенгазету к 8 Марта 1990 года

Монголия, г. Улан-Батор

В канун 8 Марта мужская половина редколлегии в очередной раз сделала попытку заглянуть в таинственный мир женской души. Сделать это решили при помощи анонимной анкеты. Аспекты анонимности весьма взволновали наших милых женщин.

А теперь, прежде чем перейти к более подробному обзору полученных ответов, позвольте немножко обобщающей статистики. Из 44 розданных анкет обратно мы получили немногим больше половины, т. е. многие пресекли нашу попытку проникнуть в тайны...

В тех же анкетах, которые мы получили, любопытно обратить внимание на наиболее часто встречающиеся слова и их производные: «свобода» — 8 раз, «любовь» — 7 раз, «работа» — 25, «муж» — 5, «квартира» — 4, «поспать» — 4, «зарплата» — 3, «деньги» — 2.

Приоритеты очевидны. Можно только гордиться нашими свободолобивыми, невысыпающимися, в вечных квартирно-денежных проблемах, но, тем не менее, всегда — женщинами.

И, в заключение, небольшое примечание к нижеследующему тексту: в скобках будут даны некоторые комментарии редактора стенгазеты, от которых он, читая ваши анкеты, не смог удержаться.

Итак, ответы на первый вопрос: «Что вы любите?»

Уже при раздаче анкет редактору справедливо дали понять, что многие бы предпочли вместо «что?» отвечать «кого?». Редколлегия, правда, подразумевала, что в вопросе эти два понятия совмещены, но, как оказалось, из-за неуточнения мы потеряли, вероятно, одну из самых интереснейших информации. Остаётся утешиться лишь изучением «что?».

Как выяснилось, любят следующее: «поесть, поспать» — 2 ответа, «путешествовать», с вариантами: «отпуск, проведённый на море», «путешествовать вообще», «тратить большие деньги» (из следующих ответов можно догадаться, на что): «бананы, шоколад», «цветы, конфеты», «селёдочку», «мороженое», «красивые вещи и землянику», «маринованные огурцы», «коньяк, шампанское и конфеты», «новые впечатления». Есть и другие приоритеты: «порядочность и надёжность», «доброту», «спорт», вариант — «спорт и песни», «танцевать», «отдыхать». В одной анкете всё же увидели в «что?» возможность и «кого?» — «мужа и детей».

Второй вопрос — антагонист первому: «Что вы не любите?»

Здесь, разумеется, редколлегия и в мыслях не держала возможность «кого?» (ведь так приятно заблуждаться...). Итак (особое внимание мужчин!) наши женщины не любят: «свое плохое настроение» (не доводите, мужики!), «открытого вранья» (лучше — «...нас возвышающий обман...?»), «работать и сельдерей» (а если работа на уборке сельдерей — вот не приведи господь-то), «табачный дым» (тов. мужчины, имейте в виду), «когда мешают», «рано вставать», «халву» (халва на завтрак — бр-р-р), «когда муж дуется» и «мыть пол» (мужики, не дуйтесь, а лучше вымойте пол — редкий случай убить двух зайцев...), «очереди» (о, да!), «зло», «напрягать мозги на тему:

любят — не любят» (этот ответ дан сразу на 3 вопроса: 2, 3, 4), «деньги» (интересная деталь, правда?), «когда муж лежит на диване и читает газеты» (мужики, трудно, что ли, пересесть в кресло?), «нестабильность во всём» (искренне сейчас вам сочувствую), «работаешь по 8 часов каждый день» (действительно, тяжело), «экономить, тратить бесцельно время» (какое редкое сочетание), «болезни», «работать» (а как же с Дарвином?..), «ложь и сок смородины» (эй, кто там из мужчин, перестаньте же, наконец, его покушать!).

Вопрос третий: «Любят ли вас?»

Ответы радуют, но — внимание, дорогие мужчины и мужья! — есть тревожный сигнал: в одной из анкет написано: «любили». Оглядитесь, мужчины, это — «SOS!». Но остальные-то, остальные! Какая экспрессия! Просто «да» — 5 ответов. Кроме этого: «да!!!», «о, да» и «надеюсь, что да» — 2 ответа; «а как же!» (с одним восклицательным знаком), «а как же!!!» (с тремя, тов. мужчины, кто не дотянул два знака — подтянитесь!). Другие варианты положительных ответов: «обожают», «местами» (правда, пикантно?), «та, кого я люблю» (?!), «любят, да ещё как!» (нет, не перевелись ещё мужчины), «несомненно, кто-то любит» (надо определиться, товарищи), «всегда», «обязательно». И один не совсем утвердительный, но несущий в себе надежду, ответ: «Может быть, ещё не вечер».

Четвёртый вопрос — в развитие предыдущего: «А как вы думаете, за что?» Конечно, было очень интересно узнать, что думают женщины по этому поводу, в смысле, насколько же они заблуждаются. Но, получив ответы, мы поняли, что в своих намерениях потерпели полное фиаско, потому что возразить на: «да я же неотразима» или «я славенькая» просто нечего. Впрочем, как и на многие другие варианты ответов: «за красоту», «за доброту», «за улыбку» (милые, улыбайтесь, ради бога, чаще), «за всё» (здорово, правда?), а вот уточнение, дающее интересный оттенок предыдущему ответу: «за всё хорошее», «просто так» (да, Господи!), «за душу нежную

и хрупкую, как цветок» (по газонам не ходить!), «во всяком случае, не за глазки, а за бодрость» (но почему же, одно другому не мешает), «за единственность и неповторимость» (как Вы правы!), «я неплохая хозяйка», «за оригинальность», «за весёлый нрав и доброжелательность», «за химическую завивку» (а если парикмахерская на ремонте?), «за то, что есть», а вот одно ма-а-ленькое уточнение в следующем ответе: «за то, что я есть».

И наконец, ответ, который, не скрою, понравился редактору (большому любителю КВН) больше всего: «Думаю уже 7 лет, но версии — никакой» (Браво!!!).

Ответы на следующий вопрос: «О чём вы мечтаете?» переносят нас в мир женских грёз наяву. За мной, читатель, и мы покажем вам сказочный мир (плагиат из Булгакова) женской мечты.

Мечтают «о возрождении нашей Родины» и «о квартире и уюте в ней» (в пределах возрождённой Родины), «побывать в Японии, Франции» (да, губа...), «о хорошей жизни в рамках СССР», «уже ни о чём» (Тревога! Свистать всех наверх!), «чтоб мой сын стал знаменитым художником» (искренне желаем осуществления), «о светлом будущем», «полетать на дельтаплане» (мы тоже хотим), «чтобы много воды, немного солнца, а в радиусе 10 км — никого» (но хоть на границе вашей 10-мильной зоны вы позволите находиться?), «хорошей жизни» (как мы вас понимаем), «о свободе выезда и въезда» (из квартиры?), «о ежедневной вкусной и здоровой пище — книга на эту тему есть» (советуем начать собирать «Кулинарии мира»), «посмотреть мир» (а себя показать?), «выспаться» и ещё «о круизе на теплоходе по Индийскому океану» (а если совместить?), «о счастье с большой буквы» (а написала с маленькой...), «о Париже» (о, да, мадам), «выйти замуж за шофёра» (крепче за баранку держись, шофёр!), «о хорошей квартире и человеческих отношениях» (в рамках квартиры?), «чтобы всем жилось хорошо» (спасибо, товарищ!), «о выходе в космос» (надеемся в рамках скафандра?) и, наконец, «о любви» (без комментариев).

Ответы на шестой вопрос: «Что вам чаще всего снится?» дают возможность попасть в не менее волшебный мир настоящих грёз. Ещё великий Фрейд утверждал, что сновидения — суть отражений реального мира, а иногда — и возможность предвидения. Что касается отражений, то тот же проклятый продовольственный вопрос отражается очень реально. Нашим бедным женщинам во сне являются «сосиски, ветчина», «в Монголии (?) — хорошее мясо» (интересно, а что снилось в Союзе?).

Определённое отражение находит и нерешённый квартирный вопрос: «хорошая квартира», «новые квартиры» (во сне, вероятно, богатый выбор: «роскошная вилла на берегу Средиземного моря», ну что ж, на то и сон...), но сны — это мир фантастический, поэтому не удивительно, что снится: «страна в изобилии» (интересно, это наша страна?), «фантастика», «майские вечера», Австралия (как хочется тоже увидеть), «река», «радуга», «молодость», «детство» и более полно — «детство, отрочество и юность».

К сожалению, этот волшебный мир доступен не всем: «Я очень люблю спать и не трачу время сна на сновидения» (может, всё-таки, попробуете — виллы, радуга, сосиски, ветчина — разве не заманчиво?), «чаще без сновидений» и, наконец, — полнейшее совпадение сновидений с отражённой реальностью: «в основном — кошмары».

МЕЧТЫ ИНОГДА СБЫВАЮТСЯ

В Монголии я проработал почти десять лет — с 1981-го по 1991-й.

Первые пять лет я ездил только на полевые сезоны. Обычно из Ленинграда через Москву и далее в Улан-Батор. Улетали в апреле-мае, возвращались в октябре-ноябре. А с 1986 года (если быть точным, с июля) по июль 1991-го я работал по пятилетнему контракту в Монголии круглогодично.

Тогда, кстати, бытовала такая присказка: «Курица — не птица, Монголия — не заграница». Имелись в виду так назы-

ваемые «материальные блага», которые получали советские граждане, работавшие за рубежом. Часть зарплаты от зарубежной командировки мы получали в чеках Внешторгбанка СССР. Ими можно было отовариваться в специализированных магазинах «Берёзка». За рубежом народ обычно покупал всё то, что не производила советская промышленность. По этим критериям Монголия как раз и не считалась полноценной «заграницей». Но это смотря кому и с чем сравнивать.

Должен сказать, что годы, проведённые в Монголии, у меня до сих пор ассоциируются с ощущением, что это время я прожил при коммунизме.

Почему так?

Представьте себе: полгода мы жили в комфортабельных квартирах, полностью обставленных. В каждой квартире — хороший телевизор, холодильник. Причём по габаритам и по площади квартиры были, мягко говоря, не такими, как в «хрущёвках» или блочных домах. Они явно превосходили и квартиры в домах знаменитой 337-й серии, которые на тот момент, по крайней мере в Ленинграде, очень котировались. Треть зарплаты действительно можно было переводить на чеки. Остальные две трети — тратить по своему усмотрению.

Я лично много тратил на книги, впрочем, не я один. Те книги, которые в СССР можно было достать либо из-под полы, либо по так называемым «макулатурным» талонам, свободно продавались в книжных магазинах Монголии. И подписаться можно было на любое издание, выходящее в Советском Союзе. Деньги (тугрики) лежали в серванте, в баре на стеклянной зеркальной полочке. За все пять лет я не помню случая, чтобы в день полочки на этой полочке ничего не оставалось. То есть деньги от полочки до полочки не заканчивались. При этом покупались не только книги, но и многие другие товары: одежда, посуда и прочие нужные вещи.

Мы жили в третьем-четвёртом микрорайоне Улан-Батора — в нескольких современных девятиэтажных домах. Кстати, сейсмоустойчивых, готовых выдержать землетрясение до девяти баллов. Дома были огорожены изящной решёткой. Имелось КПП, где постоянно дежурили сначала советские

сотрудники, а в последние перед концом СССР — монголы. Местным жителям (не всем, естественно, подряд) выдавались специальные пропуска для посещения магазинов на территории нашего городка.

Один магазин был продовольственный, один — промтоварный. В продовольственном продавалось всё, что, наверное, в Советском Союзе имелось только в так называемых распределителях для начальства. Или — на столах заведующих крупными гастрономами. Шоколад, кондитерские изделия, любые консервы, колбасы, сыры, икра, спиртные напитки, фрукты, компоты, джемы... Продолжать можно до бесконечности. Одним словом, купить можно было всё, что угодно.

Теперь несколько слов о том, как была организована работа в камеральный период. Камеральный период у геологов — это время обработки полевых данных, обычно это зима. Год делился на две половины. С начала апреля, когда уже было тепло и прекращались пылевые бури, мы выезжали в поля.

За десять лет я в прямом смысле слова прошёл ногами всю Монголию. Нет ни одного аймака (это, по-нашему, область) или сомона (по-нашему, район), где бы я не побывал. С апреля по ноябрь все мужчины находились в полях. Жёны работали на камеральной обработке.

Я работал в аэропартии. Мы искали уран. У нас имелся самолёт Ан-2 со специальной аппаратурой. Он фиксировал радиоактивные аномалии. На специальных лентах писали перьями самописцы. Потом эти данные плюс данные аэрофотосъёмки расшифровывались в Улан-Баторе нашими жёнами. Потом эти данные переправлялись к нам в поля, и уже наземные отряды (а я как раз в таком наземном отряде и работал) ездили проверять аэроаномалии. Нужно было понять, с чем они связаны: то ли это породная аномалия, то ли действительно месторождение урана либо других радиоактивных полезных ископаемых.

Про поля я расскажу отдельно.

А сейчас о том, как был устроен наш быт в осенне-зимний период.

На территории городка моя квартира находилась в конце проулочка. Окна выходили прямо на КПП. Мне всегда было хорошо видно, кто уехал, кто приехал, кто пришёл, стоит ли автобус у КПП. Работа начиналась в 9 утра. В 8:50 я брал свою дочку Иришку за руку и отводил на первый этаж своего же подъезда в детский сад. Потом шёл к соседнему дому, поднимался на лифте на девятый этаж. Там в обычных квартирах были устроены камеральные, или, как бы сейчас сказали, офисные помещения. Мы работали до обеда, до часу дня. Была ещё добрая традиция: в 11 часов пить чай, причём у себя дома. Всё рядом.

В час дня шли на обед. Мы забирали дочку из детского сада на первом этаже, поднимались к себе, обедали. Потом опять отводили дочку в детский сад, возвращались на работу.

В соседнем с нами подъезде на первом этаже был огромный продовольственный магазин, в котором, как я уже говорил, было всё. В доме, который стоял рядом с большой баскетбольно-хоккейно-футбольной площадкой, тоже на первом этаже находился большой промтоварный магазин. Там женщины покупали разные, в основном, импортные (польские, чешские, румынские, иногда — финские) модные на тот момент «тряпки». Этот процесс, должен сказать, доставлял им огромное удовольствие. Всегда находилось что-то для них интересное. Но два раза в месяц был специальный завоз — привозили какие-то особенно замечательные товары. Их, правда, можно было купить только по «бичику». «Бичик» по-монгольски — это разрешение, талончик. У женщин была какая-то своя сложная система распределения этих «бичиков». Мужики в это дело не влезали. Нам это было абсолютно не интересно. Вот книжные магазины — другое дело. Со свежими (обычно — однодневной давности) советскими газетами и журналами тоже не было никаких проблем. Они продавались свободно.

В пять часов работа заканчивалась.

Кто-то шёл домой, а кто-то — на КПП, где стояло несколько автобусов. На одном можно было поехать в другой советский городок. Он назывался Сот-3 (по-моему, это сокращённо от «строительного отряда»). Там находился огромный спортив-

ный комплекс с бассейном, тренажёрными залами, с закрытым полем для мини-футбола, баскетбольными, волейбольными площадками и так далее. Второй автобус отвозил всех желающих на центральную площадь Улан-Батора. Там находился Ленклуб (Ленинский клуб). Это, если по-простому, советский Дом культуры, где каждый вечер демонстрировались самые последние фильмы из Советского Союза, а иногда и иностранные. По выходным в клубе выступали с концертами известные советские артисты. Ещё там имелся большой книжный киоск, буфет и многое-многое другое. А два-три других автобуса развозили всех желающих, в основном женщин, по другим магазинам.

Вот такая была организованная жизнь.

Если забыть про тоску по Родине, отвлечься от постоянного ощущения, что ты всё-таки в чужой стране, то, в общем-то, почему бы и не коммунизм?

...Я всегда любил политику. В своём родном Ленинграде, а позже — в Свердловске был активным лектором-международником общества «Знание».

Я даже посещал закрытые семинары, на которые приезжали лекторы из ЦК КПСС (хотя и не был коммунистом).

Однажды меня по особому списку пригласили на такой семинар в Дом политпросвещения в Ленинграде. Я уже два года был лектором-международником в Невском районе (там размещалось НПО «Рудгеофизика», в котором я работал).

И вот, помню, сижу я в зале, слушаю и конспектирую выступление. Оно, кстати, было довольно интересным. Естественно, идеологически выверенным, но более откровенным, что ли. В самый драматический момент, пересказывая перипетии прихода Бабрака Кармаля к власти в Афганистане, московский лектор, вдруг понизив голос, произнёс: «А теперь я хочу вам сказать, как коммунист коммунистам...»

У меня холодок побежал по спине. Я незаметно оглянулся (мне показалось, что все сейчас строго посмотрят на меня), потому что я, наверное, единственный был не коммунист в этой аудитории. Никому даже в голову не могло прийти, что среди них затесался самозванец.

...Здесь следует уточнить, что коммунистом я не был не из-за идеологических разногласий с КПСС (я, как и многие, был дитя своего времени), а по абсолютно банальной причине. Я был комсомольцем, даже секретарём комсомольской организации, вернее, замом секретаря комсомольской организации НПО по идеологии. Окончил специальные годичные лекторские курсы, регулярно посещал курсы повышения квалификации.

Когда мне исполнилось двадцать восемь лет, я пришёл в партком нашего института и сказал, что хотел бы вступить в партию. Там очень обрадовались и сказали: «Сергей, ты такой активный комсомолец, нам такие как раз и нужны».

Отлично!

Но тут выяснилось, что не всё так просто.

В наше НПО (научно-производственное объединение) входили институт ВИРГ — Всесоюзный институт разведывательной геофизики — и завод с простым названием «Геолого-разведка». На нём производилась геофизическая аппаратура. Мне предложили отправиться на завод и сагитировать четырёх рабочих, чтобы они подали заявления в партию. Тогда и меня примут, потому что существует «квота»: четверо — «от станка», один — от ИТР. Мне объяснили, что КПСС — партия прежде всего рабочего класса, поэтому должна соблюдаться определённая пропорция.

Я с удивлением смотрел на секретаря парткома: вроде умный мужик, а такую фигню мелет. Я, естественно, ему не сказал, что никогда не пойду никого агитировать, но понял, что не видать мне партии, как своих ушей, век куковать беспартийным.

Но, если честно, абсолютно из-за этого не расстроился.

Точно так же, как и из-за того, что так и не могу вспомнить, что сказал на том семинаре московский лектор, «как коммунист коммунистам»...

1989 год — разгар перестройки.

Все минусы борьбы с пьянством, утверждения в обществе здорового образа жизни мы уже вкусили на себе. Монголы всё «слизывали» со старшего брата (СССР). «Архушка»

(монгольская водка-архи — она, в отличие от нашей, не сорок, а тридцать восемь градусов) стала огромным дефицитом. На праздниках народ маскировал спиртное в чайниках. «Чай» мы иногда начинали пить на ранних стадиях застолья, удивляя присутствующих высокопоставленных партийных работников своим весельем и свободным полётом мыслей...

В этом году проходили выборы народных депутатов СССР на альтернативной основе. Я уже говорил, что мы покупали все газеты. А я, кстати, выписывал, обратите внимание, многие популярные журналы и газеты Советского Союза. Даже из своего родного города — «Ленинградскую правду».

Газеты приходили по подписке обычно с двух-трёхдневной задержкой, журналы опаздывали на одну-две недели. «Ленинградская правда» приходила тоже с двухнедельной задержкой. Читал я и просматривал всё. Нужно сказать, что газеты в период перестройки были очень интересными.

Мы засматривались программой «Взгляд». Разница с московским временем была четыре часа, передачи заканчивались глубокой ночью, но мы всё равно смотрели, а днём, во время камеральных работ, обсуждали увиденное и услышанное.

Но это всё было осуществимо только в Улан-Баторе, когда мы там жили, то есть в конце осени, зимой или в начале весны.

Когда мы уезжали в поля, там, конечно, не было никаких телевизоров.

Я уже знал, что 25 мая 1989 года в Кремле откроется первый Съезд народных депутатов СССР, впервые избранных на альтернативной основе в условиях, можно сказать, почти полной демократии. Хотя на тот момент приснопамятная шестая статья Конституции СССР отменена не была. Мне было известно, что депутатом избран академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Многие другие фамилии тоже были известны из газет, журналов, из телевизионных новостей.

У меня появилась мечта — увидеть в прямой трансляции (об этом тоже было объявлено) съезд своими глазами. Ну, мечтать не вредно, как в таких случаях говорят. В конце апреля мы уже выехали в поле. Отрабатывали западные аймаки Монголии, потом работали в Ховдинском аймаке. Это район

так называемой котловины Больших озёр. Кстати, именно там, по крайней мере в то время, находился всемирный эталон чистоты воздуха. В Монголии вообще мало промышленных предприятий, а в Западной Монголии их совсем не было. Поэтому воздух там действительно поразительно чистый. Однажды на маршруте, взобравшись на какую-то горушку, я увидел раскинувшуюся передо мной бескрайнюю долину, а где-то там, на краю — одиноко стоящую гору. По форме, по конусу, было видно, что это бывший вулкан. Я прикинул на взгляд расстояние (а опыт у меня уже был). Решил, что до неё максимум километров сорок. Каково же было моё удивление, когда, вынимая один планшет за другим (мы работали по картам Генерального штаба стотысячного масштаба), я понял, что на самом деле до этой горы... сто двадцать километров! Вот такая чистота воздуха...

Возвращаюсь к своей мечте — посмотреть в прямом эфире Съезд народных депутатов СССР.

С конца апреля я находился в городе Ховде (его иногда называли Кобдо, там у нас была стационарная база — щитовые домики, большой автопарк, большие склады). Оттуда мы выезжали непосредственно на полевые работы. Весь май шла подготовительная работа. Несколько раз мы ездили искать место для будущего лагеря. С середины мая начал регулярно летать наш борт. Мы уже поставили юрты и палатки в двухстах километрах от Кобдо, можно сказать, в чистом поле.

На тот момент я исполнял обязанности начальника отряда и занимался доукомплектованием оборудования: получал на складах батарейки, проверял аппаратуру, наблюдал за ремонтом наших машин, в частности «уазиков» — УАЗ-469.

Это был первый сезон, когда у нас начались интересные новшества...

В Советском Союзе шла перестройка. Что-то похожее начиналось и в Монголии. В начале полевого сезона 1989 года поступила команда привлекать к работе местные кадры. Энтузиазма это у нас никакого не вызвало, но приказ есть приказ. Видимо, наша братская интернациональная помощь должна была заключаться не только в поиске полезных ископаемых,

но и в обучении рабочим профессиям наших монгольских друзей.

Выяснилось, что местные кадры у нас будут работать водителями и полевыми рабочими.

Мне в отряд дали одного водителя на ГАЗ-66, одного — на «уазик», и ещё дали одного рабочего. По-русски ребята говорили, мягко говоря, плоховато. Но я уже сам мог говорить немного по-монгольски, кое-что понимал. Они тоже простейшие русские слова знали. Поэтому общались нормально.

23 мая мы получили из ремонтных мастерских подлатанный «уазик». Загрузили продукты и несколько дополнительных палаток в ГАЗ-66. В «уазик» — за заднее сиденье — загрузили только что полученные дефицитные батарейки для приборов и пару отремонтированных накануне радиометров.

Пришла пора выдвигаться.

На получение всего вышеперечисленного, на оформление кучи документов ушёл практически весь день. Мы прикинули, что двести километров преодолеем за четыре с половиной часа, поэтому решили выехать не позже четырёх. Примерно так и получилось.

Перед самым отъездом я зашёл в контору. В приёмной начальника экспедиции секретаршей работала его жена. Была она женщиной доброй. Годиков ей было уже немало. Почему-то она меня привечала. Мне нужно было подписать какую-то бумагу, и я минут пятнадцать сидел в приёмной, ждал, пока начальник экспедиции освободится.

Пока сидел, делать было нечего, я смотрел по сторонам. Обратил внимание на объявление на стене: «Наш телефон...» Там был, по-моему, четырёхзначный номер телефона, видимо, приёмной. Не знаю почему, но я вынул свою пикетажку (пикетажка от слова «пикет» — блокнот для записи геофизических данных на маршруте) и записал этот номер.

Я работал в Монголии не первый год, знал прекрасно эту базу. Почему мне пришло в голову записать телефон — не знаю. Связь у нас всегда была по рации. Два раза в сутки (в восемь утра и в восемь вечера) каждый начальник отряда,

где бы он ни находился, должен был выйти в эфир, связаться с Ховдом, а если требовалось, и с Улан-Батором, и доложить, как идут дела.

Кстати, позывные были такими: «Озеро» — экспедиция и база экспедиции в Улан-Баторе. «Озеро-1» — Ховд. А дальше шли отряды: «Озеро-2» — лётный отряд, «Озеро-3» — первый наземный отряд, «Озеро-4» — второй наземный отряд и так далее. У меня всегда был позывной «Озеро-3». Ну, это так, к слову.

Получив свою бумагу, я пошёл к гаражу.

С моим новым монгольским водителем я познакомился два дня назад. Накануне весь день я смотрел, как он ездит. Это меня, мягко говоря, не вдохновило. И дело даже не в том, что вёл он не очень уверенно, меня «убивала» одна особенность, которую я замечал, кстати, за многими монгольскими водителями. Может, от привычки скакать на коне, а может, по какой-то другой причине его левая нога, которая обычно должна находиться на полу рядом с педалью сцепления, была под сиденьем. Педали сцепления, газа и тормоза он всегда нажимал только правой ногой. Но это же УАЗ-469, автоматической коробки передач у него нет, нужна и «перегазовка», и, когда с места трогаясь, нужно одной ногой нажимать на сцепление, а другой давать газку. Может, когда трогался, он так и делал, но когда просто ехал, левая его нога совершенно точно была под сиденьем.

Ну, да ладно.

Тронулись.

Километров сто проехали хорошо. Миновали кочкарник вдоль озера Хубсугул, какой-то небольшой населённый пункт. Впереди показалась красно-чёрная гора. Это было очень приметное место. Вытянутая на фоне неба гора казалась как будто рассечённой по диагонали: левая часть — чёрная (это были базальты), а правая — красная (это были граниты). Очень красивое было место.

За горой — излучина речушки, в которой водился хариус. Мы часто там останавливались, закидывали спиннинги — мы их всегда возили с собой.

И сейчас остановились, сделали несколько забросов, но увидели, что вода мутноватая. Видимо, недавно прошли дожди. Поэтому решили здесь не задерживаться. Нам ещё оставалось езды где-то часа на два — два с половиной.

Я сидел на переднем пассажирском сиденье. Дорога была довольно тряская. Я держался рукой за ручку, приваренную к «торпед» «уазика». Сзади телепался, подпрыгивая до потолка, монгол-горнорабочий. Геолог Коля Исаев ехал в ГАЗ-66. За рулём там тоже был местный товарищ, но они, похоже, от нас отстали.

Ехали мы, понятное дело, не по асфальту. Дороги почти везде только грунтовые. Иногда довольно хорошие. Можно развивать скорость почти до ста километров. Больше «уазик» правда, и не вытягивал. Часто встречалась гребёнка. На большой скорости и по ней проскакивали неплохо...

Когда мы отъехали от базы километров на тридцать, я попросил остановиться. Вышел и по старой привычке обошёл машину, потрогал ступицы. На передних колёсах они были горячие, но не сильно. Я знал, что на машине поменяли колодки. Механики должны были их отрегулировать, но меня всё-таки что-то смущало.

На стоянке за горой я спросил у водителя: «Ты можешь немножко свести колодки? Знаешь, как это делается?»

Он уверенно закивал головой, взял ключ, залез под машину, немножко там пошурудил, и мы поехали дальше. Проехав несколько километров по кочкарнику (по нему мы ехали на второй скорости), выбрались на основную трассу.

Основные трассы в Монголии — довольно интересное явление, потому что это скорее не дороги, а направления. В Монголии много степей и равнин, поэтому дорога, обозначенная на карте одной линией, на местности представляет собой полосу иногда километра в четыре. В этой полосе больше сотни колеёй, можно выбирать любую, какая больше нравится.

На небольшом перевале той самой чёрно-красной горы было сужение — всего лишь одна накатанная дорога. Когда мы выскочили на неё, я заметил, что водитель поддал газку. Скорость была километров пятьдесят в час. Он явно собрался

перейти на четвёртую скорость, потому что рука его лежала на рукоятке переключения...

Всё произошло в одно мгновение.

Мне показалось, что машина как будто на долю секунды упёрлась во что-то невидимое. Потом «уазик» пошёл на кувырок через радиатор. Честно скажу, несмотря на то, что длилось это считанные секунды, я очень хорошо помню, как мы перевернулись раз, пошли на второй кувырок... Помню, что я, видимо, машинально, сгруппировался. Рукой я держался за вышеупомянутую ручку, а голова была где-то в коленях.

Когда машина пошла на третий кувырок, в голове у меня не пронеслась, как обычно пишут, а довольно спокойно возникла мысль: «Скорей бы всё это закончилось!»

Закончилось буквально через секунду.

Как потом я понял, между вторым и третьим кувырком меня выбросило из машины. Я пролетел вперёд, пропахав мордой и брюхом кусты верблюжьей колючки. Машина сделала ещё один кульбит и встала на четыре колеса буквально в метре от меня.

Я вскочил (если быть честным, встал), весь ободранный, лицо в крови. Но при этом понимаю, что вот стою. Чувствую: правая рука не двигается. Почему-то она стала длинной. Кисть висит ниже колена. Но это всё я заметил, так сказать, на ходу, потому что услышал, что мотор машины продолжает работать.

Я обежал машину. Водитель сидел за рулем весь в крови, но живой. Я крикнул ему: «Глуши мотор!»

Он не отреагировал.

Тогда я просунул левую руку и выключил зажигание. Мотор заглох. Второй боец-монгол сидел метрах в десяти, раскачивался и стонал. Я не понял — то ли он уже успел выйти из машины, то ли его тоже выбросило.

«Уазик» с разбитым капотом, выбитыми фарами, полностью смятым брезентовым тентом и стойками стоял на четырёх колёсах. Подъехал Коля на ГАЗ-66, выскочил из машины:

— Что случилось?

Я показал на «уазик»:

— Да вот, перевернулись.

А он смотрит и не понимает: машина стоит на колёсах, а то, что нет верха, тента, он не сразу заметил. Наконец, до него дошло. Стали вытаскивать водителя-монгола. Увидели, что у него здорово разбита голова и течёт кровь. Коля побежал за аптечкой, достали бинт, вату, перебинтовали рану, что есть силы. У второго кровь текла откуда-то из предплечья, но не сильно.

Тут уже я начал командовать:

— Коля, оставайся у машины, там всё-таки приборы. — Обратился к парнишке-монголу: — Можешь подняться? Давай в кузов.

Он полез в кузов ГАЗ-66. Монгола-водителя, который был в сознании и мог передвигаться, хотя видно было, что он не в себе, посадил на пассажирское место. Сам заскочил в кузов, сказал водителю ГАЗа: «Гоним обратно в сомон».

До сомона было километров тридцать. Приезжаем туда, оказывается, там был медпункт. Монголка, медсестра или врачиха, кинулась ко мне. Я сказал, что со мной делать ничего не нужно — помоги парню-монголу. Она сняла с его головы намоченную от крови повязку. Я увидел сквозь кровь кость черепа. Мне стало не по себе. Она стала накладывать новую повязку.

Я спросил: «Есть у вас телефон?»

Телефон был.

Из своей полевой сумки достаю пикетажку, в которой записал номер телефона приёмной экспедиции, смотрю на часы: ровно семь. Молю Бога, чтобы кто-нибудь оказался в конторе.

Трубку снимает жена начальника экспедиции. Я ей говорю: так и так, попали в аварию, у меня что-то с правой рукой, монголу плохо, у него, похоже, пробита голова, второй тоже ранен, но видимых переломов нет. У разбитой машины в тридцати километрах от сомона оставил Исаева.

Она захохла, запричитала, попросила узнать номер телефона, с которого звоню. Я назвал. Она сказала, чтобы я находился рядом с телефоном, сейчас мне перезвонят. Через десять минут раздался звонок, сказали, что к нам летит (оказывает-

ся, в этом сомоне был маленький аэродромчик, но это не проблема, потому что там почти в любом месте можно посадить самолёт) борт Ан-2.

Потом нас загрузили в самолёт, мы прилетели в Ховд. Там нас на машине быстро отправили в городскую больницу.

У парня-водителя начали обрабатывать рану — вынули осколок кости, а потом без затей — без наркоза — стали зашивать рану. Нужно отдать должное монгольскому парнишке — эту экзекуцию он перенёс мужественно. Затем его увели в палату.

Второй монгол почти не пострадал, только небольшие царапины.

Врач, который, как оказалось, учился в Союзе, пощупал мою руку и сказал: «У тебя вывих, сейчас будем вправлять».

Вправлять так вправлять.

Потом добавил: «Но сначала сделаем укол».

На стене висел деревянный шкафчик со стеклянными дверцами, весь засиженный мухами. На одном из стёклышек был нарисован красный крест. Врач открыл эту дверцу, достал оттуда нечто, завёрнутое в очень несвежую, когда-то, видимо, белую тряпку, развернул её, и я увидел шприц. А я уже читал и слышал о СПИДе! Наверное, этим шприцем разве что прививки овцам не делали, а теперь вот мне будут делать укол.

Я сказал:

— Нет, не надо укола.

Врач предупредил:

— Будет очень больно.

Я ответил:

— Ничего, потерплю.

— Как хочешь.

Всё это происходило в комнате с кафельным полом. Наверное, то была процедурная. Он обратился к санитарке по-монгольски, и она принесла байковое вонючее одеяло, постелила на пол. Врач сказал, чтобы я ложился. Я лёг. Он сел с правой стороны от меня, лицом ко мне, стал снимать ботинки. Я уже сказал, что одеяло было не первой свежести, но когда он снял ботинки, атмосфера в комнате совсем сгустилась.

Я не понимал, что врач собирается делать, пока он не начал пристраивать свою ногу мне под мышку. Двумя руками он взялся за кисть моей правой руки и предупредил: «Держись!»

И что есть силы дёрнул.

Похоже, я на долю секунды потерял сознание.

Врач встал, что-то потрогал у меня на плече, остался недоволен и снова стал присаживаться.

Тут, на счастье, прибежал с базы наш штатный отрядный медсанбрат Мишка Мазуренко. У него по-деловому через плечо была перекинута брезентовая сумка с красным крестом, в которой он всегда носил какие-то лекарства.

— Что вы тут делаете? — спросил он строго у врача-монгола.

— Да вот, вправляю.

Мишаня посмотрел на меня. По его глазам я понял, что выгляжу, мягко говоря, не очень.

Врач ещё раз упёрся правой ногой мне в подмышку, взял меня за кисть и дёрнул.

Я вспомнил, как минут пятнадцать тому назад по живому, без всякой анестезии зашивали кожу на голове водителя. Тот не проронил ни звука. Я тоже стиснул зубы, но сознание, похоже, опять потерял. Потом услышал спокойный, но не терпящий возражений голос Мишани: «Знаете что, завтра утром прилетит борт из Улан-Батора. Серёгу повезут в советский госпиталь. Я думаю, потерпит он до утра». Я с благодарностью посмотрел на Мишаню. Потом меня отвезли на нашу базу.

Я пошёл ночевать к своему приятелю — водителю из автопарка — Коле Довбенко. Я у него часто останавливался, когда был в Ховде. Вечером приехал начальник экспедиции, сказал, что заказал транспортный борт Ан-24. Утром меня отправят в Улан-Батор. Рассказал, что, похоже, дело действительно в колодках. Машину уже везут обратно, говорят, что заклинило переднее левое колесо.

Наверное, так и было. Я помню, что мы пошли на кувырок через левое переднее колесо.

Потом начальник экспедиции спросил у меня: «Как ты догадался по телефону позвонить?»

Я рассказал.

Дело в том, что если бы я сообщил про это ДТП по рации (впрочем, рация была только в отряде, а мы туда не доехали), то об этом уже знало бы всё начальство, потому как всё, что говорится в эфире, прослушивается. А я звонил по внутренней монгольской телефонной связи. Так что никто, кроме начальника экспедиции, не узнал об этом ЧП. Как я понял, он и не хотел, чтобы эта история стала достоянием широкой аудитории.

Но и я тоже не был особенно в этом заинтересован. Пожав мне с чувством левую руку, начальник экспедиции ушёл.

Ночью я, помню, не спал.

Утром прилетел борт. Через три часа приземлились в Улан-Баторе.

На поле уже стояла «скорая помощь» из нашей советской больницы. Меня отвезли туда, сделали рентген. Врачиха, рассмотрев снимки, долго качала головой и удивлялась: «У вас вообще-то ключица сломана и порваны связки. Я всякие травмы видела, но такой измочаленной связки я никогда не видела».

Я удивленно спросил:

— Разве у меня не вывих?

— При чём здесь вывих? У вас связка порвана.

Я рассказал, как монгольский врач вправлял мне вывих.

Меня запаковали в гипс.

Поздно вечером 24 мая я был у себя в улан-баторской квартире.

На следующий день, 25 мая 1989 года, в 14 часов по местному времени счастливый, весь в гипсе, лёжа на родном диванчике, я смотрел в прямом эфире открытие первого Съезда народных депутатов Советского Союза.

Иногда мечты действительно сбываются!

Хотя и не совсем так, как нам хочется...

НАЧАЛЬНИК ЛЁТНОГО ОТРЯДА

Все годы в Монголии я работал геофизиком в наземном отряде.

Наша задача была проверять аэроаномалии. Они обнаруживались специальными приборами — аэрогаммаспектрометром и магнитометром, установленными на обычном «кукурузнике» — самолёте Ан-2.

В аэропартии был элитный, как мы его называли, лётный отряд. Очень многое зависело от этого отряда. Сколько «квадратов» они налетают в сезон, не говоря об аномалиях. Летали они над территорией абсолютно не исследованной. Чаще всего она была совершенно «пустой». Иногда же попадались редкие, уникальные аномалии (когда «звенит», как мы говорили). Они, эти аномалии, могли в конечном итоге вывести на настоящее месторождение.

Начальником лётного отряда все эти годы был Толя Степанищев. К сожалению, он погиб несколько лет назад в Екатеринбурге в нелепой автомобильной катастрофе. Человек был золотой. Его жена, Галя Степанищева, работала в Улан-Баторе в камералке вместе с другими жёнами наших полевиков. Она как раз занималась разноской оцифровки и подготовкой карт содержания радиоактивных элементов.

И вот однажды, по-моему, это было году в 1985 или в 1986-м, в начале августа, после дня ВДВ (2 августа) меня срочно из нашего наземного отряда вызывают в Улан-Батор, причину не объясняют.

Я прилетаю.

Руководство экспедиции и аэропартии извещают меня, что Толя Степанищев по семейным обстоятельствам срочно должен уехать в Союз, а я до конца сезона назначаюсь исполняющим обязанности начальника лётного отряда.

Честно говоря, это решение вызвало у меня удивление и, прямо скажем, не обрадовало.

Дело в том, что у нас были тёплые, дружеские отношения с бортоператорами — «Шурцами», — с экипажем. Бортоператорами в аэропартии работали Саша Шевела (Царство ему Небесное) и Саня Куксов. Они всегда держались вместе, поэтому и кличка у них была общая — Шурцы.

Да почти всех из лётного отряда я хорошо знал и прекрасно понимал, что логичнее было бы назначить и. о. начальника

лётного отряда кого-то из бортоператоров, из Шурцов. Но, наверное, начальство рассудило иначе. Бортоператоры непрерывно летают, а кто-то должен организовывать всю деятельность лётного отряда, заниматься хозяйством, самое главное — добиваться выполнения плана. И почему-то решили, что старший геофизик наземного отряда, то есть я, безусловно, с этими задачами справится.

Выслушав напутственные слова начальника аэропартии: «Ты там подтолкни ребят, а то уже неделю не летают — то на погоду ссылаются, то ещё на что-то, похоже, нет у них трудового энтузиазма. А план надо выполнять!» — на перекладных поехал я в место расположения лётного отряда.

Когда приехал в отряд (а там уже знали, что к ним едет «реvizор»), то застал такую картину.

Лагерь, как обычно, представлял собой три щитовых домика, несколько вагончиков — они стояли прямо на колёсных шасси. Колёса были вкопаны в землю, чтобы ветром не сдуло. Работал дизель, дающий электричество, естественно, рядом была взлётно-посадочная полоса. К счастью, в Монголии с этим проблем не было.

Лагерь встретил меня нерабочей тишиной и, прямо скажем, нетрезвыми, якобы радостными восклицаниями членов отряда. Это мне сразу, конечно, не понравилось. Начал принимать дела, осматривать, что называется, хозяйство. Заодно слушал невнятные пояснения Шурцов и других членов отряда. Увидел запертую дверь домика Петра Ивановича Коробицына — нашего фотолаборанта, на которой, естественно, висела табличка «Не входите! Идёт проявка!».

Я безошибочно определил, что источник «алкогольной радости» находится именно в этом домике. И не ошибся. «Гудел» отряд уже третий или четвёртый день, причём начали «гудеть», когда не было погоды и отряд вынужден был «сидеть». Но уже второй день погода была, а брагулька, похоже, не кончалась, и народ продолжал праздновать.

Когда зашёл к экипажу, увидел, что командир спит. Второй пилот (очень шептунной) радостно предложил мне выпить

брагульки. Штурман сидел и меланхолично играл на гитаре. Судя по репертуару, ему было тоже «хорошо», точно так же, как и Шурцам.

Бросив вещи, узнав, что с питанием, что с соляжкой, бензином, заслушав тех, кто не участвовал в затянувшемся пиршестве, я понял, что ситуация непростая. Отправив радиограмму, что я прибыл на место и принял управление лётным отрядом на себя, пошёл к домику Петра Ивановича. Сделал я это так, чтобы остальные члены отряда не видели. Уж не помню, как, и хитростями, и угрозами, я всё-таки добился, чтобы Пётр Иванович мне открыл.

Он был, прямо скажем, никакой. В большом фанерном ящике, на котором виднелась надпись «Фотохимикаты», я обнаружил три сорокалитровых алюминиевых бидона. Один был с готовой брагулькой. Там содержимого оставалось примерно наполовину. Второй был недавно заправлен, и там только начинало пузыриться. Третий, видать, должен был поспеть к следующему дню.

Я очень строго сказал Петру Ивановичу, дескать погуляли и хватит, через месяц с небольшим погода испортится, пойдут дожди. Нужно успеть сделать план.

Мы вынесли к краю небольшого овражка все три бидона, и под горькие причитания Петра Ивановича я вылил всю брагульку в овраг.

Заперев Петра Ивановича (причём снаружи) в домике и тем самым избавив его от искушения немедленно побегать и рассказать о «несчастье» жаждущим добавки лёликам, я пошёл в домик к экипажу, где находились и Шурцы. Они как раз сидели и допивали то, что у них ещё было. Они мне предложили вместе пойти к Петру Ивановичу, взять у него ещё трёхлитровую баночку и как следует отпраздновать моё новое назначение.

Нужно сказать, что я за все мои восемнадцать полевых сезонов выработал одно очень хорошее правило. Когда выезжал в экспедицию, в поле, я устанавливал для себя абсолютно «сухой» закон. Позволить себе праздновать Новый год, День геолога, 7 ноября или Первомай я мог только, когда находился

в городе — в Улан-Баторе — или в отпуске в Ленинграде, но никак не в «поле».

Начинать воспитательную беседу с моими хорошими друзьями и приятелями, вместе с которыми я во время зимнего камерального периода душевно отмечал самые разные праздники, как сейчас помню, было непросто. Но я её начал.

Я сказал: «Мужики, кончаем валять дурака. Сегодня выспайтесь. Если завтра (памятуя, что уже четыре дня экипаж «гуляет») будете болеть — отдыхайте, но никакой опохмелки! Послезавтра вылет во что бы то ни стало. Я вас буду обеспечивать всем необходимым».

Тут я услышал всё, что они обо мне думают. Очень много интересного я узнал о себе, о своих родственниках. Одним словом, хорошо всем известный набор аргументов людей, которым объявили, что праздник закончился. Кое у кого даже (после того, как я сообщил, что всю брагульку вылил в овраг) возникло желание проверить, не растерял ли я десантные способности к самообороне. Этого мне простить никак не могли. Я очень быстро понял, что неформальным лидером и главным организатором такого «отдыха» был второй пилот.

Чувствуя, что страсти накаляются, предложил сделать следующее...

Нужно сказать, второй пилот был очень крепким парнем. А я уже несколько сезонов подряд усердно занимался тяжёлой атлетикой, или бодибилдингом, как сейчас принято говорить. У меня никаких гирь, правда, не было. Я делал хорошую зарядку, а вечером занимался на турнике. Из карданной трубы и из двух шарошек (шарошка — это буровое устройство) сделал себе нечто вроде штанги.

Памятуя о том, что в самых разных компаниях уже несколько лет я неизменно побеждал в борьбе на руках (сейчас это называется армрестлингом), я сказал: «Мужики, давайте так: мы сейчас со вторым пилотом садимся и боремся на руках. Если он побеждает — ставьте брагульку и пейте, сколько хотите. Но если побеждаю я — послезавтра вылет».

Народ переглянулся, притих. Посмотрели на второго пилота, на меня (внешне я явно проигрывал по комплекции),

очень оживились и начали расчищать стол для предстоящего единоборства.

Проснулся командир экипажа. Он перевернулся к нам лицом, подпёр голову рукой, с интересом наблюдая за происходящим. Штурман уже давно не играл на гитаре, а Шурцы оживлённо бегали вокруг стола, готовя место поединка.

Конечно, я понимал, что рискую. Но, во-первых, чувствовал огромную злость на тот бардак, который увидел, и огромное желание всё это прекратить. А, как известно, злость прибавляет силы. Во-вторых, я рассчитывал, что, хотя, судя по комплекции, второй пилот мог быть и посильнее меня, но я всё-таки абсолютно трезв и вообще уже несколько месяцев веду абсолютно трезвый образ жизни, а он дня три или четыре «гудит». Правда, это была теория.

На практике через две с половиной минуты противостояния медленно (он сопротивлялся до последнего) я его положил правой. Тут же было объявлено, что нужно померяться левыми руками. Если он меня положит левой, то будет ничья. Начали размышлять: что это будет означать? Решили, что в этом случае завтра они себе немного позволяют, послезавтра передохнут, а послепослезавтра точно полетят.

Я чувствовал, что морально второй пилот уже сломлен после неожиданного, судя по всему, для него поражения.левой рукой я его положил буквально секунд через десять. Командир экипажа уже сидел на табуретке. Я спокойно сказал: «Завтра отдыхайте».

Шурцам (бортоператорам) сказал: «Проверим завтра аппаратуру».

Механику сказал: «А ты прогреешь двигатель, проверишь самолёт. Послезавтра вылет!»

Так и порешили.

Вагончик, в котором жил начальник отряда, был поделен на два блока. Во втором разместилась «аппаратурная» моего тёзки Серёги Павлова. В моей половине стояла койка и находилась постоянно включённая, по крайней мере, пока летает борт, рация. Я слышал все переговоры пилотов, если они выходили в эфир, мог в любой момент с ними связаться. И они

в любой момент могли связаться со мной. Я старался делать так, чтобы, когда борт летает, обязательно находиться рядом. Если по какой-то надобности надо было выйти, я просил Серёгу подежурить. В отведённые часы выходил на связь с главным — с «Сопкой», докладывал о том, как идут дела.

И потянулись будни. Через день действительно экипаж полетел.

День, впрочем, отработали средненько, потому что существовала обычная норма. За день, предшествующий полётам, договорились о «подскоке». Я заправил полностью бензовоз и с двумя ребятами отправил его в указанное место. Тут ещё возникли какие-то нелады с продуктами. Сделал запрос, потребовал, чтобы нам привезли всё необходимое. Заодно «припахал» Петра Ивановича и кого-то ещё из водителей к уборке территории, потому что как-то всё было подзапущено.

Одним словом, через неделю, по крайней мере, мне так казалось, лётный отряд выглядел образцово-показательно. Экипаж работал. Но через пять дней наступили выходные, начались разговоры, что неплохо бы немножко развеяться. Я сказал: «Мужики, давайте так. Вот у нас план. Чтобы его выполнить, нужно восемнадцать лётных дней. Когда начнутся дожди, никто не знает. Летать можно только в ведро. Поэтому предлагаю такой вариант: „пашем“ как можно больше, как можно лучше, иногда делаем по два, а то и по три вылета в день, но как только сделаем план, я лично обещаю, что договорюсь с начальством и вы на неделю уедете на рыбалку. Сам на свои деньги куплю вам архушки (местной водки), и будете неделю рыбачить, на природе отдыхать». Даже пообещал, если начальство отпустит, что тоже поеду и вместе с ними пригублю за завершение лётных работ.

Сначала смотрели на меня с недоверием. Но я был очень красноречив. Уже не помню, какие аргументы приводил, но они поверили. Началась по-настоящему очень хорошая работа, я бы сказал, пахота. И экипаж, и Шурцы, конечно, были блестящие профессионалы — работали как черти.

У меня на стене висела большая карта, там были нарисованы маршруты облётов. С большим удовольствием в конце

каждого дня, когда мне приносили обработанные ленты, полётные подписанные задания, я раскрашивал определёнными цветами отработанные участки. Сердце радовалось, когда видел, что с каждым днём до выполнения плана оставалось всё меньше и меньше.

Когда я окончательно понял, что план мы сделаем, пошёл на небольшую хитрость — стал каждый день при подаче сводок немножко занижать результаты, с тем чтобы потом, в конце, было несколько дней на отдых. На рыбалку мы без разрешения уехать не могли: должны были предупредить и, более того, попросить, чтобы нам разрешили. Для того чтобы как следует подготовиться к рыбалке, требовалось два-три дня. Эти дни можно было бы «закрыть» перевыполненными ранее результатами.

Как я уже говорил, рация работала всё время, пока летал борт. На этой волне, видимо, работало довольно много советских радиостанций и, похоже, в том числе работали «вояки». Я слушал ругань, какие-то планёрки, вообще непонятные сообщения. Однажды неожиданно в радиоэфире раздался бодрый голос: «Ниточка семь, Ниточка семь, я — Ниточка восемь, приём». С регулярностью примерно в одну минуту эта «Ниточка восемь» звывала к какой-то «Ниточке семь». Я сразу понял, что это военные, обычно у них такие экзотические позывные. Но меня убивало, что день за днём я слышал одно и то же. Только ночью, когда выключал рацию, я мог спокойно спать, но как только утром включал её для того, чтобы выйти на связь с «Сопкой», тут же в перерывах между нашими разговорами слышал эту «Ниточку восемь», которая звывала к «Ниточке семь».

Дни шли за днями. Где-то на четвёртый день энтузиазма у «Ниточки восемь» заметно поубавилось, голос сделался усталым и монотонным. Иногда мне виделся этот радист, подпиравший голову рукой и в полудрёме говорящий: «Ни-и-иточка семь, Ни-и-иточка семь, йа-а-а — Ни-и-иточка восемь, приём». Паузы между выходами в эфир становились всё больше, иногда даже по полчаса. «Ниточка семь» упорно молчала, и я начинал думать: «Боже мой, может, они, наконец, нашли друг друга, и этот ужас прекратится?» Мне эти «ниточки» начали сниться

по ночам. Даже если рация была выключена, всё равно в голове у меня кто-то настойчиво вызывал пропавшую «Ниточку семь».

И вот однажды я сидел и подписывал ленты, которые нужно было отправить в Улан-Батор. Это были ленты самописцев, на которых были записаны данные гаммаспектрометрии и магнитометра. Монотонно и уже совсем заупокойно звучал голос «Ниточки восемь». Как вдруг бодрый, как будто только что проснулся (я прямо так и увидел его — с начищенными пуговицами и пряжкой, в форме с иголки и, наверное, с такой же новой рацией), боец радостно возвестил в эфир: «Ниточка восемь, Ниточка восемь, я — Ниточка семь, на приёме!»

Повисла гробовая тишина.

Видимо, «Ниточка восемь» приходил в себя от внезапно свалившегося на него счастья.

Спустя минуты две после того, как «Ниточка семь» дважды или трижды таким же бодрым голосом воззвала к «Ниточке восемь», «Ниточка восемь» мрачно ответила: «Ниточка семь, Ниточка семь, проверка связи. Отбой! Ниточка восемь». И на этом «ниточки» навсегда исчезли из эфира и, похоже, из моей жизни.

Вот такая весёлая (или невесёлая?) военная история.

План ребята сделали. Рыбалку я им организовал.

Поехать с ними не удалось, потому что занимался ликвидацией лагеря и транспортировкой тягачами вагончиков в Арвай-Хээр. Почти трое суток мы с водителями и механиками везли наш караван. Никто не пострадал. Не было ни ЧП, ни аварийных отцепов, ни опрокидываний вагончиков, как иногда случалось. Одним словом, всё штатно. Когда я, наконец, приехал на базу в Ховд, начальник партии Альберт Васильевич Исаков от души пожал мне руку и сказал: «Серёга, ты — молодец!» Было очень приятно.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДЗАПХАН

В западной Монголии в Котловине Больших Озёр есть интересная река под названием Дзапхан. Два года наш лётный отряд стоял недалеко от одноименного посёлка на левом бере-

гу этой реки. А наземный отряд, как правило, работал на правом берегу. Река, наверное, громко сказано. Представьте себе речную долину шириной километра два, два с половиной. По этой долине течёт бессчётное количество ручейков, ручьёв или небольших речек. Максимальная ширина самой большой речушки метров 20–25. Вся долина из-за этого в песчаных островках. Причём эти островки, когда на них стоишь, они абсолютно твёрдые, плотные. Их намывает. Но каждое утро, если смотреть на реку, островки меняются местами и русла текут новые и в разных местах.

Для переправы машин монголы ставили такие ветки-вешки. Даже эти вешки приходилось менять, но всё равно время от времени случалась беда. Дело в том, что эти небольшие ручейки и речушки в принципе были неглубокие, не более метра глубины. Но метр до условного дна, потому что это дно постоянно менялось, так как потоки воды с песком с огромной скоростью неслись там где-то в глубине.

Если попробовать идти вброд и хотя бы на секунду остановиться именно в потоке (потому что островки, я уже говорил, абсолютно твёрдые), то, как в болоте, ты моментально начинаешь погружаться в песок и воду, причём с очень большой скоростью.

Однажды мы были свидетелями, как один монгол на ЗИЛ-130 с прицепом поехал, видимо, не зная совсем брода и вешек. И мы застали ситуацию, когда он сидел на крыше кабины ЗИЛа и кабина была уже вся в воде, и весь ЗИЛ с прицепом ушёл под воду. Вот такой коварный Дзапхан с такими зыбучими песками.

Однажды я слетал на побывку в Улан-Батор. Жёны моих товарищей по отряду надавали мне передач. Как раз наш самолёт Ан-2 летал на профилактику в Улан-Батор, и с этим самолётом я вернулся в лётный отряд. Из лётного отряда на левом берегу Дзапхана мне нужно было перебраться на правый. А чтобы объехать и реку, и несколько озёр (а другого пути не было), нужно было ехать почти сутки. Где-то около 350 километров по не очень хорошим дорогам. А напрямую через Дзапхан всего лишь два километра.

Мы по радиации договорились, что на тот берег со стороны наземного отряда приедет машина «уазик». А в тот год у нас уже водителями работали монголы. Со мной были ещё два человека из наземного отряда, но у них энтузиазма не было идти напрямую. Они сказали, что будут ждать попутной машины и поедут в объезд эти 350 километров.

Я решил, что раз машины проезжают вброд время от времени, почему же я не пройду? Нашёл кусок водопроводной трубы примерно два метра (мы к лётному отряду прокладывали поверхностный водопровод, труба тоненькая — 2,5 сантиметра). Подумал, что этой трубой буду прощупывать дно. Надел болотные сапоги. Загрузил в рюкзак все передачи и пошёл.

Группа поддержки осталась на левом берегу, правда, они заранее сказали: «Серёга, гиблое дело, ты всё равно вернёшься, правда, будешь весь мокрый. Поэтому дурака не валяй, давай лучше ждать машину». Но я помнил, что есть десантные войска, у которых нет задач невыполнимых, что только вперёд. И я пошёл.

И вот я где-то на середине пути увидел, что приехал «уазик» с водителем монголом. А правый берег (к которому я шёл) был обрывистый. Монгол вышел из «уазика», по-турецки сел на обрыв и стал смотреть в окуляр бинокля за мной. Я шёл более-менее успешно, всё шло своим чередом.

Был солнечный день, правда, очень ветрено. И вот я прошёл, наверное, две трети пути, и передо мной оказалась не самая широкая протока из тех, что я уже прошёл, буквально метров 20 шириной. Я вижу, совсем недалеко осталось, и даже, по-моему, эта протока самая широкая из тех, которые осталось преодолеть. По крайней мере, это то, что я видел.

Я бодрым шагом вступаю в эту протоку. Делаю шаг, второй, третий, понимаю, что всё как-то глубже и глубже. Тыкаю отрезком трубы, и где-то примерно на середине протоки труба практически вся проваливается. Я, естественно, остановился. Как только остановился, ноги стало момен-

гально засасывать. Я пробую вперёд слева, уже без всякой трубы, — проваливаюсь, делаю шаг вправо вперёд — проваливаюсь. И наступил нехороший момент (даже сейчас, когда это всё вспоминаю, снова наплывает), когда начал черпать болотниками воду, хотя они подняты были максимально.

Понимаю, что нужно возвращаться. Разворачиваюсь, делаю шаг туда, где я прошёл максимум десять секунд назад, и проваливаюсь. И вот тут был момент очень неприятный. Я вижу, что светит солнце, монгол далеко — в полукилометре, мои в полтора километрах, никто даже не увидит.

Обычно, когда читаешь или смотришь фильмы, как люди гибнут, это какая-то буря, ночь или ещё что-нибудь. А тут — солнце светит, рябит в глазах от бликов и ветра, и я понимаю: всё, хана! Но есть правило, которым я всегда руководствуюсь — не паниковать (пять правил выживания, первое так и гласит). Я понял, что паникую, и понял, что не может размыться за десять секунд то место, где я только что прошёл. Значит нужно возвращаться обратно на твёрдый остров. И я понимаю, что ещё две секунды — и меня засосёт, и ноги будет невозможно вытащить.

Рванул что есть силы к берегу, даже чуть-чуть, как мне показалось, проплыл, был весь мокрый. Выскочил на остров, посмотрел на монгола, а тот аж встал. Он всё видел в бинокль, понимал, что происходит, но он бы не успел добежать. Я помахал ему рукой, что на сегодня отбой. Вернулся довольно быстро обратно.

Когда я только-только вышел на берег, уже твёрдый, мои коллеги открыли рот, начав шутить, но увидев даже не то, что я весь мокрый, а, видимо, в глазах у меня было что-то такое, что они просто сказали: «Серёга, на фига ты вообще это сделал? Пошли машину ждать».

Через сутки пришла машина, мы уехали в наземный отряд. Передачи, которые мне передавали (тогда рюкзаки делали из хорошего брезента), не намокли, всё было доставлено в целости и сохранности. Но ту переправу через Дзапхан запомнил я на всю жизнь.

«ОГУРЧИК»

В аэропартии у нас был самолёт, который летал по маршруту. Штурман регулярно делал аэрофотосъёмку, фиксировал радиоактивные места, где приборы обнаруживали аномалии. Потом эти данные «привязывались» к местности.

И вот эту самую фотоплёнку (широкие бобины) нужно было проявлять.

Как я уже упоминал, Пётр Иванович Коробицын работал в аэропартии фотолаборантом.

Вообще-то он себя гордо именовал фотографом, и действительно, фотографировал он нас много. Когда мы стояли недалеко от монгольских населённых пунктов, он подхалтуривал — делал фотографии местных жителей.

Помню, как на базу в Арвай-Хээре однажды подъехал со стороны города грузовик, битком набитый монголами. Они гурьбой зашли в лагерь, что-то стали говорить по-своему. Очень быстро мы поняли, что им нужен Петя, который в прошлые выходные выезжал в город и провёл там фотосессию. А теперь клиенты приехали получить свои фотографии.

Надо сказать, что у Петра Ивановича, при огромном числе человеческих и личных достоинств, имелся один большой недостаток — он был очень крепкий подавоха. Абсолютно трезвым его, наверное, никто никогда не видел.

Он жил прямо в фотолаборатории, в отдельном домике, на двери которого всегда висела строгая табличка: «Не входить, идёт проявка». Проявлял фотоплёнки Пётр Иванович примерно два раза в неделю, занимало это несколько часов. Всё остальное время, если говорить по-простому, Пётр Иванович «квасил». Но начальник партии, да и любой другой боялись к нему зайти, потому что, чёрт его знает, а вдруг действительно он там проявляет? А ты, открыв дверь, засветишь плёнку. Потом ведь не заставишь самолёт снова летать над тем местом, фотоснимки которого были засвечены.

Итак, местные приехали.

Мы начали стучаться к Петру Ивановичу.

Долго никто не отвечал.

Потом из-за двери донеслись какие-то невразумительные звуки, и на пороге появился всклокоченный, заспанный и видно, что с глубокого похмелья, в одних трусах и майке Пётр Иванович.

Мы растолковали ему, что приехали его клиенты, которые хотят получить фотографии.

Пётр Иванович посмотрел на всех мутными глазами, икнул, произнёс: «Айн момент!» — и скрылся в домике.

Там что-то загрохотало. Мне даже показалось, что это был звук падающего тела, но минут через пять всё в тех же трусах и в майке Пётр Иванович вышел, держа в руках огромную пачку чёрно-белых фотографий.

Монголы, радостно галдя, его окружили. Он начал, не глядя на снимки, раздавать их клиентам. Те радостно хватали снимки, и тут же начинали возмущаться, потому что на них были не они.

Они совали фотографии каких-то других людей Петру Ивановичу под нос, что-то бурно говорили ему, жестикулировали.

Мы догадались, что Петя раздаёт фотографии не глядя, и сказали ему об этом.

Его мутные глаза на секунду прояснились. Он посмотрел на нас, потом на лица монголов, а потом сказал: «Да как я могу их различать, если они все на одно лицо!»

В конце концов, «правильные» фотографии всё-таки обнаружились.

Вот такой замечательный фотограф был Пётр Иванович Коробицын.

Кстати, кличка у него была Огурчик, потому что, пребывая всё время, мягко говоря, не в самом трезвом виде, он при любых попытках указать ему на это всегда твёрдо и убеждённо говорил: «Да как вы можете так говорить, я же как огурчик!» Так этот «огурчик» за ним и закрепился.

Баек про него было много.

Одну такую байку-быль о том, как Пётр Иванович пересек советско-монгольскую границу, мне рассказали Шурцы...

Костяк аэропартии составляла Зеленогорская экспедиция, которая находилась в городе Свердловске. С нами ещё работали специалисты из «Сосны» (Сосновской экспедиции, г. Иркутск) и «Берёзы» (Берёзовской экспедиции, г. Новосибирск). В поля выезжали в апреле—июне. Год на год не приходился, иногда возникали какие-то сложности с оформлением документов, ещё с чем-то.

Обычно из Свердловска народ ехал в поезде большим табором. Иногда бывало, что почти два вагона занимали сотрудники экспедиции.

И вот весной людям выдали билеты, в которых было обозначено время отправления поезда. Поезд был проходящий (Москва—Улан-Батор), стоял он на станции Свердловск-Пассажирская минут двадцать. Поэтому все приехали пораньше. Часть вещей заблаговременно была отправлена контейнерами, но всё равно поклажи набралось много.

Пётр Иванович, как всегда, опаздывал.

Народ уже сел в вагоны.

Ребята заняли купе.

Одно место держали для Петра Ивановича.

Когда до отправления оставалась буквально минута, на перроне появился Пётр Иванович с огромным чемоданом. Парни выскочили на перрон, подхватили чемодан и фотографа, затолкали в вагон.

Слава Богу, успели.

Поезд тронулся. Все стали рассаживаться. Чемодан Петра Ивановича с большим трудом взгромоздили на третью полку.

И тут Огурчик говорит:

— Ну-ка, мальчишки, снимайте чемодан, мне кое-что достать нужно.

Энтузиазма снимать с полки, а потом опять поднимать тяжеленный чемодан ни у кого не было, но Огурчик настаивал. Ребята вдвоём, крихтя, еле-еле спустили чемодан на нижнюю полку. Огурчик торжественными движениями, постоянно оглядываясь и подмигивая всем находящимся в купе, театрально нажал на замки. Те щёлкнули. Пётр Иванович распахнул чемодан...

Народ вздрогнул: в чемодане не было ничего, кроме... трёх десятков «маленьких». Они лежали, как снаряды — головками друг к другу. Сверху лежала нетолстая пачка газет, которой бутылки с водкой прижимались к крышке чемодана, чтобы не брякали.

Огурчик потёр руки и сказал:

— Ну, что, за отправление?

И понеслось...

До границы езды было четверо суток. Народ из двух вагонов по очереди тянулся в это купе. Сначала «принимали» за отправление, потом чтобы «полечиться», потом уже по самым разным поводам.

Круче всех в пути «отдыхал», естественно, сам Пётр Иванович.

Наконец поезд прибыл в Наушки — на советско-монгольскую границу. Нужно было проходить паспортный и таможенный контроль. Пётр Иванович лежал на второй полке, как говорится, никакой.

В вагон зашёл пограничник, стал собирать паспорта.

Паспорт Огурчика ребята заранее приготовили. Отдали вместе с другими. Пограничник ушёл.

Потом пришёл таможенник, раздал таможенные декларации, сказал, чтобы все заполнили. Все сели заполнять. Попытались растолкать Огурчика, но это было бесполезно.

Пришёл таможенник, стал собирать декларации, увидел, что одной не хватает, подошёл к Огурчику и стал его расталкивать.

Тот что-то промычал, брыкнулся, явно не собираясь заполнять декларацию.

Таможенник взбеленился и сказал, что сейчас высадит этого деятеля.

Мужики тогда стащили Петра Ивановича с полки, надавали по щекам, насильно всучили ему ручку: «Пиши, балда, а то больше никогда никуда не поедешь!»

Огурчик, упёршись лбом в стекло, загораживая руками декларацию, высунув язык, долго-долго сопел, что-то корябая на бланке. Потом сложил бланк пополам, улыбнулся всем,

попросил, чтобы его подняли на полку, и велел позвать таможенника.

Народ загрузил Петра Ивановича на полку.

Никому и в голову не пришло развернуть декларацию, посмотреть, что же там Пётр Иванович написал.

Позвали таможенника, вручили ему декларацию. Он её читает, и у него аж скулы сводит от негодования. Таможенник начинает размахивать декларацией, держа её в одной руке, а другой рукой пытается стащить Петра Ивановича со второй полки.

Ребята взяли у таможенника декларацию, развернули и увидели, что написал Огурчик. Поперёк декларации большими печатными буквами было написано: «Пётр Коробицын, Советский Союз».

Народ застонал.

Таможенника было не уговорить. Он не хотел ничего слышать о незаменимости Петра Ивановича в экспедиции, занятой поиском урана в дружественной стране, о значимости советско-монгольской дружбы, о многих других достоинствах гражданина СССР Петра Ивановича Коробицына.

Пришлось звать начальство. Оно, незаметно взбадривая кулаком под ребро уже поднятого Петра Ивановича, стало ласково уговаривать таможенника простить Огурчика. Кто-то из девчонок заполнил декларацию за Петра Ивановича, его заставили расписаться.

Кажется, не обошлось без презента таможеннику, может быть, из того самого чемодана. Если, конечно, к этому времени там что-то оставалось.

Но, в конце концов, Пётр Иванович благополучно пересёк советско-монгольскую границу трезвым, как... Огурчик!

ТУШКАНЧИК

Обычно все мои воспоминания о Монголии связаны либо с пустыней Гоби, либо с её западной — гористо-каменистой — частью. Монголия славится тем, что там есть практически все

климатические зоны, кроме, наверное, тропиков и субтропиков. Есть тайга, есть альпийские луга.

Однажды я и моя научная руководительница Елена Борисовна Высокоостровская на пару дней поехали в лагерь Советской экспедиции. Он находился в горах, недалеко от Улан-Батора, в распадке у ручья. Трава там была по пояс. Ещё там на большом расстоянии друг от друга стояли огромные, многовековые лиственницы. И, конечно, было очень много всякой живности.

Ночевать меня взял к себе мой земляк — геолог из Ленинграда. В его двухместной палатке я поставил свою раскладушку, положил на неё спальник.

После ужина (лагерь был в горах, поэтому стемнело быстро) мы пошли укладываться спать. Включили в палатке фонарик, забрались в спальники.

В экспедициях у меня выработалась привычка укладываться в спальнике таким образом, чтобы голова была снаружи. Многие мои коллеги и в жаркие дни, и в холодные зарывались с головой в спальник, как в кокон, и так спали. А мне всегда был нужен свежий воздух, даже зимой — в палатке или в юрте. Под утро там была минусовая температура, поэтому я надевал вязаную шапочку, но всё равно с головой в спальник не залезал.

Дальше поймёте, почему я так подробно об этом рассказываю...

Когда улеглись, естественно, о чём-то разговорились.

Тут я услышал какое-то шепуршание и постукивание:

— Юра, что это шуршит?

— А-а, это пришёл мой друг тушкан. Пришёл за своим ужином.

— А что у него на ужин?

Юра рассказал, что в его рюкзаке в полиэтиленовом пакете лежат грецкие орехи. Если рюкзак завязать туго, тушканчик начинает грызть рюкзак, что происходит совсем не бесшумно, да и рюкзак портится. Поэтому Юра не завязывает рюкзак, более того, и пакет с орехами оставляет открытым. Тушканчик туда забирается, выбирает один орех.

Он очень интеллигентный зверёк. Каждую ночь берёт только один орех и убегает, а за вторым уже не приходит.

— Да что я рассказываю, сейчас тебе покажу его, — говорит Юра.

Мы стали ждать.

Постукивание прекратилось. Значит, тушканчик перебрал своими лапками все орешки, выбрал, наверное, тот, который понравился, и тихонечко понёс его к выходу.

Юра, видимо, хорошо знал маршрут зверька. Включил фонарь в нужный момент. Луч осветил середину палатки. Я увидел застывшего тушканчика. Он стоял на задних лапках. Во рту, уж не знаю, как он поместился, у него был большой орех. Чтобы орех не выпал изо рта, зверёк придерживал его лапками. Глаза-бусинки испуганно смотрели на свет.

Давно известно, если тушканчик попадает, например, ночью на дороге в свет фар машины, то он, бедный, бежит изо всех сил прямо, не может уйти из светового потока в сторону. Но мы обычно всегда притормаживали или делали специальный манёвр, чтобы сместить свет фар. Тогда тушкан мог спокойно соскочить с колеи. Примерно так же получилось и в палатке.

Мы повеселились, глядя на тушканчика.

Юра выключил свет.

Тушканчик был таков.

Мы заснули.

Вдруг посреди ночи я просыпаюсь от ощущения, что что-то не так с моей головой.

Проснулся окончательно и несколько секунд соображал: что же происходит? У себя на лбу я чувствовал чьи-то коготки, вдоль носа свешивалось что-то пушистое. И кто-то копошился в моих волосах. Взмахнув рукой, я смахнул с головы этого кого-то. И только тут понял, что это был тушканчик.

Это я сейчас так спокойно рассказываю об этом, а тогда меня переполняли совсем другие чувства.

Юра проснулся, закрипел раскладушкой — он-то спал в спальнике с головой! — и спросил:

— Что, в гости приходил?

— Да. Только не пойму, зачем?

— Ты знаешь, я тоже любил спать головой наружу, но тушкан повадился искать что-то на моей голове, так что теперь закрываюсь по полной...

Но я, хоть и предстояло ещё ночевать здесь пару ночей, привычки своей не изменил.

Однако следующей ночью тушканчик, которого я так него- степриимно скинул со своей головы, не пришёл.

Наверное, обиделся...

РЫБАЛКА В МОНГОЛИИ

История, которую я хочу рассказать, произошла в 1990 году в самой западной части Монголии, в Котловине Больших Озёр.

Стояли мы в тот год в уникальном месте — в бывшем пионерском лагере на берегу потрясающе красивого озера. Это озеро, видимо, было местом гнездования разных водоплавающих птиц. Бывший пионерлагерь представлял собой пять деревянных домиков, установленных на срубках. Домики были щитовые.

Когда мы приехали, в домиках не было ни окон, ни дверей, но крыши уцелели. Мы быстренько всё подлатали, даже печки сделали, поставили ещё пару юрт.

Наш лагерь стоял на скале. На другом берегу озера были самые настоящие песчаные барханы. Слева (лагерь находился на небольшом мыске) озеро вытягивалось в протоку, поросшую камышом. Именно в этих камышах водились птицы. Потрясающе красивыми были закаты.

У нас появилась традиция: каждый вечер без пяти девять мы выходили из домиков на «улицу» — там стояли скамейки — смотреть программу «Время», так это называлось. Никакого телевизора в лагере, конечно, не было.

Мы рассаживались, болтали о том о сём. В это время солнце уже садилось. Небо полыхало, наверное, всеми цветами радуги, в основном, конечно, пурпурно-жёлто-оранжево-бор-

довыми тонами. На закат было смотреть интересно, но не это было программой «Время».

Ровно в девять часов по местному времени с юга на север озеро пересекала стая бакланов. У них был свой строй, я не назову его ни клином, ни цепочкой. Но чувствовалось, что летят они упорядоченно. От нас они находились примерно на расстоянии пятисот метров и были прекрасно видны на фоне неба и воды. Летели бакланы невысоко, метрах в двадцати над водой. Прямо напротив нашего мыска, как будто наткнувшись в воздухе на какую-то невидимую прозрачную стену, первый баклан резко поворачивал на девяносто градусов и брал курс прямо на нас. За ним, долетая до какой-то совершенно определённой точки, делая такой же резкий поворот (нам казалось, что они делают это, как солдаты на плацу по команде «Нале-во!»), этот манёвр повторяли все остальные бакланы.

Летели они точно на нас. Пролетали позади домиков, потом (на этот раз уже не резко, а плавно) поворачивали и улетали за камыши.

Эту картину можно было наблюдать каждый вечер, что мы с большим удовольствием и делали. Это была наша фирменная «фишка». Когда к нам в отряд кто-нибудь приезжал, мы не отказывали себе в удовольствии продемонстрировать это до сих пор не понятное мне явление. Почему бакланы делали в определённой точке над озером один и тот же манёвр — каждый день и в определённое время — ровно в девять, когда вся советская страна сидела у телевизоров и смотрела программу «Время»?

Мы работали без выходных целых два месяца, пока было вёдро, то есть солнце. И, конечно, устали. Ждали, когда Ан-2 из лётного отряда полетит на ежемесячную профилактику в Союз.

Наконец, он улетел. Мы решили, что имеем право на пару-тройку дней так называемой камералки, то есть заслуженного отдыха. Но на самом деле все разговоры уже давно были только о рыбалке. Река под названием Идэр находилась от лагеря примерно в трёхстах километрах к северу.

Как только представилась возможность, мы рванули. Начальник отряда Женька Мурашкин, я, геофизик Саня Груздев и геолог Коля Исаев. Побросав в кунгу ГАЗ-66 снасти, взяв восемь пустых сорокалитровых алюминиевых бидонов (под рыбу), необходимый запас продуктов, соль — посолить рыбу, чтобы не испортилась, мы поехали. На Идэре я, по-моему, был до этого один раз.

Ребята сказали, что знают очень хорошее место на притоке Идэра. Туда мы и двинулись.

Выехали рано утром, чтобы ещё вечером, засветло, успеть порыбачить.

Через триста километров добрались до сомона, который стоял на берегу Идэра. Брод, где могли проехать машины, был только в одном месте. Он представлял собой довольно плавный спуск с берега, далее — по галечному дну реки на остров, который делил русло на две части.

Остров был в длину примерно с километр и в ширину где-то с полкилометра. За ним была протока поуже, но зато и поглубже. Вода там текла быстрее. Помню, на всякий случай, по первой протоке выехав на остров, мы сняли ремень с вентилятора. Быстро, закрыв жалюзи на радиаторе ГАЗ-66, проскочили через вторую протоку, выбрались на довольно крутой берег. Поставили ремень и поехали дальше.

Место оказалось замечательным.

Приток Идэра был пять-шесть метров в ширину. Кое-где имелись омуты, плёсы.

Нашли место для лагеря, поставили палатку, подготовили костровище и рванули за рыбой.

Рыбалка получилась удачной.

Тайменя в этом притоке, по-моему, никто никогда не ловил, но ленков и хариусов было очень много.

Ночью пошли ловить на «мышь». Это — особая песня. На «мышь» ловится либо таймень, либо ленок. На «мышь» — это означает вот что: вместо блесны на конец лески привязывается нечто, похожее на мышь.

Обычно мы делали это так: брали кусок пенопласта, внутрь заливали свинец — ровно столько, чтобы было хорошо забра-

сывать, но в то же время, чтобы пенопласт не тонул. Сверху обшивали пенопласт кусочками искусственного или натурального меха. На конец прицеплялся хороший тройничок — под рыбу весом килограммов до десяти.

Ночью — самое лучшее время лунная ночь — выходили на заранее намеченные в дневное время места — на плёсик. Хорошо, если где-то там была ямка.

Забрасываешь к противоположному берегу реки «мышь». Слышно, как падает «мышь» в воду. Начинаешь крутить катушку. Поплавок («мышь») идёт по поверхности воды, от него расходятся по воде «усы» — полная иллюзия, как будто реку переплывает настоящая мышь.

Кстати, почему мыши так делают (мы часто видели настоящих мышей, переплывающих с берега на берег), мне до сих пор непонятно. Но для тайменя и ленка, похоже, это самое замечательное лакомство. Снизу, со дна, может, саму «мышь» рыба не видит. Но ей хорошо видно (особенно в лунную ночь), как двигаются «усы». Опытный рыбак сразу же по тому, как рыба схватила наживку, понимал, кого сейчас вытасчит.

Таймень делал это очень просто: абсолютно бесшумно подплывал, «нежно» брал в пасть «мышь» и медленно, я бы сказал, интеллигентно тянул поплавок на самое дно. Очень часто это выглядело так, будто бы тройник зацепился за какую-нибудь корягу. Рыбак начинал совершать всякие манёвры: дёргать леску, ходить по берегу, пытаясь вытасчить поплавок, пока вдруг не чувствовал, что начинается движение «мышь» где-то глубоко под водой. Так брал «мышь» таймень.

А вот как берёт «мышь» ленок.

Выглядело это совершенно по-другому.

Сначала раздаётся резкий хлопок по воде — это ленок подплывает к «мышь» снизу и резким движением бьёт её хвостом (как бы оглушая настоящую мышь). Потом он моментально разворачивается и хватает поплавок. Между хлопком и рывком времени — максимум секунда. Но для рыбака это сигнал: как только слышишь хлопок, будь готов подсекать, потому что сейчас будет рывок, и ленок схватит «мышь».

Нужно сказать, ночная рыбалка на «мышьяк» — увлекательнейшее занятие.

Так вот, мы «помышковали», поймали достаточное количество ленков, но очень скоро пошёл дождь.

Забегаю вперёд, сообщу, что дождь лил целые сутки. Честно говоря, сразу мы не поняли, какой коварный сюрприз нам этот дождь приготовил.

Когда мы уезжали на рыбалку из лагеря, там, естественно, оставались дежурные. Они дважды в сутки выходили с базой на связь.

Мы сказали, что вернёмся к вечеру вторых суток.

Проснувшись утром на следующий день, походили под дождём, ещё порыбачили, перекусили. А после обеда свернули палатку, выпотрошили рыбу, сложили, пересыпав солью, во фляги. Несколько самых симпатичных рыб, почти не присыпав солью, переложили крапивой и положили в ящик в надежде, что удастся привезти их свеженькими. Ту же рыбу, которую посолили, потом планировали вялить. (Вяленый хариус и ленок, должен вам сказать, — это объедение.)

Рванули обратно.

Двадцать километров до Идэра проехали быстро. За рулём попеременно были то Женька, то Саня. Не помню, Коля машину водил или нет. Я ГАЗ-66 водил, впрочем, как и любые легковые и грузовые машины. У меня были с 1977 года профессиональные права категории «В» и «С». Я, когда ещё работал в Горном институте, пять месяцев учился в автошколе с отрывом от производства. Когда мы подъехали к переправе, то увидели, что Идэр очень сильно разлился. Остров стал намного меньше, но ещё виднелся из воды. Первая протока, которая была поуже, шире стала ненамного, но вода там просто бурлила. Вторая стала шире раза в два.

Опять сняли ремень с вентилятора. За рулём был Санька Груздев. Медленно съехали с берега. Санька поддал газку, уже передние колёса были на острове, как вдруг машина «села» на задние колёса.

Саня газанул, нос у машины задрался, и через заднюю дверь в «кунгу» стала поступать вода. Саня на нервах ещё газанул, машина ещё глубже «села», мотор чихнул и заглох.

Моросил мелкий, противный дождь.

Мы вылезли и увидели, что сели капитально.

На берегу, с которого только что съехали, мы видели свежеструганные брёвна, приготовленные для вкапывания в землю в качестве столбов линии электропередачи. Посоветовавшись, решили пойти и принести пару брёвен, чтобы сделать вагу, а потом попробовать поддомкратить.

Пошли за брёвнами. Они были довольно тяжёлыми. Подтащили их до брода, разделись до плавок (впрочем, разделись мы ещё раньше, когда переходили протоку в первый раз). Бревно через протоку тащили вчетвером. Намаялись вдоволь. Бревно тяжёлое, течение сильное, устоять довольно трудно. Дно неровное. И вообще, глубоко. Были моменты, Санька — он не очень высокого роста — не плечо подставлял, а висел на бревне, держась за него, чтобы его не унесло течением. Ноги у него при этом болтались в воде. Мы это чувствовали по резко возросшему весу бревна.

Потом в такую же яму попадал кто-то из нас, и тоже повисал на бревне.

Но худо-бедно мы перетаскивали шесть брёвен.

Попытались положить одно бревно вдоль колёс, второе — подсунуть под ступицу колеса, сделать рычаг. Получалось плохо, потому что бревно лежало в воде, ступица всё время соскакивала.

Тем временем совсем стемнело. Женька скомандовал: «Отбой, будем ждать рассвета».

Дождь не прекращался.

Я поставил вешки у уреза воды, наблюдая за тем, как вода движется на остров. Хотели разместиться в машине, но она сильно накренилась. Тогда достали брезент, расстелили на земле (остров был абсолютно плоский, без единого кустика), достали спальники, залезли в них. Второй половиной брезента накрылись.

Кое-как заснули.

Проснулись утром. К счастью, показалось солнышко — дождь закончился.

Женька сказал, что пойдёт на другой берег через вторую протоку в сомон на почту, попробует дозвониться, сказать, что мы «сели» плотно, а самое главное, сообщит, где мы.

Но дозвониться не получилось.

Он ушёл, мы остались втроём. Вспомнив, что «утро вечера мудренее», решили возобновить попытки подложить под колёса брёвна. И, к удивлению, у нас получилось. Да так получилось, что когда Женька пришёл, у нас переднее левое колесо уже стояло на бревне. От этого машина, правда, ещё больше запрокинулась назад, но главное, что мы попробовали, и у нас вышло.

Потихонечку на том берегу, где был сомон, стали появляться местные жители. Они рассаживались вдоль берега, как в партере театра, в предвкушении очень интересного зрелища. Должен сказать, что мы их не разочаровали: весь световой день мы чертыхались, падали, матерились, извалялись все в грязи.

Но дело двигалось.

Кстати, Женька у монголов попросил трактор «Беларусь», но тракторист не рискнул даже через первую протоку проехать.

Помощи нам ждать было неоткуда.

Но по принципу «глаза боятся, руки делают» мы важили, подкладывали брёвна, домкратили...

Снова важили, снова домкратили.

Часов в семь вечера стало смеркаться.

ГАЗ-66 стоял ровнёхонько, абсолютно горизонтально, всеми четырьмя колёсами на брёвнах. Более того, брёвна проложили, как колею, на сам остров.

Осталось только завести мотор и тихонечко-тихонечко, не дай бог вильнуть хоть на миллиметр колесом, вывести машину на остров.

Долго спорили: кто сделает эту ювелирную операцию.

Санька, который всю ночь и весь день переживал, что это он «посадил» машину, очень хотел, чтобы дали реабилитироваться ему. Мы это поняли, спорить не стали.

И вот мы втроём (я, Коля, Женька) стоим на острове.

Санька, только что не дыша, открывает дверцу кабины, залезает, включает зажигание.

К удивлению и великой радости, мотор завёлся с полуоборота.

Санька чуть-чуть погрел, погонял движок, но так, без фанатизма, опасаясь, что даже от такого небольшого сотрясения, от вибрации, «газон» соскочит с брёвен.

Наконец, настал момент истины.

Санька показал нам через стекло, что он готов.

Мы ещё раз присели, посмотрели на колёса, убедились, что они стоят ровно, крикнули Саньке: «Давай!»

И Санька дал.

Нужно сказать, что дал неплохо — машина вылетела на остров.

На другом берегу, где сомон, мы услышали восхищённый рёв монголов, которые, видимо, никак не могли поверить, что четверо, прямо скажем, не атлетического вида хлопчиков смогут голыми руками вытащить ГАЗ-66 из, казалось бы, абсолютно дохлой «засады».

Кстати, смотреть-то они смотрели, однако не сильно стремились помогать. Правда, днём принесли горячего мяса с лапшой.

Но, честно говоря, мы хотели сами показать им: вот, мол, смотрите, что могут советские специалисты.

Санька, сигналив что есть мочи, наворачивал круги по острову, радуясь, что наконец-то машина вырвалась из этого глинистого плена.

Ну, ладно.

Теперь встала вторая дилемма: куда ехать дальше? Дело в том, что выше по течению Идэра — в ста километрах — находился мост. То есть мы могли вернуться обратно на тот берег, с которого только что приехали, рвануть сто километров, проехать через мост, потом обратно — сто километров до сомона. Ну, а дальше — триста вёрст до базы. Благо бочка с бензином у нас была в кунге. Это было законом в Монголии — всегда двести литров бензина мы возили с собой. Бензина нам должно было хватить.

Конечно, было желание попробовать перебраться через вторую протоку. Тогда всего триста километров до лагеря. А так — пятьсот. Да ещё неизвестно, удастся ли нам вновь проехать эту злосчастную протоку, когда поедем обратно.

Нужно ли говорить, что минут тридцать мы спорили.

Было принято решение: возвратиться через ту же протоку, найти другое место, прощупать дно, срыть лопатами берег острова и противоположный берег, чтобы было ровно для машины. Сделать лишние двести километров, но зато с гарантией, что мы не «посадим» во второй протоке машину.

Как только решение было принято, закипела работа.

Я думаю, что с такой скоростью берега не срывал никто и никогда. Наверное, через полчаса всё было готово.

Мы перешли на тот берег.

Санька сел в машину и легко, быстро, одним махом, проскочил протоку, выскочил на берег.

Мы тут же запрыгнули в кунгу.

Сто километров до моста почему-то показались очень долгими. Правда, сто километров по другому берегу до сомона проехали быстрее.

Оставалось ещё триста...

Приключение, однако, не было бы полным, если бы мы (а так как уже стемнело, ехали ночью) не заблудились.

Когда рассвело, убедились, что очень сильно отклонились от нужного направления, километров пятьдесят дали в сторону.

Но ничего.

В одиннадцать часов утра мы уже мчались по отличной песчаной дорожке, которая вела прямо в наш пионерский лагерь.

И вдруг видим: навстречу едет другая наша бортовая машина — ГАЗ-66.

Мы им посигналили. Они, проскочив, наверное, с километр, вдруг развернулись (а мы остановились) и вернулись к нам. Оказывается, нас уже поехали искать. Наши «спасатели» пребывали в таком азарте и в такой тревоге, что сразу

даже не поняли, что те, кого они поехали искать, уже подъехали почти к самому лагерю.

В лагере, как потом нам рассказали, очень долго спорили: сообщать ли по рации, что мы не вернулись вовремя?

Решили не сообщать, а ехать на поиски.

Утром рванули нам навстречу, но мы уже сами нашлись.

Эту рыбалку мы вспоминаем, когда встречаемся, а, слава Богу, мы встречаемся и с Женькой, и с Саней, и с Колей до сих пор.

У меня сохранились фотографии с той памятной рыбалки.

ПОЛИТИКА

КАК Я СОСТАВЛЯЛ ДАЙДЖЕСТ ДЛЯ СТЕНГАЗЕТЫ

Стенгазета, которую мы выпускали в Монголии в 1989 году, была для нас, находящихся за рубежом, возможностью обмениваться с коллегами мнениями обо всём, что происходило на родине в эпоху перемен.

Мною был придуман дайджест — наброски политинформации по материалам советских газет. Я отобрал всё, что было интересного в газетах в 1984 году (экскурс в прошлое), подготовил реальный дайджест из газет 1989 года и пофантазировал о том, что можно будет прочитать в советских газетах через 5 лет — в 1994 году.

Конечно же, я и в кошмарном сне не мог предвидеть, что уже не будет Советского Союза... Но, похоже, кое-что почти угадал.

1984 год

Информационное сообщение:

Бурными овациями встретили делегаты появление на трибуне Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя

Президиума Верховного Совета СССР товарища К. У. Черненко...

В семье единой:

В Ереване состоялся фестиваль дружбы Закавказских республик. Братские народы Армении, Грузии и Азербайджана с большим воодушевлением...

В Советском Союзе:

Забить серебряный костыль на последнем участке стройки века — Байкало-Амурской магистрали — было доверено бригаде им. Ленинского комсомола...

За рубежом:

Кабул. Ещё один клуб для афганских друзей построили советские воины из ограниченного контингента. С цветами и улыбками пришли дехкане на митинг, посвящённый...

Вашингтон. Р. Рейган заявил, что развёртывание новых советских ракет СС-20 в Югославии и Восточной Германии свидетельствует об агрессивных...

В странах социализма:

ПНР. Небезызвестный деятель «Солидарности» Куронь ещё раз убедительно показал свою контрреволюционную сущность...

МНР. Советские специалисты успешно помогают братскому монгольскому народу осваивать...

Сообщение ТАСС:

Из компетентных органов сообщают, что при попытке проникнуть в зону, закрытую для посещения иностранцев, был задержан 2-й секретарь посольства США...

Это любопытно:

Житель села Застойки Нечернозёмной области, работая на огороде, нашёл кувшин с золотыми монетами. «Причитающиеся мне 25 % я перечислю в Фонд Мира», — заявил нашему корреспонденту счастливец.

Спорт:

«Зенит» — чемпион!

Погода:

В столице тепло, без осадков, без изменений...

1989 год

На сессии Верховного Совета СССР:

Народный депутат, академик Сахаров сделал официальный запрос Председателю Президиума Верховного Совета о продолжающихся нарушениях прав человека в...

Проблемы нашей Федерации:

Продолжается блокада Нагорного Карабаха. За истекшие сутки взорвано два железнодорожных моста, в Степанакерте захвачены четыре заложника азербайджанской национальности...

В Прибалтийских республиках прошла политическая акция, приуроченная к 50-й годовщине подписания...

В стране Советов:

В связи с забастовкой шахтеров Кузбасса движение поездов по БАМу снизилось с 3-х составов в день до 0,5 состава.

Новости агропромышленности:

Как сообщает Госкомстат, закупки зерна за рубежом останутся в этом году на уровне прошлых лет и составят 18 млн тонн...

За рубежом:

Кабул. Больше 8 месяцев прошло со дня полного вывода Советских войск из Афганистана, но, несмотря на это, моджахеды продолжают...

Вашингтон. Выступление в Конгрессе США Министра обороны СССР вызвало необычайный интерес американской общественности...

В странах социализма:

ПНР. В Варшаве во время встречи с Министром иностранных дел СССР министр нового польского правительства Куронь заявил, что...

МНР. Продолжается вывод Советских войск...

Сообщение АПН:

Группа американских конгрессменов побывала на закрытых оборонных предприятиях СССР, где им были показаны новейшие системы...

Это любопытно:

Житель г. Новостройки нашёл на улице месячный комплект талонов на мыло, сахар, стиральный порошок, колбасу и чай. «Ещё никогда мне так не везло», — заявил нашему корреспонденту удачливый новостроевец...

Спорт:

Определились неудачники высшей лиги. Её покидают команды «Локомотив» и «Зенит».

Погода:

Радиоактивный фон — в норме, вредные примеси в воздухе — 3 ПДК, давление очень высокое, видимость — плохая...

Над всей Россией безоблачное небо.

1994 год

В Верховном Совете СССР:

Прения по законопроекту о ликвидации последнего министерства открыл Председатель Президиума Верховного Совета А. А. Собчак...

В Совете Национальностей:

Представители пяти закавказских республик: Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии и Нагорного Карабаха выступили с заявлением о подписании единой платформы по вопросу...

В стране:

Последние рельсы сняты с бывшей Байкало-Амурской магистрали. Металл, как известно, направляется на покрытие дефицита столовых приборов и на изготовление спецжетонов «Ветеран Перестройки» для внеочередного обслуживания в сети кооперативной торговли...

Фермерские новости:

Земли последнего в Нечерноземье колхоза им. Лихачёва переданы его членам в личное и бессрочное пользование...

За рубежом:

Вильнюс. Премьер-министр Литвы принял нашего посла по его просьбе. Встреча прошла в тёплой и дружественной обстановке...

Кабул. В столице Афганистана продолжила свою работу Лойя-Джирга, посвящённая второй годовщине окончания в стране гражданской войны...

Вашингтон. В сенате состоялась встреча лидера Социалистической партии Советского Союза Ельцина с лидером республиканского меньшинства Бейкером...

Польша. Марш безработных состоялся в Варшаве...

МНР. Со слезами на глазах жители столицы проводили сегодня последнего советского специалиста, покидающего Монголию...

Сообщение НИИАСС (Независимое Информационное Агентство Советского Союза):

Рабочие дочерней фирмы «Дженерал Моторс» в Елабуге выступили с новой инициативой...

Это любопытно:

Житель Подмосковья, копая собственным экскаватором яму под фундамент загородного дома, обнаружил дипломат, набитый пачками сильно испорченных дореформенных сторублёвых банкнот (1982 года выпуска). Пока криминалистам удалось лишь установить место изготовления дипломата — Ташкент. Как известно, до 1991 года на месте находки были дачи партаппарата... «В кои веки нашёл клад — и так не повезло!» — сказал нашему корреспонденту неудачник...

Спорт:

«Закат» — чемпион СССР по бейсболу.

Погода:

Озоновый слой — 60 %. В средней полосе — цунами, сели и сход лавин. На Юге — заморозки, на Севере — оттепель, на Востоке — резко-континентально, на Западе — просто резко. В связи с успехами в борьбе со СПИДом возможны половодья...

Газеты читали:

С. Миронов, Н. Михайлов

ИЗ АРХИВОВ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА СТЕНГАЗЕТЫ (80-е годы). ГОРОСКОП

Как-то раз накануне очередного Нового года (по-моему, это был год Лошади) я составил для нашей стенгазеты политизированный гороскоп. Думаю, он интересен и сейчас...

Если вы родились в период культа личности, подрастали в эпоху волонтаризма, пережили застой и дожили до перестройки, прежде всего вы — счастливый человек, к тому же — здоровый человек, и, наконец, ничто человеческое вам не чуждо.

Если вы родились в эпоху волонтаризма и ваши детские воспоминания навсегда связаны с воздушной кукурузой и кукурузными хлопьями, ваша юность — с бурными аплодисментами, переходящими в овацию, а в период зрелости наступили перебои с мылом и сахаром, — вам крупно повезло: вы не видели культа личности и никогда не увидите культа хороших вещей и высококачественных продуктов.

Если вы родились в четырежды героическое время и на ваших ладонях нет мозолей от аплодисментов, вам повезло больше всех — вы будете жить при КО... (КОнвергенции, КОммунизме, КОнце света — выберите по желанию).

Более близкий прогноз — на Год Лошади: если вы любите быструю езду («...какой русский не любит...») — держитесь крепче, есть надежда, что узда ослабнет. Если на вас всю жизнь ездили, у вас есть шанс поменяться с всадником местами. Если вы любите овсяную кашу, это, без сомнения, ваш год! Если вы хотите с Нового года начать новую жизнь — вас ждёт удача: целых четыре подковы!

ИЗ АРХИВОВ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА СТЕНГАЗЕТЫ (80-е годы). ПАМЯТКА БЮРОКРАТУ

Вот ещё один «перл» из улан-баторской геологической стенгазеты перестроечного периода, что называется собсоч (собственного сочинения), полюбопытствуйте...

Бюрократы всех стран, соединяйтесь!

1. Помни! Новое — это хорошо перестроенное старое.
2. Старый мерин бразды не испортит. Держи бразды в своих руках.
3. Ненавидя демократию, создавай хотя бы её видимость.
4. С прессой держи ухо востро. Но лучше держи своё «ухо» в редакциях.
5. Будь осторожен с народом. Помни особенность нынешней революционной ситуации: если низы не захотят, то верхи уже не помогут.
6. Помни! Народный фронт — могильщик бюрократа.
7. На их лозунг: «Куй железо, пока Горбачёв», твой ответ: «Перекуём — чтоб не орали».
8. Меньше слов — больше деловых связей.
9. Бди!
10. Помни! Перестройки приходят и уходят, а Номенклатура остаётся.

МОНГОЛИЯ. КАК Я ПОДДЕРЖАЛ САХАРОВА

Перестройка застала меня в Монголии. Я уже говорил, что выписывал все газеты и журналы. Разница с Москвой была четыре часа, и до поздней ночи мы смотрели советское телевидение. Уже появились передачи, шедшие в прямом эфире. Очень мы любили программу «Взгляд», снова возродился и набирал силу «КВН». Шутки были уже очень острые. Мы чувствовали, что что-то в воздухе витает: свобода, перестройка, гласность — похоже, это не просто слова. Я уже писал про первый Съезд народных депутатов СССР, который открылся 25 мая 1989 года.

И вот, по-моему, в начале лета 1989 года, Андрей Дмитриевич Сахаров на очередном пленарном заседании съезда выступил с инициативой о новой Конституции. Он обратился ко всем (а так как транслировалось заседание в прямом эфире, получается не только к делегатам съезда, но и ко всему насе-

лению Советского Союза) с просьбой поддержать эту его инициативу.

Недолго думая, на следующий день в обеденный перерыв я побежал на Главпочтамт и дал монгольской девушке в окошко телеграмму такого содержания: «Москва. Кремль. Съезд народных депутатов СССР. А. Д. Сахарову. Уважаемый Андрей Дмитриевич, полностью поддерживаю Вашу инициативу о новой Конституции. С уважением, старший геофизик аэропартии Миронов».

Довольный, я вернулся на работу и весь день, да и все последующие дни был преисполнен гордости, что я своё слово в поддержку новой жизни сказал.

На следующий день, незадолго до обеда, меня вызывает начальник аэропартии и говорит:

— Сергей, ты что такое натворил?

— А что такое?

— Не знаю, тебя срочно вызывают в посольство.

Я пошутил:

— Так, может, награду какую дадут?

— Да нет. Судя по тону, вместо награды тебя ждёт что-то совсем другое. Давай, потом приедешь — расскажешь!

Мне даже дали машину, чтобы я быстрее доехал до посольства.

Вот я захожу в посольство, называю фамилию. Мне сказали, что нужно идти в такой-то кабинет. Я подошёл к указанному кабинету, постучался. Услышал: «Входите!» Захожу. Стоит стол, почему-то мне запомнилось, чуть ли не посередине комнаты. По-моему, в комнате больше ничего и не было. Стол прямо напротив двери, за столом трое солидных мужчин, со скорбно-злыми лицами, все в костюмах, при галстуках. Одним словом — вид нехороший. Сердце у меня ёкнуло.

— Как же так понимать, товарищ Миронов, вашу антисоветскую выходку с поддержкой диссидента Сахарова?

Я очень удивился, но на всякий случай уточнил:

— Это вы по поводу телеграммы?

— Да, да, по поводу вашей идиотской выходки с этой телеграммой.

Тут уже взбеленился я, насмотревшись «Взгляда», начитавшись газет, не без основания вспомнил о нашей советской Конституции, где, как я помню, гарантируется тайна переписки, о чём я с гордостью поведал товарищам из посольства.

Услышав это, один из них побагровел, стал красным как рак, и хриплым голосом сказал: «Партбилет на стол положишь!» На что я невозмутимо сказал:

— Вы знаете, а я не член КПСС.

— Как так не член КПСС?! Как же ты сюда попал работать?!

Я не стал долго объяснять, что я очень ценный специалист и, несмотря на отсутствие партийного билета, меня давным-давно, ещё 10 лет назад позвали работать в Монголию, что я с удовольствием и делаю. Поняв, что таким образом меня не ущучишь, другой строго сказал: «Ну всё, в двадцать четыре часа — в Союз!» Тут на меня что-то нашло, и только что не встав в гордую позу и не скрестив руки на груди (ну, это мне сейчас так представляется, на самом деле, наверное, всё-таки было страшновато, но то, как я ответил, помню точно), сказал: «А вы меня Родиной не запугаете!» Повисла немая пауза, после которой третий, молчавший до этого (почему-то и тогда, а особенно сейчас, вспоминается, что он, кажется, даже с какой-то долей симпатии смотрел на меня и совсем не с симпатией на всё то, что говорили его товарищи), сказал: «Ладно, езжайте на работу, мы здесь разберёмся без вас!»

Я уехал. А в это же время проходили известные события в Литве. И вдруг буквально на следующий день прямо у нас в советском геологическом городке всех приглашают на открытое партийное собрание, где должны были рассматриваться два вопроса: первый — недостойное гражданина Советского Союза поведение старшего геофизика Миронова за рубежом, и второй — осуждение литовских событий. Вот тут товарищи коммунисты и организаторы этой затеи, что называется, дали маху, начав с вопроса осуждения старшего геофизика Миронова. Итог был такой (уж не знаю, чем закончилось это открытое

собрание для секретаря партийной организации нашей экспедиции) — никакого осуждения старшего геофизика Миронова и полная поддержка событий, которые происходили в Литве.

Вот так я чуть не стал диссидентом.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ЗАРИСОВКИ (ОСЕНЬ 1988 года)

Осенью 1988 года, после двух с половиной лет работы в Монголии в экспедициях, я поехал в отпуск в Ленинград. Вся страна, весь Советский Союз жил в Перестройке, да, собственно говоря, жил не в Перестройке, а Перестройкой. У нас, в Монголии, принималось советское телевидение. Я выписывал все без исключения центральные газеты и журналы Советского Союза. Приходили они с запозданием где-то в неделю или две, но зато я был в курсе всего, что происходило в моей стране. Но то, что я увидел в своём родном городе, меня, конечно же, очень удивило и даже потрясло. И, оказываясь, по возвращении я записал свои ощущения и впечатления от посещения родного перестроечного Ленинграда в стихах.

Вот они.

*Над колонною демонстрантов —
Бывших сталинских арестантов —
Как в семнадцатом ветер треплет
Лозунг: «Вся власть Советам!»*

*«Лозунг старый — да смысл новый», —
Объясняет оратор толково.
Микрофон крепко держит в правой,
Левой рубит — требует право:
— Право личностью быть, а не винтиком,
— Право строго спросить с политиков,
Ныне здравствующих и ушедших —
Нас в болото застоя приведших.*

*В Румянцевском скверике —
 где раньше лишь бабушки
 Кормили голубок, да с внуками — «в ладушки»,
 В беспамятстве нынче бесится «Память»:
 «Что Гитлер не сделал — доделаем сами».*

*Как просто юнцы принимают на веру:
 «Нет мяса? Нет водки? — Вините евреев!»
 О любви к нашей Родине, прикрывшись словами,
 Ей Голгофу готовят своими руками.*

*Рядом с Исаакием, за красивым забором
 Стройка, покрытая всесоюзным позором:
 Когда не слышали в доме напротив
 Крик души ленинградцев: «Прекратите!
 Мы — против!»*

*Большой у властей к именам пиетет:
 Доныне зовется Университет
 имени Жданова — не Менделеева.
 Здесь принцип суров, как у Нины Андреевой.*

*Та тоже, к несчастью, из города Ленина —
 Ярлыки, словно марки, на прессу наклеивая,
 Бойтся в открытую спорить с Ульяновым
 «Отца всех народов» защитница рьяная.*

*Цветёт, «озонирует» Маркизова Лужа —
 Реальность проекта «учёного мужа»,
 С царской фамилией, с мужицким умом,
 Что славится мудростью — задним числом.*

* * *

*И снова, как прежде, — на невских водах,
Глядясь в отраженьё моста «Свободы»,
После ремонта — «Аврора» стоит...
Идёт перестройка... Орудье молчит...*

Несколько пояснений

«Стройка, покрытая всесоюзным позором» — это снос гостиницы «Англетер», в которой в 1925 году повесился (или был повешен?) Сергей Есенин.

Молодые про Нину Андрееву ничего не помнят, а моё поколение и постарше, конечно же, поймут, о ком упоминается в стихах. После её знаменитой публикации в газете «Правда»: «Не могу поступиться принципами» — народный артист СССР Михаил Ульянов вызвал её на публичные дебаты, но она отказалась.

«Маркизова Лужа» — это Финский залив. Была построена первая очередь дамбы, но при проектировании напутали с водопропускными шлюзами, и Финский залив действительно весь зацвёл водорослями, а самое главное — стал жутко пахнуть.

ПУТЧ

Из Монголии после пятилетней круглогодичной экспедиции я приехал в конце июля 91-го в родной город Ленинград. Жили мы с семьёй в однокомнатной кооперативной квартире на Светлановском проспекте. Мебели у нас не было никакой, мы только разгрузили контейнеры, спали на полу. Кое-как налаживали свою жизнь. Каждый день я уходил в поисках работы, но пока безуспешно. Телевизора у нас не было.

19 августа к нам в дверь постучалась соседка по лестничной клетке и с ужасом в глазах сказала:

— В Москве переворот — путч!

— Какой путч? — удивился я.

— Такой. По телевизору показывают «Лебединое озеро» и выступают члены ГКЧП.

- Члены чего? — спросил я.
— ГКЧП, — ответила соседка.

Я сходил к ней в квартиру, увидел «Лебединое озеро», увидел трясущиеся руки господина Янаева, и мне стало нехорошо, я понял, что перестройке конец и вообще, похоже, всё то позитивное, что появилось в последние годы, сейчас будет перечёркнуто.

На дне одного из ящиков, которые пришли в контейнере, я разыскал транзисторный приёмник, нашёл несколько геофизических батареек. Без паяльника быстро прицепил эти батареи к приёмнику, начал настраивать его, на всех волнах была тишина, и вдруг я услышал позывные какой-то радиостанции, которая называлась «Открытый город». Я услышал, что завтра, 20 августа, всех петербуржцев, не согласных с ГКЧП, эта радиостанция призывает на митинг на Дворцовую площадь. Я сразу понял, что пойду, но виду не подал. Жена, услышав это сообщение, стала говорить, чтобы я дурака не валял, никуда, ни на какие митинги не ходил, а то ещё убьют, и вообще мне нужно искать работу.

— Конечно, конечно, — сказал я, сам прекрасно зная, что завтра не могу не быть на Дворцовой площади.

Слушал радиостанцию до позднего вечера. Из Москвы шли тревожные сообщения, да и здесь журналисты регулярно передавали, что есть сведения, что на Ленинград идут колонны танков. В какой-то момент, подойдя к окну, а занавесок у нас на окнах не было, я увидел на фоне ещё немножко светлого неба, как по одному из домов вдоль проспекта Карпинского ходят какие-то люди. «Снайперы!» — сразу подумал я.

Радиостанция «Открытый город» всё время сообщала свой телефон. Я позвонил туда и сказал: по такому-то адресу вижу каких-то людей на крыше, возможно, это снайперы. Нужно сказать, что через два часа они перезвонили и сказали, что это не снайперы, а бомжи и всё спокойно.

Где-то около полуночи у девочки-ведущей началась истерика в прямом эфире. Дословно это выглядело так: она сказала, что слышит, как к зданию их радиостанции подъехали машины, хлопают двери и слышен топот сапог. Она только

что не кричала: «Прощайте, товарищи!» Но оказалось, что это просто приехали то ли журналисты, то ли ещё кто-то и ничего страшного не произошло. Но взвинтила она своей истерикой, я думаю, всех, меня в том числе.

Часа в три ночи, а радио не умолкало, рассказывая обо всех событиях и в Москве, и в Ленинграде, я решил, что всё-таки нужно хоть немножко поспать, выключил его, лёг на матрас. Утром проснулся в шесть часов, включил радиоприёмник и слышу: «Ш-ш-ш-ш» — шорох. Я начал крутить колёсико туда-сюда — тишина. «Всё! — подумал я. — Всё самое главное проспал! Радиостанцию разгромили, последний очаг сопротивления в городе подавлен!»

Хватаю телефон, набираю номер радиостанции, слышу спокойный, немножко усталый, хорошо уже знакомый голос ведущей, которая сейчас находилась не в эфире, а, видимо, отдыхала. Я спросил:

— Что, вас разгромили?

— С чего вы взяли? Мы вещаем.

Я уже спокойней начал крутить колёсико, оказалось, просто волна ушла, поймав радиостанцию, успокоился.

В девять часов вышел из дома, пешком дошёл до станции метро «Политехническая» и стал спускаться вниз по эскалатору. На улице казалось, что ничего не происходит, вроде как всё обычно: и бабушки торгуют какими-то овощами на ящиках, и люди куда-то спешат, и транспорт ходит. Но как только зашёл в метро и стал спускаться по эскалатору, сразу почувствовал гнетущую атмосферу. Люди стояли угрюмо, смотрели в основном в пол, никто ни с кем не разговаривал, никто не читал никаких газет (может и газет в этот день не было). Мне это ужасно не понравилось. Я понял, что нельзя так молча и угрюмо ехать, тем более, я не знаю, куда все остальные люди ехали, но я-то еду на митинг, чтобы своим участием продемонстрировать сопротивление ГКЧП.

И тогда мне в голову пришла шальная мысль. Я поднял руку, растопырил два пальца в виде буквы «V» («виктория»), улыбнулся и стал смотреть на лица людей, поднимающихся по соседнему эскалатору. И тут я встретился взглядом с не-

молодым уже человеком, он вскинул голову и в ответ показал мне тоже «викторию». И тут же почти пол-эскалатора (причём, что интересно, как поднимающиеся, так и спускающиеся) улыбались друг другу и показывали «викторию». Я понял: как думаю я, так думает большинство, по крайней мере, тех, кто находился на эскалаторе станции метро «Политехническая».

Вышел я на канале Грибоедова и пошёл в сторону Адмиралтейства. Где-то напротив Большой Морской встретил своего однокурсника Сашку Авдеева, который, кстати, жил прямо напротив Атлантов. Я с ним не виделся, наверное, лет десять. Увидев меня, Саня сказал: «Серёга, привет, пошли со мной посты проверять». Я, как будто так и надо, как будто не было разлуки в десять лет, пошёл за ним в сторону, как потом оказалось, Мариинского дворца. По дороге он рассказывал, что всю ночь дежурил у Мариинского, они строили баррикады, ожидали прорыва танков. Он ответственен за несколько постов, должен их проверить, а потом все вместе мы должны идти на митинг.

Мы подошли к Мариинскому дворцу. Вся площадь перед ним была заполнена людьми, из дверей Мариинского дворца выходили взволнованные бородатые мужчины. Я спросил у Сашки:

— Кто это?

— Это — депутаты Ленсовета. Это — настоящие демократы.

Я с уважением и с каким-то почтением смотрел на людей, причастных к власти, на людей, которые, находясь во власти, будучи депутатами Ленсовета, не хотят сдаваться никаким ГКЧП, а всю ночь строили баррикады. И вот они сновали туда-сюда из дверей Мариинского дворца, и мне страшно интересно было за всем этим наблюдать. Мог ли я знать, что буквально через три года буду тоже депутатом, даже буду первым заместителем председателя Законодательного собрания, и этот самый Мариинский дворец на восемь лет станет почти самым родным моим домом. Но это будет потом.

А сейчас мы с Сашкой пошли на площадь. Когда мы вышли на площадь со стороны Адмиралтейства, я на секундошку приостановился. Вместе с нами шло огромное количество людей. Было понятно, что на митинг придёт много народу, но то, что мы

увидели, меня просто потрясло — столько людей на Дворцовой площади никогда больше в жизни я не видел. Говорят, что в тот день там собралось более ста тысяч человек. Думаю, это правда.

Мы с Санькой стали пробиваться к улице Халтурина (ныне Миллионная), то есть к тому месту, где он жил. Параллельно Эрмитажу, а в данном случае, лучше сказать, Зимнему Дворцу (ситуация-то революционная) стоял огромный полуприцеп с опущенными бортами, на нём установили микрофон. Когда мы пробрались через толпу примерно в тот угол, откуда началась улица Халтурина, на полуприцепе появился Собчак. До этого Собчака я видел только по телевизору, когда работал в Монголии, видел его как депутата Верховного Совета СССР.

Собчак начал говорить. Конечно, я плохо помню, что он говорил, ну, может быть, даже важнее не что, а как. Думаю, что это был звёздный час Анатолия Александровича Собчака. Каждое его слово стотысячная толпа ловила и впитывала, после каждого предложения раздавались крики «Ура!» и громкие аплодисменты.

Собчак говорил о том, что он не признаёт ГКЧП, что на город ночью действительно шли танки, но вместе с Щербаковым они эти танки остановили на подступах. Он говорил о том, какое безумие совершили ГКЧПисты, что Ленинград никогда не согласится с этим переворотом, что власть в Ленинграде не подчиняется ГКЧП, и многие другие правильные, а самое главное, очень нужные всем ленинградцам слова.

В какой-то момент кто-то подал ему листок бумаги, он быстро пробежал его глазами, а потом радостно и громко сказал: «Товарищи! Воздушно-десантные войска с нами! Пришла телеграмма из Москвы». Стотысячная толпа хором взревела: «Ура!» Я кричал громче всех, одновременно крича: «Слава ВДВ!» Как я был горд, что мои братья-десантники, включая командующего, не пошли за ГКЧП, а встали на сторону народа!

Через какое-то время вся толпа вдруг стала поворачивать головы куда-то позади меня и вверх, я тоже оглянулся. Сзади находилось здание Штаба пятой воздушной армии. Я увидел, как, по-моему, в окнах четвёртого этажа стоят офицеры и держат в руках огромный, склеенный из кусков ватмана плакат размером где-нибудь шесть на десять метров. На плакате

синей гуашью были написаны буквы, с которых ещё стекала краска. Слова были такие: «Авиация с вами!»

Когда офицеры развернули плакат и вся толпа прочла эти слова, раздался такой рёв ликования и восторга, что я абсолютно но чётко понял: никакой ГКЧП победить наш народ не может!

Митинг закончился, я попрощался с Сашкой, пошёл пешком на метро, переполненный весь впечатлениями. У меня было полное ощущение, что мы победили, хотя на тот момент, 20-го утром, ещё не было ничего ясно. Весь в эйфории я доехал до своей «Политехнической». Поднимаясь наверх, я опять увидел угрюмые лица, радостно вскинул уже две руки с «викторией», в ответ тоже увидел улыбки и вскинутые руки.

Когда я это сделал, кто-то, видя моё восторженное — не побоюсь этого слова, шизофреническое — лицо, спросил: «Вы были там?» Конечно, я был ТАМ! И не нужно было переспрашивать: где там? Я начал своим соседям по эскалатору рассказывать о митинге, тем самым чуть ли спровоцировав давку и остановку эскалатора, потому что и с верхних ступенек, и с нижних все потянулись ко мне. Но мы доехали до верха благополучно, и люди, которые стояли со мной, попросили: «Давайте, давайте выйдем на улицу, расскажите подробнее, что ТАМ происходило? Что сказал Собчак?»

Я вышел на улицу, стал рассказывать. Буквально через несколько минут вокруг меня стояли уже около сотни человек. Кто-то притащил ящик, чтобы я мог залезть на него и чтобы меня было видно. Стоящим рядом со мной я довольно быстро всё пересказал, но дальние не слышали, подходили ближе. Одним словом, почти час я проводил такой несанкционированный митинг и пересказывал людям о том, что же ТАМ произошло.

А вечером уже стало ясно, что всё идёт по-нашему. 21-го вся страна поняла, что путч провалился!

Как сейчас вспоминаю, мы все были безумно рады. У всех было такое ощущение, что наконец-то мы вырвались из какой-то темницы и теперь жизнь будет счастливая, хорошая, свободная. Свободы, действительно, стало очень много.

Ну, а дальше было то, что хорошо известно вам, дорогие читатели.

ПОЛИТИКА — НАЧАЛО

В конце ноября 1994 года двадцать пять человек, в их числе и я, поскольку занял первое место в своем округе, были избраны депутатами Горсовета. Это были довыборы, а первая половина депутатского корпуса — тоже 25 человек — избралась ещё в марте. В большинстве это были бывшие депутаты Ленсовета, которые уже имели опыт законодательной работы. Полгода они изредка собирались в Мариинском дворце и попросту «валяли дурака».

На самом деле тогда было принято, чтобы все депутаты работали на неосвобождённой основе. Поэтому они все трудились на своих основных работах, но время от времени собирались и обсуждали какие-то вопросы.

Так как все они были нелегитимны, потому что для кворума не хватало буквально одного депутата, то эти встречи превращались в посиделки.

Новоизбранные в ноябре депутаты приходили в Мариинский дворец, где находилась избирательная комиссия, чтобы узнать о дальнейших своих шагах. Я тоже пришёл и увидел объявление на дверях: «Вновь избранным депутатам Городского Собрания. Такого-то числа в такой-то комнате Мариинского дворца проводится организационное собрание депутатов для подготовки первого пленарного заседания. Всех желающих приглашаем».

«О, как интересно, — подумал я, — наконец-то начинается какая-то новая работа». И решил, что туда обязательно пойду.

Нужно сказать, что те полгода с несостоявшихся в марте из-за низкой явки населения вплоть до осенних выборов я времени даром не терял. Я списался, созвонился и, одним словом, заполучил регламент работы Московского и Новосибирского городских советов, ещё каких-то других городов, и эти полгода внимательно изучал их регламенты. Многие положения мне казались абсолютно диковатыми, некоторые — интересными.

Что такое «регламент» и какие там есть нюансы — к началу своей парламентской деятельности я уже понимал.

В назначенное время прихожу на объявленное организационное собрание. Как потом оказалось, практически все двадцать пять избравшихся в ноябре человек не имели опыта законодательной работы, одним словом — новички. Так вот на это организационное собрание из новичков пришёл только я. Собрание проходило на втором этаже в большой комнате, где стоял круглый стол. Эта комната представляла собой что-то вроде библиотеки.

За столом сидели мои новые коллеги, это всё были «зубры» Ленсовета, люди известные, такие как Михаил Пирогов, Леонид Романков, Сергей Никешин, Юрий Кравцов.

Когда я зашёл, громкие разговоры на секунду прервались, с некоторым удивлением все посмотрели на меня, спросили — кто я? Я ответил, что я — депутат Миронов от двенадцатого округа. Мне предложили сесть за круглый стол.

Несмотря на то, что я пришёл вовремя, собрание уже началось. Обсуждался организационный вопрос, о котором писалось в объявлении, были другие вопросы, а также рассматривались некоторые положения временного регламента. Собственно говоря, при мне они просто продолжили когда-то ранее прерванный спор, причём этот спор у них начался гораздо раньше, возможно, даже не в этот день.

Минут тридцать я слушал их очень экспрессивную, но, на мой взгляд, абсолютно бесполезную полемику по одному какому-то конкретному вопросу. Очень скоро я понял, что у меня есть своя точка зрения на предмет спора, но я счёл необходимым присмотреться получше.

Когда дискуссия, я это уже понял, зашла в тупик, поднял руку. Все замолчали и с большим удивлением посмотрели на меня. Кто-то из тех, кто как бы вёл это собрание, спросил:

— Вы что хотите?

— У меня есть свои предложения по тому вопросу, который вы обсуждаете.

Удивление на лицах моих новых коллег достигло высшей точки: я мог сравнить его только с тем удивлением, которое мог вызвать, например, вдруг заговоривший стол или стул.

— Ну-ну, — подначил кто-то меня.

Я высказал свои идеи. Собственно говоря, договорить мне даже не дали, потому что, как только я начал говорить, уже по лицам господ депутатов понял: они заранее не согласны и даже не то, что не согласны, а просто очень раздосадованы, что вынуждены слушать всякую чушь из уст новоявленного коллеги.

Не успел я закончить, как раздался целый сонм голосов, что это полная чушь, это такая ерунда, и вообще — если вы ничего не понимаете, то сидите и не мешайте умным людям заниматься подготовкой заседания. Я, внутренне несколько обескураженный, взирал на всё это довольно спокойно.

Тут слово взял большая умница Михаил Иванович Пирогов. Он работал в Ленсовете в первом и втором созывах (во втором созыве умер от сердечного приступа) и был тем депутатом, который, пожалуй, есть в любом законодательном органе — самый въедливый, самый язвительный, но самый блестящий профи, который лучше всех знает законы, лучше всех разбирается в хитросплетениях регламента. Одним словом, дока, но такой, который за словом в карман не полезет, и, более того, ради красного словца, что называется, не пожалеет и отца. Его уважали, а если называть вещи своими именами, то просто побаивались.

— А чего вы ржёте, балды такие? Коллега Миронов дело говорит. Он очень дельное внёс предложение.

Собравшиеся замолкли, ещё больше удивились и стали ждать разъяснений от Пирогова, потому что, судя по всему, то, что говорил я, они просто не слушали. Михаил Иванович пересказал моё предложение. Тут действительно мои коллеги удивились в очередной раз и были вынуждены признать, что, пожалуй, именно так и нужно делать.

Потом дискуссия пошла дальше, но теперь, когда я поднимал руку и просил слова, все с интересом смотрели на меня и внимательно слушали, что я предлагал. Там мы прошлись по всему порядку, по всему временному регламенту. Должен сказать, что почти все мои предложения нашли поддержку в первую очередь у Михаила Ивановича Пирогова, а за ним и у остальных, которые были вынуждены согласиться с этими идеями.

После того как мы закончили, Михаил Иванович подошёл ко мне, пожал руку и спросил:

— Коллега, а где вы получили такие глубокие знания по регламентным нормам законодательной власти?

Я по-честному сказал, что за те полгода, что ждал новых довыборов, проштудировал несколько регламентов.

— Это вы правильно сделали, коллега, чувствуется, что зря время вы не потратили.

Через несколько недель мы уже работали над постоянным регламентом Законодательного собрания Санкт-Петербурга, этот регламент был разработан Михаилом Ивановичем Пироговым, я внёс туда более ста поправок, около шестидесяти из них были одобрены и Михаилом Ивановичем, и всеми коллегами, поэтому первое время новый регламент у нас в ЗакСе назывался «Регламент Пирогова–Миронова».

Такое было начало.

ВЫБОРЫ — РАСКЛАД

В марте 94-го я баллотировался в депутаты Санкт-Петербургского Законодательного собрания. Шёл как кандидат от блока «Весь Петербург». Когда делили округа, я настоял, что баллотироваться буду только по своему округу, то есть округу, где я жил, — это 12-й округ, Калининский район.

Меня отговаривали, убеждали, что по этому округу будет избираться предыдущий первый заместитель председателя Ленсовета Борис Моисеев — очень известный и популярный демократ в Петербурге, тем не менее, я настоял.

В марте из 12 кандидатов в своём округе я занял первое место, но тогда существовала норма закона о необходимом пороге явки в 25 процентов, а на моём округе явка оказалась 24,6 процента — выборы не состоялись. Кстати, из 50 депутатов Законодательного собрания в марте избрали ровно половину — 25, при этом кворум — 26 депутатов.

После мартовских выборов были назначены новые довыборы по 25 округам на конец ноября, а избранные весной 25

депутатов уже являлись депутатами, но не было легитимного Законодательного собрания.

Весной, получив первый в своей жизни опыт избирательной кампании, в общем-то, вполне успешный, я уже решил осенью не идти ни от какого блока, а идти как независимый кандидат. Стихийно у меня сложилась своя команда агитаторов в округе. Всё остальное я делал сам, в том числе финансировал кампанию. Кстати, тогда действительно можно было провести выборы буквально за 15–20 тысяч рублей. Что я и сделал.

Не буду пересказывать все перипетии, но вот наступает 22 часа — закончилось голосование, избирательные участки закрыты, и мы в штабе, который у нас располагался в одном из детских садов на территории округа. Ждём наших наблюдателей с участков с протоколами, с результатами. Мобильных телефонов тогда ещё не было, председатели комиссий позвонить по телефону с избирательного участка не разрешали, нужно было ножками добежать до штаба. А округ у меня был довольно компактный, несмотря на то, что там проживали 70 тысяч жителей, это было пять спальных кварталов.

До сих пор помню всю так называемую инфраструктуру своего округа: восемь школ, двадцать три детских сада, две взрослые и две детские поликлиники, взрослая и детская библиотеки, один универсам, один кинотеатр «Прометей» и один хлебозавод.

И вот где-то около полуночи, а может, немножко раньше, приходит первый наблюдатель, грустный — проиграли пять голосов. Приходит второй, тоже грустный — проиграли одиннадцать голосов. Третий опять же грустный. У меня в округе было 33 участка, и первые девять наблюдателей (а нужно сказать, эти участки были разбросаны по всей территории, а не из какого-то одного микрорайона) принесли грустную весть — мы проигрывали или единицы голосов, или один-два десятка. После прихода девятого наблюдателя, который уже традиционно сказал, что проиграли пять или десять голосов, атмосфера в штабе стала очень-очень нерадостной. По девяти участкам мы уже проигрывали всего 106 голосов.

Тут открывается дверь, заходит одна из самых ярких моих агитаторов — Зоя Валентиновна Заушникова (она потом все семь лет моего депутатства работала моим помощником по округу, а сейчас — депутат ЗакСа по этому же 12-му округу), технарь, бывшая работница оборонного предприятия, в тот момент она уже была безработной. И вот заходит она, рот до ушей, и с порога говорит:

— Сергей Михайлович, с победой вас!

Мы кисло улыгнулись, ожидая, что она объявит победу на её участке, допустим, за счет десяти или плюс двадцати голосов. Кто-то из моих сказал довольно ехидно:

— Ну и каков же плюс?

Зоя Валентиновна, не понимая ехидства и вся святась искренней радостью, громко сказала:

— Плюс двести шестьдесят!

Тогда ещё не было той рекламы, помните: «Скока, скока?» Но примерно так же мы все подскочили и переспросили.

— Плюс двести шестьдесят!

Это был перелом! Дело в том, что в итоге из тридцати трёх участков проиграл я только на девяти, и наблюдатели именно с этих девяти участков по злой иронии судьбы оказались первыми; на всех остальных участках я победил с общим счётом — где-то около 2,5 тысяч голосов в перевесе.

Так я стал депутатом и так на всю жизнь запомнил, какие удивительные сюрпризы может приносить жизнь, судьба или даже просто конкретные результаты выборов.

ВЫБОРЫ ОДНОФАМИЛЬЦА

Когда я был депутатом Петербургского Законодательного собрания (а в первом созыве я даже был первым заместителем председателя Заксобрания), то находился в оппозиции к тогдашнему губернатору Яковлеву.

И вот осенью 1998 года должны были состояться новые выборы.

Четыре года я честно работал в своём округе, принимал граждан, очень многое удалось сделать: где-то дороги помог заасфальтировать, где-то светофор установить, где-то школы, детские садики отремонтировать, скамейки установить, да много чего.

Работал, без лишней скромности скажу, честно, много, работал для избирателей, поэтому не сомневался, что мои избиратели меня хорошо знают и, конечно же, переизберут на следующий срок. Но в Смольном были другие планы. Там решили, что Миронова во что бы то ни стало не должно быть в следующем созыве Заксобрания, потому что я на тот момент в городе, как уже написал, действительно возглавлял оппозицию Смольному, чтобы быть более точным — губернатору Яковлеву.

Началась избирательная кампания. Против меня выставили очень популярного тогда в городе телевизионного журналиста Запольского, который каждый вечер на одном из питерских каналов выходил в эфир. Это было что-то, отдаленно похожее на «600 секунд» Невзорова. В течение десяти минут Запольский говорил какую-то лабуду, но в конце (это была его коронная фишка, за что все бабушки-петербуженки его страшно обожали) он улыбался, его огромные рыжие усы топорщились, и он во весь экран с придыханием говорил: «Я вас люблю!» Бабушки млели.

Вот такого любвеобильного журналиста поставили против меня. Я этого не боялся, знал, что избиратели всё равно проголосуют за меня.

Когда уже пошло выдвижение кандидатов, я с удивлением обнаружил, что со мной в моём округе будут баллотироваться два моих однофамильца, более того, оба они в бюллетене будут стоять выше меня, потому что один из них был Миронов Алексей Юрьевич — у него имя на «А», поэтому он будет впереди, а второй — Миронов Сергей, но — Александрович, и по отчеству, опять же на букву «А», он будет впереди меня.

К тому же тот, который Миронов Сергей Александрович, оказался первым заместителем председателя какой-то общественной организации, а моя должность, напомним, звуча-

ла — первый заместитель председателя Законодательного собрания. То есть хотели совсем задурить голову избирателям. Сначала я не придал этому значения.

Оба моих однофамильца даже не появлялись ни на дебатах, ни на встречах с избирателями. Меня это удивляло, но потом я понял, что задумка в другом. Люди, искренне желающие проголосовать за меня, придут, увидят первого Миронова в бюллетене и проголосуют за него. Ну, хорошо, первого пропустят, так за второго проголосуют, а я только третий. И я понял, что нужно что-то делать.

Был ещё любопытный момент.

Дело в том, что Миронов Алексей Юрьевич был негром. Да, да, ну, может, если быть более точным, мулатом, по крайней мере, на фотографиях, которые должны были висеть на избирательных участках, он резко отличался от всех других кандидатов. Но это так — маленькая пикантная подробность.

И тут во весь рост возникла проблема: как же подсказать моим избирателям, за какого из трёх Мироновых нужно голосовать? Однажды утром меня осенило. Я отличался от своих однофамильцев только отчеством. Царство Небесное моему батю — Михаилу. И тогда само собой сложилось очень простое двустишие. Я его напечатал, на ксероксе размножил, и мои помощники-агитаторы разносили этот маленький листочек по всем почтовым ящикам и раздавали людям на улице.

Студенты из Горного, которые помогали мне во время избирательной кампании, даже положили эти строки на какую-то мелодию и на перекрёстках под гитару пели в виде частушек.

А стихи такие:

Запомнить может любой гражданин:

Мироновых много, Михалыч — один.

Когда наступил день голосования, наблюдатели стали звонить с избирательных участков и говорить: «Народ идёт валом, приходят бабушки и спрашивают, беря бюллетень: „Где тут наш Михалыч?“».

Результаты говорили сами за себя. Гражданин Запольский набрал 17 процентов, оба моих однофамильца в сумме — пол-

тора процента, ваш покорный слуга набрал 69,8 процента. В те выборы в 98-м это был лучший результат в городе.

Спасибо моим избирателям. Спасибо моему батю и Царство ему Небесное.

СОБЧАК

В мае 1996 года были выборы губернатора Санкт-Петербурга, на которых внезапно для всех в качестве кандидата выдвинулся мало кому известный один из заместителей Анатолия Собчака Владимир Яковлев. На Собчака обрушились самые невероятные обвинения, распространялись сплетни, слухи. Очень активны в ОЧЕРНЕНИИ Собчака были криминальные структуры, ненавидевшие Собчака. Но мне казалось, что весь город болеет и голосует за него. Результаты первого тура показали, что пропагандистская машина сработала, а во втором туре Собчак проиграл всего 1,2 процента. Выборы, как всегда, проходили в воскресенье, многие были так уверены, что Собчак вне конкуренции, что не приехали с дач, чтобы проголосовать.

В Мариинском дворце, в кабинете, в котором работал Анатолий Александрович, с утра в приёмной столпилось огромное количество народа. Мой кабинет был напротив. Я в этот день тоже работал, не вмешивался, не заходил к нему, получал лишь сообщения из избирательных участков. После десяти часов вечера начался подсчёт голосов. По городу Собчак лидировал, а около двух часов ночи вдруг «вырубилась» система и погасли экраны. Когда снова началась трансляция, пошли уже другие цифры. Стало ясно, что Собчак проиграл.

Я наблюдал, что в течение дня и вечером в приёмной было не протолкнуться. А когда после полуночи, когда точно узнал, что Собчак проиграл, то подумал: будет правильно, если я просто зайду, пожму руку Анатолию Александровичу. Я ещё не знал, какие слова готов был ему сказать, просто хотел пожать по-мужски руку и тем самым показать, что жизнь не кончается, что мы вместе с ним — как во времена побед, так и в день пора-

жения. Я вышел из своего кабинета, пересёк нашу общую приёмную, почему-то пустую, зашёл в приёмную кабинета Собчака и, честно говоря, на секунду остановился: там не было никого — вообще никого. Дверь в кабинет была открыта. Я вошёл. Из-за стола поднялся Анатолий Александрович, он был один. Понятно, какие мысли пронеслись у меня в голове. Я уже открыл рот, чтобы начать говорить какие-то слова, хотя не знал, какие они будут, вдруг Анатолий Александрович сказал:

— Ну что, Сергей Михайлович, бывает, значит, и так. Ну, ничего, завтра еду в Москву, в Совет Федерации, завтра будет бой: очень острый для России вопрос — вопрос о земле. Нужно биться, нужно отстаивать наши позиции, чтобы, наконец, земля досталась тем, кто действительно хочет и может на ней работать. У земли должен быть хозяин — наш крестьянин.

Я увидел, что это не было рисовкой, это не было, что называется, хорошей миной при плохой игре. Видно было, что он переживает поражение, но не сдался и сдаваться не собирается. До инаугурации нового мэра он является членом Совета Федерации. Завтра решается важный государственный вопрос, и он едет защищать те идеалы, в которые верит, ради которых в своё время пошёл в политику. Вот таким непобеждённым в день поражения мне запомнился Анатолий Александрович Собчак.

И была ещё одна встреча — ВРЕЗАЛАСЬ В ПАМЯТЬ. Это было весной 1997 года.

Я пошёл на премьеру в Мариинский театр. Мне по должности была предоставлена так называемая «царская» ложа. Через несколько минут должен был прозвучать третий звонок и начаться спектакль, вспоминается, что это был балет. Вдруг сверху я увидел, как по центральному проходу партера идёт Анатолий Александрович. Он оглядывается, улыбается. Видимо, у него место где-то в первых рядах, там его ждёт жена. А некоторые люди, сидящие в зале, отворачивают взгляд — сверху это было очень хорошо видно, — чтобы не встречаться и уж тем более не здороваться с бывшим мэром, с которым ещё недавно, чтобы только встретиться взглядом, готовы были выстаивать часами в приёмной. А сейчас считали возможным вести себя так.

Я увидел, как замедляются шаги Анатолия Александровича, как меркнет его улыбка. Не дойдя до своего кресла, он развернулся и пошёл к выходу. Я вскочил со своего места, побежал вниз, успел перехватить его, бросился к нему, сказал: «Анатолий Александрович, здравствуйте!» И мы о чём-то заговорили. Буквально через две минуты вокруг нас уже стояла толпа. Людям стало стыдно. Кто-то постеснялся поздороваться, подойти к нему. Но я должен сказать, что это было скорее не нежелание видеть мэра, а, к сожалению, страх быть замеченным в неких человеческих отношениях с опальным мэром, против которого, всё ещё не успокоившись, работала пропагандистская машина нового хозяина Смольного.

Потом был балет. Анатолий Александрович сидел на своём месте, с удовольствием смотрел спектакль. Но эту его улыбку и его замедленный шаг, а потом выход из зала мне очень больно вспоминать.

МИНА В РЕГЛАМЕНТЕ

Весной 1996 года была эпопея в Законодательном собрании Санкт-Петербурга по переносу даты выборов губернатора. Тогда неожиданно для всех, прежде всего для Собчака, против него кандидатом выдвинулся его первый заместитель — Владимир Яковлев.

Собчак решил: если перенести выборы на два месяца раньше, Яковлев не успеет подготовиться и Собчак выиграет эти выборы.

В Заксобрании всего 50 депутатов. Расклад был такой: примерно 27 человек поддерживали Собчака. Владимир Путин был первым замом Собчака. Вторая половина была категорически против. Я был в той команде, которая за Собчака, — первым заместителем председателя Заксобрания, Председателем был Юрий Кравцов.

Мы собирались и обсуждали вопрос, как провести закон о переносе даты выборов. Дело в том, что для принятия закона нужно было 26 голосов, а у нас было 27. Но перед принятием

закона в целом в соответствии с регламентом нужно было организовать регистрацию.

Я уже рассказывал, как в начале первого созыва (1995 год) вместе с Михаилом Ивановичем Пироговым я сам работал над этим регламентом и очень хорошо знал все нормы.

Так вот, перед голосованием нужно провести регистрацию и убедиться, что в зале присутствуют 33 депутата (именно так и было написано в регламенте). Мы неоднократно пытались провести регистрацию, но, естественно, депутаты, которые не хотели голосовать за этот закон, находились в зале, не регистрируясь. И электронная регистрация показывала всё время 27 голосов. Это был наш максимум.

В очередной раз Юрий Кравцов попробовал провести регистрацию, получил на табло «27», встал и сказал: «Сергей, веди дальше заседание, я пошёл покурить». Я начал дальше идти по повестке дня, а сам готовился к тому, про что я знал с самого начала работы в Заксобрании. На тот момент уже почти полтора года мы работали. Я знал, что у меня в запасе то самое «ружьё», которое висит на стенке, но может выстрелить только один раз. Потому что, когда мы ещё спорили с Михаилом Ивановичем Пироговым, я говорил, что эта норма не совсем корректна. Если написать, что по данным электронной регистрации должны быть зафиксированы 33 человека — это одно, а когда прямо написано без упоминания электронной регистрации, что в зале должны присутствовать не менее 33 депутатов — это неправильно, потому что присутствие в зале можно отфиксировать по-разному.

Зная это, пройдя несколько вопросов повестки дня, я спокойно говорю: «А теперь, уважаемые коллеги, попробуем ещё раз зарегистрироваться для голосования закона о переносе даты выборов». Половина зала дружно засмеялась. Противоположная сторона, демонстративно скрестив руки, сидела в зале, показывая всем своим видом, что регистрироваться не будет.

Я сказал: «Проводится регистрация». Увидел на табло 27 человек, попросил принести мне распечатку и потом под стенограмму в микрофон стал говорить: «По данным электронной регистрации в зале зарегистрированы 27 человек,

но кроме того в зале находятся депутаты, которых я вижу». И я начал называть депутатов по фамилии. Где-то уже после пятой фамилии они вскочили и побежали к выходу, выход был один, поэтому убежать не получилось. Как в том мультфильме, я всех сосчитал и поставил закон на голосование. 27 голосов — «за», закон принят.

Что здесь началось! Столько эпитетов в свой адрес я не слышал, наверное, никогда в жизни. Причём большинство просто возмущалось, но были опытные парламентарии из противоположного лагеря, которые с различного рода эпитетами, в том числе непечатными, подходили и кричали мне, какой я хитрый. То есть они понимали, что я их поймал. И поймал, к их сожалению, абсолютно законно.

Забегая вперёд, скажу: они подали в суд на меня. Суд я легко выиграл, потому что все нормы регламента были соблюдены.

Но самое интересное, так в жизни и бывает: непросто провести такое решение, но я его провёл. Собчаку это не помогло. Он проиграл во втором туре. И случилось то, что случилось. Но это голосование я запомнил навсегда и ещё запомнил, как важно очень скрупулёзно и очень тщательно, думая о возможных последствиях (как уставы в армии пишут кровью), принимать любые нормативные акты, будь то регламент, будь то законы, а уж тем более Конституция.

ЗНАКОМСТВО С ДМИТРИЕМ МЕДВЕДЕВЫМ

С Дмитрием Медведевым я познакомился в феврале 2000 года, когда шли выборы президента, — баллотировался Владимир Путин, тогда он был Председателем Правительства. Дмитрий Медведев был начальником предвыборного штаба.

В Петербурге штаб по выборам Путина размещался в Горном институте, ректором которого был мой друг — Владимир Стефанович Литвиненко. Он был начальником штаба, а я — его первым заместителем.

Кстати, официальный Смольный в лице Яковлева очень переживал и нервничал, а) что штаб находится не в Смольном; б) что начальник штаба не Яковлев или кто-то из вице-губернаторов, а ректор Горного института и в) что первым замом являюсь я — главный оппозиционер Яковлева. Всё это Смольный никак не могло устраивать. Смольный втихую пытался мешать работе нашего штаба.

Интересная история с подписными листами. Я занимался сбором подписей, также отвечал за доставку подписей в Александр-хауз в Москве, где находился центральный штаб по выборам Путина, отвечал за качество этих подписей. Когда я ночным поездом вместе с несколькими членами штаба, заняв несколько купе, приехал в Москву, мы договорились заранее о машине, я контролировал полностью выгрузку-загрузку, не упуская опечатанные коробки с подписями из виду ни на минуту. Даже в Александр-хауз поехал прямо в фургоне машины вместе с коробками.

Делая проверочную выборку подписных листов, сотрудники штаба с удивлением отметили очень высокое их качество — практически не было бракованных подписей. Дело в том, что я лично самым жесточайшим образом отбраковывал подписные листы, пропуская через несколько сит. В каждой подписи я был абсолютно уверен: она настоящая, всё оформлено в соответствии с требованиями закона.

При сдаче подписей я узнал, что, оказывается, из Питера привезли необходимое количество коробок с подписями, которые собирал альтернативный штаб в Смольном. Там были уверены, что наши подписи окажутся фальшивыми, их забракуют и тут, как чёртик из табакерки, высказывает «команда Яковлева», которая говорит: «А у нас подписи готовы!»

Но, как я уже сказал, наши подписи не то что не отбраковали, а, как потом признали, — позволили нам войти в пятёрку лучших регионов, которые собрали самые качественные подписи.

И вот однажды, в выходной день, как сейчас помню, ближе к вечеру, пронёсся шорох по штабу: к нам едет Медведев — начальник федерального штаба — проверять работу нашего городского штаба! Собственно говоря, получив это известие,

ничего менять в работе штаба мы не стали, потому что штаб был работоспособным, каждый занимался своим делом. Просто стали ждать прибытия.

Встречать Медведева мы вышли вместе с Владимиром Стефановичем. Поздоровались. Литвиненко меня представил. Помню, мне тогда бросилось в глаза, как стильно был одет Дмитрий Анатольевич. Костюм на нём сидел как влитой, рубашка фирменная, галстук с модным узлом правильной длины, в тон, идеальная причёска, гладко выбрит. Почему-то в голове тут же всплыло слово «денди».

Как известно, встречают по одежке, а провожают по уму. Когда Медведев провёл совещание, заслушав всех нас, задав кучу вопросов, я пришёл к выводу: внешность отнюдь не диссонирует с содержанием, потому что увидел, что Дмитрий Анатольевич — классный юрист, абсолютно чётко знает все тонкости избирательного законодательства, а самое главное, уже из практики видит самые «узкие» места. К нашей чести, на любой его вопрос у нас был аргументированный и чёткий ответ. В целом мне показалось, что работой нашего штаба Медведев остался доволен.

Спустя три дня после того, как он уехал, к нам приехала целая бригада генералов из МВД, которые инспектировали по своей линии: с точки зрения безопасности при проведении дня голосования. Генералы, их было трое, начали разговор со мной, потому что Владимир Стефанович отослал их ко мне, сказав, что «Миронов в курсе всего и все вопросы знает лучше всех». Они попытались задавать вопросы, кстати, это у них не очень хорошо получалось. Но потом я понял, что им нужно, и рассказал, какие возможны угрозы в принципе и что по любому из направлений делает наш штаб.

Когда я начал это говорить, все три генерала схватились за ручки и блокноты и стали записывать. Наш диалог, таким образом, превратился в мой монолог, и мы где-то часа полтора потратили на освещение самых фантастических и гипотетических угроз, проблем, которые могут теоретически возникнуть во время проведения выборов и подсчёта голосов.

В конце диалога генералы долго жали мне руку и благодарили. Спустя месяц после выборов вдруг приезжает генерал, тогдашний заместитель министра внутренних дел, меня вызывают в Горный, и генерал зачитывает приказ министра МВД о том, что меня награждают именованным оружием. Я очень удивился, но когда прочёл формулировку приказа, понял, за что — за оказание действенной помощи Министерству внутренних дел по вопросам безопасности в обеспечении выборов Президента Российской Федерации. Я никогда не спрашивал, но, вспоминая, какие вопросы задавал Дмитрий Анатольевич, и наши ответы ему, думаю, что этих генералов он прислал специально в наш штаб, для того чтобы они получили информацию, которую можно использовать в качестве опросника для других регионов.

КАК МЕНЯ ИЗБИРАЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

В 1998 году состоялись выборы депутатов Петербургского Заксобрания второго созыва. Я получил лучший результат города — почти 70 процентов. Потом началась знаменитая эпопея противостояния двух групп депутатов Заксобрания — противостояние по поводу выбора руководства Заксобрания: председателя и заместителя. Почти два года мы не могли избрать председателя. Ни одна из кандидатур никак не набирала необходимых 26 голосов. Ситуация была абсолютно патовая. Попыток было несколько десятков — и все бесполезные.

Претендовал я. Более того, я фактически исполнял обязанности председателя, по крайней мере, вёл заседания, распоряжался финансовыми документами по согласованию с депутатами. Так как в предыдущем созыве я был первым замом, а на излёте первого созыва Юрия Кравцова лишили поста председателя, то я исполнял обязанности председателя.

Претендовали Виктор Новосёлов и Сергей Тарасов. Были ещё претенденты, но в принципе все понимали: мы трое должны были в конце концов определиться, кому

стать председателем, кому заместителем. Уступать никто не хотел.

Кончилось тем, что мне надоел этот бардак, и я уступил. Мы избрали председателем Сергея Тарасова, меня — его единственным заместителем. Стали работать. Нужно сказать, Сергей Тарасов работал хорошо и у нас с ним никаких разногласий не было. Но он чувствовал всё время, как бы это помягче сказать, что я «дышу ему в спину». А мне в какой-то момент стало работать там не очень интересно, потому что всё накатано, всё понятно, всё уже одно и то же.

К тому времени Владимир Путин стал Президентом. После 1996 года он вслед за Собчаком ушёл с работы в Смольном, поработал в Управлении делами президента, был директором ФСБ, премьер-министром и с 2000 года стал Президентом Российской Федерации. За весь этот период примерно раза 3–4 в год мы с ним встречались. Иногда я к нему приезжал в Москву, иногда, когда он бывал в Питере, он меня приглашал. Общались на самые разные темы.

В один из его приездов в Питер я решил с ним посоветоваться и сказал, что тесновато мне в Заксобрании: «Сергей всё равно ревниво относится к тому, что я у него заместителем». Тогда Владимир Путин спросил:

- А ты не хочешь в Москве поработать?
- В качестве кого?
- Сейчас как раз поменялся порядок формирования Совета Федерации и вам нужно будет от Заксобрания кого-то делегировать. Предложи депутатам свою кандидатуру.
- Это идея, — согласился я.

Здесь нужно сказать, что существует миф, будто бы Владимир Путин звонил Яковлеву, звонил депутатам, чтобы меня делегировали в Совет Федерации, — это не так. Сергея Тарасова, когда ему рассказал о своём желании поработать в Москве, самого устроила эта ситуация. Я вместе с ним провёл работу среди депутатов, и 13 июня тридцатью семью голосами был избран представителем Петербургского Заксобрания в Совете Федерации.

Тут же поехал в Москву. Поселили меня в гостинице «Россия». Я записался в Комитет по конституционному законодательству и стал ко всем приставать, чтобы мне давали как можно больше работы. Через полтора месяца меня уже избрали заместителем председателя Комитета по конституционному законодательству. В сентябре, после каникул, все уже привыкли, что на каждом заседании я докладываю позицию Комитета по тому или иному законопроекту. Работа мне нравилась. Кроме этого, я работал в Комиссии по регламенту. Был очень активным членом Совета Федерации. Выступал на всех парламентских слушаниях, на всех конференциях, «круглых столах».

Скажу честно, работы мне не хватало и было непривычно, что часов в восемь вечера у меня всё уже было переделано и на следующий день делать нечего. Так работать я не привык. Тогда в Совете Федерации была образована группа «Федерация», которую возглавил Валерий Горегляд. Группа регулярно собиралась, строила планы. Сначала я не вошёл в неё, но потом счёл, что лучше работать изнутри той или иной структуры, чем пытаться бороться с ней извне. Почему бороться? Потому что я зачастую занимал не ту позицию, которую исповедовала группа «Федерация».

Однажды в конце ноября прошёл слух о том, что якобы Строев уходит. Конечно, Совет Федерации забурлил. Начали выдвигать и выдвигаться самые различные кандидатуры, претендующие на пост Председателя Совета Федерации.

Честно скажу, я об этой должности не думал, но с удивлением узнал, что различные группы членов Совета Федерации, включая группу «Федерация», посылают в Администрацию Президента те или иные списки, и, оказывается, моя фамилия не на первой, правда, позиции, но в первую тройку входит практически во всех предложениях. Было приятно, что именно так коллеги оценили мою активность за первые несколько месяцев работы в Совете Федерации.

В это же время я полетел в Питер в составе делегации на заседание Межпарламентской ассамблеи стран СНГ вместе со Строевым на самолёте ГТРК «Россия». Председатель Совета Федерации сидел в первом салоне. С ним были его помощники.

Мы, члены Совета Федерации, сидели в общем салоне. Вдруг в наш салон заходит помощник Строева и приглашает от имени Егора Семёновича к нему в салон. Я удивился.

Егор Семёнович посадил меня за стол напротив себя. Почти час, пока самолёт летел до Питера, мы пили чай и вроде как ни о чём беседовали. Как потом я догадался — это были «смотрины», потому что Строев узнал, что многие члены Совета Федерации предлагают мою кандидатуру.

В один прекрасный день Егора Семёновича вызвал Путин. Под телекамеры поблагодарил его за работу, объявил, что награждает его самым высшим орденом России. Как потом оказалось, они со Строевым обсуждали возможную кандидатуру его преемника.

До этой встречи Владимир Путин вызвал как-то поздно вечером меня к себе в Огарёво и сказал:

— Егор Семёнович уходит, члены Совета Федерации высказывают различные предложения о том, кому быть, в том числе называют твою фамилию. Я считаю, что это было бы неплохо. Как ты?

Я сказал, что это очень неожиданно, но если коллеги доверят, то я справлюсь. На том и расстались.

На той встрече со Строевым Владимир Владимирович спросил, кто бы мог его заменить. Егор Семёнович назвал мою фамилию. Уж не знаю, сам он так решил, или, что называется, сориентировался, или ему кто подсказал, но факт остаётся фактом.

Когда Егор Семёнович вернулся от Путина к себе в кабинет в Совете Федерации, он вызвал меня, рассказал о своём разговоре с Президентом, сказал, что предложил мою кандидатуру. И мы с ним часа три сидели и разговаривали за жизнь, он рассказывал мне о тех нюансах, которые существуют в Совете Федерации, в целом о положении в стране. Можно сказать, «делился опытом». Я до сих пор благодарен Егору Семёновичу за тот откровенный и очень полезный для будущего разговор.

Вызов к Президенту был практически в самый последний день октября, тридцатого числа. На ближайшем заседании Совета Федерации планировалось освободить Егора Семё-

новича от должности и выбрать нового Председателя Совета Федерации. Заседание было назначено на 5 декабря 2001 года.

5 декабря для меня день памятный и грустный — в 1993 году в этот день умерла моя единственная сестра Марина. Я этот день помню всегда. Так сложилось, что именно в этот день предстояло моё избрание Председателем Совета Федерации.

Совет Федерации бурлил. Как только стало известно, что Егор Семёнович назвал мою фамилию и Владимир Владимирович сказал, что не возражает, считает, что кандидатура вполне достойная, ко мне потянулись «ходоки». Я помню, был вынужден из своего кабинета в Совете Федерации пойти в офис к Николаю Левичеву, моему товарищу, который уже многие годы работал в Москве. Офис находился на Новой площади. Но и там мои коллеги меня находили. Кто-то предлагал себя в заместители, кто-то хотел стать председателем того или иного комитета, кто-то просто высказывал поддержку. Одним словом, процесс пошёл.

И вот наступило 5 декабря. Егор Семёнович выступил с прощальной речью. Члены Совета Федерации проголосовали за его освобождение от должности, и он предложил рассмотреть мою кандидатуру. Были короткие прения. К моему удивлению, слово взял Владимир Яковлев (какое-то время мы оба были членами Совета Федерации: он — как губернатор, а я — как представитель Заксобрания), сказал, что знает меня хорошо и что «у Миронова есть одно качество, которое поможет ему быть Председателем, — это то, что он — трудоголик».

Голосование было тайным, с использованием электронной системы. Несколько человек проголосовали против, подавляющее большинство — «за». Я думал, что это заседание досижу на своём месте в зале, но как только меня избрали, Егор Семёнович в микрофон сказал:

— Ну, Сергей Михайлович, давай, занимай моё место, веди заседание.

Честно говоря, может, морально я и был к этому не готов, но никакого испуга не испытал: в Петербургском Заксобрании я почти всегда вёл заседания. Так как я был дисциплинированным членом Совета Федерации — сидел от звонка до

звонка, — как ведёт председательствующий заседания, я видел и понимал. Под аплодисменты прошёл в президиум. Егор Семёнович поднялся, обнял меня, уступив мне место, а сам с огромным букетом цветов вышел из зала.

Я сел и (даже сам удивился) абсолютно спокойным голосом сказал:

— Уважаемые коллеги, переходим к следующему пункту повестки дня.

Как потом мне сказали мои коллеги, они все немножко «обалдели» от того, что у меня ни один мускул не дрогнул и я провёл заседание так, как будто делал это всю жизнь. Хотя, конечно, я волновался, но работа есть работа, тем более работа была привычная.

После заседания меня повели в мой новый кабинет, а Егор Семёнович его уже освободил к тому времени. Меня провели в комнату отдыха, там был накрыт небольшой фуршетный стол. Несколько сенаторов я пригласил с собой, включая Егора Семёновича. Когда были наполнены рюмки, я сказал:

— Коллеги, благодарю вас за такое доверие, благодарю за то, что меня избрали, но, с вашего позволения, давайте первым тостом помянем мою сестру Марину — как жаль, что она не дожила до этого дня.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В КНДР

В сентябре 2004 года у меня состоялся официальный визит в качестве Председателя Совета Федерации в КНДР. Северную Корею я посещал впервые. Как всегда, очень тщательно готовился к поездке, изучил много документов, познакомился с историей, прочитал кучу справок.

Когда наш самолёт заходил на посадку (а уже совсем стемнело), я выглянул в иллюминатор и увидел редкие-редкие уличные фонари, тускло горевшие. Обычно, когда подлетаешь к любому городу, то видишь море огней, а здесь всё погружено во тьму. Самолёт остановился у здания аэропорта, я увидел только одно большое светящееся пятно и сра-

зу понял, что это освещенные портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Больше в аэропорту не светилося ни одно окошко и ни одна лампочка.

Нас встречал почётный караул. По ковровой дорожке мы прошли в здание аэропорта, там меня встречали коллеги из Народного Собрания. Мы сели в большой лимузин и поехали по ночному Пхеньяну. В редком доме еле-еле (почему-то мне показалось, что это кухня) горела единственная лампочка. При подъезде к резиденции, в которой мы жили (резиденция находилась недалеко от мемориального комплекса с мавзолеем Ким Ир Сена), стало немного рассветать, появились первые люди на велосипедах, одетые, такое создалось впечатление, в одинаковую одежду. Хотя это было и раннее утро, но город выглядел почти пустым — машин, кроме нашего кортежа, я не увидел.

Дальше я сделал много интересных наблюдений и по поводу людей, и по поводу уникальной, так и хочется сказать, сталинской архитектуры Пхеньяна. Встреча с Ким Чен Иром проходила в той же резиденции, в которой мы и жили. К назначенному времени мы пешком пошли от своего здания к тому зданию, где была назначена встреча, а затем — по длинному коридору, в который выходило множество дверей, ведущих в оранжерею, где было много цветов и каких-то растений, я даже почувствовал их аромат.

Переговоры прошли нормально. Всё было довольно сухо, подчёркнуто вежливо. Мы с Ким Чен Иром сидели в креслах под огромным панно, изображавшим что-то такое революционное. Нас предупреждали, что переговоры будут намного короче, но они затянулись. Ким Чен Ира интересовала ситуация в России, я подробно рассказывал. В конце беседы мне показалось, как потом выяснилось, не без оснований, что Ким Чен Ир ко мне «проникся». Когда мы стали прощаться в этом зале для переговоров, он дал понять, что хочет проводить меня до выхода.

А здесь нужно сказать об особом, я бы сказал, трепетно-услужливо-испуганном почитании и соответствующем поведении всех окружающих Ким Чен Ира. Я видел, что они не поднимают глаз на него, склоняются в глубоком поклоне, когда он просто в их сторону посмотрит. Кто-то торопливо пятился

назад, когда Ким Чен Ир шёл или что-то делал. Одним словом, мизансцены «Великий Кормчий», «Живой Бог на Земле» и всё остальное — всё это считывалось по полной программе.

Когда мы с Ким Чен Иром шли по коридору, впереди нас бежала большая группа различных помощников и работников Ким Чен Ира, а в конце холла ждали ещё люди. Проходя мимо оранжереи, я любопытствовал через переводчика: «Что это такое?» Ким Чен Ир очень оживился и рассказал, что эти растения выращивает он сам. Я признался, что очень красиво.

Тут Ким Чен Ир взял меня за плечи, развернул и повёл в свою оранжерею, с большой любовью он стал рассказывать о растениях. Было видно, что ему это действительно нравится. Ким Чен Ир рассказывал, где какой сорт, в том числе сорта, названные в его честь, потому что сам их вывел. Минут двадцать минимум мы провели в оранжерее.

А потом мы продолжили идти вместе по коридору, и тут я увидел большую произошедшую метаморфозу со всеми, кто сопровождал меня на эту встречу с Ким Чен Иром с корейской стороны. Какая-то часть того подобострастия, которое я увидел по отношению к Ким Чен Иру, вдруг, к моему ужасу, стала распространяться на меня.

Я сначала не мог понять, в чём дело, но потом понял: великий Ким Чен Ир обнял меня в нарушение этикета и протокола, повёл в свою оранжерею и там гостю из Москвы что-то рассказывал о своём увлечении, а значит, если Великий Полководец и Вождь обратил внимание и так приветил гостя из России, то и подчинённым товарища Ким Чен Ира не грех особенно высказывать знаки расположения этому гостю, то бишь мне.

Проявлялось это по-разному. Так как к товарищу Ким Чен Иру нельзя было просто так подойти и пожать ему руку, то когда мы распрощались с Ким Чен Иром и я вышел на улицу, все корейские товарищи по очереди стали подходить и трясти мою руку, заглядывая мне в глаза. Как я понял, они ожидали, что частица тепла руки Ким Чен Ира через мою руку передастся и им.

Я, конечно, утрирую, но то, что я увидел, и то, чему стал свидетелем, другим словом, кроме как ужасно, я назвать не могу.

Это впечатление осталось со мной на всю мою жизнь. Не дай нам Бог увидеть в России когда-нибудь подобное обожествление власти и подобное самоуничтожение, которое демонстрировали верные солдаты «Великого Корейского Полководца»!

Эту заметку я написал ещё тогда, когда Ким Чен Ир был жив.

ПОЕЗДКА В ИЗРАИЛЬ

В марте 2002 года мне предстояло совершить одну из первых моих поездок в качестве Председателя Совета Федерации — в Израиль. В плане стояли переговоры в Тель-Авиве, посещение Иерусалима, там тоже переговоры и посещение в Рамалле Ясира Арафата.

Я начал готовиться к поездке, много читал, много изучил материалов по ближневосточному урегулированию, по вопросу терроризма, по израильским проблемам. Кто-то мне посоветовал связаться с Александром Бовиным — на тот момент уже бывшим послом России в Израиле, а я его знал заочно по замечательным книгам и репортажам. Мы созвонились, договорились, и он пришёл ко мне в Совет Федерации. Мы проговорили с ним часа три. Александр Евгеньевич говорил о том, что понимает и принимает позицию России, которая выступает за мирное сосуществование двух государств (Израиля и Палестины), говорил очень много интересного и не всегда лицеприятного не только в адрес израильского руководства, но и в адрес Арафата, который, с его слов, фактически покрывает и обучает террористов. Как в таких случаях говорится, я принял информацию к сведению.

И вот я прилетаю в Израиль. Когда приземлились, я узнаю, что накануне поздно вечером в Иерусалиме в одном из модных кафе террорист-смертник взорвал бомбу и погибли одиннадцать молодых девушек и юношей, 54 раненых (из них 11 — тяжело), среди них десять тех, кто совсем недавно приехал вместе с родителями из России. Я попросил внести изменения в программу визита.

Рано утром мы начали рабочий день с того, что я приехал на место взрыва. Там продолжали расчищать завалы, но вокруг было много цветов, а за полицейскими лентами стояли люди и плакали. Я подошёл и на кучу разбитых кирпичей (на некоторых из них была видна кровь) положил букет алых роз.

Кто-то из стоящих за лентой по-русски спросил:

— Вы из России?

Я подошёл к ним.

— Вот видите, что они творят? — сказали мне. — А вы их защищаете!

— У террористов нет национальности, и мы никогда не защищали и не защищаем террористов, — ответил я.

Потом была большая встреча с депутатами Кнессета, предстояли переговоры с премьер-министром Шароном. После Шарона прошла ещё одна встреча в Кнессете с депутатами, в том числе с депутатами — выходцами из России. У нас был очень жёсткий и даже нелицеприятный разговор. Каждый остался при своей позиции, но я чувствовал, что разговор надо продолжать, потому что в чём-то они стали слышать нашу позицию и нашу точку зрения на ближневосточное урегулирование.

Тогда я принял решение не тратить протокольные три часа на поездку в Рамаллу — абсолютно протокольный двадцатиминутный визит к Ясиру Арафату, а продолжить дискуссию-спор с израильскими депутатами. Очень мне хотелось, чтобы они услышали иную точку зрения, в частности, на израильские поселения на оккупированной территории, на проблему Восточного Иерусалима и на многие другие вопросы. Решил, что после этой встречи вечером проведу ещё одну встречу с депутатами, а сейчас меня в здании Кнессета ждали журналисты, к которым я вышел с мыслью, что скажу им об отмене своего визита к Арафату.

Здесь нужно сказать честно, кроме прагматичного понимания бесполезности этого протокольного визита, конечно, были примешаны эмоции после посещения утром места гибели молодых людей. Одним словом, когда появилась объективная причина больше времени уделить дискуссии с из-

раильскими парламентариями, мне себя не пришлось долго уговаривать отменить визит к Арафату, потому что после того, что я увидел утром, боюсь, эта протокольная встреча, по крайней мере с моей стороны, всё-таки выглядела бы несколько лицемерно.

Нужно сказать, что с нами в Израиль на борту самолёта прилетел будущий посол России в Израиле, нас встречал действующий посол, который вот-вот должен был вернуться на Родину, срок его полномочий заканчивался. И с нами также прилетел представитель России по Ближнему Востоку из МИДа.

Все три дипломата сопровождали меня повсюду. После переговоров с депутатами Кнессета я вышел в холл, там уже выстроились телекамеры, наши и израильские журналисты. Я отвёл в сторону трёх наших дипломатов и сказал, что принял решение не ехать к Арафату, а вместо этого провести ещё одну серию встреч с депутатами Кнессета.

Реакцию на лицах моих визави я не забуду никогда. У посла, который прилетел с нами, в глазах невольно мелькнула радость, он её быстро погасил, но я успел увидеть: он начинает свою работу с того, что привёз политика, который публично отказывается от встречи с Арафатом, но он-то скоро будет послом в Израиле. У посла, который прекращал свою работу на этом посту, было полное равнодушие. Это не говорило о неумении дипломата скрывать свои эмоции — ему просто уже было всё равно. А вот в глазах представителя МИДа по Ближнему Востоку я увидел настоящий ужас, потому что его начальство явно ему за это потом выговорило. Я всё им сказал довольно жёстко и безапелляционно, никто из трёх дипломатов мне ничего в ответ не сказал, кроме того, что я прочёл на их лицах.

Я подошёл к журналистам и сообщил о том, что мной принято решение не ехать к Арафату. Дальше, если кто помнит, была огромная буча в российской прессе, не меньшая буча в арабских СМИ, и, конечно, не отстали от них израильцы. С трёх раз догадайтесь, кто и что писал? У меня до сих пор хранятся вырезки и перепечатки из самых разных газет.

Вот с такого дипломатического демарша я начинал свою работу на международном направлении на посту Председателя Совета Федерации.

БИЛЛ КЛИНТОН... ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ Я ДАЖЕ СОЧУВСТВОВАЛ ЕМУ

Это был мой очередной визит в США в должности Председателя Совета Федерации России. 11 сентября 2006 года в США открывали монумент Зураба Церетели «Слеза скорби» — в знак памяти жертв терактов 11 сентября. Было много разговоров о том, где поставить памятник, в результате его возвели в устье реки Гудзон напротив Манхэттена.

Мы с Клинтонем как раз открывали этот памятник. День выдался солнечный. В то время Билл Клинтон уже не был президентом — тогда его сменил Буш Младший — но он пришёл на открытие памятника. За нами сидела переводчица, и мы с ним очень хорошо болтали. В США «бывших президентов» не бывает, к ним всё равно принято обращаться «господин президент».

Клинтон произвёл впечатление приятного, общительного человека. У него вообще манера общения довольно демократичная, и он в разговоре ведёт себя «по-свойски». Даже по его мимике видно — живой человек, эмоциональный. Через десять лет я даже посочувствовал ему, когда во время президентских выборов США в 2016 году он мотался за своей женой Хиллари по всем штатам, как поношенный рюкзак. Наверняка после проигрыша на него ещё и всех собак спустили...

ПРАВДУ ГОВОРИТЬ ЛЕГКО И ПРИЯТНО

В начале 2011 года в преддверии осенних выборов в Государственную Думу я принял для себя принципиальное решение, что мне нужно уйти с поста Председателя Совета Федерации. Я отдавал себе отчёт, что являюсь по Конституции

третьим лицом в государстве и одновременно возглавляю оппозиционную партию «Справедливая Россия» — и совмещать эти две позиции далее невозможно.

По закону меня в Совет Федерации делегировало Законодательное собрание Санкт-Петербурга. И именно депутаты Закса, а точнее, большинство в лице депутатов «Единой России», должны были меня освободить от должности члена Совета Федерации.

Соответственно пост председателя в таком случае я терял автоматически. Не буду долго рассказывать, что да как, а всё делалось для того, чтобы 18 мая 2011 года в повестке дня Заксобрания Санкт-Петербурга появился вопрос о прекращении полномочий члена Совета Федерации, представляющего Заксобрание Санкт-Петербурга в Совете Федерации, Сергея Михайловича Миронова.

Я хотел уйти, как в таких случаях говорят, громко хлопнув дверью, и напоследок сказать, что думаю о «Единой России» и о моих бывших коллегах — депутатах Закса от «Единой России».

Речь свою я написал сам. Переписывал её несколько раз, выступление получилось эмоциональное, может быть, несколько сумбурное, но зато от души. Поддержать меня приехали мои товарищи по партии — депутаты Государственной Думы. Они находились на гостевом балконе зала заседаний Мариинского дворца в Санкт-Петербурге.

Когда я закончил речь, раздались аплодисменты. Мои товарищи на балконе подняли флаги «Справедливой России». Я вышел к прессе, эмоционально сказал, что борьба продолжается и я возглавляю партию на выборах в Государственную Думу.

А после выхода к прессе ко мне подошла Галина Петровна Хованская, на тот момент она была беспартийной. Она пожала мне руку и сказала: «Сергей Михайлович, спасибо вам за эту речь. Сегодня я пишу заявление о вступлении в партию „Справедливая Россия“. Я хочу быть вместе с вами в нашей партии».

Главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов в те дни сказал про мою речь, что это лучшая политическая речь десятилетия.

Много времени прошло, но судить о качестве этой речи уже вам, дорогие читатели.

Я буду говорить сегодня не о формальных основаниях моего отзыва, а о политической свободе.

Сегодняшнее ваше решение, за которое, не сомневаюсь, проголосует большинство Законодательного собрания, войдёт в историю парламентаризма России.

У меня нет иллюзий по поводу роли моей скромной персоны в истории российского парламентаризма. Но сегодня здесь, в когда-то самом демократичном городе России — в Санкт-Петербурге, в когда-то самом демократичном Законодательном собрании России, вы открываете печально известную «охоту на ведьм».

Жаль, что в городе, который поистине выстрадал свободу, был в авангарде борьбы за достоинство человека и демократическое преобразование страны, вновь поднимает голову агрессивно-послушное большинство.

Вы будете голосовать, по сути, за запрет на профессию, за наказание за политические взгляды, за политическое инакомыслие.

Сегодня, подчиняясь решению руководства «ЕР» — этого профсоюза бюрократов, — вы запретите мне быть членом Совета Федерации. Завтра вы, «единороссы», запретите учителям, не членам «ЕР», учить наших детей. А потом нельзя будет работать водителем маршрутки или врачом в поликлинике без членского билета так называемой партии власти.

Конечно, всякие исторические параллели условны, но иногда мне кажется, что дай вам, господа «единороссы», волю, вы бы быстро восстановили печально известную 6-ю статью Конституции СССР о «руководящей и направляющей».

Похоже, вы подзабыли, чем в 1991 году кончилась монополия одной партии. Плохо историю помните.

Так сколько же можно, коллеги, жить по принципу «Если понадобится ваше мнение, вам его сообщат»? Может, сегодня именно тот случай, когда надо прислушаться к голосу совести и проявить самостоятельную позицию? Может, пора уже на-

чинать, говоря словами Александра Солженицына, «жить не по лжи»?

Больно видеть, во что превратилось наше Законодательное собрание — ведь сегодня это, по сути, всего лишь одно из неглавных подразделений Смольного, возглавляемого губернатором, деятельность которого вызывает неприятие у большей и лучшей части петербуржцев.

Вам не нравится, ЧТО я говорю о Матвиенко, Тюльпанове и их коллегах из «Единой России». Вам нравятся только бурные продолжительные аплодисменты. Вы не хотите помнить, что под гром оваций мы уже однажды потеряли великую страну.

Ваши вопросы и даже результат вашего голосования меня уже не волнуют. Меня и моих единомышленников, а не предателей, волнует судьба нашего города, судьба России.

Сколько директоров школ, главврачей поликлиник и больниц вы силком загнали в свою партию? Скольких бюджетников вы повыгоняли с работы только за то, что они публично выразили свои симпатии другой партии?

По всей стране социальные лифты фактически оборваны, в кадровой политике царит кумовство, дети нынешних чиновников занимают все «тёплые места».

Сегодня вы ещё раз доказали, что партия «Единая Россия», а заодно и коммунисты, и либеральные демократы (к счастью, не все), которые сегодня у вас на подтанцовке, — это тупик политической эволюции России.

Но мне остаётся надежда, что многое в нашей стране в сегодняшней политической системе в ближайшее время изменится. Страна ждёт перемен. Люди не хотят жить так, как сегодня. Народ России хочет знать: куда мы идём? какую страну мы строим? что мы оставим нашим детям, нашим внукам? И главное условие того, что впереди нас не ждёт катастрофа, — это уже сегодня реальная и защищённая законом и волей власти политическая конкуренция — реальная многопартийность.

Если этой надежде не суждено сбыться, «часы российского охранительного консерватизма» быстро отобьют своё, как уже отбили своё «часы доморощенного отечественного либе-

рализма». И что будет тогда, не знает никто. Приятно утешать себя мыслью, что Россия исчерпала лимит революций ещё в двадцатом веке. А если это не так?!

Отношение к оппозиции является важнейшим показателем цивилизованности и политической культуры правящего класса!

Господин Грызлов в Волгограде заявил, что член Совета Федерации не является народным избранником, он — представитель власти. Вот так. Дума — не место для дискуссии, а член Совета Федерации — не народный избранник. На всякий случай напомню статью 3 Конституции РФ: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ». Вот здесь у нас с вами коренное различие. Мы считаем, что власть принадлежит народу, и член Совета Федерации — народный избранник и высшая его ответственность и конституционная обязанность — защищать и представлять интересы народа. В моём случае — петербуржцев, а не какой-либо партии.

Вы знаете, я неоднократно выступал с предложением избирать членов Совета Федерации всенародным голосованием. В этом не было личного интереса. Россия состоит не из партий, страна — это регионы. «Палатой партий» является Государственная Дума. Совет Федерации — это «палата регионов». К сожалению, моя инициатива не была поддержана. На протяжении девяти лет я пытался, как мог, избежать партизации Совета Федерации, старался не впускать в него межпартийное соперничество.

Надеюсь, что уже в ближайшем будущем снова верхнюю палату парламента возглавит политик из одной партии, а нижнюю палату — из другой. Это пойдёт только на пользу законотворческому процессу и подлинной демократии в нашей стране.

Голосуя за мой отзыв, вы фактически подтверждаете, что боитесь конкуренции со стороны «Справедливой России». Значит, вся наша критика деятельности «Единой России» была справедлива и была точно в цель. Так и будем продолжать!

Если вы полагаете, что сегодняшнее голосование поставит точку на политическом будущем «Справедливой России», то глубоко заблуждаетесь. Борьба только начинается. И наша партия будет отстаивать в ней не свои посты, а интересы большинства граждан.

Стране нужны люди, которые не боятся говорить правду и не боятся бороться за справедливость! Только с такими людьми у России есть будущее!

Я не говорю «Прощай!» стенам этого зала, которые по-настоящему являются для меня родными вот уже семнадцать лет, я говорю: «До свидания!», потому что в декабре этого года с этой трибуны я с большим удовольствием буду поздравлять с избранием на пост Председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга представителя нашей партии «Справедливая Россия»!

Так будет!

До встречи в декабре.

ЧЁТКИ ПАМЯТИ

ФРУКТОВОЕ МОРОЖЕНОЕ

Дело было после армии, в Пушкине. Лето, жарко. Захотелось окрошечки, и пошёл я за квасом. С улицы Красной Артиллерии нужно было свернуть на бульвар Киквидзе, там в торце продовольственного магазина летом стояла бочка с квасом и, естественно, всегда выстраивалась здоровущая очередь. И вот встал я с трёхлитровым бидоном в очередь, стою, солнышко греет, птички поют, очередь хоть медленно, но движется. А рядом лоток с мороженым.

И как раз между очередью за квасом и лотком с мороженым моё внимание привлекла очень интересная троица.

Две девочки, наверное, второклассницы — только что закончили первый класс и перешли во второй, а с ними маленький, годика три, братик одной из них. Методично, перекладывая копеечки с ладошки одной девочки на ладошку другой, девочки вели счёт — чай, почти второклассницы, считать уже умеют!

А мальчишка, взглядом следя за денежкой, которая кочует с ладошки на ладошку, аж рот открыл от тревоги и в то же время сладостного ожидания.

И очень быстро я понял, что самое дешёвое мороженое — фруктовое в картонном стаканчике с палочкой — стоило семь копеек, три порции мороженого — 21 копейку, а у девчонок было где-то копеек 18. Они-то давным-давно уже поняли, что денег хватит только на две порции, но никак не могли сказать этого братику, и в который уже раз, по-моему, в пятый или шестой, начинали перекладывать и вслух пересчитывать копейки.

И так меня тронул этот пацан, который уже палец засунул в рот, представляя, наверное, что это та самая палочка с мороженым, и глаза его, следящие вопросительно, жалобно-тревожно и в то же время с надеждой за денежками, и девчонки, которые могли бы давным-давно купить два мороженых и дать одно братцу, но почему-то для них это был какой-то моральный тупик — не хотелось никого обижать.

Я, конечно, подошёл и дал им денег — сколько не хватало.

Нужно было видеть (я хорошо запомнил) эти три пары благодарных глаз. Похоже, я выступил, если не тем Волшебником на голубом вертолёте, который привозит в известной песне сто эскимо, то уж просто волшебником точно. Почему-то стало очень приятно, правда, ещё больше захотелось кваса.

Окрошка в тот день удалась!

ГЛАЗА ПОД СТОЛОМ

Когда я учился на первом курсе в Горном, я жил в Пушкине и каждое утро ездил в Ленинград на электричке. Двое моих друзей из нашей группы РФР-74 — Володя Котов и Лёшка Чильдинов — снимали комнату на Петроградской стороне, на улице Куйбышева, практически рядом с Музеем Революции (сейчас — Исторический музей).

Снимали они маленькую комнатку в полуподвальном помещении. Хозяин жил в соседней комнате — молодой, тихий алкаш. В комнатке стояли шкаф, буквой «Г» вдоль стенок две кровати, на которых спали мои однокурсники, а между шка-

фом и вдоль одной кровати торцом к другой стоял стол, за которым можно было расположиться, садясь на кровать.

Иногда, по тем или иным студенческим делам проведя вечер в Ленинграде, я опаздывал на последнюю электричку и шёл ночевать к ребятам. На полу под столом у меня всегда был малый «гиссарский» спальник. Я его раскатывал и забирался в него. Как всегда, на ночь мы о чём-нибудь болтали, потом засыпали, утром вместе ехали на первую пару в Горный.

Это моё место под столом было очень популярным. Сама ночёвка под столом была постоянным предметом шуток моих однокурсников. Например: «Наш Комиссар (у меня была после «картошки» на первом курсе кличка «Комиссар») вчера вечер закончил под столом». Но так как я сам любил пошутить, в том числе над собой, поэтому всё это было очень весело.

У нас в группе была компания из нескольких мальчишек и девчонок. Компания весёлая, остроумная. Очень часто мы все собирались в этой комнате, иногда вино попивали, иногда чай гоняли и разговаривали, разговаривали обо всём на свете.

Среди девчонок была Танча — Таня Салтанова. Она — моя землячка, кстати, тоже жила на Петроградской, напротив станции метро «Горьковская».

И вот Танча однажды учудила «весёлую» шутку.

Я в очередной раз опоздал на электричку, пришёл к ребятам, они ещё не спали. Посидели, чайку попили и, как всегда, за разговором начали укладываться спать. Я полез под стол, начал залезать в спальник и одновременно что-то говорю. Ребята слушают. И вот я лёг (а когда ложишься на спину, то всегда взгляд упирался в изнаночные доски столешницы), поднял глаза вверх и... вздрогнул, от неожиданности прервав рассказ — сверху на меня смотрели два огромных страшных глаза. Ребята захохотали.

Как выяснилось, Танча послала мне такой «привет» — не поленилась, залезла под стол, вымерила место, где у меня лежит голова, и прямо над ней, на изнанке столешницы, приклеила вырезанные из какого-то журнала глаза с жутким выражением.

Надо ли говорить, что утром Танча и все остальные с нетерпением ждали нас на первую пару, чтобы узнать: каков эффект? Мы их не разочаровали — эффект действительно был!

НОЧНОЙ ПЕРЕЕЗД

Мой друг Толян — замечательный ювелир-самоучка. Он нигде этому ремеслу не учился, но руки у него золотые.

Ещё в советское время он делал уникальные работы. Случались у него регулярные неприятности, связанные с драгметаллами, но как-то ему удавалось эти проблемы решать. Толян всё время искал какое-либо жильё, снимал квартиры с таким расчётом, чтобы в одной комнате можно было жить, а другая могла служить ювелирной мастерской.

В тот период, о котором сейчас вспоминаю (это было где-то начало 90-х годов, я уже был депутатом Законодательного собрания), Толян жил в так называемом нежилом фонде на Петроградской стороне, в районе пересечения улицы Попова и Кировского проспекта.

Квартира находилась на первом этаже, подъезд — внутри типичного ленинградского двора-колодца. Были там две или три комнаты, кухня. Практически по всей квартире у Толяна размещались станки, тиски, алмазные пилы, горелки и прочие инструменты.

Однажды Толян «попал на бандитов». Была какая-то история, связанная с ДТП. Одним словом, Толян приехал ко мне и сказал, что бандиты вычислили его квартиру и ему нужно срочно оттуда съезжать, потому что просто придут и разграбят, а то и убьют. На сегодняшнюю ночь он заказал фургон и просил меня помочь загрузить вещи и отвезти их в пригород Ленинграда в одну деревушку, где он предварительно снял избу.

Я, конечно, согласился.

Толян нашёл ещё двух хлопцев, и мы где-то часов с одиннадцати вечера начали загружать грузовик. А дело было летом, ночи стояли «белые».

Мы таскали тяжёлые выючники, набитые инструментом, таскали камни-сырьё, различный скарб. И все немножко нервничали, потому что в любой момент ждали, что нагрянут бандиты с огнестрельным оружием.

Ранее я пытался предложить апеллировать к милиции или каким-то другим образом решать эту проблему, но Толян считал это нецелесообразным. Поэтому делали по-простому, что называется, «смаывали удочки».

И вот когда уже погрузка шла к концу, получилось так, что я зачем-то зашёл в квартиру, а Толян и двое других хлопцев остались у машины. И тут я слышу визг тормозов во дворе (а окна были забиты железом, чтобы в мастерскую никто не мог залезть, когда Толяна нет дома, поэтому увидеть, что происходит на улице, я не мог), одновременно хлопанье дверей машины. Понимаю, что мы не успели — приехали бандиты!

Хватаю какой-то ломик и бегу на улицу, опасаясь, что Толяна сейчас будут убивать. Выскакиваю. Стоит Толян, спокойно курит и разговаривает с какими-то мужиками. Оказалось, это соседи приехали с рыбалки. Рыбалка неудачная, поэтому вернулись под утро злые, как черти. Но это были соседи, а не бандиты.

Мы быстро загрузили машину и уехали в деревню. Потом Толян рассказал, что спустя неделю он зашёл в свою бывшую мастерскую, в квартиру в нежилом фонде, и понял, что бандиты действительно приходили. Квартира была старенькая и сантехника старенькая, но разбито было всё: даже унитаз, даже раскурочена раковина на кухне. Одним словом, было видно — от злости бесились бандюги, ну а Толяна уже след простыл.

КОМИССАР

Когда я увидел приказ о зачислении меня на первый курс геофизического факультета Горного института, то очень обрадовался — сбылась мечта (а это было уже после армии)! И в то же время с удивлением обнаружил рядом со списком посту-

пивших такую бумажку, на которой было написано: «Комсомолец С. М. Миронов, просьба зайти в комитет комсомола». Я сначала удивился, потом вспомнил, что, конечно, я же заполнял анкету и личное дело, все документы находятся в приёмной комиссии.

А, кстати, в этой анкете в том числе было написано (и это соответствовало действительности), что во время службы в армии я был народным заседателем военного трибунала Закавказского военного округа. Это выборная должность, когда меня уговаривали согласиться на это, наш замполит, капитан Сосонный говорил: «Сергей, имей в виду, всю жизнь потом в анкетах в графе „Выборная должность“ будешь писать про это, потому что это настоящая выборная должность». К счастью, мне ни разу не пришлось участвовать в заседаниях трибунала, но строчка в биографии осталась.

И вот я захожу в комитет комсомола, и мне говорят:

— У нас, как ты знаешь, в сентябре все студенты едут на картошку. Вы поедете в Ленинградскую область, Сланцевский район, деревню Велетово. И мы предлагаем, чтобы ты в своей группе стал комиссаром.

— А что это такое? — спросил я.

— Обычно комиссарами посылаем старшекурсников. А ты после армии, комсомолец и народный заседатель.

— А что там делать?

— Просто будешь организовывать работу и во всём помогать.

Я согласился. В день отъезда мы с вещами перед зданием общежития сели в автобусы. Я взял с собой тетрадку 48 листов и по очереди подсаживался к своим однокурсникам и расспрашивал: кто, откуда, когда день рождения, из какого региона, чем увлекается, занимается ли спортом. Обошёл всех и часа через два (а ехали мы, наверное, часа четыре) я встал рядом с водителем автобуса и как экскурсовод в туристических автобусах представился и сказал, что я — комиссар нашего отряда, зовут меня Сергей Миронов и коротко подвёл некую статистику. У нас оказались кандидаты в мастера спорта, шахматисты, певцы, танцоры, борцы и, как в таких случаях

говорят, каждой твари по паре. Оказалось, что есть земляки, которые даже не знали, что они из одного города или из одной области. Началось братание. Естественно, потом всю студенческую жизнь у меня была кличка Комиссар.

Мы приехали в деревню Велетово, сначала обустроили жильё. Починили старые нары и разместили девчонок, потом сделали то же самое для мальчишек. Рядом находилось озеро Самро. Я предложил: «Сделаем флаг, назовём наш отряд „Самро-74“». Это год поступления. Мы так и сделали.

Я завёл правило: по утрам проводили линейку, поднимали флаг, потом по разнарядке шли на колхозное поле убирать после комбайнов картошку. Комбайн должен всю картошку собрать, но такие комбайны были, что больше половины картошки оставалось в земле.

За мной была организация питания. Мне сказали, к кому обращаться в соседнем колхозе, дали подводку с лошадьё. Ещё я водил народ (сначала девчонок, потом мальчишек) в баню. По дороге в баню (девчонки до сих пор вспоминают) я научил их песне десантной «Нам, парашютистам, привольно на небе чистом». Девчонки шли строем, пели эту песню. Одним словом, было весело.

Мы отмечали дни рождения, устраивали капустники. 11 сентября исполнялась годовщина со дня фашистского путча в Чили. Накануне попросил ребят, которые умеют красиво писать и рисовать, сделать стенгазету «Руки прочь от Чили!». Утром на линейке я устроил митинг.

Уж не знаю, откуда, тогда айфонов не было, про этот митинг узнали в институте и сначала там запаниковали — что это за самодеятельность! Потому что никто не догадался провести митинг солидарности с народом Чили, только наш отряд. А я к тому времени увлекался международной политикой, поэтому всё отслеживал. Приезжала даже специальная комиссия из комитета комсомола Горного. Как они говорили, сначала они ехали дать мне по башке, а потом объявили благодарность и ставили меня всем в пример, как у нас идеологическая работа построена.

Жили хорошо, но как всегда бывает, подходил сентябрь к концу, начинались заморозки, а конца и краю этой карто-

фельной эпопеи было не видно. Наш куратор жил в соседнем доме, как сейчас помню его фамилию — Степанов, преподаватель физики в Горном. Вызывает меня Степанов и говорит: «Сергей, тут было совещание (а он ездил в штаб всех сельскохозяйственных отрядов), и там сказали, что нам нужно ещё неделю поубирать картошку».

Я удивился, мы уезжали в начале сентября, было тепло, а сейчас уже похолодало. Кто-то взял свитер, а кто-то нет. Какая неделя может быть?!!

Степанов говорит: «Сказали, что нужно добрать оставшиеся сотки, а дальше всё, можно просто ждать, когда автобусы приедут за нами».

В это время мои однокурсники сидели в поле кучками у костерков, никто, естественно, не работал. У девчонок, да и мальчишек руки мёрзли. Энтузиазма не было никакого. Что делать? Я взял тетрадь и пошёл на поле. Предварительно съездил за мясом, молоком. У нас дежурили по очереди ребята на кухне, проверил, чтобы был готов обед.

Подхожу к первой группе, сажусь, достаю тетрадь и начинаю спрашивать: «Лёха, у тебя какой размер обуви? А головного убора?» Он отвечает. У следующего спрашиваю. Наконец, пятый или шестой интересуется: «Слушай, Комиссар, для чего тебе это надо?» Я на полном серьёзе без улыбки отвечаю: «Как для чего? Валенки чтобы получить, зимние шапки, варежки. Будем зимовать, пока вот это поле не уберём». Хохот стоял на всё поле. Я продолжал: «По уму, если мы будем сидеть и травить байки, мы можем тут всю неделю проторчать на поле. Я предлагаю: обед готов, я с вами сейчас остаюсь, давайте мы пройдем по полю, тут часа на два-три максимум работы. Я вас уверяю, если нам скажут: „Ребята, вы молодцы, идите на следующее поле“ — я костыми лягу и не позволю, чтобы нас отправили ещё куда-то. Но здесь мы должны всё закончить, как надо».

С шутками, песнями, прибаутками мы всю эту картошку дособирали. Ещё несколько дней повалялись дурака, пели песни, сидели в столовой, травили анекдоты. А потом прислали за нами автобус, и мы уехали. Но с кличкой Комиссар так я в Горном и проучился.

КАК Я РАБОТАЛ В МУЗЕЕ

Когда я учился на первом курсе Горного, несмотря на то, что у нас была повышенная стипендия (аж целых 45 рублей!), денег, конечно же, не хватало. Я был уже после армии, хотелось и одеваться нормально, да и девочку куда-нибудь сводить, одним словом, проблема приработка «стояла ребром».

Как-то кто-то из родственников мне подсказал, что освобождается вакансия в Екатерининском дворце (а жил я в Пушкине) ночного вытряхальщика войлочных тапочек. Разузнав, в чём состоит работа, какой график и сколько за это платят, я пришёл в восторг.

Платили за эту в прямом смысле пыльную работу аж целых 70 рублей. Нужно было три раза в неделю в любое время, начиная с 8 вечера до 7 утра, приезжать во дворец. Там надо было позвонить в дверь — тебе открывал дежурный милиционер. Во дворце в специальном помещении в огромных ящиках лежали использованные большие войлочные тапки-лапти на резинках, которые посетители обязательно надевали, чтобы во дворце не испортить паркет каблуками.

Естественно, тапки пылились, и по ночам нужно было их вытряхивать.

Процедура была следующая.

Нужно было накладывать в тележку тапки и вывозить тележку на задний двор, вываливать содержимое на крыльцо, потом брать по паре тапок в руки, колотить друг о друга и складывать выбитые тапки обратно в тележку. Потом тележка перевозилась в комнату, где тапки перекладывались уже в другой ящик — пустой.

Наступила первая ночь моего дежурства.

Я где-то в час ночи приехал на последней электричке из Ленинграда, бодро пешком дошагал от вокзала до Екатерининского дворца (автобусы уже не ходили), позвонил милиционеру. Он проверил, что я есть в списке, пустил меня.

И вот я стал брать эти тапки и вывозить — всю эту процедуру мне показали накануне. Оказалось, что трудился

я 4,5 часа (пришёл в полвторого, а ушёл в шесть утра), а в семь мне нужно было ехать в Ленинград. «Эге, — подумал я, — в следующий раз нужно провести рационализацию».

В следующий раз (а он наступил через день) я делал то же самое, только когда вывозил тележку на задний двор, брал не по два тапка в руки, а прямо целую охапку и тряс их. Оказалось, что на это уходит всё равно где-то часа 2,5 — 3. Тогда я решил продолжить рационализацию.

Но какие бы ухищрения я ни предпринимал, получалось, что минимум 2,5 часа тратить всё равно нужно.

И вот буквально на четвёртый или пятый раз после, кстати, некой студенческой весёлой вечеринки, когда особенно захотелось спать, я приехал на работу. Увидев этот огромный ящик с тапками и представив, как буду сейчас туда-сюда мотаться с тележкой, решил сачкануть. Силёнок после ВДВ хватало, и я с помощью нехитрого приспособления подтащил один ящик к другому и просто перевалил тапки из грязного ящика в чистый.

Ну, тут поднялась такая пыль, что в комнате видимость упала практически до нуля. «Нет проблем», — подумал я, залез на батарею, открыл форточку и сел на кушеточку, которая стояла перед запылённой комнатой, ждать, пока пыль осядет, чтобы потом закрыть форточку.

Сижу, всё тихо. Вдруг слышу: крики, топот, какие-то слова с ненормативной лексикой — и это всё приближается ко мне. Я на всякий случай встал. И вот вижу: бежит группа милиционеров с пистолетами наперевес. Я не на шутку перепугался.

Как оказалось (а ведь я должен был сообразить!), и окна, и форточки находились на сигнализации, и когда я открыл форточку, сигнализация на пульте дежурного милиционера во дворце сработала. Но милиционер благополучно спал и не услышал этого. А параллельно сигнализация сработала на пульте в отделении милиции.

Из отделения приехал наряд, стучится в музей, а дежурный милиционер спит. Они его добудились, дали ему по башке, сказали всё, что о нём думают, и ринулись искать нарушителя. А нарушитель никуда не убежал, а спокойненько сидел

на кушетке. Нужно ли говорить, что это была моя последняя рабочая ночь в этом замечательном музее.

Но коль скоро я вспомнил эту историю, тут же расскажу ещё одно интересное обстоятельство.

По-моему, на второй или третий раз работы во дворце, когда я уже закончил работу, было где-то три часа ночи. Прежде чем идти домой, я подумал: «А почему бы мне не прогуляться по анфиладам дворца в темноте?» Сказано — сделано.

Прямо рядом с той комнатой, где посетители переобувались в тапочки, была лесенка, которая вела на второй этаж дворца.

Перед лесенкой был натянут бархатный шнурок. Я, естественно, через него перешагнул, поднялся по лестнице, прошёл один зал, второй. И вот я оказался в каком-то огромном зале, только не в Зеркальном, за окном был рассеянный свет, качались деревья, тени от которых играли на стенах. Было темно, но в принципе что-то было видно.

Вдруг я почувствовал, что меня охватил какой-то дикий страх.

Причём я никогда не боялся темноты, ещё в детстве на спор мы лазили поодиночке в подвал разрушенной церкви, стоящей посередине кладбища. А тут взрослый мужик после армии — и ну просто абсолютно дикий страх и ожидание из-за каждого поворота появления каких-то то ли привидений, то ли не знаю кого или чего.

Вокруг меня что-то постоянно поскрипывало, даже как будто постукивало, и всё время казалось, когда идёшь, что параллельно тебе слышны ещё шаги, когда останавливаешься, шаги замирают. Вероятно, это было такое странное эхо.

Несмотря на то, что я десантник и вроде не должен ничего бояться, всё-таки дальше трёх залов я никуда не пошёл и быстро ретировался обратно.

Так что, когда сейчас объявляют «Ночь музеев», я всегда вспоминаю этот случай.

Ночью в музее, когда там горит свет и можно быть просто посетителем, — хорошо, а вот так, да ещё не просто в музее, а в настоящем царском дворце со своей историей, всё-таки, как оказалось, гулять неприятно.

КАК Я РАБОТАЛ ТАКЕЛАЖНИКОМ

После первой производственной практики по окончании первого курса Горного института (эта практика была в Якутии) я понял, что хочу каждый год летом ездить в поля, в экспедиции. Поэтому на втором курсе я перевёлся на вечернее отделение и устроился работать старшим лаборантом на кафедре геохимии.

Я начал ездить в поля в Карелию, там занимались поисками золота.

И вот летом 1978 года мы нашей дружной командой работали в Беломорском районе Карелии. База у нас была в посёлке Лехта. Когда мы приезжали из тайги в баню, мы жили в заброшенной школе.

Однажды, где-то в августе, после месячной работы без выходных в тайге, приехали в посёлок. А в это время вроде как с проверкой из Петербурга с кафедры приехала одна из сотрудниц. Попала она на хорошее весёлое наше застолье после бани. Мы хорошо посидели, попели песни. Рано утром сотрудница уехала обратно в Петербург, а мы поехали снова в тайгу.

В Карелии, будучи лаборантом, я по совместительству работал водителем автобуса КАВЗ. В сентябре мне нужно было по завершении полевого сезона перегнать этот автобус в Петербург к Горному институту. Кроме этого автобуса на жёсткой сцепке, на буксире я должен был привезти раздолбанный ГАЗ-69. Две недели я готовил автобус и ГАЗик к транспортировке. Со мной остался студент-третьекурсник Володя Пахтель по кличке Бич.

У автобуса не было задних тормозов. Из четырёх, как говорят водители, горшков, то есть цилиндров, рабочих было только три, крейсерская скорость максимум 40 километров

в час. Ехали мы из Лехты до Петербурга около полутора суток без сна. Мотор в автобусе часто глох. Если это происходило на подъёме, у Бича под ногами возле пассажирского сиденья лежали кирпичи. Пока я что есть силы жал ногой на тормоз (ручника тоже не было), он выскакивал и клал под передние колёса по кирпичу, чтобы мы не съехали вниз. Одним словом, весёлое было приключение. Кстати, я пообещал нашему многострадальному автобусу, когда он довезёт нас до родного города и мы поставим его на прикол во дворе Горного института, то я волью в радиатор автобуса бутылку коньяка.

Есть фото, где я торжественно это и делаю. Если честно, влил только половину бутылки, остальное мы всё-таки с Бичом и присутствующими другими сотрудниками кафедры выпили. Чувствовали мы себя героями.

И вдруг на кафедре я узнаю, что, оказывается, я негодяйский негодяй, бездельник, туняец и алкоголик и что я чуть ли не сорвал работу нашего отряда, и в экспедиции я только и делал, что пьянствовал и подбивал на это весь замечательный трудовой коллектив!

Я сразу понял. Было очень обидно, причём особенно обидно, потому что те, кто вернулись раньше, явно не предпринимали никаких попыток дезавуировать такую нелестную оценку. Говоря по-простому, я психанул и тут же написал заявление по собственному желанию. Пошёл с этим заявлением к Евгению Михайловичу Квятковскому, доктору наук, большому умнице. Он возглавлял кафедру геохимии. Евгений Михайлович очень удивился и спросил: «Сергей, почему?» Мне пришлось соврать и сказать, что я нашёл более высокооплачиваемую работу. Хотя уходил в никуда. В тот же день я уволился.

У меня уже была семья, сыну где-то годик исполнился. Нужно было зарабатывать деньги. Я устроился такелажником на завод «Вулкан» на Васильевском острове. Это завод по производству оборудования для обувной промышленности. Кстати, платить должны были почти на 50 рублей больше, чем я получал в Горном.

И вот я начал работать на заводе. Работа начиналась в 7 утра.

Я рано утром пешком шёл к метро и на самом первом поезде ехал на Васильевский остров. Со мной ехали представители рабочего класса. Когда я трудился на кафедре, то я ездил на работу к девяти часам и в метро была совсем другая публика.

Работа была тяжёлая. Нужно было убирать и выносить металлическую стружку от токарных станков, приносить заготовки, загружать готовые изделия и ещё получать инструменты. В слесарных инструментах я разбирался, с детства их знал. Да ещё после армии полгода отработал мастером производственного обучения в военном училище.

В раздевалках слушал интересные разговоры рабочих. От многих из них по утрам несло тяжёлым перегаром. После обеда уже несло свеженьким. Одним словом, рабочий класс как рабочий класс. Но вот то, что я там увидел и о чём хочу написать, помню до сих пор, и меня это искренне удивило тогда и, если честно, удивляет до сих пор.

В огромном цеху работало, наверное, бригад шесть или семь. В нашей бригаде было два, по моим тогдашним ощущениям, ветерана, два токаря от Бога. Петрович, причём Петрович был ни много ни мало Героем Социалистического Труда. А второй — Иваныч. Он до героя не дотянул, был «всего лишь» кавалером ордена Ленина.

И вот эти заводские ветераны, несмотря на официальные лозунги и даже стенды социалистического соревнования, соревновались друг с другом. Сказать «соревновались» — это ничего не сказать. Это просто была заруба! Вот я подхожу специальной шваброй сметать в поддон стружку к станку Петровича, а он, не отрывая взгляда от обрабатываемой детали, тихонечко меня спрашивает: «Сергей, сколько там Иваныч нарубил?» (Он имел в виду количество деталей.) Я говорю:

— Четырнадцать.

— Понятно...

И с большим упорством начинал вращать ручки станка.

Подхожу к Иванычу, у него такой же вопрос: что там у Петровича? Я, как подпольщик, сообщаю. И вот так челноком я ходил

между ними. Они иногда даже на обед не ходили, а стояли и гнали план. Причём я давно понял, что им и бригадный, и цеховой, и даже заводской планы побоку, у них своя была вендетта и свои понятия о рабочей чести и рабочем мастерстве. Вся бригада это знала, многие посмеивались. Но даже те, кто посмеивался, всё равно в глубине души очень их уважали. И я тоже.

Работал такелажником я всего лишь месяц. Мои друзья по геологии узнали, что я ушёл с кафедры и пошёл работать на завод. Дело было в начале осени. Я не представлял себе, как следующее лето проживу без экспедиции, но был уверен — что-нибудь придумаю. И мои друзья помогли мне. Уже в начале ноября я стал работать в ВИРГе — Всесоюзном институте разведочной геофизики.

Но этот месяц приобщения к рабочему классу мне запомнился на всю жизнь.

ГЕРОИНЯ

Эту зарисовку я написал в 1989 году — рассказ-быль, здесь не изменены ни имена, ни фамилии. События произошли в 1981 году в Свердловске. К сожалению, героини этого рассказа уже нет в живых, несколько лет назад она скорострительно умерла. Дочитав до конца, вы убедитесь, что слова «героиня нашего рассказа» можно и убрать, оставив просто — героиня.

Был солнечный апрельский день. Звонко чирикали воробьи, время от времени задувал лёгкий ветерок, причёсываясь о «гребёнку» новых домов, ещё не плотно стоящих друг к другу. Утренние часы обычного дня в новом строящемся микрорайоне Свердловска. Те, кто работает, — уже на работе, школьники — в школе, малыши — или в яслях и садиках, или, радуясь весеннему солнышку и всему на свете, гуляют со своими бабушками. Почти все скамейки у домов заняты теми, кто уже своё отработал и сейчас полноценно использует право на заслуженный отдых. Мирно течёт их беседа, тихо и солнечно. Так хорошо дремлется под неспешный рассказ какой-нибудь Марьи Ивановны о «жутких» соседях, о перебоях с молоком

в магазине или о «вредной врачихе с их участка». Тишину этой идиллии нарушает лишь гомон малышей, которым ещё очень долго не будет дела до проблем, волнующих Марь Иванову, да лёгкий скрип детских колясок, в которых блаженно спят самые маленькие. На их милые мордашки то встревоженно (не проснулся ли?), то светясь любовью смотрят молодые мамы. Одна из них — героиня нашего рассказа.

В коляске — вторая в семье девочка шести месяцев от роду. Старшенькая — в садике, муж — на работе. В голове мамы — сложная комбинация больших и малых проблем (стирка и штопка, кормление младшенькой и новые колготки для старшей, ужин для мужа и парикмахерская для себя, и многое-многое другое — вам, дорогие читательницы, конечно же, очень знакомо), и ещё лёгкая дрёма под лучами чуть-чуть пригревающего солнышка...

— Ребёнок тонет!! — крик раздался совсем рядом.

— Тонет?! Как тонет? Где?! Где можно здесь тонуть? — всё это проносится в её голове, а руки уже передают коляску кричавшей старушке, и ноги уже сами несут к котловану, заполненному водой (потом здесь будет построен детский сад)... Крутой и высокий обрыв. На краю стоит испуганный малыш, а по воде, почти на середине котлована, расходятся огромные круги. И на поверхности воды уже никого. И ни души вокруг. По-прежнему тихо, солнечно, безмятежно...

Не раздумывая, не останавливаясь, не сняв с себя ничего (одни круги!!) — вниз, в ледяную (апрель!) воду. Мысль о том, что она практически не умеет плавать, придёт лишь потом... А сейчас — сначала чувствуя ногами илистое дно, потом и не помня как — всё ближе и ближе к центру кругов. Загребая воду руками — вдруг, под водой что-то схватила... Нога? Рука? Тащить к себе!.. Тяжело как, сил нет, руки сводит, но — тащить, тащить!.. и к берегу... Тяжёлый какой... скорее... скорее... тащить... вот уже берег... перевернуть навзничь... Господи! Малыш в комбинезончике, рот плотно сжат, а глаза... огромные, в пол-лица, страшно как! — застекленелые... Откачивать!! Как?! Где же люди?!.. Перевернуть, перегнуть трясти, трясти... и — вверх!.. Как тяжело... Кто-нибудь, помогите!..

Никого... Тихо, безмятежно... Вот уже наверху... Трясти-трясти! Что там?.. в лицо... пузыри пошли... значит, правильно — трясти!.. Пошла вода изо рта — трясти! Но холод, холод ледяной (грудь застужу?!)... руки не слушаются. Кто-нибудь! Помогите! Мимо девушка идёт. Модная, чистенькая. Увидела женщину — мокрую, грязную, что-то непонятно делающую с ребёнком и... бегом, бегом... мимо...

«В подъезд хоть, что ли, нести... там тепло...» Несёт и... — трясти-трясти!.. Сигналят из белых «жигулей». Выскакивает водитель: «В больницу!» — «Но я уже не могу»... ноги подкашиваются, грудь — ледяная (Господи! А молоко?!). Но кто-то уже подхватывает мальчика, садится с ним в машину... — «Не держите его так! Он задохнётся! Переверните!»... Всё! Машина рванула с места.

Теперь — домой... Где коляска? А, вот она. Спит? Спит... Что они все вокруг говорят? Молодец? Кто? (Боже мой, как грудь болит! Скорее домой, домой... Как это страшно — когда глаза... остекленелые... а родители? Не дай Бог!.. Домой, домой!)

Ещё по дороге в больницу трёхлетний Славик пришёл в себя и закричал, заплакал... Вечером он был уже дома. И этим же вечером родители Славика и Славина бабушка, проклявшая тот миг, когда оставила его одного на улице, отлучившись на минутку в магазин, пришли в дом к спасительнице...

А потом всё же был жесточайший мастит и часто по ночам снились эти страшные, застывшие глаза... Каждый год с тех пор, в этот апрельский день приходили Славина родители с тортом и шампанским к женщине, которая второй раз дала жизнь их сыну. Знал и очень любил ту, которой обязан своей жизнью, мальчик Слава. Слава! Слава этой замечательной женщине! Имя её — Галина Николаевна Трофимович.

ВОДОЛЕЙСКИЕ ШТУЧКИ

Многие мои знакомые очень часто про те или иные истории, которые случаются со мной, говорят: «Это твои водолейские штучки!»

Действительно, в жизни было очень много поразительных совпадений и каких-то удивительных историй. Почему-то с некоторых пор я стал это связывать со своим знаком Зодиака, поэтому так они и называются: «водолейские штучки». Вот одна из таких историй, уж наверное, одна из самых «водолейских штучек».

Однажды в городе Губкине на свадьбе у родственницы я познакомился с её сослуживцами — преподавателями кулинарного техникума. Хотя я приехал туда в гости, оказалось, что мои организаторские геологические способности были востребованы для организации свадебного стола. С профессионалами-кулинарами (а праздновали прямо в столовой техникума) я быстро нашёл общий язык. Одним словом, свадьба удалась.

И вот, спустя несколько лет (тогда я работал в строительной компании, ещё не стал депутатом), иду по Невскому к станции метро «Канал Грибоедова», прохожу мимо Дома книги, и вдруг во встречном потоке я увидел женщину, лицо которой мне показалось знакомым. Я обернулся, обернулась и она. Я подошёл и спросил:

— Вы случайно не такая-то? (Не из техникума в Губкине?)

— Да, это я. А вы — Серёжа?

— Да, я — Серёжа.

Ох-ах. Оказалось, она приехала на повышение квалификации, на учёбу, а по Невскому шла с двумя коллегами, которые приехали на эту же учёбу, только из других городов. В Питере им бывать до этого не приходилось, вот они и решили прогуляться. Естественно, я предложил им на машине (а я мог тогда воспользоваться служебным автомобилем) показать Питер так, как его не могут показать экскурсоводы.

Договорились встретиться на Дворцовой площади на следующий день.

И вот подъезжаю на служебной машине, водитель за рулём, я на переднем сиденье, три женщины садятся на заднее, и мы трогаемся в путь. Естественно, я начал разговор с того, что сказал:

— Удивительно, что я совершенно случайно встретил вас в пятимиллионном городе, вы же приехали всего на несколько дней. Наверное, это мои «водолейские штучки».

На что моя знакомая удивилась:

— А вы тоже Водолей?

— Что значит «тоже»? Конечно, Водолей.

— И я Водолей.

И тут её соседка справа сказала:

— Вы знаете, а я ведь тоже Водолей.

— Да не может быть! — Уже вдвоём с моей знакомой удивились мы.

Через секунду соседка слева сказала: «Вы будете смеяться, но и я Водолей!»

Ну, тут мы все расхохотались и очень удивились, потому как оказалось, что на Невском встретились четыре Водолея.

Вот такие по-настоящему «водолейские штучки» водолейских встреч. Конечно, я им Питер показал, думаю, что теперь мой город они на всю жизнь полюбили так же, как и я.

СЛУЧАЙ В АВТОБУСЕ

Когда я работал в геологии и находился в командировке в Монголии, летом мы все были в полях, а зимой камералили в Улан-Баторе.

Каждый вечер после работы к проходной нашего советского городка подавались автобусы, на которых можно было поехать в спортзал, бассейн, можно было поехать в Ленклуб, посмотреть какой-то фильм или побывать на встрече с известным артистом. Или можно было сесть в автобус, который развозил всех желающих по магазинам.

Это был год примерно 1987-й, разгар антиалкогольной кампании Горбачёва, и, естественно, у нас спиртное в магазинах не продавалось, и вообще с этим, что называется, была напряжёнка.

И вот после рабочего дня еду я в автобусе. Автобус львовский, народу полным-полно, на одном из сидений располо-

жилась женщина с девочкой, девочке лет пять. Мама дала ей апельсин, девочка его почистила и громко говорит: «Мама, а корки куда?» Мать ей отвечает: «Сейчас из автобуса выйдем, и ты в урну выбросишь».

И тут девочка выдаёт: «Мама, ты что, а в самогонку?»

Секундная пауза — и весь автобус взрывается диким хохотом. Бедная мамаша не знала, что и делать.

На самом деле так, как поступала эта семья, поступали практически все советские специалисты, потому как «сухой закон» «сухим законом», а законы жизни, тем более геологические, никто не отменял.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

С начала 1991 года сотрудники нашей советско-монгольской геологической экспедиции начали массово уезжать в Советский Союз. Работа заканчивалась, и обстановка была напряжённой.

В глубинке араты (монгольские крестьяне) всегда были гостеприимными, очень радушными по отношению к советским специалистам. А в Улан-Баторе начались нападения на советских специалистов. Молодёжь бузила, считала, что здесь нечего делать советским. Одним словом, обстановка напрягалась, и все массово очень быстро начали уезжать. Мы успели ещё в апреле съездить в поля, но потом, к началу июля, вернулись и тоже стали собираться.

Начали приходиться тревожные письма от тех, кто уезжал в Советский Союз. Это было ещё до путча, но страна уже катилась непонятно куда. Первая крупная станция уже в Советском Союзе, когда следуешь поездом Улан-Батор — Москва, — это Гусиноозёрск в Бурятии. И вот наши товарищи начали присылать тревожные письма о том, что, как только поезд приходит в Гусиноозёрск (станция Загустай), начинается просто вакханалия и бандитизм.

Толпы бандитов врываются в вагоны и начинают грабить. Забирают чемоданы, избивают, отбирают деньги, всё, что

угодно. И милиция даже не появляется на перроне, её просто нет. И похоже, это не одна, а несколько сплочённых банд так грабят наши поезда. Случалось это практически с каждым пассажирским поездом.

Начали думать: как быть? Должны мы были ехать в купейном вагоне. У меня семья, три человека — я, жена и дочь. Первое, что я сделал, — купил четвёртый билет, чтобы выкупить всё купе. Я готов был защищать свою семью и то, что везли с собой. Большую часть, конечно, отправили контейнером в Ленинград, но что-то всё равно с собой везли, в том числе из ценного. Наши экспедиционные умельцы вот что придумали. Как известно, дверь в купе запирается на «барашек». Когда он в вертикальном положении, дверь открыта, а когда закрываешь, вправо поворачиваешь, этот «барашек» становится в горизонтальное положение. Так вот, наши умельцы рассчитали размер, по которому мы отрезали стальную трубу такого диаметра, чтобы этот «барашек» туда входил. Один край трубы надевали на «барашек» в горизонтальном положении, когда дверь закрыта, а второй конец упирали в косяк двери. И нельзя было снаружи повернуть ключом в замке, потому что со стороны купе огромный рычаг держал «барашек». Это ещё не всё. Пробовали запираяться, держать двери, даже баррикадироваться, тогда бандиты разбивали стёкла в поезде. И люди придумали брать бумагу, закрывать окно и скотчем всё проклеивать. Если бросят камень, осколки не полетят, а останутся висеть на скотче.

Когда наступил момент отъезда, у меня с собой была труба, не скрою, я с собой взял большой охотничий нож. Одним словом, был готов защищать свою семью. Дочке было шесть лет. Предусмотрительно, хотя она уже была большой, взял для неё горшок. Простите за такие подробности, но это жизнь. Чтобы не нужно было выходить из купе, когда ей захочется, так как она могла испугаться.

Мы подъезжаем к Гусиноозёрску, это был уже день. Предварительно я окно уже заклеил, задвинул занавески, достал нож, положил на столик. Сказал жене и дочке сидеть тихо и,

что бы ни случилось, ничего не предпринимать. Надел на «барашек» трубу, распёр в косяк и стал ждать.

Такое ощущение, что поезд ещё не остановился, как начался самый настоящий штурм. Я услышал крики слева, справа, ор стоял жуткий. Кто-то звал милицию, но, как уже нас предупреждали, её и след простыл, видимо, на момент прибытия поезда они куда-то специально уходили. Буквально минуты через три-четыре как поезд остановился, начали стучаться в нашу дверь купе с криком: «Ты только что у меня купил (что-то, даже не помню что) и не заплатил! Открывай, давай, ты мне должен денег!» Я спокойно сказал: «Из вагона не выходил, ничего я у тебя не покупал, уходи».

Буквально через секунду я услышал, как был вставлен ключ в замок и человек из коридора попробовал открыть дверь. Но не тут-то было. Это, похоже, выбило его из себя. Он начал орать: «Ах ты гад! Ты что там руками держишь? Да я сейчас тебя!» Видимо, он стал наваливаться на ключ, но против стальной трубы не попрёшь.

(Кстати, сейчас вспомнил, вообще-то у меня две трубы было. Одной подпирал дверь, а вторая просто так, потому что ножом в самый последний момент не хотелось действовать.)

Крики прекратились, потом слышу, побежал кто-то. Понял, что сейчас будет бегать по перрону и искать, где наше окно. Но, во-первых, похоже, все бандиты пьяные. Во-вторых, быстро не сосчитать, где какое окно. С точки зрения обклейки окон, не я один клеил, все окна были заклеены. Потом он опять вернулся к двери купе, ещё поорал. Поезд стоял минут двадцать. Всё это время я спокойно отвечал ему, специально без крика. Видимо, это бандюгу очень бесило. Но ужас в глазах жены и дочки я запомнил на всю свою жизнь.

Поезд тронулся, бедная дочка сказала: «Я не хочу в горшочек, папа, пусти меня в туалет». Но я подумал, что эти заразы могли ещё минимум одну станцию проехать, чтобы всё-таки разобраться со мной. И, похоже, я правильно сделал, где-то две станции пропустил, потом разбаррикадировался, увидел следы погрома в вагоне, проводница причитала, причитали пассажиры.

Так нас встречал Советский Союз в конце июля 1991 года. Возвращение домой было не очень радостным.

БРОКЕР. ПОИСК РАБОТЫ

После геологии я вынужден был уйти в бизнес. Искал там себя. Не нашёл...

Когда в 1991 году в середине лета я вернулся из пятилетней круглогодичной экспедиции из Монголии в Советский Союз, в свой родной город Ленинград, я понял, что по специальности работы уже нет. Приходилось в 38 лет всё начинать заново.

Я уже решил, что осенью пойду получать платное второе высшее образование — экономическое, а на хлеб нужно было зарабатывать сейчас, и я стал искать работу по объявлениям.

Однажды в газете «Шанс» читаю: «Фирме такой-то требуются на работу брокеры. Зарплата от 600 рублей». Ну, это сумасшедше огромные деньги, примерно в четыре раза больше, чем я получал, когда работал старшим геофизиком в аэропартии. Дальше была приписка: «Собеседование состоится...» и адрес, как сейчас помню, бульвар Чернышевского, недалеко от станции метро «Чернышевская».

В назначенное время я туда приехал.

Это место оказалось в какой-то подворотне. День был пасмурный, шёл дождь, в подворотне никого не увидел и обрадовался, подумал, что в такую погоду никто не придёт на собеседование. Нашёл нужный подъезд, зайдя в который, увидел идущую вдоль внутренней стены железную лестницу наверх и наверху дверь, а всё остальное пространство было занято какими-то театральными декорациями.

Ещё я увидел человек шестьдесят — мужчины и женщины, молодые и не очень. После меня зашли ещё с десятков человек. Кто-то читал, кто-то курил, все ждали.

Вот, наконец, дверь на площадке, где заканчивалась железная лестница, открылась, вышла молодая, энергичная женщина. Она встала у перил — получилось почти как «Ленин на

броневике» — и сказала: «Значит так, господа, внимание!» (Честно говоря, впервые я услышал обращение «господа», но решил, раз уж иду в брокеры, наверное, так принято — все теперь будут господами, особенно «господа брокеры».)

Дальше женщина бойко сказала, что их фирма имеет две вакансии брокеров.

— Но, как вы видите, на эти две вакансии вас очень много, — и она красноречиво обвела рукой всю нашу нижестоящую толпу. — Поэтому мы объявляем своеобразный конкурс. Каждому из вас мы даём расчётный счёт нашей фирмы, и вы должны самостоятельно провести любую сделку. То есть вы сами должны найти некий товар, сами должны найти покупателя на этот товар, но продавать будете через наш расчётный счёт. Негласно, на время этого конкурса, вы становитесь брокерами нашей компании, но пока без зачисления в штат.

Кто совершит сделку на самую большую сумму, тот и получает это место.

Ещё на середине этого монолога половина народа схлынула. Я достал блокнот и тщательно всё записывал.

Она спросила: «Вопросы есть?» Народ стал спрашивать: а что лучше покупать-продавать, на чём специализируется ваша фирма? Последовал ответ: «На всём. Нам не важно, что вы будете продавать: железо, колготки, колбасу, компьютеры, мебель, главное условие — максимальная сумма сделки и чтобы расчёты шли через нашу фирму, через наш расчётный счёт».

Народ быстро убывал. Но мне очень нужна была работа, и я протиснулся поближе к железной лестнице, а женщина тем временем потихонечку всё ниже и ниже спускалась. Я всё-таки хотел уточнить или даже спросить совета: а что же сейчас в ходу, что вообще требуется и какие товары могут дать максимальную сумму сделки? Услышал ответ, что самый ходовой товар сегодня — это сахарный песок и кровельное железо, если не считать компьютеров.

— Но, я думаю, что вы нигде не найдёте партию компьютеров, даже если и найдёте, то вряд ли разыщете покупателя.

Весь преисполненный желанием срочно совершить сделку на самую большую сумму, я вышел после инструктажа и стал лихорадочно листать свою записную книжку, ища адреса и телефоны своих однокурсников, друзей, одноклассников, прикидывая, кто из них мог бы навести на некий товар, а самое главное — кто бы меня мог навести на того, кому этот товар нужен.

Честно говоря, в состоянии азарта я листал эту записную книжку в вагоне метро, пока ехал домой, но, видимо, чем ближе я подъезжал к дому, тем больше умных мыслей приходило мне в голову. И завершился уже по-настоящему мыслительный процесс совершенно чётким и определённым выводом: как же здорово нас всех хотели надуть! Алгоритм простой.

Эта фирма каждый день в газете давала такое объявление и каждый день назначала инструктаж для всех желающих стать брокерами.

По моей прикидке, человек тридцать точно записали какие-то данные, записали название фирмы, кто-то даже записывал расчётный счёт, как я, и, возможно, кто-то искренне побежал совершать сделки. Предположим, из этих тридцати хотя бы два или три человека действительно найдут какой-то товар, найдут покупателя и совершат сделки. Деньги пройдут через фирму. Довольные новоявленные брокеры придут узнавать результаты, а им спокойно скажут: «Знаете, вы совершили сделку на миллион, но максимальная сделка совершена на пять миллионов, поэтому вы не проходите». И так каждый день.

То есть задарма, на ровном месте, эта компания худо-бедно в идеале имела хоть одну, а может быть и больше сделок в день.

Просто, как всё гениальное!

Я понял, что в этой афере участвовать бессмысленно. Так, не начавшись, закончилась моя карьера брокера.

P. S.

В то время ходил очень хороший анекдот-быль:

«Встречаются два брокера. Один спрашивает:

— Тебе сахар нужен?

— Нужен. Почём?

Называется сумма.

— А сколько у тебя?

— Вагон.

— По рукам!

И разбежались: один искать сахар, другой — деньги».

КАК Я РАБОТАЛ ЗАЗЫВАЛОЙ

В августе 1991 года, сразу же после путча, я лихорадочно искал работу, так как моя любимая геология просто-напросто рухнула.

И вот в одной из газет читаю объявление, что некой фирме требуются менеджеры. Звучное иностранное слово, а в звуках этих мерещились почему-то пачки долларов. Был указан адрес, как потом оказалось, это была детская библиотека, по-моему, имени Некрасова, на Садовой...

В назначенное время я туда приехал. Для собеседования надел единственный на тот момент костюм-тройку, белую рубашку, галстук, ботинки у меня всегда были начищены (так ещё батя приучил).

И вот я зашёл в библиотеку.

Какая-то девушка показала мне библиотечный зал, причём не читальный, а тот, где были стеллажи с книгами. На некоторых полках книжки стояли, но многие были пустыми. У окна стеллажи были раздвинуты, стоял стол, за ним пока никого не было.

Желающих получить работу пришло человек тридцать. Все переговаривались.

Видно было, что кто-то уже друг друга хорошо знает, видимо, не в первый раз в таких очередях на собеседованиях сталкивались. Для меня всё это было внове и непривычно.

Наконец, появился молодой человек, который сразу же привлёк всеобщее внимание. Ну и я не мог не восхититься его «прикидом». На нём был длинный-длинный светлый плащ, модный-модный. Почему-то первое, что у меня в голове про-

неслось: как на Джеймсе Бонде. Хотя к тому времени, по-моему, я ни одного фильма о нём не видел и уж тем более не читал ничего об агенте «007». В руках у него был умопомрачительный кейс из кожи. Молодой человек был действительно молодым. На носу очки в тонкой золотой оправе. Выглядел он как настоящий коммивояжер или как тот самый, только уже наверняка генеральный, менеджер.

Он деловито прошёл к столу, снял плащ, небрежно бросил его на спинку. («Ведь помнётся», — не мог я удержаться от этой мысли.) Сел на стул и обратился к нам: «Уважаемые господа! (Опять «господа».) Прошу по одному подходить, буду с вами беседовать». Вернее, это то, что он хотел сказать, а говорил он это, наверное, минуты две. Я понял, что у молодого человека блестящая внешность, но он абсолютно, в прямом смысле слова, не умеет говорить. У него даже не то что было огромное число слов-паразитов, но просто перед каждым новым словом он произносил что-то подобное: гым-м, ным, эх, ух, ну, вот, а-а — любой набор гласных и согласных, прежде чем, наконец, выговаривал какое-то слово.

Началось собеседование, я так встал за полками, что меня, как мне казалось, не было видно, но зато я всё слышал и даже видел, какие отметки делает этот молодой человек у себя в каком-то очень хорошем деловом блокноте. Сейчас я понимаю, что это был органайзер.

Когда первый соискатель сел напротив него, молодой человек, мучительно мекая и пекая, стал его спрашивать: «Фамилия». Человек называл. Потом опять шло много междометий, пока молодой человек не выговаривал: «Имя».

Я очень быстро понял, что на самом деле его от всех интересовали фамилия, имя, отчество, год рождения, профессия, опыт работы в бизнесе, плюс какие-то особые навыки и номер домашнего телефона.

Очередь дошла до меня.

А нужно сказать, когда я пришёл, то сразу же занял очередь. Я сел, и не успел молодой человек сказать первое междометие, чётко начал произносить: «Сергей Михайлович Мионов, тысяча девятьсот пятьдесят третьего года рождения,

высшее образование, горный инженер-геофизик, опыта работы в коммерции не имею». Нужно было видеть, каким благодарным взглядом на меня посмотрел молодой человек. И он тут же напротив моей фамилии поставил жирную красную галочку. До этого такую галочку, я видел, он поставил всего лишь двум соискателям.

Потом, опять же с междометиями, он сказал: «Ждите, вам позвонят». И действительно, через два дня раздался звонок — меня пригласили вновь в ту библиотеку на второй тур собеседования.

Опять надел свой единственный костюм-тройку. По старой доброй привычке приехал заранее, минут за пятнадцать до назначенного времени. Это я сделал, как оказалось, очень предусмотрительно.

Увидев уже знакомую девушку, я спросил, куда идти, девушка удивилась: «Неужели вам не сказали, что собеседование будет по другому адресу: дворец Белосельских-Белозерских на Невском проспекте». Этот дворец я знал, но понял, если буду ждать трамвая, пока доеду до Невского, пока пробегу мимо площади Островского до Дворца пионеров да потом через Аничков мост, не успею вовремя.

И тогда принял единственное правильное решение — бежать бегом. Геологическая да и десантная закалка ещё были сильны, поэтому без одной минуты пять, запыхавшийся и, честно сказать, мокрый, я стучался в высокие двери шикарного кабинета во дворце Белосельских-Белозерских.

Там я увидел уже знакомого молодого человека, с ним был ещё один. Они посмотрели на часы, когда я зашёл, переглянулись, и тут я понял, что это, якобы, «недоразумение» с изменением адреса тоже входило, может быть, в тот самый второй тур.

Иными словами, молодые люди, будущие мои работодатели, тем самым выясняли: насколько заинтересован человек в получении работы, потому что за пятнадцать минут добежать до дворца действительно должен был только тот, которому работа очень нужна.

А мне работа была очень нужна.

Мне сразу сказали: «У нас есть два направления, первое — рекламное, а второе — деревообработка. Мы берём вас на работу, где бы вы хотели работать?»

«Деревообработка, — подумал я, — это что-то на станках нужно делать с деревом: может быть, мебель, может ещё что-то. Вообще-то строгать я умею, ножовкой пользоваться могу, но явно не это им требуется, а знание, может быть, каких-то станков или каких-то свойств дерева, чего я абсолютно не знаю. А реклама, ну что такое реклама? Понятно, что рекламируются какие-то товары».

Я вспомнил, что когда-то в юности стихи сочинял, и почему-то решив, что реклама — это намного проще, чем деревообработка, сказал: «Я выбираю рекламу».

— Очень хорошо. Приходите завтра к десяти утра сюда во дворец Белосельских-Белозерских. Мы вас берём на работу. Оклад у вас будет триста рублей (не шестьсот, как я мечтал, но триста тоже очень много). Завтра вам объяснят, что нужно делать.

А это было 25 или 26 августа. 21-го провалился путч, и 21 августа из Куйбышевского райкома КПСС, который как раз находился во дворце Белосельских-Белозерских, бежали (именно бежали, как я потом увидел следы этого побега в кабинетах) все коммунисты. А ушлые мои работодатели, молодые люди, умудрились ещё на излёте существования райкома партии арендовать несколько помещений в этом дворце у коммунистов. Сейчас получилось, что они тут чуть ли не единовластные, хоть и временно, но хозяева.

Более того, в апартаментах дворца они договорились разместить фотоработы художника, как сейчас помню, Дунаевского из Крыма. Его фотоработы были вставлены в огромные шикарные багетные рамы. Честно говоря, даже сначала не понял, что это фотографии, подумал — картины. Они были разных размеров.

Некоторые просто огромные — два на три метра, были и поменьше, но нужно отдать должное — все потрясающе красивые.

На следующее утро выяснилось, что моя работа будет заключаться в одной простой вещи. Мне дадут мегафон, я дол-

жен встать у входа во дворец Белосельских-Белозерских и через мегафон призывать ленинградцев посетить фотовыставку Дунаевского. На втором этаже продавались билеты, там же располагалась выставка. Несмотря на то, что мне сказали, что мой оклад будет равен трёмстам рублей, на самом деле мой оклад напрямую будет зависеть от выручки за продажу билетов.

— Ага, — сказал я себе, — такая реклама.

Но, как учили меня в школе, никакой работы стыдиться не надо, нам работа всякая нужна. А самое главное, за это готовы платить вроде неплохие деньги.

— Вы знаете, у меня есть одна просьба, прежде чем я пойду на свой пост.

— Какая? — удивились мои работодатели.

— Есть кто-нибудь в этом дворце, кто смог бы провести мне экскурсию?

— Зачем? — удивились они.

— Мне кажется, если я не просто буду призывать на эту выставку, а ещё буду говорить о возможности посмотреть интерьеры дворца и что-то в этом буду понимать, я привлеку больше посетителей.

— Разумно, — сказали они и нашли какую-то бабушку, которая была безумно рада, что кто-то захотел послушать, какие здесь уникальные интерьеры. Нужно сказать, что интерьеры действительно были уникальные.

Дворец Белосельских-Белозерских был перестроен архитектором Штакеншнейдером, приобрёл современный вид. По иронии судьбы у Штакеншнейдера в Петербурге три известных здания: дворец Белосельских-Белозерских, Мариинский дворец, где находилось Законодательное собрание и где я в последующем работал, и Николаевский дворец на площади Труда, где находились профсоюзы и где я часто бывал.

А началась моя новая жизнь вне геологии именно со дворца Белосельских-Белозерских. Побывав на замечательной экскурсии, восхитившись действительно превосходными интерьерами и историей этого дворца, я был готов к работе.

В тройке со мной работали ещё двое — малохолный молодой человек и какая-то девица. Мы решили, что начнём ра-

ботать со следующего утра, потому что сегодня ещё картины развешивались.

На следующий день ровно в девять утра я вышел на залитый солнцем Невский и начал в мегафон наговаривать заготовленную дома речь. Звучало это примерно так:

«Уважаемые ленинградцы и гости нашего города! У вас есть уникальная возможность посетить потрясающие интерьеры дворца Белосельских-Белозерских, где до недавнего времени находился Куйбышевский райком КПСС и простой смертный не мог сюда попасть, чтобы пройти по парадной лестнице, по которой хаживал император Николай Второй, увидеть балкон, с которого Николай Второй наблюдал за траурной процессией похорон Чайковского, и одновременно насладиться шедеврами гениального фотохудожника Дунаевского».

Возможно, что-то я говорил не одним предложением, а несколькими, но суть от этого не менялась. Будучи технарём по образованию, я быстро уловил одну любопытную деталь. Когда машины с шумом и звоном проносятся по Невскому, те, кто идёт совсем рядом по тротуару на моей стороне, они слышат меня, а те, кто находится на противоположной стороне или на Аничковом мосту, совершенно не слышат моих слов, даже когда я кричу их в мегафон.

На перекрёстке Невского и набережной Фонтанки работали светофоры и был такой промежуток секунд в семь-десять, когда наступала относительная тишина, — когда загорался жёлтый свет и одни машины останавливались, а другие ещё не трогались.

Я понял, что если в этот момент направить мегафон в сторону Аничкова моста, рупором на противоположную сторону, то люди, стоящие там, услышат мои призывы. И не ошибся.

Когда это сделал, сразу увидел, что люди начинают переходить улицу и с любопытством подходить к подъезду. А там у нас, конечно, висела афиша. Я ещё попутно, уже не в мегафон, многим объяснял, в чём заключается уникальность проекта и что их ждёт интересного.

Одним словом, в конце первого дня кассирша сказала: «Серёжа, я теперь точно знаю, когда твоя очередь работать». А ра-

ботали мы примерно так: минут по сорок пять, иногда по часу каждый. То есть два часа я отдыхал, а отдыхать нужно было, потому что горло село в первый же день, а час — работал. Так вот, она и говорит: «Твой час я хорошо вижу, потому что людей идёт примерно в пять раз больше, чем когда зазывают те двое».

Так зазывалой я проработал, по-моему, шесть дней. Все эти шесть дней моих работодателей не было, они уехали искать какой-то уникальный товар, по-моему, компьютеры. На седьмой день они появились, узнали, видимо, от билетёрш, что производительность труда и выручку даёт только ваш покорный слуга, вызвали меня в кабинет и сказали, что мне уже не нужно стоять на улице, я назначаюсь исполнительным директором их фирмы, оклад мне увеличивают в два с половиной раза.

Я должен подготовить профессионально новых зазывал. Я имею право увольнять и принимать на работу кого хочу, вообще им заниматься всей этой выставочной деятельностью и в целом офисом во дворце некогда, они будут ездить по всему миру искать различные товары.

— Вот вам печать, вот расчётный счёт фирмы, мы вам абсолютно доверяем. Вы весь из себя молодец. Сергей Михайлович, полный вперед!

И я стал исполнительным директором сначала фирмы «СТР», потом фирмы «Русская торговая палата» — тогда в моде были звучные, красивые названия.

Так началась моя жизнь вне геологии, а началась она, как я уже сказал, зазывалой.

АТТЕСТАТ № 215

Однажды весной 1993 года встречаю я своего однокурсника по Горному институту Андрея Полещука.

Тогда я уже третий год работал в бизнесе, был исполнительным директором торговой компании, которая торговала всем подряд, зарабатывал очень прилично, но до чего скучно

и неинтересно было торговать колбасой, компьютерами, сахаром и прочим.

И тут он говорит:

— Слушай, а я ведь получил аттестат Минфина на право работы на рынке ценных бумаг.

— Что это такое? — спросил я.

Он объяснил, что в стране идёт становление фондового рынка, скоро нужны будут специалисты с правом работы на рынке ценных бумаг. Он окончил месячные курсы, ещё готовился самостоятельно. И оказывается, в Комитете по финансам в Санкт-Петербурге на улице Вознесенского раз в квартал любой желающий может сдать экзамен для получения такого аттестата. Экзамен платный, стоит серьёзных денег. Если ты не сдаёшь, в следующий раз можешь прийти пересдавать только через год.

Когда он сдавал, как он сказал, было человек шестьдесят, а сдали где-то человек пятнадцать, включая его.

Меня это очень заинтересовало. Я решил, что надо мне специализацию менять и освоить новое дело, причём решил менять жизнь свою кардинально. Я попросил всю литературу по этой теме, он дал, что у него было, что-то порекомендовал. Дня два-три я бегал по всему городу, покупал учебники, какие-то книги, в основном это были переводные книги.

Покупал брошюры в мягком переплёте. Существующая правовая база на тот момент — в основном указы Президента Ельцина по ценным бумагам. Литературы набралось килограммов двадцать.

На следующий день после принятия решения я пришёл к работодателям и объявил, что от них ухожу. Нужно сказать, они очень расстроились и начали меня уговаривать остаться. Первое, что они сделали, пообещали увеличить в два раза зарплату. Тогдашняя ситуация меня вполне устраивала с точки зрения денег, а вот с точки зрения работы, честно говоря, это «купи-продай» надоело до чёртиков. По-моему, даже я им сказал, что нашёл более интересную работу.

Они долго допытывались — какую? Я, как партизан, молчал.

Расстались по-хорошему, но было видно, что они с большим сожалением расстаются со мной. А я принял решение, что оставшиеся до экзаменов четыре месяца не буду работать, буду целыми днями дома готовиться к экзаменам. Распланировал очерёдность и приоритетность изучения всей той огромной массы литературы, которая накопилась.

Так как в последние три года зарабатывал я неплохо, определённый денежный запас имелся, поэтому семья не должна была испытывать никаких трудностей, и я засел за учебники.

Во втором квартале на экзамен я не успевал, а в третьем, в середине июля, можно было экзамен сдать, у меня оставалось четыре месяца. Нужно сказать, взялся я круто. Мой товарищ всё-таки советовал пойти на курсы, но почему-то (даже сам удивляюсь, почему, и действительно не помню) я решил, что изучу всё самостоятельно. Занимался четыре месяца без выходных, часов по четырнадцать-шестнадцать в день. Как оказалось, то, что я купил, — больше половины — была никчёмная макулатура, а самые толковые и дельные книги я подкупал по мере изучения библиографий в конце каждой прочитанной и проштудированной книги.

Жил я тогда в двухкомнатной квартире в блочном доме, кабинета своего не было, занимался за журнальным столиком, сидя в кресле. Кончилось это тем, что в ночь перед экзаменом у меня началась жуткая межрёберная невралгия, я сначала подумал, что это сердце, потому что боль была в области сердца. Ещё в Монголии, в геологии, однажды у меня было такое, тогда хотели на «скорой» увести, думали, что инфаркт, оказалась межрёберная невралгия. И вот спустя несколько лет она повторилась.

Болело жутко, было больно дышать, самое ужасное — было больно говорить, но нужно идти на экзамен. В тот день сдавали более восьмидесяти человек. Квитанция об оплате у меня была в кармане, в списках был давно, записался ещё, по-моему, в апреле. Запускали группами то ли по пять, то ли по десять человек, я пришёл специально пораньше, чтобы попытаться попасть в первую группу (всегда на всех экзаменах старался идти первым).

Зашёл, взял билет, там было три вопроса и что-то вроде задачи. Когда глянул на теорию и задачу, понял, что готов отвечать без подготовки, что и попросил сделать женщину, которая возглавляла комиссию. Она несколько удивилась, но показала на стул перед своим столом.

Я сел и тихонечко, с одной стороны, чтобы не мешать другим готовиться, а с другой, просто больно было говорить, начал излагать. Так как всё-таки во время речи то самое межрёберье здорово болело, я делал довольно продолжительные паузы между предложениями. Моя экзаменаторша решила, что я очень волнуюсь, и подбодрила:

— Вы не волнуйтесь, похоже, вы хорошо владеете материалом.

Почти шёпотом я сказал, что не волнуюсь, а у меня такая оказия случилась.

Она посочувствовала, но, тем не менее, выслушала ответы на все три вопроса, вместе с ней прорешали кроме заданной задачи ещё пару задач. Она, похоже, была приятно удивлена моими знаниями. Более того, как раз во время решения одной из задач у меня возникло ощущение, что в каких-то сферах, похоже, я знаю больше, чем мой экзаменатор.

Одним словом, поставили мне пять, но об этом я узнал только через неделю, когда вывесили результаты. Оказалось, из восьмидесяти человек сдали шестеро, в том числе ваш покорный слуга. А ещё через пару недель меня пригласили для торжественного вручения аттестата Министерства финансов на право работы на рынке ценных бумаг за номером 215.

«Круто! — подумал я. — На пятимиллионный город я двести пятнадцатый специалист на рынке ценных бумаг!»

А через два дня после вручения аттестата вышел интересный Указ Бориса Ельцина, в котором говорилось, что управляющие компании и непосредственно все чековые фонды и иные компании, работающие на рынке ценных бумаг, имеют право на такую работу, если хотя бы один из руководителей или специалистов этой компании обладает аттестатом Министерства финансов на право работы на рынке ценных бумаг. Тут я понял, что моя «весенняя» интуиция была абсолютно

правильной, потому что мой аттестат, в прямом смысле слова, стал золотым.

В тот же день, когда получил аттестат, пошёл в редакцию газеты «Шанс» и дал объявление такого содержания:

«Мужчина, 40 лет, с двумя высшими образованиями — техническое и экономическое, с опытом работы в бизнесе, с аттестатом на право работы на рынке ценных бумаг (аттестат № 215) ищет работу».

На следующее утро я узнал, что газета поступает читателям полшестого утра, потому что именно в это время раздался первый звонок. Телефон не смолкал несколько суток. Меня приглашали на работу в самые «крутые» и известные на тот момент компании, которые в том числе вели агрессивную рекламную кампанию на телевидении, но выбор я сделал совершенно другой... Это уже другая история.

ЛОНДОНСКИЕ СТРАСТИ

Осенью 1995 года с официальной делегацией Санкт-Петербурга в составе мэра Анатолия Собчака, председателя Комитета по финансам Алексея Кудрина и его заместителя Зелинского я поехал в командировку в Лондон на презентацию ценных бумаг Санкт-Петербурга. Меня взяли в состав делегации по двум причинам. Первая и, наверное, главная — я был первым заместителем председателя Заксобрания. Таким образом, в составе делегации оказывалась и исполнительная, и законодательная власти. А вторая причина — ещё в 1993 году я получил аттестат Минфина на право работы на рынке ценных бумаг, и когда готовился закон об облигациях Санкт-Петербурга, одним из разработчиков которого как раз был Кудрин, я вносил много толковых и значимых поправок.

Фактически это была моя первая заграничная поездка в жизни. Как в своё время говорили: «Курица — не птица, Монголия — не заграница», то десять лет, проведённые в Монголии, конечно, ни в коей мере нельзя было считать заграничной поездкой в том понимании, какое мы тогда вкладывали.

Мы пробыли в Лондоне почти три дня. Прилетели туда поздно ночью. Жили в каком-то старом, но очень дорогом отеле, там всё было проникнуто девятнадцатым, если не восемнадцатым веком. Почему-то первым, о ком вспомнил, когда мы зашли в гостиницу и на ресепшэне получили электронные ключи от номеров, был Шерлок Холмс. Но, как в таких случаях говорят: «Видимо, музыка навеяла».

На следующий день с утра была презентация. Презентация прошла хорошо. Вторую половину дня провёл в прогулках по Лондону, осматривая достопримечательности (Лондон мне понравился), и где-то часов в десять вечера вернулся в свой номер.

И в этот вечер прямо в моём номере разыгралась драматическая сцена. Не успел я снять пальто, как в дверь постучали. Я открыл. На пороге стояла сногшибательно красивая негритянка в очень короткой мини-юбке, белый фартучек на ней был чуть-чуть длиннее юбки. Также в глаза бросалось (не могло не броситься) глубокое декольте. Сказав что-то по-английски и улыбнувшись, она выжидательно смотрела на меня. Я со своим не очень хорошим английским, честно говоря, кроме того, что она меня поприветствовала, вторую часть фразы не понял, но меня сразу напрягло знакомое слово «bed» (кровать).

Пока я продолжал тупо хлопать глазами, она, мило улыбнувшись, отодвинула меня в сторону и прошла в мой номер, сразу направившись в спальню. Впрочем, это была единственная комната в номере. В недоумении пошёл за ней. И тут с ужасом вижу, как она начинает расстилать постель.

«Попал!» — подумал я и стал шарить глазами по стенам, ища скрытые видеокамеры, на которые будут записывать, как представителя России, приехавшего в деловую командировку, охмуряет чертовски красивая представительница империалистов. То, что это — провокация, я ни на секунду не сомневался и подыскивал слова, типа: «Ноу, ноу, русо-туристо, облик морале», чтобы отделаться от нахальной и такой навязчивой, как я подумал, проститутки. Тем временем она сняла покрывало, взбила подушки, отогнула уголок одеяла,

мило и кокетливо, как мне показалось, посмотрела на меня, улыбнулась и из кармана фартучка достала что-то в блестящей обёртке. «Презерватив!» — подумал я, с ужасом понимая, что пора, несмотря на свой плохой английский, начать возмущаться.

Но это оказалась всего лишь шоколадка, которую она положила на уголок отогнутого одеяла, сказала: «Good night» (это я, наконец-то, понял) и с тем ушла.

Как вы легко догадались, это была горничная в лучших традициях пятизвёздочных отелей, которая пришла перед сном расстелить постель гостю. Но я-то в первый раз был за рубежом и не знал, что так принято. Поэтому вы легко можете себе представить весь тот ужас — ну ладно, если уж совсем откровенно, с примесью естественного любопытства, который я испытал.

Вот такая была лондонская поездочка.

КОЛЬЦА ЛИЗЕГАНГА

...Летом 2009 года по поручению президента нашей страны я был на инаугурации нового монгольского президента. Встречаясь с премьер-министром Монголии господином Баяром, который лет пять до того, как стал премьером, работал послом Монголии в России и которого я очень много лет хорошо знал, рассказал ему о том, что на территории Монголии встречается интересное минералогическое, а скорее петрографическое образование — «Кольца Лизеганга».

Что это такое?

Имя этому уникальному явлению дал немецкий химик конца девятнадцатого века Лизеганг. Кстати, удивительный был человек. Наверное, мало есть отраслей знания и сфер человеческой деятельности, в которых бы он не сделал уникальнейших открытий.

Однажды, проводя химические опыты, он обнаружил интересное явление: смешиваясь, два вещества не меняют окраску или не превращаются из мутных в прозрачные или, наоборот,

рот, из прозрачных в мутные, что, в общем-то, для химических опытов обычно. Итогом реакции являются концентрические, гармонично чередующиеся кольца разной окраски.

Кольца идеально правильной формы. Толщина каждого кольца абсолютно одинакова. Сами кольца увеличиваются в диаметре, расходясь от некой центральной точки на периферию.

Этот уникальный феномен в последующем и был назван «Кольцами Лизеганга».

Так вот, в геологии, как правило, в осадочных либо — реже — в вулканогенных породах тоже находят такие кольца. Я много читал на эту тему и видел фотографии различных колец, но, судя по всему, нам удалось в 1982 году в пустыне Гоби найти самые контрастные, самые уникальные и самые красивые «кольца Лизеганга».

С того времени у меня в коллекции осталось три образца — два бежевых и один красный — ожелезнённый. Мне запомнилось, что эти образцы были найдены не в горах, а где-то на «плоскотине» — невдалеке от дороги были видны выходы породы в виде кусков плитняка.

На многих кусках этого плитняка (а по составу, похоже, это мелкозернистый уплотнённый песчаник — аргелит) был виден уникальный рисунок — те самые «кольца Лизеганга».

Теорией возникновения таких колец в своё время занимался Павел Александрович Флоренский (1882–1937), который был арестован в 1933 году и, выйдя из одного лагеря, не зная, что попадёт в другой и через короткое время там погибнет, написал, что в заточении, похоже, открыл тайну «колец Лизеганга». Павел Флоренский предполагал изложить свою теорию на бумаге, но не успел.

С юных лет проблемой «колец Лизеганга» увлекался Андрей Дмитриевич Сахаров, кстати, увлекался всю жизнь. Похоже, он так и не нашёл разгадку этого явления.

Дело в том, что есть интересная гипотеза, что на нашей планете, прежде чем природа или Творец, как вам будет угодно, создали живую клетку, они (или Он, или она) сначала «потре-

нировались» на неживой природе, и своеобразными следами этих «тренировок», то есть первыми попытками из хаоса создать гармонию, и являются «кольца Лизеганга».

ПОДАРОК ГОСУДАРСТВУ

25 октября 2011 года. Для меня это необычный день. В Государственном геологическом музее им. В. И. Вернадского открылась постоянная выставка «Коллекция минералов Сергея Миронова».

До сегодняшнего дня её могли видеть только те, кто бывал в моём кабинете в Совете Федерации. Теперь она стала доступной для всех. В коллекции — около полутора тысяч экспонатов.

Среди них много самоцветов — лазурит, малахит, радонит, яшма, аметист, хризолит, хризопраз, гранат, агат, чароит, а также образцов самородных металлов — платины, золота, серебра, меди. Эта коллекция — не только красота, это история нашей планеты. Я собирал её 40 лет.

Часть образцов нашёл сам, когда учился, работал геофизиком, часть — подарки коллег и друзей. В июне 2011 года я передал коллекцию в дар Геологическому музею им. В. И. Вернадского. Коллекцию оценили в полтора миллиона долларов. Но для меня она не измеряется деньгами. Потому что в ней — вся моя жизнь.

И то, что теперь она будет храниться в таком замечательном музее, для меня как для коллекционера — лучшая награда. Думаю, что я правильно распорядился плодами многолетнего собирательства. Минералы, самородные металлы — всё, что хранит Земля, не может принадлежать одному человеку и скрываться от других глаз. Уверен, коллекция послужит людям и принесёт радость любителям минералогии и ценителям красоты минералов.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ
2005 года и 2020 года
(15 лет спустя)

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ 2005 года, опубликованные в книге «10 лет в политике»	ОТВЕТЫ 2020 года
Ваш любимый цвет?	Синий	Синий
Ваше любимое блюдо?	Пельмени	Цыплёнок табака
Если бы Вы были животным, то каким?	Рысью	Рысью
Пушкин или Лермонтов?	Цветаева	Цветаева
Ваш любимый писатель?	Михаил Булгаков	Михаил Булгаков
У Вас много друзей?	Да	Да
Какой фильм за последнее время произвёл на Вас наибольшее впечатление?	«21 грамм», «Штрафбат»	«Текст», «Форд против Феррари», «Завод», «Без меня», «Сторож», «Домашний арест»
Какую книгу Вы сейчас читаете?	Эдварда Радзинского	Евгения Водолазкина «Брисбен»
Какие прочли за последнее время?	«Искренне ваш — Шурик» Улицкой и «Ночной дозор» Лукьяненко	Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него», Алексея Иванова «Ненастье», Вячеслава Ставецкого «Жизнь А.Г.», Григория Служителя «Дни Савелия»

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ 2005 года, опубликованные в книге «10 лет в политике»	ОТВЕТЫ 2020 года
Вы верите в существование НЛО?	Нет	Нет
Как Вы думаете, когда было лучше быть молодым — сейчас или в ваше время?	Всегда	Всегда
Ваш любимый спиртной напиток?	Пиво	Просекко
Вы занимаетесь спортом?	Увы, нет. Только в тренажёрном зале	Плавание, тренажёрный зал
За какой футбольный клуб Вы болеете?	За «Зенит»	За «Зенит»
Какой музыкой Вы увлекались в юности, и какая Вам нравится сейчас?	Мне всегда нравились классика и барды	Мне всегда нравились классика и барды
Какие газеты Вы читаете?	«Известия», «Коммерсант», «Комсомолку»	«Комсомолку»
У Вас есть любимая марка автомобиля?	BMW, Hummer	Range Rover
В каком возрасте Вы пришли в политику?	В 41 год	В 41 год
Есть ли у Вас домашнее животное? Как его зовут?	Британский голубой кот Агат. Ему 2 года. Он — большая умница	Увы, уже нет

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ 2005 года, опубликованные в книге «10 лет в политике»	ОТВЕТЫ 2020 года
У Вас есть мечта?	Да	Да
Ваша любимая литературная героиня?	Маргарита	Маргарита
Где Вам нравится проводить отпуск?	В России — на природе	В России. На рыбалке
Кем Вы хотели стать в детстве?	Геологом	Геологом
У Вас есть любимый анекдот?	Много	Много
Какое слово Вы чаще всего повторяете?	«Закон» и все производные от него	«Закон» и все производные от него
Самый запомнившийся Вам подарок? А какой подарок Вы бы хотели получить?	Самый запомнившийся — подарок Президента РФ к 50-летию (в минералогическую коллекцию). А так, больше люблю дарить, чем получать	Десантная именная форма
Плакали Вы в детстве над какой-либо книгой?	Да	Да
Как Вас в детстве называла мама?	Серёжа	Серёжа
У Вас было прозвище в школе или в институте?	В школе — Мирон, в институте — Комиссар	В школе — Мирон, в институте — Комиссар

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ 2005 года, опубликованные в книге «10 лет в политике»	ОТВЕТЫ 2020 года
У Вас был в детстве герой, на которого Вы хотели быть похожим?	Сергей Тюленин, Капитан Грей	Сергей Тюленин, Капитан Грей
В какую историческую эпоху Вы хотели бы жить?	Сейчас	Сейчас
Как Вы миритесь с близкими людьми, если поссоритесь?	Всегда мирюсь первым	Всегда мирюсь первым
Ваш кумир в политике.	Де Голль	Де Голль
Ваш рост?	176 см	176 см
Ваш жизненный девиз/ принцип?	«Вставшему рано сам Бог помогает», «Глаза боются — руки делают»	«Никто, кроме нас!»
Место, куда хотелось бы вернуться?	Монголия	Монголия
Часто ли Вы сердитесь?	Бывает...	Бывает...
Чему бы Вы очень хотели научиться?	Летать	Летать
Способны ли Вы удивляться?	Да	Да
Любимое время года?	Весна	Весна
Как бы Вы охарактеризовали себя одним словом?	Искатель	Искатель
Ваши пожелания посетителям/читателям.	Если хотите быть счастливыми — будьте ими! Удачи!	Верьте в себя! И в Россию!

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Михайлович... Сергей... Серёга... 3

ДЕТСТВО 11

Два воспоминания о бабушке 11

Беличий глазок. 13

Про лимонад 14

«Война», керосинка и... 15

Золотое детство 16

Жвачка 17

Моральный Кодекс. 19

Цветы для солдата 22

Красная Шапочка и Серый Волк 24

Как пилили снаряд 25

Редисочно-черешневая история. 27

Серёга и его команда 30

Золотая лихорадка 38

Любовь к живописи 44

Розы для сестры 46

Белые ночи. 47

Как я научился плавать 48

English 52

Первая любовь 56

Как я бросил курить 66

Тандем. 69

Заговор от змей 70

Гранаты в Софии 71

Логарифмическая линейка и «эротика» 76

ЮНОСТЬ 79

Арабская газета. 79

Маньяк 80

Зимний поход	85
Шапито	87
Поездка в Сибирь	90
«Северное сияние»	108
Военно-морские учения на Белом море	110
Крестовый порог	111
Подписанный сахар	115
ДЕСАНТУРА	117
Призыв в армию	117
Начало, Гайжюнай	122
Знакомство с другом	125
Учебка. Начало.	126
Первый прыжок	128
Старшина Шуманский	133
Десантные будни. Самбо	137
Воспитание духа	138
Десантные будни. Утро.	139
Праздничный салют	141
Экзамены	144
Командирский голос	146
Десантники. Виноград	148
Пост № 1.	150
Окоп в полный профиль	151
Армейская дурь	154
Отпуск.	155
«Узел для прокурора»	161
На губе.	163
Ещё о губе	164
Снежный перевал	165
Мой ротный	172
Грецкие орехи	173
Армейский порядок	174
На параде	176
Не жалею	177

ГЕОЛОГИЯ	181
Лехтинская школа	181
Киса	183
«Бичи».	187
Ирина	191
«Дерево счастья»	198
Из полевого дневника 1975 года.	199
Интеллектуальная разминка	205
Пустыня Гоби	206
Мираж.	210
Гоби. Первобытная стоянка	212
Гоби. Три монаха	214
После дождя	218
Гоби. Водяное перемирие	220
«Лингвистическая» история	221
Саня Груздев	224
Серёга Павлов	227
Дмитрий Демежко	229
Коллеги. Елена Борисовна Высокоостровская	232
Подарок на день рождения	234
Стоянка на Ховде.	236
Из архивов главного редактора стенгазеты. Опрос	238
Мечты иногда сбываются	243
Начальник лётного отряда	258
Переправа через Дзапхан	266
«Огурчик»	270
Тушканчик	274
Рыбалка в Монголии	277
 ПОЛИТИКА.	 287
Как я составлял дайджест для стенгазеты	287
Из архивов главного редактора стенгазеты (80-е годы). Гороскоп	292
Из архивов главного редактора стенгазеты (80-е годы). Памятка бюрократу	292

Монголия. Как я поддержал Сахарова	293
Ленинградские зарисовки (Осень 1988 года)	296
Путч	298
Политика — начало	304
Выборы — расклад	307
Выборы однофамильца	309
Собчак	312
Мина в регламенте	314
Знакомство с Дмитрием Медведевым	316
Как меня избирали Председателем Совета Федерации	319
Первая поездка в КНДР	324
Поездка в Израиль	327
Билл Клинтон... через 10 лет я даже сочувствовал ему	330
Правду говорить легко и приятно	330
ЧЁТКИ ПАМЯТИ	336
Фруктовое мороженое	336
Глаза под столом	337
Ночной переезд	339
Комиссар	340
Как я работал в музее	344
Как я работал такелажником	347
Героиня	350
Водолейские штучки	352
Случай в автобусе	354
Возвращение домой	355
Брокер. Поиск работы	358
Как я работал зазывалой	361
Аттестат № 215.	367
Лондонские страсти	371
Кольца Лизеганга	373
Подарок государству	375
Ответы на вопросы анкеты 2005 года и 2020 года (15 лет спустя)	376

Литературно-художественное издание

Миронов Сергей Михайлович

СЕРЁГА

Редактор *А. Ю. Голосовская*

Разработка макета и компьютерная верстка *Е. Э. Алексеевой*

Корректор *М. Д. Надёжина*

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 6 лет.
Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93-953000.

Подписано в печать 25.08.2020 г. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура PetersburgС.
Уч.-изд. л. 24. Доп. тираж 10 000 экз. Заказ №

ООО «БИНОМ. Лаборатория знаний»
127473, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3,
тел. (495)181-53-44, e-mail: binom@Lbz.ru
<http://www.Lbz.ru>

*Первый парень на деревне!
Мне – 3 года*

*Моя бабушка по линии мамы –
Дарья Ильинична Варламова*

*В деревне у дедушки и бабушки. Я на руках у деда – Варламова Фёдора
Никитича. Второй слева – правда, похож на Ленина?*

*Тот самый Серёга.
Пионерский лагерь*

*Та самая – Красная
Шапочка.
И я – Серый Волк*

Моя мама – Галина Фёдоровна

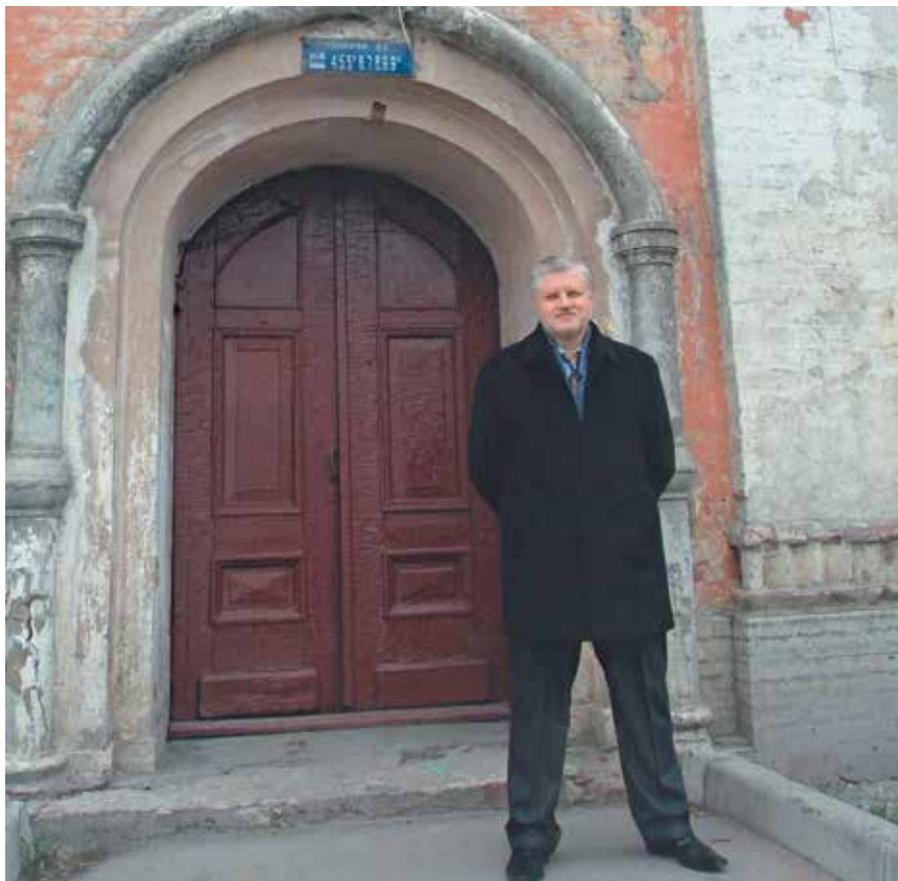

Мой отец – Миронов Михаил Емельянович. Его призвали в армию в 1940 году (фото сделано тогда). Войну он встретил сержантом. Воевал на Ленинградском фронте. Награждён орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу»

*Мне 10 лет. Я у своего
подъезда в доме
с башнями (Пушкинский
Кремль)*

*Я у того же подъезда
50 лет спустя*

*Я с сестрой Мариной
и её детьми – моими
племянниками
Надюшей и Володей*

*Это я на коленях у своей
любимой сестрёнки –
Мариночки*

Моя мама – здесь ей 25 лет

7-й класс.

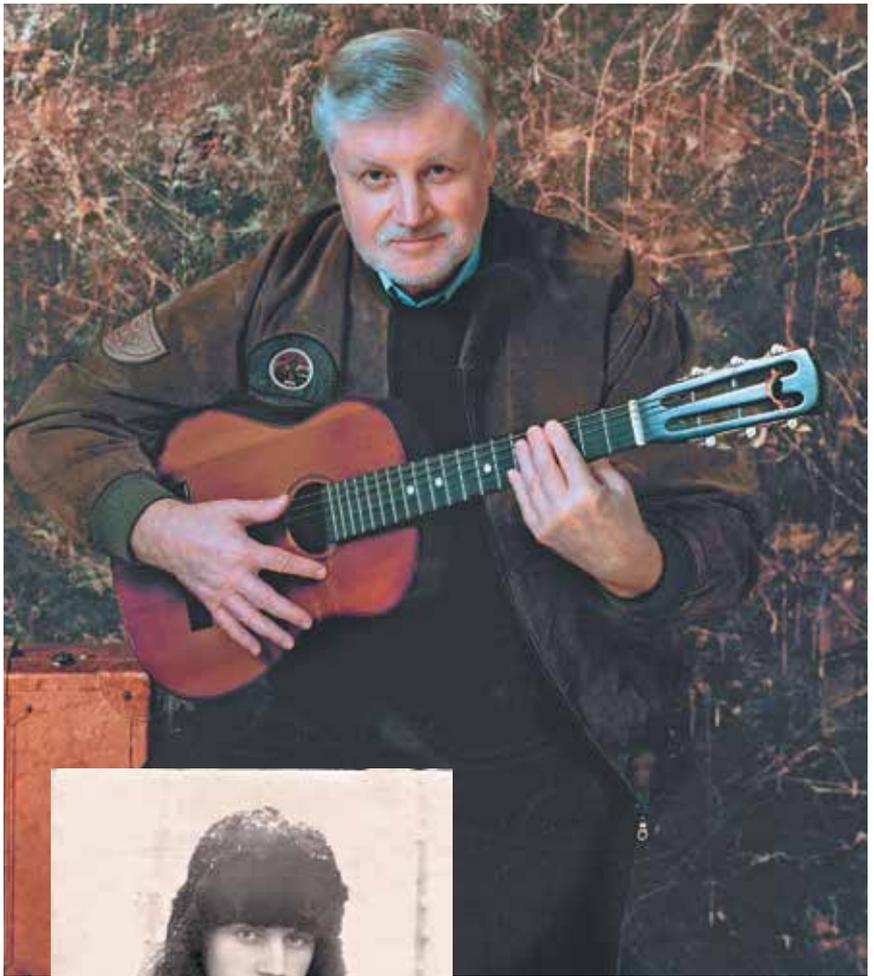
*Справа от нашей учительницы Ираиды Сергеевны – я,
слева – Володя Сидоров*

«Но, залётные!»

*Фото с того зимнего похода.
Стоит с гитарой мой друг Толян.
Я – справа*

*А на гитаре
я так и не научился
играть*

*Здесь я студент
Ленинградского
горного института
имени Г. В. Плеханова.
Студентом начал
работать в НПО
«Рудгеофизика»
в секторе поиска
уранового сырья*

*Я, мама, мой сын
Ярослав и сестра
Марина*

Молодой десантник Сергей Миронов

На винограднике

На стрелбище. Я – справа

Фото из дембельского альбома

*Это фото сделано в 2007 году в Ульяновске,
куда в 1991 году перебазировалась моя 104-я гвардейская
воздушно-десантная ордена Кутузова дивизия.
Справа – мой бывший ротный – Валентин Репкин,
слева – мой сослуживец по Кировабаду – Юра Меркулов*

*Та самая палатка — поверх упавшей сосны.
Я — слева,
по центру — начальник Юра Стуккей,
справа — Киса*

Монголия. Магниторазведка

Западная Монголия. Сбор мумиё

Монголия. Поиски урана. Спектрометр

Монголия. Гоби

Монголия. Гоби. Уобо

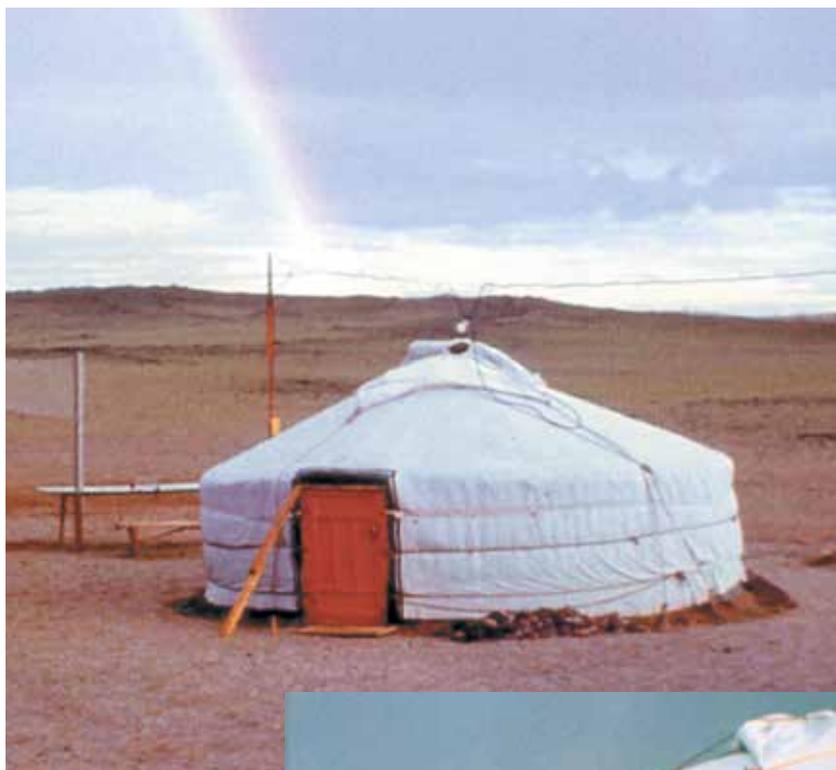
Монголия. Гоби. Вместе с аратом

Монголия. Гоби. Обед в тени. Я — слева

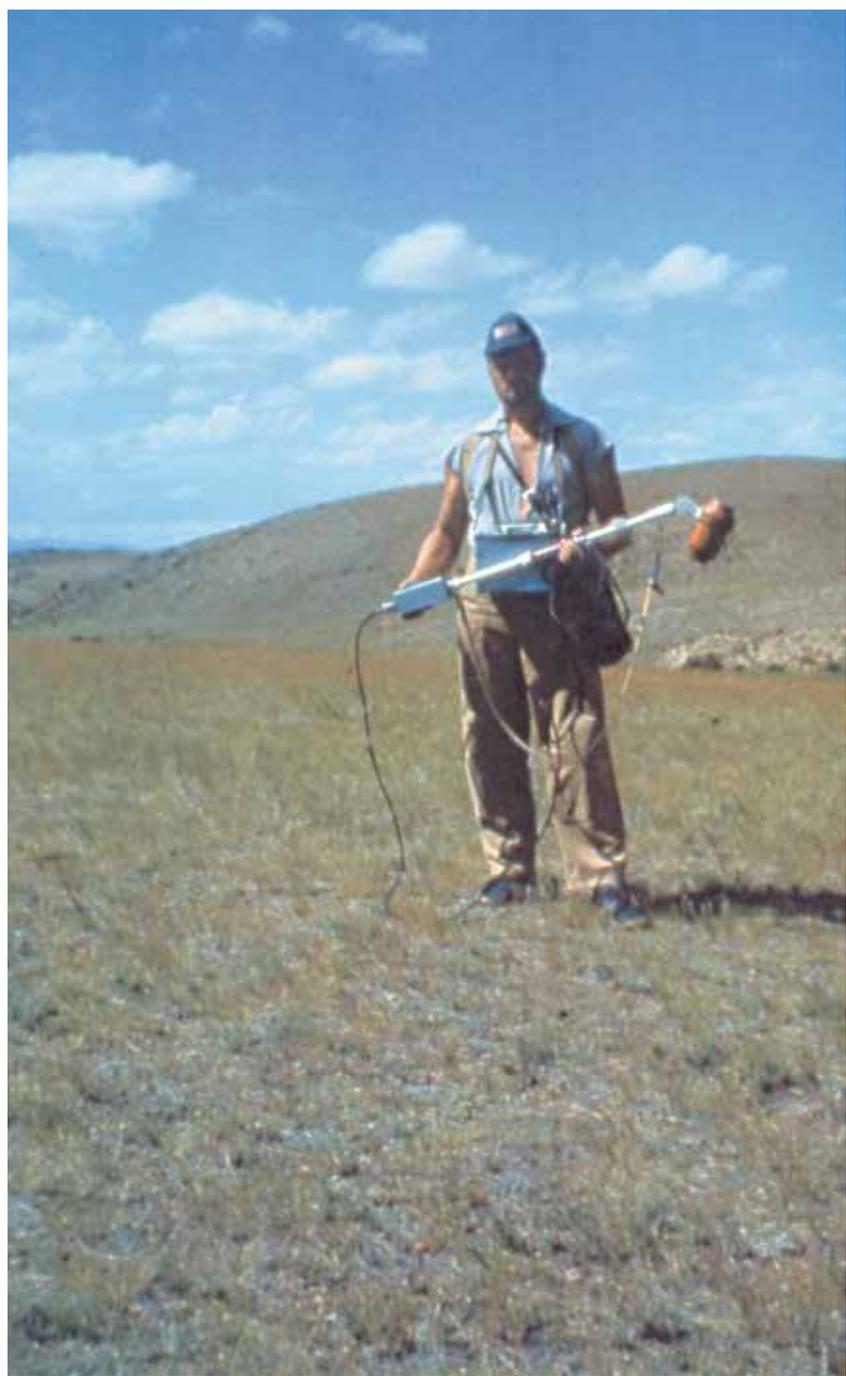
*Западная Монголия.
Дважды в день — связь
по радиции с базой*

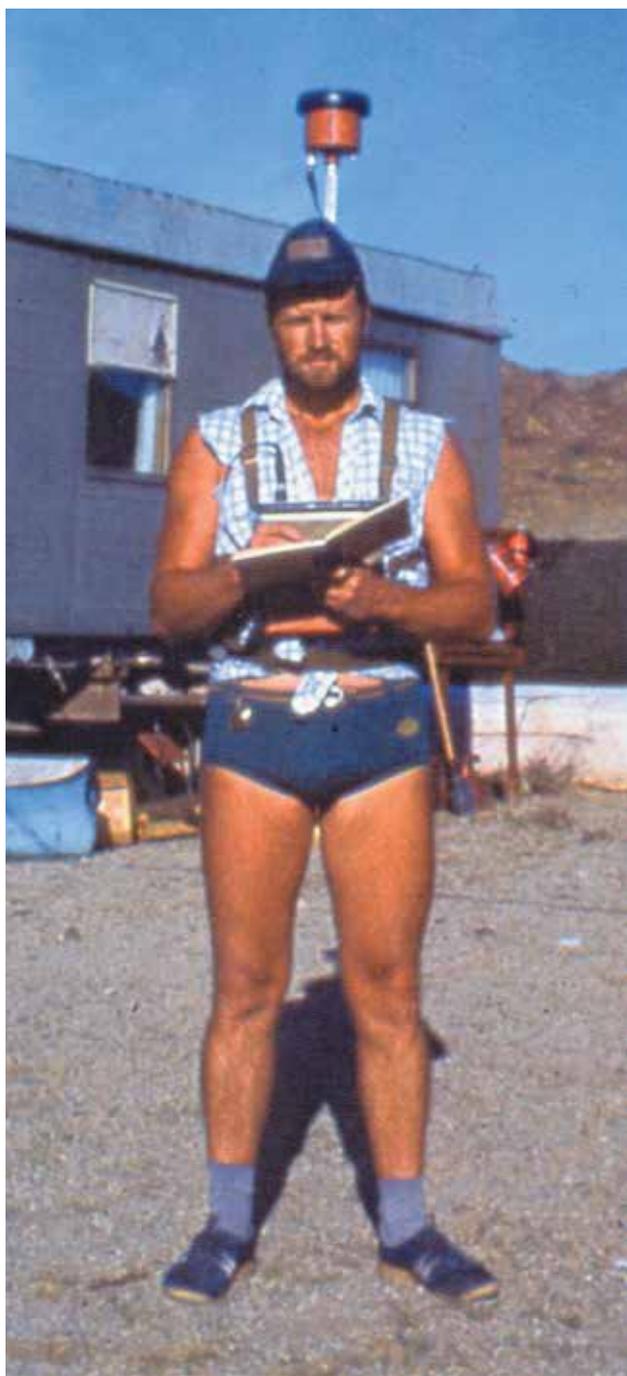

*Монголия.
База в Арвай-Хээре*

Монголия

*Монголия.
Готов
в маршрут
на магнито-
разведку*

*Монголия. Мои дорогие коллеги. Я — второй слева.
В центре — Елена Борисовна Высокоостровская.
Крайний справа — Пётр Иванович Коробицын («Огурчик»)*

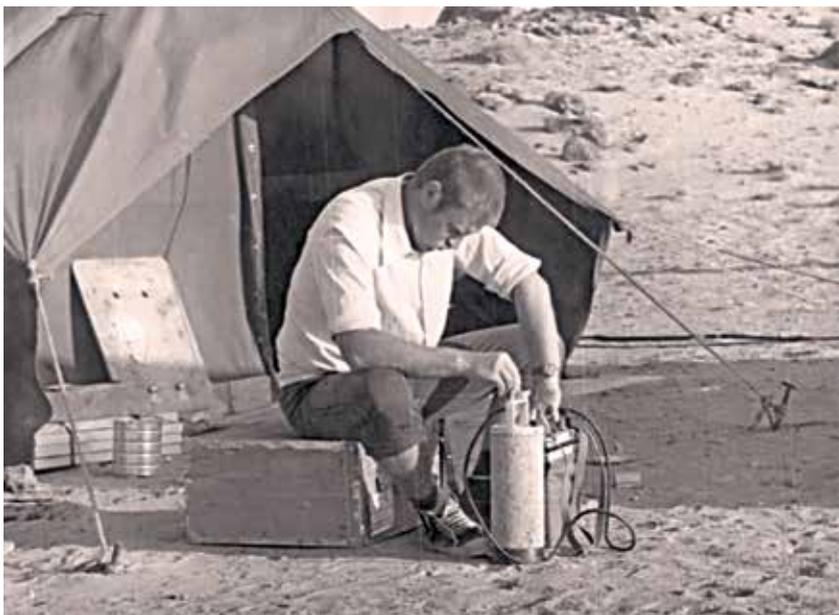
*На рыбалке.
Река Ховд.
В руках —
хариус*

Центральная Монголия

Монголия. Гоби. Сборы очередного лагеря. Я — слева

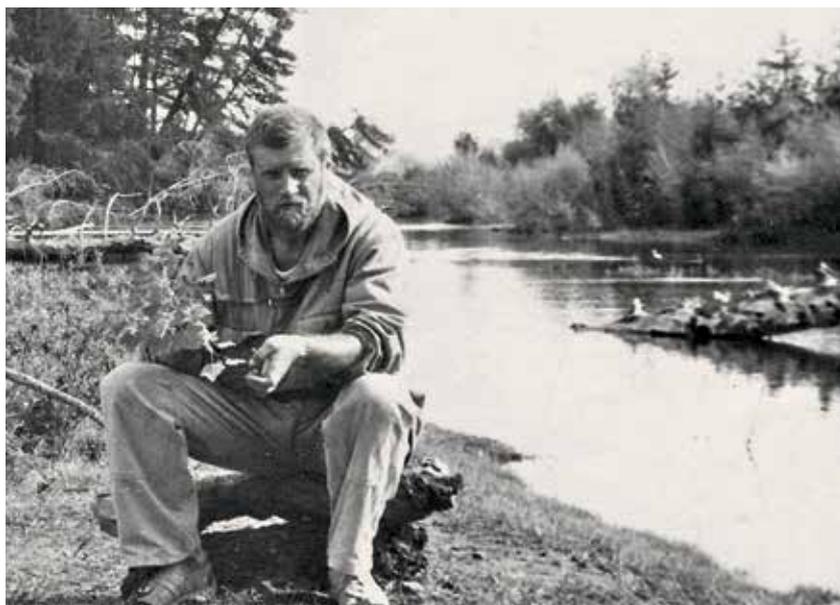
Монголия

Монголия

На рыбалке.
Приток
реки Идэр.
Слева — я,
в центре —
Коля Исеев,
справа —
Женя
Мурашкин,
снимает —
Саня Груздев

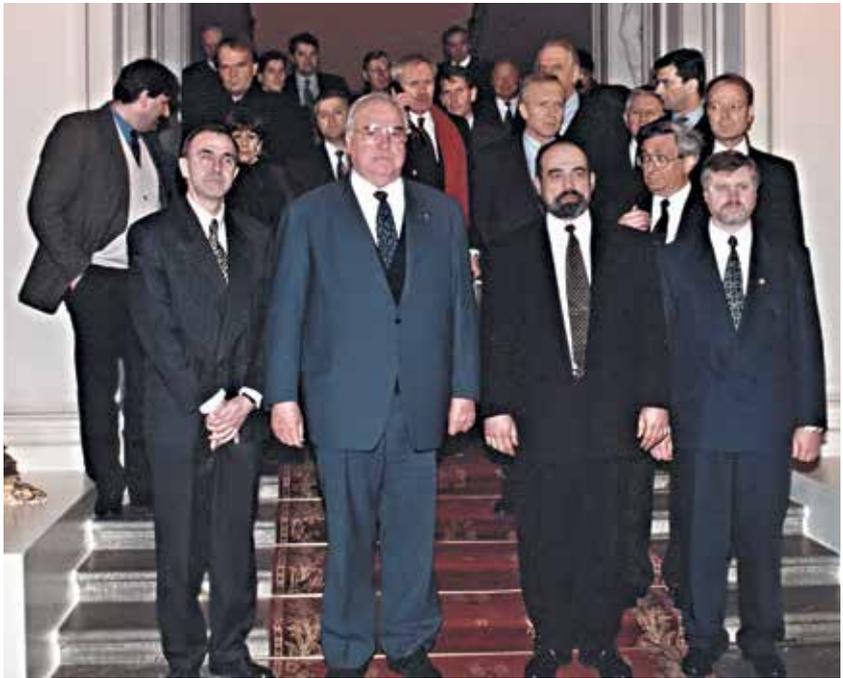
«Сели так сели!»

Поклонный крест в Смоленской области у города Велиж на окраине Семичёвского бора, где в 1937 году был расстрелян как кулак мой дед по отцу Миронов Емельян Еремеевич

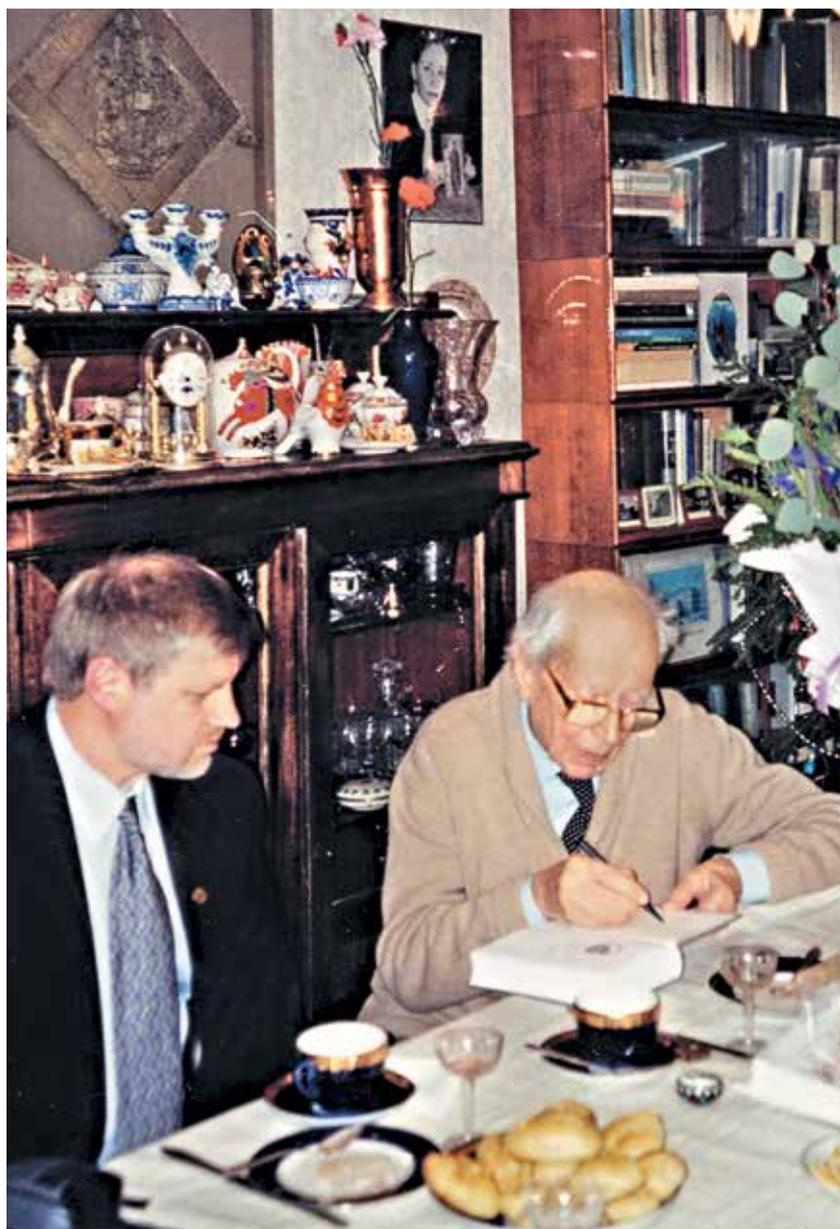
Тот самый мой дом с башнями — Пушкинский Кремль

*Мариинский дворец. 1995 год.
Приём канцлера ФРГ Гельмута Коля*

*Депутаты Законодательного Собрания Санкт-Петербурга,
2-й созыв. 2000 год*

*В гостях у Дмитрия Сергеевича Лихачёва.
Дмитрий Сергеевич подписывает мне свою книгу.
Осень 1998 года*

На инаугурации Президента РФ В. В. Путина, май 2000 года

С Евгением Максимовичем Примаковым

2008 год. Инаугурация Президента Д. А. Медведева

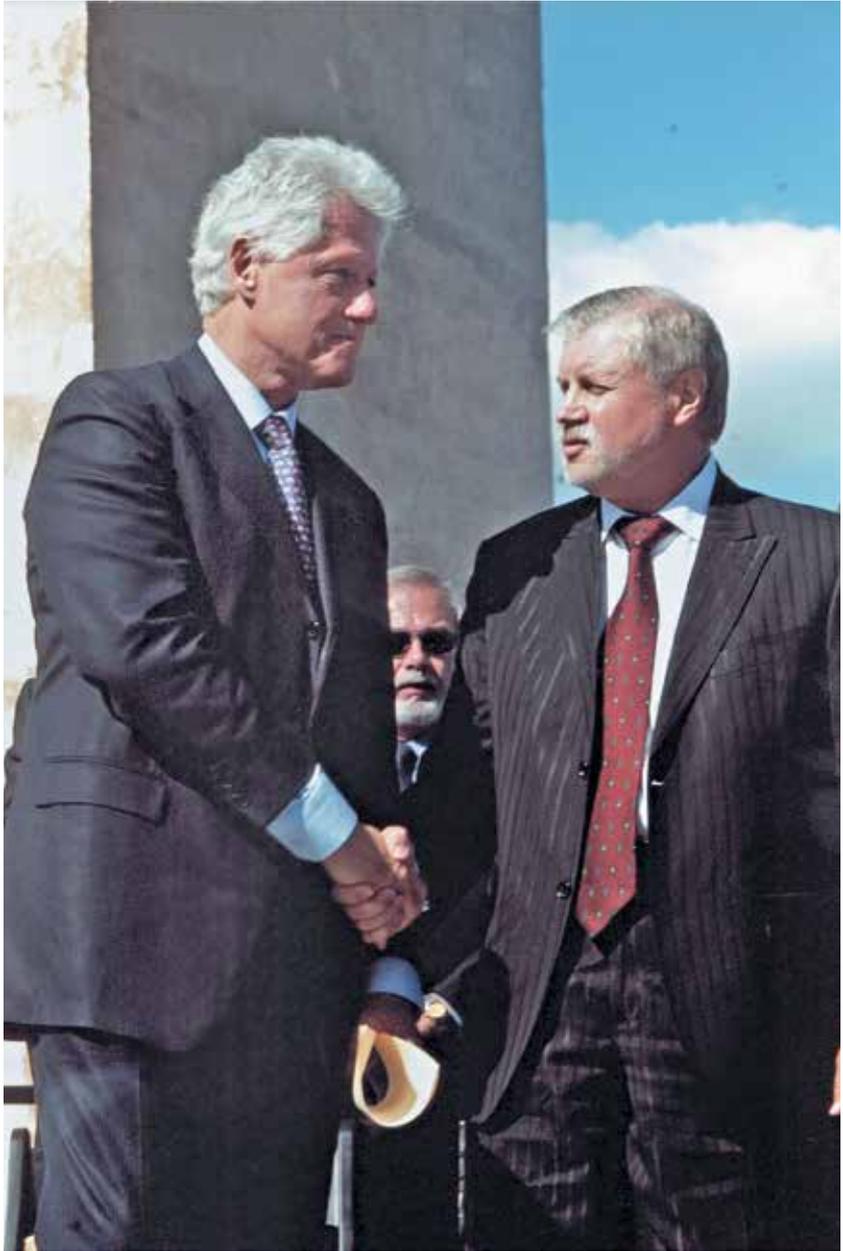
2003 год. Мой юбилей — 50 лет

2008 год. Юбилей — мне 55 лет

*2004 год. Пхеньян. С Ким Чен Иром.
Слева от меня — тогдашний посол Российской Федерации
в КНДР Карлов Андрей Геннадьевич. Царство ему Небесное!*

С Биллом Клинтонем

Весёлая студенческая жизнь в СХСО — сельскохозяйственном студенческом отряде

Это я —
весёлый
Комиссар!

*Подготовка ГАЗика
к транспортировке
в Питер*

*Тот самый
момент —
коньяк
в радиатор*

Радиометрист. Тува. 1979 год

В гостях у знаменитого коллекционера минералов Примо Ровиса в Италии (город Триест). Слева — ректор МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Садовничий, справа — Примо Ровис

Сергей Мионов *Серёга*

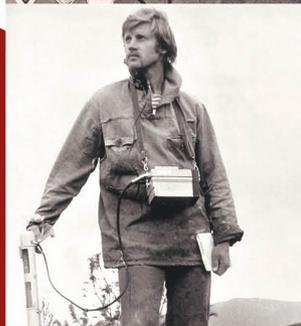
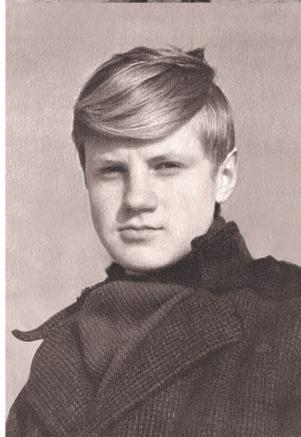
*Простые истории
надёжного парня*

*«Серёга!» Крепко пожать руку
и похлопать по плечу. Как будто давно
не видел старого друга. Строишь
ему в глаза — совсем не изменился.
Ни бронзы в нем, ни меди от труб,
хотя давно уже летает на космической
высоте по меркам любого советского
двора. Тот же, что был в детстве,
на службе в ВДВ, в пыльных геологических
экспедициях. Жмешь руку человеку
удивительной политической судьбы
и видишь, — он все тот же надежный
и простой парень.*

Сергей Мионов. Серёга.

Сергей Степашин

экс-председатель Правительства РФ,
ленинградец

ISBN 978-5-9963-5942-4

9 785996 359424

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БИНОМ